Ардагаст и его враги

Дмитрий Михайлович Дудко (Баринов)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация романа.

Часть 1. Янтарь Нерона. 1 в. н. э. В Римской империи борются два могущественных сообщества магов - Братство Солнца и Братство Тьмы. Второе из них стремится привести к власти Лже-Нерона (вселив в него дух Нерона настоящего) с помощью янтарного амулета, подчиняющего волю людей воле своего владельца. Половина амулета, однако, унесена патрицием Публием Либоном, ставшим князем литовцев-жемайтов. Глава братства тьмы Валент и его ученик Эпифан хотят уничтожить Янтарный Дом - храм Лады в Прибалтике. Ардагаст, царь россов и славян-венедов, по призыву Братства Солнца идет на помощь Либону и храму, вместе со своим другом, царем сарматов Инисмеем и братом Эпифана Каллиником. Его поддерживает тайный союз людей-волков Братья Медведичи (полулюди-полумедведи), Эпифан и готская ведунья Эрменгильда разжигают между племенами усобицу из-за богатств храма. В Купальскую ночь разгорается жестокая битва. Эпифан с ведуньей создают могучего дракона, поднимают из моря корабль с воинами-мертвецами, призывают на помощь ведьм, возглавляемых сестрами Медведичей. Войско Ардагаста разбивает готов и их союзников и спасает храм. Эпифан, Эрменгильда и Медведичи гибнут. Либон соглашается уничтожить амулет.

Часть 2. Два диких охотника. Дух Нерона вселяется в императора Домициана. Римляне вторгаются в земли германцев (в нынешней Чехии). На помощь германцам идет Ардагаст, с войском из славян, сарматов и демонов-песеголовцев. За ним следуют Гвидо, "ночной царь" племени бастарнов, мстящий росам за смерть отца, и черный друид Бесомир. Римлян поддерживает германская пророчица Ганна, втайне служащая богине преисподней Перхте. Валент стремится столкнуть умерших королей-соперников Маробода и Катуальду и их "дикие охоты" (дружины призраков). В борьбу людей вмешиваются боги - Перхта и Водан. В рождественскую ночь Ардагасту и армянскому князю-магу Мгеру Арцруни удается предотвратить сражение "диких охот". Гвидо убивает Ардагаста, но мертвые конунги примеряются и помогают соплеменникам разгромить легионы. Даждьбог воскрешает своего избранника - царя россов.

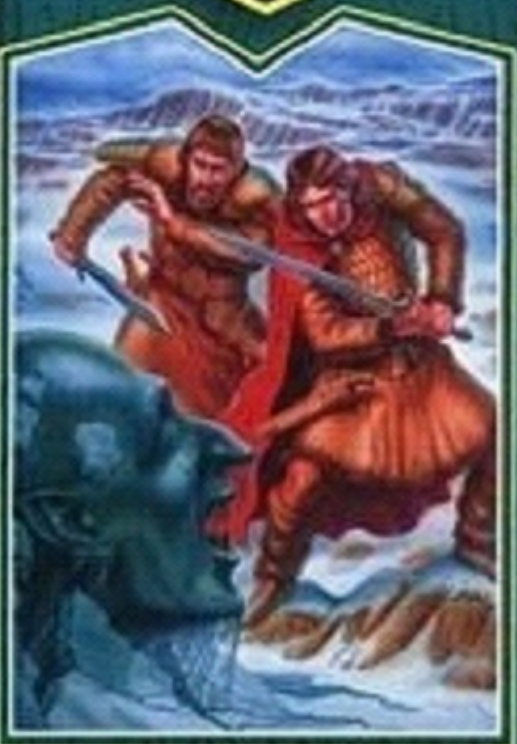
Часть 3. Скованный великан. Войска Домициана вторгаются в Закавказье. Ардагаст ведет войско сарматов к Дарьяльскому ущелью. Валент хочет освободить и превратить в свое орудие прикованного небесными богами к вершине Эльбруса великана.

Чернокнижнику противостоит его сын, солнечный маг Иосиф. Валент приходит на Эльбрус вместе с обманутыми им горцами-сванами и армянским князем Аграмом, потомком драконов. Ардагаст и Мгер срывают замысел некроманта. Ардафарн, сын Ардагаста, и его друзья уничтожают воздвигнутый Валентом знак Черного Солнца. Царь россов и его соратники побеждают Валента и вызванных им демонов семи светил. Черный маг гибнет под лавиной, вызванной великаном. Прозревшие горцы вместе с сарматами разбивают римлян в Дарьяле. При этом друзья Ардагаста изгоняют из храма распутную и жестокую богиню Тамар. Домициан, разгромленный армянами, отступает.

-
- Часть I. Янтарь Нерона
- Глава 2. К Янтарному берегу
- Глава 3. Жрица Лады и пророчица Тьмы
- Глава 4. Святая и страшная ночь
- Глава 5. Битва в Купальскую ночь
- Глава 6. Сотворенный дракон
- Глава 7. Добрый человек без врагов не останется
- ЧАСТЬ II. ДВА ДИКИХ ОХОТНИКА
- ЧАСТЬ III. СКОВАННЫЙ ВЕЛИКАН
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

ДМИТРИЙ БАРИНОВ



ЯРДАГАСТ И ЕГО ВРАГИ

Часть I. Янтарь Нерона

Глава 1. Янтарный Путь Солнца

По роскошным залам дворца парфянских царей в Ктезифоне небрежно расхаживал упитанный человек с пухлым скучающим лицом, в белой шелковой тунике и золотом венке. На пурпуре его тоги выделялся амулет на золотой цепочке: коричневый янтарь с заточенным в нем пауком. Еще недавно вся Эдесса знала этого человека как горшечника Теренция Максима и потешалась над его сходством с Нероном. Потом вдруг почти вся Сирия и Осроена[1] признали в нем чудесно спасшегося Нерона. Горшечник чуть не взял Антиохию, но, разбитый, бежал к парфянам.

Теперь он жил в свое удовольствие, удивляя Ктезифон изощренным распутством, самоуверенно рассуждал обо всем - политике, искусстве, поэзии - и пугал всех, начиная с царя Артабана. И вельможи, и простолюдины удивлялись, возмущались... но помалкивали. Ибо знали: нет такого злодейства, которое римлянин не присоветует царю царей, почти всегда исполняющему его советы. Такое могущество самозванца одни приписывали чарам явившихся вместе с ним колдунов, другие - золоту иудейских, сирийских и вавилонских торгашей. Что поделать: в трудной войне с братом Пакором Артабану[2] не приходилось пренебрегать союзниками.

И лишь немногие знали: в тело горшечника вселился дух Нерона - настоящего. Эти немногие принадлежали к двум тайным союзам магов - Братству Солнца и Братству Высшего Света. Первое возглавлял великий солнечный маг Аполлоний из Тианы. Второе, прозванное в народе Братством Тьмы - Менандр Самаритянин, ученик Симона Мага. Но создателем и душой этого братства был Левий бен Гиркан из Пантикапея, благодаря Нерону ставший римским гражданином Клавдием Валентом. Апполоний хотел установить на земле Царство Солнца. Валент - царство избранных (каковыми он и его собратья считали себя).

* * *

Среди остроконечных вершин Антитавра выше всех поднимается одна, которую жители Коммагены зовут горой Нимврода, великана-охотника. Ее венчает еще одна, рукотворная гора - курган из белого камня высотой в сто локтей. Сейчас, в середине апреля, снег все еще покрывает склоны горы, и издали кажется, будто могучий и дерзкий великан грозит небу белым мечом. У подножия кургана восседают на тронах пять каменных колоссов: три бога, богиня и царь. Громадные каменные львы и орлы охраняют их. Такие же колоссы глядят на запад с другой стороны кургана. Рядами стоят каменные стелы. На них - цари в греческих и персидских одеждах, и среди тех - владыка в венце с пятью зубцами, пожимающий руки богам, дабы обрести священную силу, без которой царь - лишь удачливый захватчик власти.

В это весеннее утро перед курганом стояли четверо. Один - длинноволосый и бородатый, по обычаю философов, в черной с серебром хламиде. Трое остальных - в солдатских плащах и гребенчатых шлемах. Один из них - с седеющими волосами и решительным лицом, имел знаки различия легата, двое, еще очень молодые - центурионов. Эти двое были совершенно несхожи между собой: чернявый красавец с хищным горбатым носом, курчавой бородой и чувственными губами, и белокурый, тщательно выбритый юноша с благородным лицом и мечтательными синими глазами. Однако же они, Эпифан и Каллиник, были родными братьями и потомками изваянных здесь в камне царей. А с недавних пор - римскими гражданами и офицерами Пятнадцатого Аполлонова легиона, командир которого, Валерий Рубрий, стоял сейчас рядом с ними.

- Вот оно, священное сердце Коммагены, наш Олимп! - вдохновенно произнес белокурый Каллиник. - Вот наши боги: Зевс-Ормазд, Аполлон-Митра, Геракл-Ортагн, Мать-Коммагена. Вот наши царственные предки, а вот могила величайшего из них - Антиоха Эпифана. Поистине, лучше быть первым здесь, чем последним в Риме.

Чернявый Эпифан ухмыльнулся:

- Да, только простофиля Тит мог послать нас, царевичей, уговаривать коммагенцев не бунтовать. Нет уж, мы знали, с кем и о чем говорить. Да если бы наш папаша Антиох[3] не струсил и не сдал царство Риму, Коммагена[4] сейчас воевала бы за Нерона, лучшего из императоров!

- Да, мальчики, в вашем царствишке Запад слился с Востоком, и царь был земным подобием бога, а не первым сенатором, - кивнул Рубрий. - Именно этого хотел Нерон для Империи. И пусть наш друг Валент, если надо, вызовет для этого

из Тартара всех демонов!

Философ снисходительно, словно на детей, взглянул на воинов и сказал:

- Царства, империи, боги... Мы, избранные, владеющие тайным знанием, выше всего этого. Выше! За мной, братья!

Валент властно указал на вершину кургана и стал подниматься по каменистой насыпи. Легко и величаво, словно призрак, ступал он, и трое испытанных солдат едва поспевали карабкаться за ним. Вот он первым достиг вершины. Холодный ветер парусом вздувал его черную хламиду. Казалось, темный дух вышел из белого меча Нимврода и заговорил дерзко и гордо:

-- Боги? Вот они, под нами. Семь архонтов семи светил, владыки этого презренного мира. Они щедры: наделяют всеми пороками, нужными для преуспеяния в нем. Юпитер дает властолюбие, Солнце - высокомерие, Марс - жестокость, Венера - похоть. Они здесь, на тронах. Нет только архонтов Меркурия, Луны и Сатурна, что даруют коварство, алчность и злодейство. И только избранный может, вернув вовремя эти дары, вознестись в Высший Свет, к Непознаваемому Богу.

-- Так не лучше ли не брать таких даров вовсе и бежать в пустыню от соблазнов злого мира? - вырвалось у Каллиника.

Эпифан лишь цинично ухмыльнулся, Валент же вытянул вперед руки, усаженные перстнями, и со смехом сказал:

-- Бежать? Они властны и в пустыне. Нет, нужно овладеть их дарами и силами. Вот они, эти силы - в семи перстнях, прозванных чернью Перстнями Зла!

-- В них - все! - подхватил Эпифан. - Блага этого мира, власть над его стихиями - и над душами рабов плоти! Ибо мы презираем - в душе, конечно, - все то, за чем они гоняются. Мнят себя хозяевами, а хозяева-то - мы!

-- Верно, юноша! - довольно кивнул Валент. - Вижу, ты не зря прошел уже три степени посвящения.

"Знаю я, как вы, ученик с учителем, презираете плоть. Вашей неутомимости в делах Венеры сам Нерон удивился", - подумал Рубрий. С Нероном все четверо встретились тайно всего неделю назад, и встреча не обошлась без веселенькой оргии.

Каллиник глядел в сторону - туда, где у подножия гор зеленела долина Евфрата. Оказаться бы сейчас там, подальше от братца и его надменного учителя, в таверне или деревенском храме... Там простые, приветливые люди, что верят в него, своего царевича, и не мнят себя выше отеческих богов... А Валент продолжал учительским тоном:

-- Это место - средоточие магической силы. Пусть невежды молятся тут богам и царям, а мы умножим наши знания и

могущество. Попытаемся отсюда обнаружить янтарь Нерона.

-- Но мы ведь только что видели этот амулет у самого кесаря, - возразил Эпифан.

-- Это - лишь половина амулета. Некогда в янтарной смоле увязли охотник и дичь - паук и стрекоза. Возможно, то были не простые насекомые... Вокруг паука янтарь стал коричневым, вокруг стрекозы - золотистым.

-- Эту диковину поднес кесарю всадник Квинт Аттилий Прим, вместе с которым мы заново разведали Янтарный путь. Тогда все гладиаторы щеголяли в янтаре, - вставил Рубрий.

-- Да, расточать тогда умели, - вздохнул Валент. - И в этом талисмане видели лишь игрушку. Даже я, маг. Нет, я заметил, что он способен подчинять волю людей своему хозяину. Но перед Нероном и так все трепетали. Вот мы и развлекались с волшебным камнем. Заставили, к примеру, сенатора Публия Либона танцевать на столе кардак[5]. А Либон был республиканец - прадед его воевал против Цезаря, - большой гордец, и к тому же кое-что смыслил в магии. Вскоре Нерону вздумалось с десятком друзей сунуться за Тибр, в логово известного разбойника Кентавра, и попробовать на его шайке силу янтаря. Только вот силу эту ослабил какой-то колдун в маске - не Либон ли? Ох, и драка вышла! Кентавр ударил Нерона кинжалом в грудь. Императора спас легкий панцирь, но амулет разлетелся надвое! Коричневую половину подхватил я, золотистую - разбойник. После этого вся шайка исчезла из Рима. Исчез и Либон. Заранее снарядил корабль, сел на него вместе с домочадцами и приятелями - и никого из них в Империи уже не видели. Я не раз пытался найти пропавшую половину амулета с помощью магии, но узнал одно: стрекоза все еще в этом мире, однако укрыта сильной магической защитой. Надеюсь, отсюда мне удастся пробить эту защиту. Готовьтесь увидеть с этой вершины весь земной мир!

Повинуясь чародею, Эпифан стал у южного подножия кургана, Рубрий - у западного, Каллиник - у северного. Сам колдун стал с востока, прямо на алтаре, и принялся сплетать заклинание. Душа каждого из четырех словно взлетела к небесам и оттуда узрела одну из сторон света: горы, реки, моря, города... Но лишь Каллиник увидел окруженную золотым сиянием стрекозу, что летела на север от римских крепостей на Дунае. Вот она пересекла горы, леса, достигла Венедского моря. Духовный взор юноши опускался все ниже к земле. Вот залив, отгороженный от моря узкой косой. В него впадает большая река, а в нее, среди дремучих лесов - речка помельче. У ее устья, на холме - деревянная крепостца. На ее стене стоит, задумчиво глядя вдаль,

седовласый, аккуратно подстриженный и выбритый человек в странном наряде: полотняная сорочка и штаны, кафтан волчьего меха и... римская тога. На его груди - стрекоза в золотом янтаре.

Внезапно над вершиной появилась черная туча, и четыре молнии разом ударили в гору Нимврода. Одна - совсем рядом с Каллиником. В мозгу зазвучал властный, бодрый голос Валента:

-- Ко мне, братья! Опыт удался! А от гнева архонта Юпитера я вас как-нибудь защищу. Не будет же он бить в свой алтарь!

Каменные боги сурово взирали на кучку людей, дерзко забравшихся на алтарь у ног Зевса-Ормазда. Каллиник чувствовал сердцем: затевается что-то мерзкое, нечестивое. Он уже сомневался, стоит ли говорить Валенту об увиденном. Но тот, довольно усмехаясь, сам описал видение царевича и пояснил, что в таких случаях сознание всех участников опыта открыто иерофанту[6]. Затем деловито спросил Рубрия:

-- Что это за река?

-- Рудон, или Неман, в стране эстиев. Лет двадцать назад там объявился из-за моря новый вождь по имени Палемон. Созывает, как Ромул, к себе людей отовсюду, старается мирить между собой окрестных варваров и потихоньку прибирает их к рукам. При этом слывет изрядным чародеем.

-- Кажется, этот Палемон и есть Публий Либон. Да, лицо похожее... Но почему он тогда после смерти Нерона не вернулся и даже не подал вести о себе?

-- Значит, он уже не друг Риму, - лицо Рубрия вмиг стало жестким, безжалостным. - Слушайте, центурионы! Я сейчас не смогу надолго оставить легион, но вас обоих пошлю на Янтарный путь. Рано или поздно по нему пойдут войска Империи, и тогда римлянин, способный объединить варваров против Рима, будет самым опасным врагом. Покончите с этим Палемоном, кто бы он ни был, и с его царством. Поднимите на него соседних варваров, лучше всего готов. Деньги найдутся: слава Меркурию, там уже научились их ценить. Думаю, справитесь: на границе вы изучили язык и германцев, и венедов, и сарматов.

-- И, разумеется, захватите амулет, - энергично кивнул Валент. - Стрекоза подчиняет волю людей для добрых дел, паук - для злых. Но если их соединить, да еще наполнить одной из тех сил, что стали доступны нам после извержения Везувия...

Глаза Эпифана вспыхнули хищным восторгом.

-- Тогда целые армии, хоть свои, хоть чужие, станут покоряться одному слову императора! С мятежами и изменами будет покончено. Уж конечно, не Тит[7] достоин такой власти, а Нерон, только Нерон!

Валент тронул царевича за руку и негромко сказал:

-- Все верно. Но чтобы ты, ученик, не слишком погрязал в земном, вспомни о самой короткой ночи в году. К тому времени ты уже будешь у святилища Матери Богов - там ее зовут Лада - в конце Янтарного пути. Самый подходящий случай для опыта, о котором мы говорили. Соединить силы Воды и Огня, обычно враждебные, против силы архонтиссы Венеры. Создать дракона... Не подчинить - создать! - Маг достал дощечку, покрытую рунами. - Передай это Эрменгильде, пророчице готов. Она охотно поможет тебе в этом опыте, особенно если сумеешь понравиться ей. Я бы сам отправился с тобой, если бы война с Пакором[8] и его персидскими магами не отбирала столько сил.

Один лишь Каллиник молчал, вглядываясь в суровые каменные лица богов. Эпифан хлопнул его по плечу.

-- Меньше раздумывай, братишка! Все это - ради нашей Коммагены, чтобы она снова стала царством, а мы - ее царями. Мы же этого стоим, а?

Будто невзначай Валент произнес:

-- Лишь один человек мог бы вам помешать: Ардагаст, царек сарматов-росов и восточных венедов, выкормыш Братства Солнца. Он и его главный волхв Вышата без всяких амулетов умеют склонять к себе любых варваров. К тому же он владеет Огненной Чашей Колаксая, отлитой из солнечного пламени. Два других Колаксаевых дара - секиру и плуг - архонт Солнца позволил ему лишь увидеть, но и этим умножил славу своего избранника. А тот остался всего лишь подручным царьком у Инисмея, великого царя сарматов-аорсов. Алчен до славы и добычи, как и всякий варвар - и бескорыстен, как философ. Нет, я не понимаю ни его, ни его росов, и не знаю, чего от них ожидать. Помните одно: их нельзя купить за деньги.

* * *

-- Клянусь Аидом, мой братец изменил нам! Знаю я его: тихий, послушный, все сделает, а в душе все равно гнушается. Чтоб его Ахриман взял в любовники, чтоб его...

Стоя у ворот храма Матери Богов в Кимене, Эпифан изрыгал персидские ругательства пополам с римской солдатской бранью. Остыв, он продолжил:

-- Я бы выволок братца из храма за шиворот и отодрал плетью, но там сейчас сам Аполлоний из Тианы, а с ним тягаться в магии сможет разве что мой учитель.

-- Твой учитель получше тебя разбирается в людях. И ничего зря не говорит, - спокойно заметил Рубрий. - Похоже, он для того

и откровенничал перед Каллиником, чтобы тот выболтал все Аполлонию.

-- Но зачем, во имя Высшего Света?

-- А чтобы выманить росского медведя из берлоги. Кого, если не Ардагаста с его шайкой, Братство Солнца пошлет на выручку Либону? Значит, твое дело --разжечь в янтарном краю такой пожар, в котором сгорят все враги Рима. Стравливай племя с племенем, колдуна с колдуном, и пусть варвары сами истребляют друг друга и разрушают свои святыни. Меньше будет работы легионам. А потомки тех, кто уцелеет, нам же скажут спасибо.

-- Плевать я хотел на благодарность черни. Варваров в особенности.

* * *

В маленькой комнате в задней части храма Каллиник беседовал с величественным стариком, одетым в простую тунику из белого льняного полотна. Длинные седые волосы оставляли открытым высокий лоб. Выслушав рассказ царевича, Аполлоний возмущенно хлопнул ладонью по расстеленной на столе карте.

-- Эти негодяи не понимают, что творят... или слишком хорошо понимают! Янтарный путь - один из Путей Солнца. По ним надлежит нести от племени к племени добрые мысли, знания, мир. А не войны, заговоры и злые чары! Этому пути полторы тысячи лет, и он посвящен матери Солнца. На юге ее зовут Лето и Латона, а на севере - Лада. Еще во дни микенских царей янтарные дары, завернутые в пшеничную солому, шли из храма богини у Венедского моря в ее храм на Делосе. Их называли дарами гипербореев, народа Солнца, хотя настоящие гипербореи живут у Ледяного моря. Дары носили девушки-жрицы, и никто не смел их тронуть! А теперь... Римлянам, видно, мало осквернить Делос гнусным рабским рынком. Разорить святилище Лады - вот что задумало Братство Тьмы! Тогда Путь Солнца станет путем торгашей и завоевателей... Но скажи, благородный юноша, что заставило тебя открыться мне? Или ты уже не надеешься вернуть свое царство с помощью Нерона?

-- Я надеюсь вернуть Коммагене и ее людям свободу. Но... не такой ценой. Мы, коммагенцы, всегда чтили богов. И никогда не притесняли других народов, не сеяли раздоров среди них. А Валент с Эпифаном затеяли страшное, нечестивое дело...

-- Оно гораздо страшнее, чем ты думаешь. Солнечный Огонь и Вода - дети Матери Мира. Обратить против нее две эти силы -

для этого нужно быть чудовищем, драконом! Или сотворить его... Или стать им. Этот "опыт" может опустошить целый край. Собою Валент рисковать не хочет, вот и послал твоего братца! Он-то хоть понимает, на что идет?

Каллиник помолчал, потом, волнуясь, ответил:

-- Если и не понимает... если поймет... то не отступит. Царство для него - все. Наши предки, Ахемениды[9] и Селевкиды, убивали и предавали, губили родичей, разоряли целые страны, и все - ради царства. Не проклятие ли лежит на нашем роде? - Обхватил голову руками юноша.

-- Нет проклятия, способного сделать человека злодеем против его воли. Разве ты не читал Зороастра? За свой выбор каждый отвечает сам.

-- Да. И я сделал его - в священном сердце Коммалены. Но Эпифан... Свободна ли его воля? Я часто видел, как в перстне Валента, когда тот поучал моего брата, вспыхивал камень... Топаз. А перстень оловянный.

-- Перстень Юпитера. Он, как и остальные Перстни Зла, может поработить волю того, кто наделен каким-нибудь пороком. Например, властолюбием. Видишь, над тобой он уже не властен. Янтарь Нерона гораздо опаснее. И потому его надо уничтожить! Достаточно сжечь половину его, а другая тогда сгорит сама. Но для этого нужно солнечное пламя, ведь янтарь - застывшее Солнце. Такое пламя есть в Колаксаевой чаше, которой владеет Ардагаст, царь росов и венедов. К нему я и хотел бы тебя послать.

-- Я готов. К римлянам я все равно не вернусь... Может быть, ваше Братство вернет Коммагене свободу?

-- Мы хотим свободы не только коммагенцам, но и всем людям. Тебе, царевич, еще предстоит этому научиться.

* * *

Каллиник ехал берегом Тясмина мимо лесистых круч, густых камышей и белых, крытых соломой мазанок. Царевич знал: сарматы-аорсы запрещают венедам селиться в укрепленных городках, и потому даже царь росов и венедов живет в обычном селе у устья речки Суботи, в такой же, хотя и обширной, мазанке. Впрочем, сарматская конница теперь защищала венедов лучше любых стен.

Рядом ехал на смирной лошадке, жалуясь на раннюю для мая жару и обмахиваясь дорожной шляпой, Стратоник - ученый из Пантикапея. Этот полный лысоватый добряк по поручению Аполлония встретил царевича в Ольвии. Незадолго до того в

город приехал и хорошенько погулял с дружиной Ардагаст. Царь только что вернулся из далекого похода до самых Рипейских гор и Гипербореи. Если верить варварской и полуварварской черни, переполнявшей Ольвию, он побеждал там всевозможных чудищ, целые демонические племена и даже самих богов, и вообще был не меньше чем воплощением Аполлона Гиперборейского. Впрочем, глядя на привезенную им добычу - золото, самоцветы, меха, клыки слонов и морских чудовищ - можно было поверить еще и не тому. Казалось, в Скифию вернулись времена Геракла. Много говорили и о том, как нечестивый царь аорсов Фарзой, отец Инисмея, возжелал завладеть Колаксаевыми дарами, и заковал Ардагаста в цепи, но был сражен скифским Зевсом, явившимся в облике дракона.

Стратоник, муж многознающий и преданный истине, уже написал несколько книг об Ардагасте и посещенных тем краях. То, что ученый с удовольствием рассказывал царевичу всю дорогу до земли росов, однако, мало в чем уступало восторженным рассказам простонародья. Нет, Ардагаст не был ни Аполлоном, ни даже его сыном, а лишь избранником. Он действительно победил многих чудовищ, демонов и злых богов - Гекату, Борея, троих Горгон. Но не в одиночку, как герои древности, а с отважной дружиной, набранной из всех племен Скифии от венедов и сарматов до гипербореев. Особенно прославились амазонки во главе с сестрой царя Ардагундой и воины-оборотни Волха, князя невров. Лучшими же и славнейшими в войске росов были двенадцать русальцев - священных воинов, одинаково хорошо владевших мечом и магическим жезлом. Но и столь отважное войско не преуспело бы без мудрости и чар скифских магов - великого волхва Вышаты, его жены Лютицы и лесной колдуньи Миланы.

Посетил Ардагаст и Гиперборею, даже две: страну бедного, но праведного народа сииртя на берегу Ледяного моря, именуемого знатоками Кронийским или Амалхийским, и Белый остров - обитель Аполлона и преданных ему праведных душ тех, кто посвятил жизнь борьбе за справедливость. Вообще же странствие в Гиперборею есть не просто поход воинов или полет колдуна, но вознесение к духовным вершинам, требующее очищения души от корысти, тщеславия и иных пороков. Этого не понял, например, князь Андак, родич Ардагаста, в погоне за данью и добычей добравшийся раньше его до Гипербореи и в конце концов потерявший дружину и едва избегнувший позорной казни за свои бесчинства.

Немало рассказал Статоник и о беспутной жизни в Пантикапее Валента, тогда еще Левия бен Гиркана. В том числе и

об "опыте" в самую короткую ночь года, затеянном Левием и его учителем Захарией Самаритянином. Сей опыт, едва не разрушивший город, кончился тем, что чародей погиб, а ученик его едва унес ноги от мальчишек Ардагаста и Инисмея.

Ученый начал было рассказывать о древнем, киммерийских времен городке на горе над Суботью, но тут внимание царевича привлекло необычное зрелище. Трое крепких полуголых мужчин стояли в воде, с трудом удерживая сеть, в которой билось зубастое темно-серое чудовище. С первого взгляда похожее на крокодила, оно было, однако, лишь огромной, с лодку, щукой. Один из рыбаков был темноволос, с упрямым скуластым лицом. Второй отличался золотистыми волосами и закрученными тонкими усами. Третий - настоящий великан, очень смуглый, черноволосый и пышноусый. Мешая сарматские слова с венедскими, они кричали:

-- Тяни! Сеть грызет, стерва! Кулаком ее по голове, кулаком!

С берега их подбадривали трое других: крепкий, но совершенно седой мужчина с волчьей шкурой на плечах, мальчонка лет восьми и невзрачный мужичок в сером кафтане.

-- Да ведьма она, ведьма! Дядя Волх, по матушке ее! - вопил мальчонка.

Еще один рыбак, маленький, узкоглазый, сидел в лодке-долбленке, держа в руке странного вида острогу с привязанной к ней длинной веревкой. Вдруг щука прорвала сеть и бросилась в глубины Тясмина. Рыбаки дружно выругались, а седовласый бросился в реку, нырнул, и миг спустя из воды показалась голова еще одной громадной щуки - серовато-белой. Из ее зубастой пасти раздалось:

-- От меня не уйдет! Хаторо, готовь гарпун!

Белая щука скрылась. Вскоре вода забурлила, и появились два бешено метавшихся чешуйчатых тела. Щуки бросались друг на друга, рвали в кровь зубами бока. Узкоглазый метнул гарпун, сразу попал в темную щуку и принялся грести к берегу. Трое рыбаков ухватились за линь и с торжествующими криками вытянули рыбу на берег. Только тут седовласый вынырнул и небрежно произнес:

-- Три царя одну щуку поймать не смогли.

-- Три царя не могут. Один сиирtя из рода Моржа может, - невозмутимо проговорил узкоглазый, сматывая линь.

-- Вы - цари? - удивленно сказал Каллиник, глядя на трех варваров, отжимавших воду из полотняных штанов.

-- А что, непохожи? - рассмеялся скуластый. - Знаешь мою тамгу, грек? - Он надел на шею золотую гривну с конскими головами на концах, набросил на мокрые плечи короткий

красный плащ с вышитой золотом тамгой Инисмея.

Златоволосый надел гривну с львиными головами, похожую на старинные скифские, и плащ с тамгой росов.

-- Да светит тебе Солнце, Ардагаст! - сказал ему Стратоник.

-- Да светит оно всем людям! - ответил царь росов.

-- Ну, а я - Вишвамитра, священный царь амазонок. Все мое царство - сорок женщин, зато каких! - широко улыбнулся смуглый великан.

-- Я - Волх Велеславич, князь нуров. Волколаков! - подмигнул грекам седовласый. В его хищной усмешке и сильном поджаром теле было и впрямь что-то волчье.

-- А меня вот люди лесным царем кличут, хотя какой из меня царь, - развел руками мужичок.

Каллиник спешился, приветственно поднял руку.

-- Я - Каллиник, царевич Коммагены.

-- Царевич без царства? Я сам таким был. Только вырос не во дворце, а в лесах на Почайне, - дружелюбно и без тени превосходства сказал Ардагаст.

Тем временем со щукой произошло нечто странное. Вместо рыбины на песке лежало нагое тело женщины - пышное, соблазнительное, но... с рыбьей чешуей на плечах и с головой щуки. На белой коже синели татуировки - колдовские знаки.

-- Я же говорил, что это ведьма! - торжествующе произнес мальчик.

-- Хороший у тебя духовный глаз на ведьм, Вышко! - потрепал его по волосам Волх. - В отца, великого волхва Вышату, и в мать, волхвиню Лютицу.

-- Только нос не больно задирай, сынок, а то ведь с теткой Бурчилихой обознался, - сказал, подходя к ним, человек в белом плаще волхва, с длинными русыми волосами и простым добродушным лицом. Взглянув на тело, он озабоченно произнес:

-- Эта еще откуда? Знаки вроде кельтских наколоты. Водяной ее знает...

Из воды вдруг вынырнул лысый толстопузый старик и решительно замахал руками с перепонками между пальцев.

-- Не знаю, накажи меня Велес - не знаю. Не здешняя она, приплыла Чернобог ведает откуда...

-- Как это не знаешь? - вскричал мужичок. - Она который день здесь разбойничает. Уток хватала - не с тобой ли делилась? Потом царевича Ардафарна чуть на дно не утащила. Да разве я, царский леший, стал бы такую тварь у себя в лесу терпеть? Тебе, лентяю да пьянице, зачем жертвы приносят?

Ухватив речного бога за зеленую бороду, "лесной царь" принялся тузить его под дружный смех собравшихся, пока тот не

вырвался и не нырнул обратно в реку. Только тут Каллиник сообразил, что мужичок в сером - знаменитый росский сатир Шишок, способный провести войско через любой лес, а еще - вырасти вровень с деревом и в таком виде одолеть самое могучее чудовище.

Вдруг из-за горы выехал небольшой конный отряд. Молодые женщины в кольчугах и вышитых шароварах, при оружии, вели на арканах пятерых сарматов. Во главе отряда ехали трое: светловолосый гигант в рогатом шлеме и две женщины. Одна лицом и пышными золотыми волосами напоминала царя росов. Другая, черноволосая, выделялась круглым лицом, узкоглазым и скуластым, но тем не менее красивым. Каллиник догадался, что это - Ардагунда, царица амазонок и сестра Ардагаста, тохарка[10] Ларишка, его старшая жена, и гот Сигвульф, один из лучших росских воинов. Приглядевшись к мертвой ведьме, германец воскликнул:

-- Вот она где! Марвена, черная друидесса из Карпат. Учила полянских ведьм разным мерзостям, а в первый день травня хотела справить на Лысой горе Белтан[11], и сжечь двенадцать детишек в хворостяном чучеле. Только подралась с Невеей, великой ведьмой лысогорской, а тут подоспел я с Миланой и дружинниками и разогнал все кодло.

Ларишка выхватила кривой меч-махайру, одним ударом снесла мертвой ведьме щучью голову и с яростью произнесла:

-- Мерзавка! Адрафарну всю ногу изорвала. - Взглянув на греков, она гордо добавила: - Но мой сын не испугался. Одной рукой вцепился в куст, а другой схватил палку и бил эту тварь по голове.

-- Бил не так он, как мой сынок Валамир, - земетил Сигвульф. - Но все-таки у наследника росов сердце настоящего конунга.

Ардагаст, окинув взглядом пленных сарматов, спросил:

-- Коней крали?

-- Коней, породистых коней! - закивали те. - Ты - сармат, сам знаешь: как удержаться от славного дела?

-- Я сармат по матери. А по отцу - венед, сын Зореслава из царского рода сколотов-пахарей. Конокрадов венеды забивают ногами. Но раз уж вас поймали поляницы-мужеубийцы...

Сарматы испуганно съежились, а златоволосая царица амазонок с грозным видом изрекла:

-- Мои девочки хорошенько высекут вас во славу Мораны-Артимпасы. Потом будете расчищать лес у Турьей поляны - там хотят поселиться словене. Потом - убирать хлеб. После этого кто захочет, уйдет. Пешком. А за коня - работать еще, до зимы. Кто

сбежит до срока - поймаем и продадим в Ольвию.

-- Там такие, как вы, как раз в цене. Их для римских галер покупают, для фракийских золотых рудников, - сказал неведомо откуда подошедший юркий темноволосый человек. Одет он был по-венедски, но Каллиник сразу признал в нем эллина и догадался, что это - Хилиарх из Кизика, казначей и посланец царя росов.

-- Видишь, коммагенец, - обернулся Ардагаст к Каллинику, - у нас нет ни галер, ни рудников, ни тюрем. И наш древний закон не позволяет вечно держать человека в рабстве. За это нас считают темными варварами - там, откуда ты пришел... Так что же привело тебя к нам?

-- Любовь к справедливости и свободе, которых там нет, - ответил царевич и вручил Зореславичу письмо Аполлония. Прочитав его, царь велел отвести в сторону пленных сарматов и попросил Каллиника рассказать все о замысле Валента. Выслушав царевича, Вишвамитра горячо сказал:

-- Царь, мы отяготим свою карму, если не придем на помощь Палемону и не покончим с этим амулетом! Прикажи скорее собирать дружину!

-- А как он встретит нас, да еще с дружиной? И отдаст ли амулет? Кто мы ему? - возразил Зореславич.

-- Публий Либон - аристократ, честный, но слишком гордый. С Братством Солнца он никогда не имел дел, - сказал Стратоник.

-- Да пусть попробует не отдать! - сверкнул глазами Инисмей. - Я сам пойду с вами и поведу своих аланов!

-- Тогда все эстии[12] скажут: "Орда идет", и поднимутся против нас. Нет, если идти, то с небольшой, но сильной дружиной. И не кричать на весь лес об амулете, - сказал Ардагаст.

-- Что же все-таки говорить лесовикам, чтобы не хватались за рогатины? - потер затылок Сигвульф.

-- Скажем так: царь Ардагаст желает поклониться Ладе в ее доме у моря, в день Купалы, и купить янтаря, - предложил Вышата. - Достань-ка чертеж, Стратоник.

Ученый расстелил карту прямо на песке, и все сгрудились вокруг нее.

-- Вот устье Вислы - главное гнездо готов. Дальше, возле устья Преголы - святилище Лады. А дальше - Неман, - водил пальцем по карте Хилиарх. - Я ездил к Венедскому морю за янтарем лет пятнадцать назад и даже слышал о каком-то римлянине, поселившемся на Немане. Я тогда усомнился, думал: какой-нибудь пират из Скандии[13] вырядился в римские доспехи.

-- Я тоже слышал о князе из-за моря на Немане, - сказал Сигвульф, - от Радвилы Рыжего Медведя, князя литвинов. Он друг

росам. Что если пройти туда через его земли? По Днепру, Березине, Вилие...

-- Не выйдет, - покачал головой Волх. - Радвила с Палемоном враждует. Недавно жаловался: разбойник заморский-де сжег у него несколько городков... Да, видно, сам Рыжий Медведь эту вражду и затеял. Откуда у него янтарь, что он грекам на Почайне продавал? Не иначе - к морю за ним в набег ходил. Так что от литвинов к Палемону лучше не являться.

-- Главное - оказаться в Янтарном Доме, святилище Лады, прежде Эпифана с его опытами. Значит - до Купалы, - озабоченно произнес Вышата.

-- Выходит, времени в обрез. До Венедского моря - месяц пути, если идти через земли словен и судинов. Ольвийские купцы этим путем ходят торговать, а готы - грабить, - сказал Хилиарх.

-- Тогда выступаем послезавтра. С той же дружиной, с какой к Ледяному морю ходили, - решительно произнес Ардагаст. Он поднялся, расправил волосы и простовато улыбнулся. - Эх ты, жизнь царская! Из одной Гипербореи да в другую. Ни Семика дома не справить, ни Купалы.

-- Ничего! В походе справим. Да так, чтобы вся нечисть попряталась в море. Я с девочками непременно пойду! - бодро воскликнула Ардагунда. - А ты, Ларишка, пойдешь? Или останешься детей оберегать? После этой щуки...

-- Ардафарн - воин. Ему обидно будет оказаться под охраной женщины, хотя бы и матери. А от чар детей постерегут Авхафарн и Добряна. Ее теперь вся нечисть боится, - тихо и медленно проговорила Ларишка.

Как Добряна, младшая жена Ардагаста, с помощью верховного жреца росов Авхафарна прошла Семь Врат Экзампея - об этом царевич знал от Стратоника. Знаток магии недоумевал: как скромная и тихая женщина могла свершить доступное лишь магам седьмой степени посвящения? Что придало ей неземной силы - помощь Матери Богов или любовь к мужу, закованному в цепи Фарзоем?

Ардагаст обнял старшую жену за плечи.

-- Ну какая же Купала без царицы? Вот ты и спляшешь в святую ночь на Янтарном берегу, а Добряна - здесь, на Тясмине.

Тохарка смахнула выступившие было слезы, улыбнулась и сказала:

-- Только плясать мне, видно придется с мечами.

Она быстро встала, одним неуловимым движением выхватила махайру и акинак[14], завертелась в воинственном танце, и вдруг замерла, скрестив над головой клинки. Индиец вскочил, обнажил тяжелый двуручный меч-кханду, коснулся им

ее оружия и воскликнул:

-- И мы спляшем с тобой, все двенадцать русальцев!

Следом на скрещенные клинки легли мечи Ардагаста и Сигвульфа, легкая секира Ардагунды. Сверху опустил свой меч Инисмей и решительно сказал:

-- А обо мне забыли? На север меня с вами не пустил отец - да простят его боги, а теперь я сам - великий царь Аорсии. Возьму только десятерых аланов, что со мной, и пусть всякий лесной драчун подумает прежде, чем нас трогать!

На меч великого царя лег клинок Волха. Князь волколаков усмехнулся по-звериному, с оскалом, и загадочно произнес:

-- Волки с вами! Ничего, что дружина мала. Нужно будет - волки в лесу большую соберут. Не одни мы, нуры, волчье племя. Нас, серых братьев, много по всему лесу.

Последним лег сверху римский меч Каллиника. Потом клинки опустились, и царь росов буднично произнес:

-- Рыбаки! Закинем-ка еще разок невод. Эту щуку-бесовку не людям есть, так наловим рыбки на уху. Мои царицы ее так сварят!

* * *

В дремучем лесу, на горе над Тясмином, среди руин скифского Моранина-града затаилось святилище Мораны-Артимпасы. Пятеро сарматов-конокрадов сидели связанные под дубом и тоскливо ждали жертвенной порки. Вдруг перед ними на ореховый куст села птица сорока и проговорила человеческим голосом:

-- Кто из вас слышал, о чем говорили цари?

-- Я слышал, - не растерялся один сармат, и впрямь обладавший тонким слухом.

-- Вот и хорошо. Иди со мной, - сказала сорока. Прострекотала еще что-то, и упали с пленника путы. Совсем забыв на радостях о товарищах, он последовал за птицей в чащу. Сорока внимательно выслушала его рассказ и ехидно произнесла:

-- Что ты, что цари - все вы сарматы. Нашему лесу враги! Волк вам предок и зверь святой. Вот и бегай волком!

Не успел опомниться конокрад, как уже стоял на четвереньках и лишь волчий вой да скулеж вырывались из его глотки. Проблуждав целый день в лесу, он попробовал охотиться, но наткнулся на местную стаю и еле унес ноги. Потом сунулся ночью в село, украл козленка, но вора загнали в угол злющие деревенские псы. И разорвали бы, не появись на шум Серячок - ручной волк Шишка, уважаемый даже собаками. Узнав, в чем

дело, "песик" лешего позвал Вышату. Тот расколдовал горе-оборотня. Царь, проведав о предательстве конокрада, присудил ему порку и три года рабства. Вора, прозванного отныне Волколаком, презирали все, особенно же сарматы: в благородном волчьем облике не совершить ничего достойного воина!

А сорока-насмешница полетела себе на север над днепровскими кручами, полесскими чащами, припятскими болотами. И опустилась на затерянном среди болот холме над рекой Птичей. Здесь в шалашах и наскоро вырытых землянках жили те, кого одни лесовики боялись и ненавидели, а другие почитали святыми воинами, защитниками леса и его вековых обычаев. Уже десять лет эти безжалостные неуловимые воины в черных медвежьих шкурах сеяли страх среди нуров, полян, северян, литвинов. Среди Черных Медведей, как они себя звали, уже подрастали дети, с младенчества усвоившие: все росы - враги леса, а еще хуже росов - те венеды, что признают их власть или хотя бы не желают кормить, прятать, извещать об опасности "защитников леса". Живешь в лесу - почитай исконных отеческих богов: чертей, упырей, леших да Ягу с Чернобогом. И слуг их - мудрых и святых ведунов и ведьм. А не то... Находя в лесу изуродованные, наполовину обглоданные трупы девушек, гулявших с росами, поселяне в ужасе гадали: кто же сделал такое - люди, звери, бесы? Уж и поминать Черных Медведей лесовики боялись (вдруг явятся), а друг друга, бранясь, посылали к "защитникам".

Под могучей кривой елью восседали духовные владыки запуганных "защитниками" лесовиков: рыжий, с лисьим личиком верховный жрец Скирмунт и его жена, великая ведьма Лысогорская Невея. Поглаживая двоерогий посох, жрец толковал с супругой о том, на какое село наслать за непослушание скотский падеж, а на какое - бездождие, куда отправить огненных змеев, ворующих зерно и молоко. Рядом лакомились сотовым медком воеводы Черных Медведей - Шумила и Бурмила Медведичи. Первый, могучий, с бурой лохматой бородой, был человеком лишь до пояса, а ниже - медведем. У второго, наоборот, медвежьей была голова и верхняя половина тела. Невее они приходились сводными братьями. Бурмила в благодушном настроении угощал медом девчонку-пленницу. Та улыбалась, гладила его медвежью морду и думала об одном: не пойти бы на корм всей разбойной дружине, считавшей человечину, по древнему обычаю, священной пищей истинных воинов.

Сорока села на траву и обернулась женщиной - такой же светловолосой и пышнотелой, как Невея, но с лицом не злым, а беззаботным и наглым. То была колдунья Лаума, сестра великой

ведьмы и Медведичей.

-- Отдыхаете от подвигов великих? Думаете, Ардагаст раньше зимы в леса не пойдет? А он идет походом совсем близко от нас.

И Лаума рассказала выведанное у сармата. Шумила хлопнул широкой рукой по упавшему стволу так, что труха взвилась облачком.

-- Вот тут бы его и перехватить да накрыть! Нам, лесовикам, в летнем лесу, зеленом да густом, сподручнее воевать, чем в зимнем голом. Опять же реки, болота не замерзшие. Обложим степных волков, не уйдут!

Бурмила почесал лапой затылок и с ленцой проговорил:

-- Так ведь и обкладывали уже, и перехватывали. В прошлом году до самого Урала, до печорских лесов добрались. И только свою дружину переполовинили. Будто слово какое знает полусармат, чтобы лесовиков целыми племенами совращать!

-- На дружину не греши. После нашего похода славного много лихих да лютых молодцов к нам пришло. Теперь мы посильнее прежнего, - возразил Шумила.

-- И людей чарами привораживать Ардагаст не умеет, а Вышата не хочет, - покачал головой Скирмунт. - Уж мы с женой и Лаумой чары бы почуяли.

-- Народ в лесу не тот, вот что! - досадливо махнул рукой Шумила. - Особенно там, на востоке. Больно мирные, всякий полусармат с дружиной их к рукам приберет.

-- И мы бы здешних прибрали. Из тебя, Шумила, даже великий князь вышел бы. А что? Вокняжился же над пермяками Кудым-полумедведь. Да вот перебежал нам путь окаянный рос... - вздохнула Лаума.

-- На западе - вот где настоящие лесовики. Люди-звери, люди-медведи, волю больше всего любят - дикую, лесную! Одни берсерки готские чего стоят! - глаза Шумилы сверкнули хищным огнем, в горле заклокотало рычание.

-- Куда нам до них! - протянул Бурмила. - В наших-то краях настоящие лесовики - только мы с дружиной. Сидели бы уже тихо - зимой-то росы все равно придут.

-- Я тебе посижу тихо! Думаешь, Бериг нам за это спасибо скажет? - напустилась на брата Лаума.

Бериг, конунг готов, нередко помогал Черным Медведям оружием, скупал добычу. А те разбойничали вместе с готами в словенских селах.

Невея, вскинув руки, возгласила:

- Там, на западе, найдет себе лютую смерть безбожный Ардагаст! Ведите туда дружину, братья! Поднимайте все племена

на большую войну! Легионы в тамошних лесах пропадали, сгинет и росская шайка. А я уж соберу здесь самых сильных ведьм. В Купальскую ночь, святую и страшную, все прилетим к вам на подмогу, только не сробейте! Отплатим, наконец, Ардагасту за родителей наших, за святыни разоренные!

-- Отплатим! Ур-р-р! И самих светлых богов не побоимся! Я, если надо, Янтарный Дом по бревну разнесу! - воинственно взревел Бурмила. Раззадорить не привыкшего думать человека-зверя было не столь уж трудно.

* * *

Бескрайни, неисходимы полесские чащи, припятские болота, мазовецкие и литовские пущи. Пробираются ими звери, пролетают птицы - кто за всеми уследит? С холма над Птичью вылетела сорока. С лесистого острова среди болот в устье Вислы - ворона. Не серая, черная. В пущах между Наревом и Неманом, куда не заходят ни угрюмые ятвяги, ни венеды-мазовшане, ни литвины, на горе с безлесной вершиной встретились они. И обернулись: сорока - молодой женщиной, пышной и светловолосой, а ворона - старухой с распущенными седыми волосами, в черном балахоне и красном плаще. Поговорили, поворожили, заглянули в колдовскую чару, вытащив ее из-под корней осины, и разлетелись снова птицами.

Из леса над Тясмином, где стояла дружина нуров, недавно гулявшая вместе с росами в Ольвии, вылетели три сокола. Один понесся в литовские леса, где над рекой Святой притаился городок Вилькомир - "Волчий". Другой - в землю судинов-ятвягов, к главному их городку. Третий - к берегу Вислинского залива[15], где цепко держится зажатое между готами и эстиями племя вильцев. Долетев, все трое опустились наземь, оборотились волками и завыли особым воем. Навстречу им вышли не волки, а люди - крепкие, суровые, с волчьими шкурами на плечах. И пошли с ними в леса для тайных разговоров, подслушать которые не решался ни один черт (не то что человек), дабы не быть разорванным на месте.

* * *

В теплый ясный день под конец месяца травня[16] царская дружина росов выступила в поход на запад. Колыхались гривы породистых степных коней. Блестели на солнце островерхие

шлемы, кольчуги, панцири, грозные наконечники копий, способные пробить на скаку всадника в доспехах. Сияли серебром чеканные бляхи на сбруе. С первого взгляда - настоящие сарматы, лихие воины степи. Но опытный взгляд Каллиника, семь лет прослужившего на дунайской границе, находил среди них много светловолосых венедов, а еще каких-то неведомых людей - то рыжих и скуластых, то темноволосых и узкоглазых, из племен, почти или вовсе неведомых эллинам - мордвы, удмуртов, аргиппеев, манжар[17]. Даже гиперборей-рыбак Хаторо красовался в сарматском вооружении.

Многие из них пристали к росам совсем недавно, во время похода в Гиперборею. Но чтобы понять их, хватало двух языков - сарматского и венедского, или даже одного из них. К счастью, Каллиник владел обоими, а также германским. Обитатели Суботова вызывали у него расположение. Веселые и отважные, но миролюбивые, они, даже выпив по случаю похода, пели и плясали, иные и дрались, однако за оружие зря не хватались. Самых больших гуляк легко утихомиривали собственные жены.

Над войском развевались два красных знамени с золотыми тамгами[18]. Трезубец росов означал богиню Солнца и ее двух коней. Знаком Инисмея была молния с солнечным кружком посредине. Молнию он унаследовал от отца - Фарзоя, кружок же вставил после того, как тот погиб, безуспешно посягнув на солнечное золото Колаксая. Сейчас Инисмей гордо и величаво ехал во главе отряда. Одежда из красного шелка, пояс и оружие сияли золотом и бирюзой. Великого царя сопровождал десяток лучших воинов-аланов. С аланской дружиной его отец сумел тридцать лет назад создать сильную державу - Аорсию, хотя сам был не аорсом, а тоже аланом. Рядом с великим царем ехал Ардагаст - тоже весь в красном, с мечом в золотых ножнах. Этот меч индийской стали некогда пожаловал ему Куджула Кадфиз, вождь кушан, не без помощи молодого дружинника-роса создавший свое могучее царство на Востоке.

За царской дружиной следовали вооруженные секирами и луками амазонки-поляницы во главе с Ардагундой и Волх со своими нурами в волчьих шкурах. Полтора десятка воинов вел князь Андак, красивый и наглый на вид. Подстрекаемый своей женой Саузард, он долго соперничал с Ардагастом и помирился с ним лишь после ее смерти и своего бесславного поражения в северных льдах. Теперь князь жаждал одного - подвига, чтобы вернуть себе честь и славу.

Провожать войско вышли все: жены и дети воинов, простые поселяне, рабы. Покуда царь с конной дружиной воевал, они все могли спокойно сеять хлеб и пасти стада. Последние годы на

Тясмине не видели не только войны, но и больших набегов. Среди провожавших выделялась младшая царица Добряна - стройная, в белой вышитой сорочке и кокошнике, усыпанном персидским жемчугом, в ожерелье из рипейских самоцветов. К ней жались дети - не только ее, но и Ларишки, и Вишвамитры, и других соратников царя. Даже восьмилетний царевич Ардафарн с израненной ногой стоял, опираясь на короткое копье. Он приветствовал родителей по степному, подняв руку, и они отвечали ему так же. Ларишка в кольчуге и шлеме, с распущенными волосами, из украшений надевшая только золотые с бирюзой бактрийские серьги, выглядела гораздо скромнее Добряны. Но все знали: тихая лесовичка за роскошью не гонится, а весь богатый царский дом держится на ней.

Обычные варвары, думал Каллиник. Простые, неприхотливые, любящие войну, добычу, славу. Такие же, как хорошо знакомые ему германцы или сарматы, в землях которых он бывал. И все же... не такие. Здесь знатные воины в мирное время не бездельничали и не считали труд позором. Сам царь пахал землю и вместе с царицами убирал хлеб или хотя бы первым начинал эти работы. Царевич, казалось, попал во времена, воспетые Гомером. Пороки нынешних эллинов и римлян почти не приставали к этим людям, каждый год бывавшим в Ольвии или Пантикапее.

Покинув село, войско поднялось на гору, заросшую густым лесом. В нем скрывались высокие валы - остатки Моранина-града сколотов-пахарей, а среди них, на поляне - святилище. Его-то и стерегли сорок амазонок. Тут не было даже храма, только вековой дуб, а под ним два деревянных идола: Даждьбога и Мораны, его сестры и супруги. Огонь и Вода, Солнце и Земля. Две силы, единством которых держится мир. Перед идолами в жертву принесли белого коня в знак того, что поход начат ради Света и Добра. Обряд совершали не только волхвы - Вышата, его жена Лютица и Милана, жена Сигвульфа - но и царь росов. Здесь впервые Каллиник увидел в руках Ардагаста таинственную Огненную Чашу Колаксая. Царь лил хмельной мед в жертвенный огонь, и лучи солнца, пробиваясь сквозь листву, играли в янтарно-желтой струе, в золоте Чаши, в золотистых волосах самого Зореславича. Этим странным варварам мало было просто идти в поход за добычей. Нужна была еще и уверенность, что поход - за правое и святое дело, такое же святое, как восход Солнца или приход весны, а предводитель похода подобен Даждьбогу, защитнику добра и справедливости. А не, скажем, сарматскому Саубарагу, богу ночных разбоев, или буйному Водану германцев. И сам янтарь не просто выгодный товар, а

земной сгусток солнечного света, и добыть его - все равно что Солнце вызволить из Змеевых пещер, из Чернобогова пекла. Не удивительно, что в таком племени нашло себе опору Братство Солнца.

* * *

Дом Квинта Аттилия Прима, главного переводчика Пятнадцатого Аполлонова легиона, был самым богатым в лагере легиона в Карнунте. Все, что могло усладить жизнь на окраине Империи - от новейших сатир Ювенала и Марциала до сосудиков с душистыми эссенциями красовалось на полках и в резных шкафах в кабинете хозяина, странно сочетаясь с медвежьими шкурами и рогами лосей и зубров. Особенно же много было тут янтаря всех цветов, оттенков и форм. Ибо львиная доля торговли на Янтарном пути была в руках скромного римского всадника Аттилия, некогда любимца Нерона.

Хозяин дома, Рубрий и Эпифан сидели над картой. Аттилий пояснял, как ехать к Венедскому морю, где нанять проводников, какие варварские племена ладят или враждуют между собой. При этом его полное бритое лицо выглядело настолько страдальчески, что Рубрий не выдержал и сказал:

-- Я знаю, Квинт, что ты торгаш и ничего больше. Но для римского всадника должны быть вещи дороже сундуков с сестерциями и авреусами. Иначе...

-- Да не предам я вас! - скривился Аттилий. - Слишком многим я обязан Нерону и слишком много вы знаете обо мне. Но, во имя богов, чем может обернуться для торговли ваша затея! Из-за войны вандалов со свевами у меня пропал бесследно целый обоз, три тысячи фунтов лучшего янтаря! А вы хотите к побоищу между варварами добавить чары, пахнущие мировым пожаром. Да-да, тем самым, о котором толкуют персидские маги и наши философы! Тебе ли, Эпифан, не знать!

-- А чего этот мир заслуживает, кроме гибели в огне? - рассмеялся царевич. - Все сгорит, даже твоя душа, Аттилий, ведь в ней духовности нет и на медный обол! Уцелеют и вознесутся в Высший Свет лишь души избранных, наделенные тайным знанием, недоступным торгашам.

Лицо торговца побледнело, пот обильно залил лысину, притаившуюся среди поредевших кудрей.

-- Все это, возможно, не столь близко, как тебе с перепугу кажется, - утешил его саркастическим тоном Рубрий. - В Иудее, как рассказывал мой друг Понтий Пилат, всякий нищий пророк

обещает конец света, кару злодеям и свое царство в ближайшие месяцы. Обещает, пока не повиснет на кресте... А чтобы ты еще меньше расстраивался, скажу, что наша затея как раз тебе и выгодна. Да-да! Скажи, к югу от Дуная у тебя ведь не пропадают обозы?

-- Ты еще сравниваешь! Везти товар по мощеным дорогам, среди мирных подданных Империи...

-- Вот и нужно, чтобы такие дороги шли до самого Венедского моря. А для этого надо сначала хорошенько ослабить тамошних варваров. Что мы с Эпифаном и будем делать. Бескорыстно, в отличие от тебя.

"Знаю я, какие деньги отваливают вам сирийцы с иудеями на ваши таинственные дела", - подумал Аттилий.

* * *

Войско росов двигалось на запад по водоразделу. На юге степь еще тянулась к старой дороге белыми ковыльными языками. На севере же лес вставал сплошной зеленой стеной. Возле реки Случи навстречу дружине выехал небольшой отряд под красным стягом с белым орлом. То была отборная дружина Собеслава, князя волынских словен - друзей и данников Ардагаста. Вооруженные хуже росов (железные доспехи были не у всех), словене, однако, выглядели не менее гордо. Собеслав - дородный, с пышными вислыми усами, в германском рогатом шлеме - поприветствовал Зореславича по-степному, а затем трижды обнялся с ним. Узнав о походе росов, словенский князь решил не уступить им в благочестии и вместе отправиться на поклонение Ладе.

Здесь, в лесу, на берегу Случи росы и словене остановились, чтобы отпраздновать Семик - великий праздник проводов весны и ее богов. За рекой виднелось словенское село. Крытые камышом деревянные хатки издали могли показаться жилищами карликов, но Каллиник знал: такие невзрачные жилища до половины углублены в землю. Весной и осенью в них сыровато, зато зимой тепло. У реки, возле брода, воинов уже ждала толпа поселян. Особенно радостно приветствовали гостей девушки. Пока мужчины разводили костер, молодые словенки вместе с амазонками и Ларишкой удалились в лес.

О мистерии, справлявшейся там, не многое знал даже любознательный и всеведущий Хилиарх. По его словам, девушки сплетали ветви берез в венки и целовались сквозь них не то друг с другом, не то с нимфами-русалками и клялись быть сестрами по

духу тем, с кем целовались. Об этом кизикинец поведал вполголоса царевичу и совсем тихо добавил, что сегодняшний праздник завершится ночью любви, когда даже муж не вправе упрекнуть жену за измену. Такое, однако, у венедов считается благочестием лишь на Семик и Купалу, в другие же дни - грехом, за который мужчину бьют сообща, а женщину водят по селу и всячески поносят.

Уже стемнело, когда из леса раздалось многоголосое пение и плач. Девушки вышли в одних рубахах, с венками на головах и березовыми ветвями в руках. Впереди сама собой шла... молодая березка с удивительно густой листвой. Лишь приглядевшись, Каллиник понял, что деревце несет бойкая чернокудрая амазонка Меланиппа по прозвищу Лошадка, полугречанка и приемная дочь Хилиарха. Искусно привязанные ветви почти скрывали обнаженное тело молодой женщины. Следом несли два гроба. В одном лежало соломенное чучело нагого мужчины, весьма откровенно изображенного. В другом - чучело женщины в платке и рубахе, с головой кукушки. Березку и гробы охраняли амазонки с секирами и луками. Вышата, подняв руки, возгласил:

-- Плачьте, люди! Умер Ярила, веселый бог, солнце наше весеннее! Умерла Лада-Весна! Уходят они от нас в иной, подземный мир, где Солнце не светит, петухи не поют, собаки не лают.

Ему откликнулась Лютица:

-- Плачьте, люди! По светлым богам плачьте! По всем сородичам нашим, безвестной недоброй смертью умершим! По утонувшим, в лесу пропавшим, зверями растерзанным, на войне убитым и не погребенным!

-- Плачьте, люди! Не оплачете светлых богов - не вернутся они с теплом, с обильем. Не оплачете заложных[19] - вернутся навьями да упырями.

Слова лесной ведьмы звучали зловеще. Быстро темнело, и чаща вокруг наполнялась непонятными криками, стонами, хохотом. Кто кричал? Звери, птицы, лихие люди? Или навьи, злые духи-птицы? Или упыри, жаждущие крови, чтобы поддержать в себе подобие жизни? Жуткий, темный, смертоносный мир обступил людей. Кто погибал среди него - сам становился его частью. Недалеко, к северу, лежал страшный Чертов лес, где Ардагаст добыл в гробнице Семи Упырей Колаксаеву чашу, а Вышата одолел духовного владыку леса - колдуна Лихослава. Там же, на берегу Случи, Зореславич убил своего дядю - жестокого царя росов Сауаспа-Черноконного. Не рядом ли их черные души? А где души сотен тех, кто в славных походах Ардагаста не нашел даже могилы, чьи неупокоенные кости разбросаны от Карпат до

уральской Золотой Горы, от жаркой Мидии до Ледяного моря?

Суровы были лица, стройны и печальны голоса воинов и девушек. Выступил вперед молодой гусляр Пересвет, муж Меланиппы. Запел о том, как Чернобог хоронил Ярилу живьем, закрывал досками железными, щитами дубовыми, засыпал песками рудо-желтыми. Голосу певца вторили причитания Ардагунды, изображавшей Лелю, жену и сестру Ярилы. В изорванной рубахе, заломив руки и скрыв лицо распущенными золотистыми волосами, стояла царица амазонок над мертвым богом, словно Изида над Озирисом. Только ее брата-царя Ардагаста почему-то не было видно. Вдруг умолкли струны и заговорил Вышата:

-- Люди! Не навсегда уходят светлые боги и не зря. Ушел Ярила в Мать Сыру Землю и отдал ей свою солнечную, живую силу. Вернется он к нам ярой пшеницей, густой рожью. А весной вернется и сам с зеленой травой, с теплом, дождями - святым белым всадником. Вернется и Жива-Весна: без нее ничего не родится. Она нам по весне кукушкой года считает, годам же ее жизни и счету нет. Всех богов она старше, а не старится. Воскресни, Ярила! Воскресни, Жива!

Пересвет снова запел: о том, как восстал из могилы Ярила, сел на белого коня, освободил из чащобы Чернобожьей сестер - Лелю, Морану и Додолу, вернул им облик божеский. Гусли звучали поначалу торжественно, потом все быстрее и веселее, и под звуки их менялся сам певец. Печальный, худой, слабый с виду, хоть и при оружии - куда такому против всей Тьмы. И вот уже он - рубаха-парень, веселый и отчаянный.

Неожиданно поднялся из гроба соломенный Ярила, бесстыдно-нагой и святой в своей наготе, а следом за ним, в простой белой одежде, с пучком колосьев в одной руке и Колаксаевой Чашей в другой - царь Ардагаст, златоволосый, смеющийся. Радостные крики огласили лес. Леля-Ардагунда сбросила рваную рубаху и осталась в белой вышитой сорочке, возложила венок на свои роскошные волосы и первой пошла в пляс вместе с братом. Выбежали к костру двенадцать русальцев с мечами и жезлами в руках, в плащах с косыми крестами - знаками Огня и Солнца. Еще громче и быстрее зазвучала музыка, и русальцы понеслись по кругу, высоко подскакивая и вертясь волчком. Скрещивались мечи, мелькали жезлы, скрывавшие в навершиях чародейные травы, страшные для нечисти. Были среди русальцев Вышата и Вишвамитра, Хилиарх и Сигвульф и другие лучшие воины росов: сармат Сагсар с сыном Нежданом Сарматичем, Всеслав, княжич дреговичей, и его друг кушан Хоршед.

А вокруг русальского круга-кола уже шло другое - из амазонок, и вела его Ларишка. А коло поляниц окружило самое большое коло, в котором плясами все остальные, не исключая великого царя Инисмея с его аланами. Закружило, понесло оно и царевича-эллина. В Коммагене он видел, как оплакивали Таммуза, Аттиса, Адониса - беззащитного юношу, возлюбленного могучей и порой жестокой богини. Но здесь, у суровых скифов, и Адонис был воином, способным защитить мир от Тьмы. С копьем и щитом плясал Ярила-Ардагаст, а рядом с ним взлетала белой лебедью, взмахивая широкими рукавами, Леля-Ардагунда.

Но вот разомкнулись все три кола, девушки подняли гробы бога и богини и бросили их в реку. Посыпались крепкие мужские шутки насчет того, за что именно любят бабы веселого бога. По шаткому на вид наплавному мосту веселая толпа повалила на другой берег - к зеленому еще ржаному полю. Впереди шла-плыла березка - Меланиппа. Звонкие девичьи голоса выводили:

Где девки шли
Да поневами[20] трясли -
Тут рожь густа,
Умолотиста, уколосиста.

Навстречу из села шла другая, столь же веселая, празднично разодетая толпа. А из густых камышей, из зеленых хлебов выбегали и проворно скрывались в толпе какие-то бойкие девушки в одних сорочках, с распущенными волосами, почему-то казавшимися в лунном свете зелеными. Вот упала в рожь березка, а Меланиппа, чью наготу скрывала лишь листва, прыгнула следом и заплясала среди зеленых волн, из которых то и дело выныривали рядом с ней, беззаботно смеясь, зеленоволосые девушки. Да это же русалки - венедские нимфы! А среди хлебов вдруг разлилось белое сияние, и все увидели светловолосого всадника на белом коне, во всем белом, с копьем и золотым щитом. Он рассмеялся легко и весело, приветственно взмахнул копьем и поехал на запад, вверх по реке. "Белый Всадник! Ярила!" - восхищенно закричали люди.

-- И-эх! Свят наш путь! Не сбились! - с чувством воскликнул Шишок.

Мужские голоса разухабисто затянули:

Шел Ярила ледом,
Нес корчагу с медом.

Заходили по рукам куски еще горячей яичницы, горшки и амфоры с хмельным медом, пивом и даже с привозным вином. Рядом с Каллиником появился Хилиарх с яичницей в одной руке и полной душистого меда глиняной кружкой - в другой.

-- "Все живое - из яйца", - здесь это знают и без наших философов. Яйцо - это жизнь и воскресение. Помяни же тех, кто отдал жизнь за тебя, царевич!

Взяв кружку, Каллиник плеснул медом в хлеба и вполголоса призвал души своих воинов, павших семь лет назад. Они не просто пали - разбили легионеров во славу Матери-Коммагены. Если бы отец тогда не отчаялся и не сдался римлянам... Но даже горькая память о поражении не могла сдержать волну радости, захлестнувшую душу царевича. Здесь все было, как на любимых им сельских Дионисиях: святое веселье простых честных поселян. Никто здесь не обманет, не донесет, не подсыплет яда в вино...

-- Люди! Ярила ждет любви! Это - лучшая ему жертва. Без нее не воскреснет он, не одолеет силы Смерти! - разнесся над толпой голос Вышаты.

Каллиник огляделся, ожидая бесстыднейшей оргии. На последнем таком развлечении у Нерона никто не счел молодого коммагенца слабым или стеснительным. Только наутро было противно, словно побывал в шкуре не то осла, не то племенного быка... Но оргии не было. Просто парочки одна за другой исчезали во ржи или в зарослях, как видно, сговорившись заранее.

Заметив красивую темноволосую словенку, которую никто не спешил уводить, Каллиник шагнул ей навстречу. А она улыбнулась призывно, словно только его и ждала, потом вдруг попятилась и, махнув рукой, побежала в лес с криком: "Лови, гречин!" Царевич бросился следом. Словно лесной призрак, девушка то пропадала среди зарослей, то взлетала на высокие ветви. Забыв обо всем. Каллиник топтал ногами кусты, рубил мечом ветки, пока, наконец, не оказался на топком берегу реки. А словенка уже стояла по колено в воде, и ее сорочка даже не была порвана. Со смехом она окунулась, снова поднялась. Теперь ее стройное тело, обтянутое тонким мокрым полотном, было еще соблазнительнее, чем просто обнаженное. Черные влажные волосы оттеняли бледность ее кожи. "Где она от солнца пряталась?" - мелькнула мысль.

Загадочная, и от того еще более желанная, венедка медленно отходила к заросшему таволгой островку. Голос ее журчал лесным ручейком:

-- Какой ты красивый, гречин! И смелый. Иди сюда, здесь

мелко.

Не сняв ни сапог, ни перевязи с мечом, Каллиник шел на ее зов. А дно под ногами становилось все более вязким, быстро уходило вниз. И волосы красавицы были уже не черные - зеленые. Но не было сил даже отвести взгляд от этого белого, словно отлитого из лунного света, тела, от прекрасного лица, зовущего испытать себя, свою удаль.

-- Ты что это делаешь с нашим гостем? Уходи, не то полынью проучу! - раздался вдруг сзади решительный девичий голос.

Не без усилия царевич обернулся. На берегу стояла светловолосая амазонка в белой сорочке и шароварах, заправленных в сапожки, с секирой у пояса.

-- Разве мы теперь не сестры? - обиженно отозвалась русалка. - В такую ночь побаловаться с красавчиком не даешь...

-- Знаю я ваше баловство! Защекочешь или утопишь. А в другую ночь я бы тебя, сестричка, за такое чертополоховым веником по спине...

-- Ну и забирай гречина себе, сестра. Я не жадная, - рассмеялась венедская нимфа и скрылась в воде, только рыбий хвост блеснул серебром в лунном свете.

Едва не оставив сапоги в вязком иле, Каллиник выбрался на берег. Недоверчиво взглянул на амазонку: вдруг еще одна проказливая демоница? Но та приветливо улыбалась ему, держа у лица пучок не любимой русалками полыни.

-- Не узнал меня? Я Виряна-эрзянка[21]. Виряна - значит "лесовичка". К поляницам пристала в прошлом году, когда Ардагаст к нам на Ра-реку[22] пришел... Я хотела с тобой пойти, а тут эта... сестричка. Еле вас догнала. Слушай, пойдем отсюда! Тут комарья полно, а рядом полянка такая хорошая...

Ее курносенькое веснушчатое лицо показалось теперь царевичу очень привлекательным. И поляна, куда она его вывела сквозь густые заросли и бурелом, была хороша: укромная, с густой мягкой травой. И полетели в эту шелковистую траву секира и меч, потом - одежда... Усталые, но довольные, они проснулись на рассвете. Виряна быстро надела сорочку, с благодарностью взглянула на молодого эллина.

-- Какой ты хороший, Каллиник! Как любить умеешь! Ох, и порадовали мы Ярилу... А Синько, жених мой, все-таки лучше. Он не дружинник, пахарь простой, поэтому в поход не пошел. А жаль...

Каллиник отвел взгляд. Вот так. Никому он, царевич без царства, не нужен. Знатные шлюхи, гетеры, рабыни... Даже Клелия, такая добрая и ласковая, раздумала вдруг идти к нему в

наложницы и вышла замуж за тихого работящего парня из своего села. Теперь вот эта варварка с края света... И все они считают его хорошим любовником. Что ж, не стоит их винить за то, что не хотят разделить с ним жизнь изгнанника и заговорщика... С небрежным видом он спросил:

-- А что, Ардагаст этой ночью тоже радовал Ярилу с какой-нибудь из вас? Или со словенкой?

-- Что ты! Он и на Ярилу, и на Купалу - только со своими женами. И наша Ардагунда - только с Вишвамитрой. Крепкая у них любовь... А вот Андак - тот случая не упускает.

* * *

На юге в этот день тоже праздновали. На Делосе, родине Аполлона и Артемиды, рано утром сошел с корабля Аполлоний из Тианы. Горожане и крестьяне, стекавшиеся к храмам, радостно приветствовали великого солнечного мага. А он неторопливо шел мимо древнего алтаря, сложенного из козьих рогов, к алтарю Аполлона Родителя. Только этот алтарь некогда почитал Пифагор, ибо здесь приносились лишь бескровные жертвы. Почтив память величайшего солнечного мудреца, Аполлоний вошел в ограду храма Артемиды. Вот и громадная старая маслина, а под ней - могила гиперборейских жриц, которые греки зовут Гиперохой и Лаодикой. Гробница еще двоих гипербореек, Арги и Опис - за храмом. У входа в храм гостя уже ждала одетая в белое немолодая жрица, чье лицо хранило еще следу былой красоты без заметных усилий самой женщины.

-- Здравствуй, Аполлоний! Мы все так рады тебе. Именно сегодня, в день Таргелий, когда наш златокудрый бог прилетает из Гипербореи...

-- Только не уподобляй меня Аполлону, дорогая Делия. Не то мне придется сравнивать тебя с Артемидой, а ты уже не та юная охотница, из-за которой я чуть не отказался от путешествия в Индию за солнечной мудростью.

-- Ты мог бы сейчас быть почтенным жрецом Аполлона здесь, на Делосе, - вздохнула женщина. - Писал бы в покое и тишине мудрые книги...

-- ...О том, что мир прекрасен, а его отдельные несовершенства можно стерпеть даже в царствование Нерона. Видно, Аполлону такие книги надоели, и он предпочел сделать из меня бродягу и смутьяна.

-- Скажи хоть, надолго ли ты к нам?

-- Пока не удастся отвести руку Тьмы от храма Лето в

Гиперборее.

-- Какой варвар решился посягнуть на него?

-- Увы, для такого кощунства скорее нужно не быть варваром. Пойдем-ка подальше от твоих любопытных прислужниц, хотя бы к маслине, и ты узнаешь, на что способны иные просвещенные и посвященные эллины...

Выслушав рассказ Аполлония, жрица гневно воскликнула:

-- Неужели твои люди еще не убили этого негодяя и святотатца Эпифана?

-- Милая Делия, ты кровожадна, как иудейский сикарий[23]. Об этом мерзавце мы, по крайней мере, знаем, кто он, на что способен и откуда пробирается в Гиперборею. А если его убить, Валент может послать другого негодяя, и мы об этом даже не узнаем. - Маг воинственно вскинул голову. разгладил длинные волосы и бороду. - Они любят ставить опыты! Так вот, мы тоже поставим опыт. И начнем уже сегодня. Вот тут и понадобится твоя помощь. Скажем, так: я - у Пифагорова алтаря, ты - здесь, у могилы гипербореек. Взгляни-ка на мои расчеты...

Вечером праздник был в разгаре. Возле алтаря из рогов юноши, построившись клином, танцевали геранос - танец журавлей, затем бежали вокруг алтаря, а от него - к маслине. При этом жрецы нещадно хлестали парней бичами, а те улыбались, показывая светлым богам силу духа. Были среди этих ребят и греки, и фракийцы, и даже покрытые татуировкой агафирсы из Данкии: перед Аполлоном-Солнцем все равны. В храме Артемиды девичий хор исполнял гимны гиперборейским девам, сочиненные некогда Огеном - не то варваром-ликийцем[24], не то гипербореем. Юноши, достигшие возраста воинов, и девушки-невесты клали пряди своих волос на могилу Гиперохи и Лаодики.

Над жертвенником у могилы стояла с воздетыми руками Делия. Над Пифагоровым алтарем - Аполлоний. Теплый ветер нес на запад дым от жертвенных зерен и трав. И вместе с ним летела на запад и затем на север дружественная мысль: "Слушайте все, чтущие Мать Солнца, Мать Мира и ее светлую дочь! По Янтарному пути идет раб Тьмы. Имя ему - Эпифан из Коммагены. Его нечестивая цель - в самую короткую ночь года разрушить Янтарный Дом силами Огня и Воды".

"Слушайте, все воины Солнца на Янтарном пути! Я, Аполлоний из Тианы, знаю, как одолеть святотатца. В ту ночь, священную и страшную, мы все должны собрать силу Солнца и Луны и направить ее по нашему Пути на защиту Янтарного Дома. Сейчас мы лишь испытаем наши силы на огнях наших алтарей. Готовьтесь!"

Эти мысленные голоса услышали жрецы в храмах Аполлона

на островах Теносе и Эвбее, в храме Деметры у Фермопил, в древней Додоне, где потомки пеласгов[25] читали волю Зевса в шуме дубовых листьев. От Додоны птицы-мысли повернули на север, к Аквилее в земле венетов. Здесь, посреди священной рощи стояли два беломраморных храма. Волки и олени выходили к ним, не трогая ни людей, ни друг друга. Некогда волк пригнал к храмам табун удивительных белых коней. Их потомки, только здесь и сохранившиеся, возили священные колесницы Юноны и Дианы, владычиц храмов. Венеты, впрочем, звали Мать Мира и ее дочь иначе. Как - об этом и о многом другом знала главная жрица Флавия Венета, вдова почтенного члена городского совета. Теперь, когда по-венетски говорили одни поселяне, она лучше всех разбиралась в священных книгах венетов, а также в древней магии этрусков, некогда ездивших на север за янтарем. Любители старины прямо-таки боготворили жрицу, бывшую к тому же не сухой книжницей, а приятной, остроумной и добросердечной женщиной.

А птицы-мысли летели дальше - за Дунай, за Карпаты, за Вислу, к Лысой горе - самой высокой среди Святокрестовских гор. На вершине ее - длинная ограда из камня. Люди двух племен - варинов и гариев - собрались в этой ограде. В обоих племенах есть и германские, и венедские роды. Все они пришли почтить святую троицу: Ладу, Водана и Лелю, двух словенских богинь и германского бога. Их идолы стоят на самой вершине, где еще недавно безобразничали в Вальпургиеву ночь ведьмы с ведунами, пока не выгнали их волхвы светлых богов. Поселяне уже оплакали безвестно умерших, возложили на костер чучела Ярилы-Яровита и Лады-Весны, и на горе воцарилось буйное веселье. Неслись вокруг костра, словно летучие духи, русальцы. Грозное коло вели воины-гарии в черных одеждах, с черными щитами и зачерненными сажей лицами. Плясали перед идолами волхвы и волхвини. Но, услышав беззвучные голоса, замерли жрецы и воины богов, готовые чарами и мечом отразить силы Тьмы.

Среди лесистой равнины над рекой Виадуей вздымаются три горы: Коршунова[26], Соботка и Радунь. Горами владеет племя вандалов-силингов. Но и в этом краю вперемежку живут, не уступая друг другу храбростью, германцы и венеды. Три века назад они вместе изгнали воинственных кельтов из этого края. Кельты ушли, но остались белые друиды. Слишком хорошо они умели говорить с богами на вершинах гор, наблюдать там небесные светила, прорицать, исцелять. И венеды, мягкосердечные и незлопамятные, не стали гнать пришельцев в белых плащах и дубовых венках со своих священных гор, на которых предки венедов возвели каменные ограды для

праздничных игрищ. А черные друиды, мастера злых чар и страшных кровавых обрядов, бежали сами, успев перед этим выучить местных ведьм и ведунов многим лиходействам.

В этот вечер на вершине Соботки у алтаря, сложенного из каменных плит, стоял седой, как лунь, старик - верховный друид Думнориг. Его величали "царем друидов", и железная корона сдерживала гриву седых волос. Синие глаза гордо и зорко смотрели из-под густых бровей. Рядом в почтительном молчании стояли два младших жреца и две друидессы. Зрение старого мудреца не ослабло от возраста, и он ясно видел праздничные толпы в священных оградах на двух меньших горах. На Коршуновой горе собрались силинги, на Радуни - асдинги, царское племя. А еще пришли посланцы от дедошан, мазовшан и других племен, живущих между Судетами и Бугом, по Виадуе[27] и Висле. Весь этот могучий союз зовется по-германски вандалами, а по-венедски лугами. Твердой рукой правит им великий конунг Геберих Асдинг.

Для царя друидов все они, германцы и венеды - молодые племена, озорные и неуемные дети. Они помнят разве что своих великих воинов. Жрецы же должны помнить более важное и священное. В этом краю жили некогда два народа: темноволосые венеты, искусные ремесленники и торговцы, и русые словене[28], простоватые и работящие пахари. От первых нынешние венеды получили имя, от вторых - язык. Но именно венеты, расселившиеся от лазурных вод Адриатики до туманных берегов Венедского моря, проложили Янтарный Путь: для купцов - путь к богатству, для мудрых - священный путь добра и мира, Путь Солнца. Четыре века назад пришли сюда друиды - и стали его частью. Иначе не удержались бы здесь так долго: сам Путь не держит тех, кто ищет зла и раздоров.

Вот на Радуни, в ограде, холм, против него - дубрава. В ней, прямо на стволе тысячелетнего дуба, вырезаны образы богов-близнецов. Германцы зовут их Алками - Охранителями, венеды - Лелем и Полелем. А на холме - идол Лады, их матери. При венетах на горе служили богам только жрицы. И даже сейчас друид, хозяин дубравы, носит женскую одежду. Да вот он ведет, приплясывая, толпу к воротам ограды. Совсем еще молодой. Белериг, а недавно - Белояр, веселый парень, любитель рядиться по-женски на святки. Никто, однако, не скажет, что он не мужчина, девчонки особенно. При этом любознателен и памятлив. Нет, Думнориг не жалеет, что взял его в ученики и принял в жреческое племя. Белериг хорошо знает даже древние венетские заклятия, не только кельтские. Молодые-то теперь между собой по-кельтски почти не говорят, а венетский даже он,

Думнориг, плохо знает. Зато Белериг не поленился съездить в Аквилею, поучиться у Флавии Венеты. Жрица осталась довольна...

Темнело, но старому друиду помогало духовное зрение. Вот обе толпы спустились с гор, сошлись у северного подножия Соботки и двинулись вверх по священной дороге, отмеченной косыми солнечными крестами на скалах. Впереди, рядом с веселым друидом, пляшет с боевой секирой грозный Геберих, а его молодой сын Гелимер - с мечом и копьем. Лихой мальчишка, верхом скачет не хуже сармата. Мальчики веселятся... А ведь это он, Думнориг, много лет подсказывает им, где и вместе с кем стоит совершать подвиги.

Толпа уже достигла искусно высеченных кельтами каменных статуй. Две медведицы - это Мать Мира и ее дочь. Богиня с рыбой, меченной косым крестом - та же Мать Богов. В облике золотой рыбы она рожает великих героев и самого Бога Солнца.

Пройдя две трети пути, толпа подошла к каменной ограде, опоясывавшей вершину. Здесь начинались владения иного бога - Громовержца. Кельты его зовут Тараннисом, германцы - Донаром и Тором, а венеды - Перуном и Йешей-Ящером. Когда тучи окутывают гору, они не опускаются ниже ограды. Думноригу не раз приходилось совершать обряды в грозу, среди туманной мглы и бивших в вершину громовых стрел. Несколько его предшественников на этом месте были поражены молниями, и никто не смел оплакивать удостоенных богами такой чести.

В этот миг мысленные голоса с Делоса достигли слуха друидов. И замерла по одному их знаку ликующая, разгулявшаяся толпа.

И еще услышали голоса две жрицы. Одна - в беломраморном храме Юноны у Адриатики, немолодая, но еще привлекательная женщина. Вторая - в срубленном из дубовых бревен святилище на Янтарном берегу, красавица с золотистыми глазами и волосами цвета янтаря. Они никогда не встречались, а беседовали только мысленно. Но духовный взор их охватывал весь Янтарный путь, и знали две давние подруги, Венета и Венея о том, что на нем творилось, решительно все.

Тем временем далеко на юге Аполлоний и Делия произнесли заклятия, и пламя на двух алтарях взметнулось к потемневшему небу. На могиле гипербореек оно сравнялось высотой с громадной маслиной, и тут на верхушке его разлилось серебристое сияние, словно цветок из холодного лунного света вырос на огненном дереве. А на пламени, рванувшемся вверх с Пифагорова алтаря, вырос такой же цветок, только золотой. Два доступных лишь духовному зрению луча слились в один, и он

устремился на запад, затем на север, от святилища к святилищу, направляемый волей жрецов. И вырастали огненные деревья в каменных и деревянных храмах, в дубравах и на вершинах гор, и расцветали на них двухцветные, злато-серебряные цветы.

Слышал голоса со священного острова и тот, к кому они, в общем, и не относились: Флавий Никомах, жрец храма Аполлона в Прасиях на восточном берегу Аттики. Храм стоял не на Янтарном пути, но его жрец был воином Солнца. Жители Прасий уважали отставного центуриона Никомаха и десять лет подряд избирали его жрецом. Все знали, что он одним из первых поднял в Риме солдат против Нерона, а ногу чуть не потерял, сражаясь за Веспасиана[29] против тирана Вителлия[30]. Хромой ветеран держал яблоневый сад и пасеку, обходясь без рабов. Еще читал он книги и занимался магией, однако никто не посмел бы обозвать его колдуном - столь охотно помогал он своими чарами соседям в их нехитрых делах. Но лишь члены Братства Солнца знали, сколько рабов бежало с его помощью с расположенных неподалеку страшных Лаврионских рудников.

Как истинный ученый и маг, Флавий никак не мог удержаться от интересного опыта. Его дружественная мысль быстро нашла старого приятеля - боспорянина Стратоника. Тот как раз замещал жреца в храме Аполлона в Синопе и мысленно связался с Авхафарном, верховным жрецом росов, справлявшим праздник Ярилы на берегу Тясмина. Старый жрец сумел, не без помощи Вышаты, достичь мыслью Янтарного Дома. И вот незримый луч по пути с Эвбеи к Фермопилам вдруг дал ответвление - через Прасии, Синопу, Суботов и берег Случи до самого Венедского моря, и на этом пути расцвели еще четыре пламенных цветка. Аполлоний, заметив это, лишь покачал головой. Бывший центурион находил применение своей смелости даже в самых мирных делах.

Заметили волшебный луч и в Экзампее - древнем святилище у перекрестка двух дорог к югу от Суботова. Некогда здесь цари сколотов-пахарей совершали обряд с Колаксаевым небесным золотом. Погибла Скифия, запустело ее главное святилище, но по-прежнему собирались в нем таившиеся от людей жрецы Солнца, потомки сколотского жреческого племени авхатов. Учившегося у них Вышату они считали отступником и бродягой, Ардагаста - сарматом и сарматским прихвостнем. Но гордые жрецы, живя мечтами о возрождении Великой Скифии, тщательно следили за всем, что творилось на ее землях. А порой и вмешивались, как прошлой зимой, когда Фарзой с помощью Валента пытался завладеть Колаксаевыми дарами. Великому царю Аорсии это стоило жизни.

* * *

А виновник всей этой магической тревоги лишь пару дней спустя выехал из Карнунта. Путь Эпифана лежал долиной Моравы на север, к Карпатским воротам. Здешние германцы-квады тридцать лет назад с помощью лугов изгнали своего конунга Ванния, верного раба Рима, и не очень-то жаловали римлян. Но царевич ехал, не скрываясь, в римском гребенчатом шлеме и панцыре с серебряным ликом Горгоны на груди. Всюду он находил себе гостеприимцев, проводников и защитников - друзей старого торгаша Аттилия. Так было не только у квадов, но и за Карпатами, в дремучих лесах, среди воинственных лугов, бургундов, готов.

Коммагенец воспринимал все как должное. Пьянствуя, охотясь вместе с радушными хозяевами и клянясь им в дружбе, в душе он презирал всех этих варваров. Ездят кутить в римские города, а сами не только не строят городов, но даже забросили старые кельтские городки. Эбуродун, Карродун, Калисия, Аскаукалис[31] - просто большие села. Вместо храмов - рощи или бревенчатые сараи. Грязь, вонь, невежество. Хижины без труб, продымленные, закопченные, под одной крышей с хлевом. Никаких книг, рунами пользуются только для колдовства, при этом магическое искусство воины почитают бабьим делом. Нет, для них всех будет благом поменять такую вот "свободу" на римское иго!

И царевич-центурион ехал лесами, высокомерно поглядывая вокруг и прикидывая: здесь хорошо бы поставить каменный мост, здесь - крепость, тут - храм с портиком. Прорубить, вымостить хорошие дороги. Из этих вот тупых незлобивых венедов выйдут отличные рабы. А из тех задиристых германцев - надсмотрщики. Хозяевами же, то есть эллинами, станут только те, кто сумеет жить по-эллински. Как сумели это римляне, а недавно и галльские аристократы, и даже знатные германцы с левого берега Рейна.

Так и ехал царевич без царства по венедским пущам - гордо и уверенно. Будущему хозяину не пристало чего-либо бояться на своей земле. И он в одиночку схватывался с шайками разбойников, лесными и болотными демонами. Разбойники не могли устоять перед его длинным всадническим мечом и опытной рукой, нечисть - перед изощренными заклятиями, почерпнутыми из древних папирусов и глиняных табличек, купленных за немалые деньги. Порой он ощущал на себе действие чар - простых, варварских. Чтобы отразить их, хватало тех же южных заклятий, а еще - серебряной Горгоны с сапфировыми глазами,

подаренной Валентом. Ничего, пусть эти лесные колдуны убедятся в бессилии своих корявых рун, черт и рез. Они еще узнают, что такое настоящая магия - в самую короткую ночь года.

И все же он не рвался в прокураторы будущей провинции Венедии. Разве лишь на время - чтобы хорошенько обогатиться и выслужить у Нерона свое маленькое царство на Евфрате. И взойти, наконец, на гору Нимврода в золотой диадеме для торжественного жертвоприношения. Не для глупых и трусливых поселян - для самого себя, потомка персидских и эллинских царей.

Глава 2. К Янтарному берегу

Войско росов шло на север правым берегом Буга. За рекой виднелись все те же мазанки и землянки под соломенными крышами. Порой какие-то молодцы в рогатых шлемах, на низеньких лохматых лошадках принимались гарцевать, размахивая копьями и мечами, но реки не переходили.

-- Плохие у германцев кони. Мелкие, - пренебрежительно заметил, глядя на них, Инисмей.

-- У гуннов тоже кони мелкие, зато выносливые, - возразила Ларишка.

-- А самих германцев даже римляне считают сильными и храбрыми воинами, - добавил Каллиник.

-- Да разве эти, за рекой, германцы? - хмыкнул Собеслав. - Дружинники вандальские из словен. Немцев тут, на востоке мало. Там, за Вислой, у моря больше.

-- Трудно вам, венедам, с такими воинственными соседями? - спросил царевич.

-- Трудно тем, кто в лесу воевать непривычен, - ответил князь словен. - Хоть бы и римлянам. А нам, словенам, лес - дом родной... Нет, с немцами жить можно, хоть и забияки они, и хвастуны. Ну, ходим в набеги: они на нас, мы на них, кому как боги помогут. А то вместе еще на кого-то: Чернобог на врагов не скупится. Да много ли эти воители великие без нас стоят? Среди вандалов, бургундов, ругов добрая половина родов - словенские.

-- А готы? - полюбопытствовал Каллиник.

-- Нечистый их из пекла выпустил, песью кровь! - выругался Собеслав. - Как пришли они из-за моря на своих ладьях змееголовых - все в лесах кверху дном перевернули. Хлебом их не корми, пивом не пои, - дай только кровь лить. Со всеми воюют, всех грабят, в полон уводят, а работу норовят на холопов переложить - тех же словен. У нас, росов, царь за плугом ходит, а этим, видишь ли, зазорно. Лодыри и разбойники, каких свет не видел!

Каллиник бросил взгляд на Сигвульфа. При готе поносили его племя - не схватился бы за оружие. Но тот заговорил тяжело и глухо.

-- Готы конунга Берига - мои кровные враги. Я из племени конунга Катуальды. Мы издавна жили между низовьями Виадуи и Вислы. Но конунг с лучшими воинами ушел на Дунай, и племя ослабло. Мне было пять лет, когда драккары Берига вошли в устье

Вислы. Сначала разбили ругов, потом нас. В тот день воины нашего селения пировали после удачного набега на бургундов[32]. И тут на реке показались драконьи головы... Мужчины, и среди них мой отец, прямо из-за столов бросились с оружием к берегу, но первыми напасть на родичей не смели. С драккаров спрыгнули воины в медвежьих шкурах. С громовым ревом они бросились на наших воинов, и те полегли все до одного. А люди-медведи обрушились на селение. Не искали добычи, не насиловали - только убивали. Женщин, детей, скотину - всех подряд, лишь бы убивать. И при этом ревели, как бешеные звери. Двое превратились в медведей и стали рвать тела и расшвыривать кровавые куски... Одному из них попалась моя мать. Я бросился защищать ее, но тетка схватила меня и силой уволокла в лес. Так я впервые увидел берсерков. Вскоре собралось ополчение племени и вышло на бой с Беригом. И тут между двумя войсками встала их пророчица. С виду девчонка, а волосы седые. Кричала, грозила карами Одина за то, что мы не пришли родичам на помощь против ругов. И обещала, обещала: далекие походы, добычу, великую славу - и все под властью Берига, избранника Одина. И воины польстились на все это, забыли даже о мести за нас. - Сигвульф сжал кулаки. - Так не стало нашего племени. Несогласные ушли к нашим родичам на Дунай, в землю квадов. А к Беригу собираются изо всех племен те, кому война и разбой милее всего - рода, племени, чести. Только меня, Сигвульфа, сына Ульфилы, среди них не было и не будет, клянусь светлым Бальдром-Даждьбогом!

- Отомстил ли ты им? - осторожно спросил Каллиник. Гот сверкнул глазами:

- Отомстить им может только очень сильный конунг. Я был солдатом кесаря, теперь я - дружинник конунга росов. У него и без готов хватает врагов и дел. Почему он должен затевать войну из-за моих старых обид? А легионы я в родные места ни за что не приведу.

- Они и нас, волынских словен, обижают. Приходят на ладьях, грабят, людей уводят. Проучили бы вы их, могучие степные цари, - взглянул на Ардагаста и Инисмея Собеслав. - Защитили бы нас, друзей своих.

- Что же ты, друг, только теперь стал нам дань давать? А прежде пировал то с Ардагастом, то с Беригом, - иронически прищурился Инисмей.

-- Нам, словенам, дороже всего воля, - проворчал в пышные вислые усы Собеслав.

-- Разве мое царство похоже на невольничий базар? - в упор взглянул на него Зореславич. - Или тебе по душе такая воля, как у

готов?

-- Забери ее Чернобог в пекло! Чтобы мой сын в нелюди-берсерки подался? Хватит с нас своих волколаков!

-- А вдруг не хватит? - хитро осклабился Волх. - Одно дело - злые ведуны-оборотни. Другое - бедолаги, ими обороченные. А третье - мы, серые воины Ярилы. Волков бояться - в лес не ходить! - он захохотал, блеснув крепкими белыми зубами.

* * *

Следуя вдоль Буга, отряд вошел в земли племени мазовшан. Здешние венеды с опаской поглядывали на хорошо вооруженных пришельцев, но быстро успокаивались. "Раз никого не трогают, значит, и впрямь для святого, благочестивого дела идут". За устьем Нужеца, где Буг уходит на юго-запад, росы собирались повернуть на север и напрямик через леса выйти к Нареву. И тут навстречу им выехал десяток нагловатых молодцов в рогатых шлемах, с серебряными шпорами. Сорочек они не носили, плащи, застегнутые на плече, были на германский лад наброшены прямо на голое тело. Их предводитель, поигрывая секирой, обратился к Ардагасту:

-- Что же это ты, царь росов, по земле нашей едешь, а князя нашего Прибыхвала не уважишь: даров не послал, в гости не приехал? Как раз русальная неделя начинается, набожным людям время русальничать - пить да гулять.

-- С теми, кто готов пропускает наши земли разорять, я не пью, не гуляю, и даров таким не шлю, - отрезал Зореславич. - Да и недосуг мне: в святую ночь Купальскую в святом месте Лады нужно быть, а не у твоего князя на гулянке.

-- Гневишь князя, степняк... и богов. Ты чтишь Солнце, а наш князь - Йешу-Перуна. Видишь герб Прибыхвала? - Молодец постучал секирой по щиту. - В нем два грозовых зверя, две черные тучи. Скроют они твоего бога - кому будешь молиться?

На красных щитах мазовшан мрачно красовались черный медведь с черным вепрем. "Свиньей да медведем нас пугать?" - возмущенно зашумели росы. Инисмей гордо указал на свое знамя:

-- А эту тамгу видели? Солнце и две молнии. Это значит: мне, Инисмею, великому царю аорсов, помогают и Солнце, и Гром. И не я в гости езжу ко всяким лесным князькам, а они ко мне!

Ардагаст примирительно произнес:

-- Мы в вашей земле никого не тронули. А теперь и вовсе уходим. Туда, на север.

-- Через пущу? - рассмеялся ему в лицо мазовшанин. - Кто тебя без нас проведет? Леший да волк?

-- Они самые! - рявкнул Шишок, выпятив косматую бороду. - Леший - вот он я, а вот и песик мой, Серячок!

-- И не он один! - сказал Волх и призывно завыл. Пуща ответила ему воем сразу в нескольких местах. Из зарослей вышли трое крупных волков. Один из них, пристально взглянул на мазовшан и произнес по-человечески:

-- А не много ли скотины у князя вашего? Если надо - убавим.

Наглость враз оставила Прибыхваловых дружинников. Не найдя, что ответить, они развернули коней и ускакали прочь. Три волка перекувыркнулись и поднялись статными молодцами с волчьими шкурами на плечах.

-- Это наши ятвяжские братья. Они нас на север проведут. Ты уж, Шишок, отдохни, - сказал Волх.

* * *

В это время князь Прибыхвал в своем доме на берегу Вислы принимал совсем других гостей. Стол ломился от яств. Были тут и вепрятина, и лосятина, и тушеная капуста с мясом и грибами, и мучная похлебка с колбасой, и громадные калачи с брынзой. Меды, хмельные и простые, яблочные, вишневые - в узорчатых горшках, похожих на римские ведра-ситулы. А привозное вино - в настоящей ситуле, бронзовой, с ручками в виде развеселых сатиров. Все говорило о том, как богат и щедр князь мазовецкий. А оружие, шкуры и рога зверей на стенах - о том, сколь славен он на войне и на охоте. Сам хозяин с важным, самодовольным видом восседал под щитом со своим гербом, держа в одной руке жирную гусиную ножку, в другой - полный меда турий рог в серебряной оковке, с бычьей головой на конце. В его длинные, по грудь, рыжеватые усы были вплетены янтарные бусины и мелкие самоцветы.

Гости собрались подстать хозяину - гордые и важные, в плащах с серебряными застежками, мечи - в вычурных бронзовых ножнах, на сапогах серебряные шпоры. Все - римской работы или хоть от бродячих ремесленников с Дуная. В крепких, привычных к оружию, но не к плугу, руках - турьи рога и кубки финикийского стекла. Это - старейшины, лучшие дружинники, волхвы, все те, кого словене зовут "панами".

Рядом с князем племени - божий князь, верховный жрец Триглава Черноха. Длинные темные волосы падают на черный

плащ, на черной же сорочке выделяется серебряный трехглавый идольчик на медной цепи. По худому вытянутому лицу волхва никак не догадаешься, что он - любитель поесть и выпить, не хуже остальных панов.

Но самые почетные сегодня - дальние гости, братья Медведичи и сестра их Лаума. Будто зачарованные, слушают паны о том, как ходили Черные Медведи к горам Уральским, полным сокровищ, как обороняли неведомые племена от хищной орды росов, как загнали ее в холодную северную степь, что зовется "тундра". Да, были когда-то и у словен великие могуты и храбры[33], от медведей рожденные! На валах городков бились со скифами, а после ели их мясо, пили кровь из черепов. Теперь только в восточных дебрях такие и остались, да и то мало. А степь шлет орду за ордой, и трудно защитникам леса выстоять даже и в родимых пущах. Только не слабеет их гордый дух. Вон как уминает жареное и вареное, круша медвежьими челюстями кости и хвалясь своими подвигами, Бурмила. Шумила же ведет речь степенно, с достоинством:

-- Хоть и тяжко нам, однако, не помощи просить мы пришли, а вам самим помочь. Пришел и к вам окаянный и безбожный Ардагаст, будто бы на богомолье. Не верьте волку степному, хищному! Он для своей орды путь разведывает, а в орде той - бродяги и разбойники изо всех племен и вовсе без роду и племени, и зовутся те бродяги - росы. Думаете, есть еще на востоке венеды? Кто сберег чистую венедскую кровь - тех сарматы в леса загнали. Остались под росами одни ублюдки, которых девки блудливые со скифами да с сарматами приживали. Не ведают ни чести, ни законов дедовских. Самый последний мужик смеет царю на своего пана старейшину жаловаться! В царстве росов все рабы, а пан один - Ардагаст, такой же сарматский ублюдок и раб Инисмея!

-- А кто окаянному не покорится, тех он в рабство продаст, да не грекам, а сиирtя - есть у него такие друзья, возле самого Ледяного моря в подземных норах живут, одну сырую рыбу едят, - сказал Бурмила.

Шумила довольно кивнул: хоть соврать сумел братец. Кому тут знать, что у сиирtя рабов вовсе нет. А Лаума бойко заговорила, глядя на божьего князя:

-- Ардагаст не только обычаи ваши, и веру прадедовскую порушит: волхвов святых и ведьм изведет, капища разорит. Он, безбожный, Триглава вовсе не чтит: тот-де не владыка над тремя мирами, а сам Чернобог и змей трехглавый, преисподний.

Шумила, упершись руками в стол, обвел взглядом гостей и сказал:

-- Поняли, лучшие люди мазовецкие, какое рабство вас ждет?

Паны возмущенно зашумели, застучали кубками и рогами:

-- Не позволим забрать у нас волю! Не отдадим!

Прибыхвал, подняв палец, изрек:

-- Два сына у Лады: Лель и Полель. Один хранит нашу свободу, другой - отчизну. Так вот, мы, паны, почитаем Леля - Свободу, а поселяне - Полеля.

-- Вот ради вашей и нашей воли, - продолжил Шумила, - и нужно всего-то перехватить Ардагаста с дружиной в лесах и перебить всех. А заодно и Инисмея с его аланами. Правда, потом может орда прийти мстить. Не боитесь ли, паны?

-- Боимся? - воинственно разгладил усы князь. - Вы еще не знаете, куда попали. Нет в лесу народа храбрее словен. По дороге видели хоть один городок? В городках отсиживаются только трусы вроде эстиев или нынешних скифов. А крепости настоящих лесовиков - лес и болото. Немцы как-то в болоте три легиона перебили. А к нам легионы и вовсе приходить не смеют! Сам Александр Македонский дал нам, словенам, за нашу отвагу грамоту на все земли от полуночного моря до Италии. А Юлий Цезарь отдал сестру свою Юлию за нашего князя Лешко. С немцами-то кесари не роднились! Так нам ли сарматов бояться?

Об Александре и Цезаре Шумила кое-что знал и лишь подивился хвастовству князя. Кто-то осторожно заметил:

-- А что скажет великий князь Геберих?

Выпей Прибыхвал поменьше, и сам бы над этим задумался. Но он лишь залпом опорожнил рог и, совсем уж расхрабрившись, заявил:

-- Что нам Геберих? Хотим - ему служим, хотим - нет. Мы люди вольные!

Паны, столь же хмельные, одобрительно зашумели. Черноха наставительно произнес:

-- Богов спросить надо.

-- И спросим! Прошу панов в капище! - взмахнув рогом, Прибыхвал встал и двинулся к дверям. Раб едва успел наполнить рог вином. Следом за князем на улицу вывалило все хмельное сборище. Мазовшане вовсю горланили и хвастали, стараясь показать себя перед пришельцами. Подойдя к капищу, однако, все стихли. Эти люди не боялись никого и ничего, кроме богов. Вот они стоят полукругом на поляне среди священной дубравы. Самый высокий - Триглав, с тремя серебряными головами под одной шапкой, глаза завязаны, на груди серебряный полумесяц. Перун в грозном облике Йеши-Ящера, огненного змея. Даждьбог-Ладо с золотыми лучами вокруг головы, у ног - лев с мечом в

лапе. Добрая, пышнотелая Лада с рогом в руке. Дочери ее - светлая Леля и темная Морана. Девана - молодая охотница с тремя псами. Черный, страшный подземный владыка Ный с огненным бичом.

Кто таков Триглав - добрый Род-Белбог или темный брат его? Почему он слеп, а конь его черен? Что за обряды справляют его волхвы темными ночами? Это - великие божественные тайны, и только жрецы в них что-то разумеют, и то между собой спорят. А панам воинам достаточно знать, что Триглав превыше всех богов, а повязку носит потому, что людских грехов не видит и не карает. Карают на этом свете младшие боги - Перун, Даждьбог. А на том - угрюмый Ный. Так для того и добывают богатство мечом, чтобы было чем откупиться от гнева богов.

Младшие жрецы положили на землю девять копий. Потом вывели из сарая, сложенного из потемневших бревен могучего вороного коня. Никто, даже сами жрецы, не смел сесть на него. Только глухими ночами, бывало, конь покидал конюшню и скакал до утра лесами и селами. И лишь наделенные духовным зрением видели на вороном скакуне громадного всадника в черном, то трехликого, то с одним горящим глазом.

Черноха простер руки к трехглавому идолу, возгласил:

-- Боже Триглаве, владыка небесный, земной и подземный! Скажи, угоден ли будет тебе поход на Ардагаста и Инисмея, хищных и нечестивых сарматских царей? Угодно ли тебе, чтобы они оба с дружиной не вышли живыми из наших пущ?

Вороной, как-то зловеще оскалив белые зубы, взглянул на князя, потом, гордо подняв голову, трижды прошел взад и вперед через копья, не задев ни одного. Паны разразились воинственными криками. Торжествующе заревели оба Медведича. Прибыхвал с самодовольным видом подошел к Триглаву, поднес рог к серебряному лику, щедро пролил вино на землю, а остальное отправил себе в глотку. Затем проделал то же перед драконом-Йешей, громогласно пообещав большую жертву. Теперь мазовецкие паны были уверены в победе. Разве боги не помогут тому, с кем пили вместе?

В поход выступили на другой день. Прибыхвал даже не собирал ополчение. Шли только дружинники да всякие отчаянные молодцы, любители при случае подраться и пограбить. Князь не переобременял поселян походами. Пусть лучше кормят панов воинов. Благо те переняли у германцев благородный обычай: в мирное время пить да бездельничать, а работу перекладывать на кого угодно - женщин, стариков, рабов... Протрезвев, князь и паны призадумались: а удастся ли пройти без боя через земли воинственных северных соседей - галиндов и

ятвягов? Черноха с Медведичами, однако, заверили, что к галиндам можно идти смело.

* * *

Тройден, князь галиндов, глядел на едущую берегом Нарева мазовецкую дружину. Теплый ветерок колыхал его длинные светлые волосы, ласкал совсем еще молодое лицо. Его лишь недавно избрали князем за отчаянную храбрость, только и спасшую воинов племени в бою с готами после гибели старого князя Тиргайта. Сколько забот и тревог свалилось на молодого вождя! Кто нападет раньше: вильцы, судины[34], те же готы или мазовшане? Да еще объявились вдруг сарматы во главе с двумя царями... За его спиной стояла конная дружина, в кожаных панцирях, перед ним - пешее ополчение с копьями и луками, в лаптях и безрукавках из медвежьих шкур. У всех на груди была нашита фигура вепря - священного зверя Лады. И только мелкая речка Ожица отделяла рать галиндов от давних и сильных врагов - мазовшан, разоривших немало галиндских городков. Но каких бы врагов ни послали боги, он, Тройден, непоколебимо надеется на духов славных предков и на Каваса, черного всадника, бога войны. Вот его знаки на стяге племени: голова вепря, орел, меч, трезубец, боевой рог.

Но что это за всадники в черных медвежьих шкурах среди мазовшан? Вот трое из них выехали вперед и невозмутимо двинулись навстречу князю. Пешие галинды в удивлении расступились перед ними, и было отчего. У одного пришельца из штанин выглядывали когтистые медвежьи лапы. Другой выше пояса был самым настоящим медведем, но лапы его уверенно держали повод коня и увесистую палицу. Третьей была женщина, красивая и наглая на вид, со множеством амулетов в ожерелье - наверняка колдунья. Медвежьелапый бородач громко произнес по-галиндски:

-- Здравствуйте, галинды. Мы - защитники леса, и среди нас - ваши восточные сородичи.

Юный князь знал, что на востоке, за литвинами, в верховьях Днепра, Десны и Волги, тоже живут галинды, или голядь, как зовут их венеды. Но чтобы там рождались до сих пор люди-медведи, силу и отвагу которых воспевают древние песни... С волнением он спросил:

-- Верно ли, что вы едите человеческое мясо - пищу древних великих воинов?

-- Да, мы блюли этот славный обычай. Но пришел окаянный

и безбожный Ардагаст с ордой сарматов-росов. Пал наш отважный князь Гимбут, и деснинские галинды были уведены в рабство, а днепровские склонились перед нечестивцем. Лишь самые отважные воины лесных племен не покорились ему и не отказались от священной пищи. Все они - в нашей дружине. Мы - Шумила и Бурмила Медведичи, а это - наша сестра Лаума.

Слава Черных Медведей, сильно раздутая молвой, доходила и до западных галиндов. Тройден и его воины в восхищении глядели на великих воителей и могучую чародейку. А Шумила продолжал:

-- Мы ищем на западе великих воинов, что не устрашатся ни Ардагаста, ни его волхвов, которые хотят искоренить древние обычаи. Мазовецкие паны уже идут с нами. Уступит ли им в отваге ваше племя?

Галинды зашумели, заспорили. Храбрость всем хотелось выказать. Но помириться с мазовшанами, трусами, что не строят городков и прячутся по лесам, пока горят их села? Помириться, когда за последний набег еще не отплачено? И тут среди воинов появился человек с худым суровым лицом и редкими белесыми волосами, в черном плаще, застегнутом на три петли, с трезубцем в руке. Появился как всегда незаметно, словно был незримым духом и вдруг обрел тело. Все разом стихли. То был жрец Нергес. Не простой жрец, а сигонот, знаток и блюститель отеческих законов и обычаев. Как и все сигоноты, он почитал бога воды Потримпса и подземного бога Поклуса, жил отшельником в чаще у священного озера и не имел семьи. Обведя воинов тяжелым, пристальным взглядом, он заговорил сурово, почти презрительно:

-- Кто тут спорит и о чем? Вы любите, напившись пива и меда, слушать песни о людях-медведях, могучих и безжалостных воинах? Так вот они наяву зовут вас на подвиг! Великий подвиг: одолеть царя росов с его Огненной Чашей. Пламя ее обращает в пепел все - воинов, городки, святыни, обычаи. Сводите счета с мазовшанами? Скоро не будет ни вас, ни их! Будут рабы степняков - без чести, без своей веры и законов. С Ардагастом сейчас только его отборная дружина, но даже в ней таких рабов больше, чем настоящих сарматов. Хотите лакать кумыс, говорить по-сарматски и по-венедски? Идите сейчас в бой - пусть лучшие воины леса истребят друг друга! Это ведь легче, чем одолеть орду.

-- Вот орда и придет мстить за двух царей. Да и на праведное ли дело ты нас зовешь? - с сомнением произнес пожилой пеший копейщик. - У Ардагаста чаша Солнца, а боги ее в злые руки не дадут. Вдруг покарает нас светлый Свайкстикс засухой?

-- Это речь мужика-свинопаса, а не воина, - презрительно бросил сигонот и взглянул на Тройдена. Тот, сверкнув глазами, решительно произнес:

-- А вот речь князя: пусть все пешцы идут по домам. Не вам догнать степняков и победить их. Со мной пойдет только конная дружина. Этот подвиг - для нее. И пусть приходит орда - без своих царей и лучших воинов. Кости ее останутся в наших лесах.

Нергес одобрительно кивнул и сказал:

-- А на силу Солнца есть силы Воды и Тьмы. Я, жрец Потримпса и Поклуса, их силами погашу Огненную Чашу!

-- А если твоих мужских чар не хватит, я добавлю своих, женских, - улыбнулась Лаума. - Моя богиня и Перкунаса, и Поклуса по одному одолела и связала.

Богиня, имя которой носила колдунья, у венедов звалась Ягой. Пешцы довольно засмеялись: мол, где баба есть, там черт не нужен. Кое-кто вспомнил, что победительницу двух богов скрутил-таки кузнец, живший с ними в избушке. Но при виде соблазнительной, пышущей здоровьем ведьмы не хотелось и думать о поражении. Известно: войны и подвиги больше всего любят князья с дружинниками. Ну и пошлите им, боги, славу и победу. И хвала вам за то, что поселяне могут идти домой, к женам, невестам и любовницам. А праведен ли княжеский поход, пусть судят мудрые жрецы.

Пешие ратники, довольные и веселые, стали расходиться. А навстречу дружине галиндов уже спешили паны. Прибыхвал бесцеремонно хлопал Тройдена по плечу, сыпал шутками, угощал вином из бурдюка. Словно сам не жег недавно городки галиндов, не уводил в неволю их жен и детей. Впрочем, и сам Тройден, охваченный мыслями о будущем подвиге, не склонен был припоминать соседу недобрые, но обычные для воинов дела. Два жреца и ведьма переглядывались, довольные собой. Все шло так, как решили они, мудрые и великие.

* * *

Звериными тропами шла дружина росов за серыми проводниками-оборотнями. Чаща была безлюдна, но полна жизни. Щебетали птицы, ревели туры, пробирались сквозь заросли великаны-лоси и могучие зубры, разбегались, почуяв волков, олени и косули. Чем ближе к вечеру, тем чаще из-за деревьев доносились смех, пение. Целыми стайками мелькали в зарослях зеленоволосые красавицы, в одних сорочках, а то и вовсе нагие. Качались на сплетенных ветвях, водили на полянах

хороводы. Завидев людей, тут же прятались среди листвы и оттуда смеялись, дразнились, звали к себе. Последнюю неделю озорницы-русалки веселились в лесах перед тем, как вернуться в реки и озера. И люди, как могли, привечали их. Особенно старались амазонки. Оставляли на ветвях полотно, нитки, гребни. Заслышав русалочий хор, тут же подхватывали песню: у кого звонче и стройнее выйдет? Привольно и радостно звенели гусли Пересвета, и сами русалки просили: "Сыграй, гусляр!" Волколаки катали на себе знакомых русалок.

Поздно вечером вышли к берегу Нарева. За рекой горели костры, слышалось пение. Там ятвяги справляли тянувшийся целый месяц, до самой Купальской ночи, праздник Лады. Праздновали и на этом берегу, в большом венедском селе Ломжа. Веселившиеся у костра мазовшане замолкли было, увидев хорошо вооруженных всадников. Но вышли вперед двенадцать русальцев, и Вышата возгласил:

-- Не бойтесь, люди добрые! Не воевать мы пришли - русалок проводить. Не в омут, не в озеро - в рожь да в лен. Пусть поработают озорницы, вырастят хлеба погуще.

Он взмахнул жезлом, и заскакали, завертелись, понеслись вихрем русальцы. Между ними отплясывала, щелкая деревянной пастью, "лошадь", которую изображали вдвоем дрегович Всеслав и друг его, кушан Хоршед. А тащил ее за повод кто-то в женской рубахе и поневе, с головой, целиком скрытой под усатой глиняной маской. На спине "лошади" всячески вертелась прикрытая лишь зеленой листвой Меланиппа. А росы шли, растянувшись по лесу цепочкой, шумя, свистя и щелкая плетьми. Впереди с воем и лаем бежали волколаки - нуры и ятвяги. Со смехом и визгом убегали от них лесные красавицы, норовя спрятаться. И мелькал среди деревьев стройный белый конь с зеленой гривой.

Вместе со всеми шел и Каллиник. В лесу было темно, но факелов не жгли: даже сарматы старались показать себя настоящими лесовиками. Не заблудиться помогал звучавший рядом голос Виряны. Вдруг шею царевича сзади обвили холодные руки, а над ухом раздался тихий призывный голос:

-- Пусть они идут, а мы с тобой позабавимся. Хорошо?

Почему-то эти холодные руки не вызывали дрожи, наоборот, были приятны. Каллиник готов был уже обернуться, сжать в объятиях прижавшееся к его спине молодое женское тело. Но тут свистнула плеть, и раздался голос эрзянки:

-- Не нагулялась, бесстыдница? Иди, ищи себе водяных да утопленников!

-- Они холодные, а он такой горячий!

-- Я тебе самой горячих всыплю!

Рядом блеснули волчьи глаза. Русалка проворно вскочила на спину оборотню и поскакала вперед, вдогонку зеленогривому красавцу. Вслед убегавшим разносился по лесу голос Шишка:

-- Бегите, русалочки, не то переловят вас наши парни, в жены возьмут! Будете всю жизнь пшеницу жать, коров доить, а к другому мужику ни-ни, кроме больших праздников!

Добравшись до опушки, русалки устремились было к Нареву, но путь им преградили, выставив озаренные колдовским сиянием жезлы, русальцы. Тогда бросились лесные девы в густую рожь, в шелковистый лен. И заходили, зашумели зеленые волны. Поскакал-поплыл среди них зеленогривый скакун. Откуда-то появились в руках русалок рога, полные росы, и полилась на нивы чудотворная влага. Много хорошего умели зеленоволосые проказницы, только не всегда хотели.

-- Русалочки, как лен? - кричали им поселяне, и русалки показывали руками: мол, вырастет еще выше.

И все это - под гусли и волынку, под веселые песни. Нарезвившись вдоволь в хлебах, русалки гурьбой бросились в реку, и вместе с ними --чудесный конь, такой не похожий на низеньких лесных коньков. Только тогда с отчаянным ржанием упала в рожь "лошадь" с деревянной головой, а глиняная личина ее поводыря разлетелась под мечом Сигвульфа, и показалось смеющееся лицо Хилиарха. Следом из ржи поднялись двое дружинников, а с ними чернокудрая поляница, уже одетая и при оружии.

Долго не смолкало веселье в Ломже. А наутро росы увидели за рекой ощетинившееся копьями войско ятвягов. Инисмей опытным взглядом окинул пешцев с одними рогатинами и щитами, конную дружину, защищенную по большей части не кольчугами, а кожаными панцирями, и небрежно сказал:

-- Ударить по ним нашим конным клином через брод - разбегутся и зарекутся сарматам путь преграждать.

-- Проучите их, разбойников, - поддержал царя ломжинский старейшина. - Эти ятвяги - сущие волки. Если не воюют с нами, то коней или девок крадут.

-- Вы у них, небось, тоже, - хмыкнул Волх. - Волки, говорите? Значит, люди они хорошие.

-- Не на них наш поход, - коротко сказал Ардагаст. - Мы с Вышатой попробуем с ними договориться.

Волх, переглянувшись с предводителем ятвягов-оборотней, сказал:

-- Тогда и мы с вами. Это народ такой - волков скорее послушает, чем людей.

Царь и волхв поехали вброд через Нарев. Следом плыли два волка.

Вот и ятвяги. Темноволосые, длинноусые люди в медвежьих и волчьих безрукавках - такие не всякое железо пробьет. Волосы до бровей, из-под них - угрюмые, недоверчивые взгляды, о таких словене говорят: "смотрит ятвягом". На ногах - лапти да постолы, за плечами - луки. "Разбегутся такие за деревья, - подумал Ардагаст, - и пойдут оттуда стрелами засыпать да рогатинами колоть". Пещцы расступились, открывая путь к всаднику на вороном коне, в добротной кольчуге и красном плаще. Вислые черные усы, глубокий шрам через бровь и щеку - как только глаз уцелел? И тот же недобрый, подозрительный взгляд.

-- Я Скуманд, князь ятвягов и волхв. Что тебе нужно в наших землях, царь росов?

-- Я иду поклониться Ладе и купить янтаря. Путь наш - Путь Солнца, и нельзя на нем творить зло.

-- Слова твои хороши... а оружие и кони еще лучше. Если бы мы, ятвяги, верили словам сильных соседей, нас бы давно не было, как не стало многих сильных народов.

Ардагаст кивнул Вышате. Из неказистой полотняной сумы, которую волхв всегда носил через плечо, он достал и передал царю Огненную Чашу.

-- Видишь, князь: Вот чаша Колаксая-Свайкстикса. Неправедный и недостойный царствовать не может даже взять ее в руки, - сказал Зореславич.

Жаркое золотистое пламя вспыхнуло в чаше перед самым лицом Скуманда, но сумрачное это лицо даже не дрогнуло.

-- Я знаю: этим пламенем ты сжигаешь людей, - сказал князь-чародей. - Но есть сила и на него - сила Воды и Тьмы.

Скуманд что-то прошептал, шевельнул рукой. Большой водяной пузырь возник вдруг в воздухе и устремился сверху на Чашу. Но золотое пламя метнулось к нему навстречу и обратило в облако горячего пара. Князь снова прошептал заклятие, и черный туманный шар окутал пылающую чашу. Миг спустя шар покрылся разрывами, сквозь которые светился золотой огонь, и разлетелся клочьями мрака. Голубые глаза царя встретились с двумя темными колодцами - глазами князя.

-- Это пламя сжигает лишь нечисть и тех, кто сам уподобился ей. Разве ятвяги таковы? - спокойно и дружелюбно произнес Зореславич.

-- Я гадал со жрецами. И по птицам, и по свечам, и по кубку с солью и пивом. И узнал: ты, царь росов, несешь в леса великую войну.

-- Эта война уже идет. Великая война Света и Тьмы,

Оккопирмаса и Поклуса. Ты, князь, можешь лишь выбрать: на чьей стороне быть, - тихо, но твердо произнес Вышата.

-- Значит, я должен вести ятвягов воевать туда, куда укажете вы, чужаки? И дать разорить свою землю?

-- Нет. Всего лишь пропустить нас к Янтарному Дому. Этим ты сделаешь свой выбор, - ответил волхв.

-- Гляди, князь: мы, серые воины, выбор уже сделали, - подал вдруг голос волк-ятвяг. - Дашь сейчас бой - мы станем за росов.

Он властно, призывно завыл, и чаща со всех сторон откликнулась воем. Такой же вой вожака издал второй волк, и всадники в волчьих шкурах дружно отозвались из-за реки.

-- Видишь? - продолжал оборотень. - Я просто волчий воевода ятвягов. А это - князь нуров, волчьего племени. Кто с ними бьется, тому все волки враги.

Не только Скуманду стало ясно: отойти в чащу и оттуда разить пришельцев теперь не удастся. Родная пуща вмиг станет враждебной, если за спиной - серые клыкастые тени. Даже пешцы зашумели:

-- С волколаками ссориться? Вмиг без скотины останемся. И кто нас от чертей оборонит? Нечистые бы весь свет заполонили, если бы их Перкунас не бил и волки не поедали.

-- Да что нам плохого росы сделают? - заговорил один из пешцов, немолодой, рассудительный. - У меня зять за рекой, в Ломже. Росы там никого не тронули, еще и помогли: русалок загнали в хлеба, чтобы те лучше выросли. Пусть бы и у нас такое справили. Так с кем ты, княже?

Скуманд знал: род его знатен, однако избрала его князем не только воинственная знать, но и такие вот осторожные и спокойные поселяне. И даже он, князь, не может приказывать тайному братству людей-волков. О том, кто в селе человек, а в лесу - волк, знают разве что соседи, и те помалкивают. Медленно роняя слова, князь ятвягов ответил:

-- Я - со своим племенем и с богами. Идите, росы, только русалок всюду провожайте, как в Ломже. А я с дружиной пойду вместе с вами к Ладе. Чтобы не говорили, будто мы, ятвяги, дики и нечестивы.

* * *

Перейдя Нарев, росская рать двинулась вверх по реке Писе, отделявшей ятвягов от галиндов. Шла русальная неделя, и каждый вечер, а то и днем, росы справляли у больших сел и городков проводы русалок. Мало кто заметил, что в первый же

день двое русальцев - Вышата и Хилиарх, а с ними и Каллиник, куда-то пропали и вернулись вечером, как раз к обряду. Где они побывали - о том знали лишь предводители войска.

В тот день волхв сказал царевичу:

-- Мы отправимся к Либону. Тебя, эллина, он скорее послушает. Спешивайся, кони нам не понадобятся.

Втроем они углубились в лес и вскоре вышли на небольшую поляну. Тут Вышата развел костер и принялся плясать вокруг него, высоко поднимая секиру, обильно украшенную знаками Солнца и Грома, и напевая по-скифски. Каллиник уже слышал от Хилиарха, что это - бывшая Секира Богов, некогда разрубившая Колаксаеву Чашу. Сила священного оружия ослабла, но и теперь с его помощью можно разить духов или вызывать богов. Вдруг в небе появилась яркая точка, - словно от солнца отделилось маленькое солнышко и понеслось к земле, увеличиваясь в размерах. И вот уже на поляну опустился озаренный золотистым сиянием крылатый лев с гордо поднятой орлиной головой. Каллиник много раз видел грифонов на рельефах храмов и гробниц, на вазах и монетах, и все же был поражен красотой и мощью солнечного диво-зверя. А Вышата, как ни в чем не бывало, потрепал грифона по увенчанной гребнем шее, взобрался ему на спину и сделал царевичу знак садиться сзади. Третьим уселся Хилиарх, и сияющий зверь в несколько взмахов крыльев вознесся над лесом.

Царевичу уже приходилось летать на драконе вместе с братом и Валентом. Но то происходило ночью, над безлюдными горами. Черные крылатые демоны с горящими глазами носились вокруг, и Каллинику порой казалось, что они трое, летящие на мерзкой черной твари, сами обратились в ночных демонов. Прилетели они тогда к разоренной гробнице-пещере. Некромант разжился в ней черепами и костями для своих опытов, а заодно поучил братьев, как вызывать духов мертвых и подчинять их себе. Теперь же вверху раскинулся голубой купол неба, тонувший краями в зеленом море лесов, пронизанном серебряными жилками рек, и златокудрый солнечный бог царил в этом добром и полном жизни мире, щедро заливая его своим светом. Царевич и сам себе казался Аполлоном, летящим на грифоне в Гиперборею.

Они пролетели над большой рекой Преголой и вскоре достигли Немана. Широкий и величаво-спокойный, он все же уступал Днепру. Тут начинались владения князя Палемона, и Вышата велел грифону лететь пониже. Обитатели городков и сел выбегали из мазанок, воздевали руки, кланялись небесным гостям. Вдруг грифон заволновался, заклекотал и, не слушая

волхва, понесся вниз. Там, на поляне у подножия холма, металась с громким шипением зеленовато-черная чешуйчатая тварь с нетопырьими крыльями, волчьей головой и острым гребнем вдоль хребта. Размахивая мощным хвостом и изрыгая пламя, тварь бросалась на прижатого к густым деревьям человека в кольчуге, с мечом в руке. Клекот грифона перерос в громовое рычание. Змей успел ударом лапы повалить человека наземь, когда на спину твари обрушился диво-зверь. Седоки посыпались со спины грифона, а тот вцепился всеми четырьмя лапами в тело змея, разрывая толстые чешуи, будто жабью кожу. Дракон обернул голову, дохнул огнем, но тяжелый клюв уже ударил ему в шею, ломая позвонки. А драконье пламя на солнечного зверя и вовсе не действовало. Однако лишь после нескольких ударов лапами и клювом живучее чудовище перестало дергаться.

Человек с мечом вытер пот и произнес по-литвински:

-- Ну и чешуя! Рунный меч, и тот не берет.

Человек обладал сильным и стройным телом воина, носил вислые усы, но волосы его были длинны, как у волхва. Черным цветом волос, угрюмым и недоверчивым взглядом он напоминал ятвяга. Однако в этом взгляде, цепком и проницательном, светился большой ум. Неприязненно оглядев пришельцев, незнакомец сказал уже по-венедски:

-- Я вроде не звал на помощь? Или решили, что я с этой ящерицей один не справлюсь?

-- Известно, Витол, воин-чародей, все любит делать в одиночку. А грифон на змея бросился сам: солнечные звери пекельных терпеть не могут, - ответил волхв.

-- Так меня знают и в степи? - усмехнулся Витол. - А ты не иначе, как Вышата, великий солнечный волхв? Верный слуга царя росов?

-- Мы оба с ним служим Солнцу. И эти два грека тоже.

-- А я служу всем и никому - значит, самому себе. Я не ищу службы у князей - они ищут моей помощи. Моих советов, моих чар, моего меча. - Он зажег факел, махнул в сторону дыры, черневшей в склоне холма. - Раз уж вы мне помогли, пошли делить добычу. Эти твари, как сороки, тащат к себе все блестящее.

-- Всей их породе хочется утащить Солнце в нижний мир. Только ростом не вышли, вот и тянут в пещеры что-то похожее, - заметил Вышата.

-- Драконы хотя бы не умножают зла в мире с помощью золота. Здесь им далеко до людей, - с горькой иронией добавил Каллиник.

-- Но человек способен освободиться от алчности, а вот

дракон - нет, возразил Хилиарх.

В пещере было смрадно и полно обглоданных костей. В самой глубине аккуратной кучкой лежали, переливаясь в свете факела, золотые монеты, самородки, куски янтаря, самоцветы. Вышата с интересом взялся их рассматривать, приговаривая:

-- Монеты римские. На купца, что ли, напал? Золота, вроде, ближе Карпат нет. А эти камешки на уральские похожи...

Витол деловито выбрал из кучи несколько черных, матово блестящих камней и сказал:

-- Гагат, черный янтарь. Его я весь заберу себе - проучить одного князя-колдуна. Ну, еще немного золота, монет: Аттилий продает хорошие амулеты. Остальное берите себе. Я в драконьих логовах находил и побольше.

Вышата взял лишь несколько самоцветов, остаток без споров поделили два эллина. Когда люди вышли из пещеры, грифон уже наелся драконьего мяса и, довольно урча, растянулся в тени. Витол, прищурившись, спросил:

-- И что же у вас, на юге, думают о том, откуда взялся янтарь?

-- Ученейший господин Гай Плиний Секунд, мой добрый знакомый, считал его застывшей сосновой смолой, - сказал Хилиарх.

-- Пусть найдет в наших лесах сосну, с которой падает янтарь, - усмехнулся Витол.

-- Поэты говорят, что это - застывшие слезы дочерей Солнца. Их брат Фаэтон посмел править колесницей отца, чуть не сжег мир и был сражен молнией Зевса, - сказал Каллиник.

-- Это похоже на предания Янтарного Дома, - кивнул литвин. - В янтарном дворце жила морская богиня Юрата. Она полюбила простого рыбака Каститиса. Прогневался Перкунас, поразил громом рыбака и разрушил дворец. И поныне Юрата на дне моря плачет над телом возлюбленного. Эта богиня - сама Лада... Любовь и гнев, любовь земной воды и гнев небесного огня - вот что такое янтарь.

-- Мы зовем янтарь алатырем, а Венедское море - Алатырским, - сказал Вышата. - Есть далеко, в середине мира, остров Буян. Там растет Мировой Дуб. У подножия его - белый горючий камень Алатырь, всем камням отец. На нем сидит сама Лада, Мать Мира.

-- В Янтарном Доме есть глыба белого янтаря, а на ней - следы Лады, - снова кивнул Витол с видом учителя, снисходительного к ученикам. - Венеды зовут этот камень Алатырем.

-- Это значит: Янтарный Дом - подобие середины мира. И

если кто-то задумает в этом месте столкнуть мировые силы, что скрыты в янтаре... - Вышата взглянул на коммагенца. - Каллиник, расскажи литвинскому магу, что затевает Валент.

Витол внимательно слушал, и лицо его быстро менялось: любознательный и чуть высокомерный мудрец превратился в воина, готового к схватке.

- Сами боги послали тебя, Вышата! Мы вместе нападем на этого негодяя Палемона и уничтожим его проклятый амулет. Нет у меня врага хуже его, клянусь Перкунасом! Был у меня конь, - голос литвина дрогнул. - Йодз, Черный, звал я его. Что за конь! Любого зверя и птицу, любой ветер обгонял я на нем, мчался от края до края света. И твоего грифона обогнал бы! Когда изнемогал я от усталости, то входил в его голову через одно ухо, а через другое выходил вдвое сильнее. Ни людей, ни богов, ни бесов не боялся я на нем, и сам был, словно бог. Если был у меня друг в этом мире, то это Йодз!

В глазах Витола блеснули слезы. Он опустил голову, потом резко вскинул ее и продолжил:

-- Я приехал к Палемону в гости. Он хорошо принял меня, а Йодза пустил к своим кобылицам. Вышел я с пира, а конюхи кричат: "Чудо великое! Взлез конь чародея на кобылу, и окаменел вместе с ней". А Палемон ведь и в камень, и в янтарь зверей обращать умеет - сам мне показывал. В ярости вернулся я в терем. Хотел огнем испепелить его, а подлого князя самого окаменить. Но только увидел оберег со стрекозой... Словно дитя глупое сделался. Всем его лживым отговоркам поверил: будто боги погубили моего коня, а не он. Еще и прощения у него просил - я, Витол, что никому из князей не кланялся! Вот так он и морочит князей, старейшин, жрецов, и прибирает к рукам племя за племенем. Только я нашел способ против его стрекозы. Окунуть черный янтарь в драконью кровь - и никакие янтарные чары не страшны. Теперь от Палемонова городка одни уголья останутся, а княжество его рассыплется, как гнилой сруб!

И он принялся с заговорами погружать черные камни в лужу темной крови. "Каким же одиноким, без роду и племени, нужно быть, чтобы из-за коня губить целое царство!" - подумал Вышата, а вслух осторожно сказал:

-- Мы полетим к Палемону вместе. Только сначала я хочу взглянуть на окаменевших коней.

-- Пошли. Это рядом, - махнул рукой литвин.

Каллиник подивился силе чувств варвара. На юге могли разрушить царство ради денег, но из-за коня! Кесарь, сделавший коня сенатором, прослыл безумцем.

Сквозь чащу они вышли на луг к Неману. Посреди луга

возвышался черный гранитный валун необычной формы: будто в незапамятные времена скульптор изваял жеребца, взобравшегося на кобылу, но за много веков ветер и вода сгладили их черты. Все же был ясно виден крутой изгиб шеи скакуна, чувствовалась дикая, неукротимая мощь обеих лошадей. Заметив черневшее у валуна кострище, Витол рассмеялся:

-- Тебе, Йодз, глупые мужики уже приносят жертвы? Подожди, будет тебе жертва - не всякий бог такую получает!

Вышата простер руки к валуну, постоял, будто прислушиваясь, потом взобрался на камень, достал пучок травы и сказал:

-- Разрыв-трава, и не простая: собрана в Перунов день на Перун-острове в Днепровских порогах.

Волхв приложил траву к спине каменного коня, поводил руками, извлек что-то, выступившее из гранита. Потом слез и сказал, протягивая литвину кремневый наконечник стрелы:

-- Видишь, Палемон ни при чем. Это стрела Громовника. Как ты, опытный волхв, не почуял: здесь сила богов, а не людские чары. Я так сразу...

-- Перкунас! За что? - поднял кулаки к небу Витол. - Я ведь не служил Поклусу, не наводил ни порчи, ни бездождия, не водился с бесами... А конь мой, друг мой единственный, чем перед тобой согрешил?!

Вышата положил ему на плечо руку и тихо заговорил:

-- Не простых кровей у тебя был конь. Я слышал об одном таком, тоже черном. Поймал его Железный Сак, первый царь саков. И стал с тех пор царь дерзок и жесток без меры, разорил даже храм Митры-Солнца. А по смерти выходил безлунными ночами из гробницы, садился на того коня-беса, носился по пустыне и убивал всякого встречного. Так было, пока мой предок, великий волхв Огнеслав-Атарфарн, и шаман Леджяу-бий не убили тело черного коня и не изгнали его дух в полуночные дебри. А Герай Кадфиз, царь тохар, после того сразил неупокоенного царя в поединке. И сказал Железный Сак перед последней своей смертью: "Мой конь... Не знаю: я ли владел им или он владел моей душой?" Не для того ли поразил Перун твоего Черного, чтобы не родилось от него такое же чудовище? Видно, и кобылица та была не простая...

-- Разве был мой Йодз бесом? Разве творили мы с ним зло?

-- А старался ли ты творить добро? Хоть для своего рода и племени?

-- Рода моего давно нет. Его истребили людоеды - восточные галинды. А племя... Не много я добра от него видел. Как и от других племен. Был я и рабом, и дружинником, и учеником

жреца, да не одного... Сам всего добился, сам! Кто помнит мой род? А Витола знают все!

-- Боги не прощают смертным дерзости, - вмешался Хилиарх. - Сам ты возомнил себя чуть ли не богом или конь помог?

-- А разве мы, великие волхвы и воины, не бываем сильнее богов? - с вызовом бросил литвин.

-- Вот потому с нас и особый спрос, - сурово произнес Вышата. - Ты вот во гневе своем неправедном хотел погубить достойного мужа и царство его - на радость Нерону, Валенту и всему Братству Тьмы. А дальше что? Кому послужит твоя сила? Великая битва будет в Купальскую ночь у Янтарного Дома. Выбирай в ней свое место. Или в стороне отсидишься, лишь бы волю свою показать?

Тяжело роняя слова, Витол проговорил:

-- Не дело воина - отсиживаться в ночь великой битвы. А дом Лады я буду защищать хоть с вами, хоть без вас. Только пусть меня не гонят туда ни молнией, ни стрекозой! За кого мне биться - один я решаю... Как ваш грифон, четверых вынесет?

* * *

На холме при впадении Дубисы в Неман стоял городок Палемона, а вокруг него - несколько сел. Поселяне с удивлением глядели на низко летящего дивного зверя-птицу и его всадников. Гадали, уж не сам ли Свайкстикс прилетел в их край. И то ведь, народ здесь работящий, благочестивый, и князь добр и справедлив, а на войне отважен. Не тот ли молодой светловолосый воин --сам солнечный бог? Только почем он сидит не впереди? И почему с ним Витол? Еще и кричит: "Скажите князю - хозяин Йодза летит к нему в гости!" Все знают: воин-чародей почитает Перкунаса да ночные светила, все звезды ведает, с Месяцем говорит, а вот с Солнцем не водится.

Грифон неторопливо описал несколько широких кругов вокруг городка и опустился прямо перед княжьим теремом. Бревенчатый терем спереди украшал портик с простыми деревянными колоннами, а на фронтоне был рукой эллина или римлянина искусно вырезан Зевс с молниями в руках, восседавший, однако, не на троне, а подобно Перкунасу, на орле. У колонн стояли восемь человек: один седовласый, четверо средних лет и трое юношей. Все они были одеты, как знатные литвины, некоторые носили вислые усы. Тем не менее, Каллиник сразу признал в них римлян, и не простых. Такими суровыми, сдержанными лицами отличались римляне из старинных семей, в которых, если и не мечтали уже о республике, то хотя бы хранили чистоту республиканских нравов. Этим одним они раздражали всех выскочек, уверенных, что нет пороков, а есть удовольствия,

ради которых и стоит жить.

Особой непреклонностью отличалось тщательно выбритое лицо седовласого. Только он вместо заколотого под горлом плаща носил белую с пурпурной каймой сенаторскую тогу, аккуратно, по всем правилам обернутую вокруг тела. Но взгляд его серых глаз светился не чопорным упрямством, а умом и доброжелательностью. На белизне тоги выделялся янтарный амулет - тот самый, со стрекозой. Примечателен был и стоявший рядом крепко сложенный человек. Курчавой русой бородой и звериной шкурой на плечах он напоминал Геракла, только шкура была не львиная, а волчья, и лицо - не добродушное, а настороженное, даже хищное. Все восемь были при мечах, а вдоль стен городка стояли дружинники с копьями.

Витол первым соскочил с грифона и бесцеремонно обратился к человеку в тоге:

-- Здравствуй, Палемон! Я прилетел сказать тебе, что был не прав: Йодза убил Перкунас. Ты для такого слаб.

-- Ты уже говорил это.

-- Из-за твоей стрекозы. А теперь говорю сам. - Литвин достал из-за пазухи гагат. - Видишь? Теперь твой оберег - простая побрякушка. Для меня и для этих посланцев царя росов. Вот Вышата, великий солнечный волхв. А это твои соплеменники: Хилиарх, царский казначей, и Каллиник, коммагенский царевич.

-- Привет тебе, сенатор Публий Либон, достойный муж! - горячо сказал молодой коммагенец.

-- Да, так меня звали там, куда я уже не вернусь, - сдержанно кивнул Палемон. - А вот те, кто разделил со мной добровольное изгнание: Проспер Цезарин, Урсин Юлиан, Гектор и Юлиан, прозванный здесь Дорспрунг. Эти юноши - мои сыновья. Порций - его тут зовут Боркус - родился еще в Риме, а Кунас и Спера - уже здесь, от Пояты, княжны племени самбов. Но идите же в мой дворец, уважаемые послы! Мое племя следует обычаю литвинов: сначала накормить гостя. Мои рабыни готовят неплохо, хоть и не сравнятся с покойной Поятой.

Гости и хозяева вместе направились в терем. Дорспрунг - бородач в волчьей шкуре - подмигнул Хилиарху так, что грек сразу понял: его узнали. И узнал тот, с кем ему меньше всего хотелось встретиться: знаменитый разбойник Кентавр. Восемнадцать лет назад Хилиарх взялся сбыть его добычу - индийские рубины и резную слоновую кость - и скрылся с вырученными деньгами. А вскоре Кентавр исчез со всей шайкой, потом вроде бы объявился в Британии и там погиб... Или то был другой Кентавр? Прежде пройдоха Хилиарх подумал бы, как сбежать или выгородить себя враньем. Теперь же грек готов был

подставить горло под нож грозного разбойника, лишь бы не сорвалось посольство росов к князю-сенатору.

Дворец Палемона мало напоминал жилье римлянина, тем более знатного. Длинный стол, вместо пиршественных лож - лавки. На полу - медвежьи шкуры, на стенах - головы зубров и туров, лосиные рога, всевозможное оружие - рогатины, мечи, секиры, щиты, кольчуги. Все сурово и просто, даже вместо печи - открытый очаг. На столе глиняные миски и горшки соседствовали со стеклянными и серебряными кубками. Простыми были и кушанья: мясо лосей и вепрей, жареное или запеченное в тесте, пироги с сушеными ягодами, рыба. Пиво и мед - в изобилии, но вино, похоже, держали только для гостей.

И все же в углу, над домашним алтарем, стояли на полках бюсты предков Либона, а подлокотники его кресла были выточены в виде сфинксов. Среди охотничьих трофеев висела большая картина, изображавшая убийство Цезаря, а рядом - вычерченная на коже тура карта Янтарного берега и соседних земель. Над бюстами стояла небольшая статуя из позолоченной бронзы: богиня на троне, с рогом изобилия и змеей в руках. Оба эллина сразу признали в ней римскую Добрую Богиню.

Пока гости насыщались, сенатор рассказывал:

-- Как я здесь оказался, вы, видно, уже знаете. Не думайте только, что я спасался от позора или от выходок кесаря. Нет, я замыслил большее: в далекой варварской земле возродить Рим - тот, о добродетелях которого в нынешнем Риме вздыхают все, кто еще не потерял всякую добродетель. Вздыхают и поносят чужеземцев, развративших Вечный Город. (При этих словах Кентавр хмыкнул, в упор взглянув на Хилиарха). Но разве не мы, сыны Ромула, веками только и делали, что покоряли, грабили, обращали в рабство? Мы свозили отовсюду добычу и рабов, а вместе с ними - все пороки, все извращенные учения и мерзкие культы, до каких способен опуститься смертный.

-- Но останься Рим городком на Тибре или даже небольшим царством, его бы покорили, как мою Коммагену, - заметил Каллиник.

-- Вот я и решил создать царство, вернее, республику, без покорителей и покоренных. Для этого я выбрал эстиев: они не так воинственны, как германцы, и не так дики и слабы, как финны[35]. Я не стал соваться в устье Хрона-Преголы - туда и так устремляются все, желающие обогатиться на янтаре, - а поселился здесь, на Рудоне-Немане, между землями пруссов, литвинов и ятвягов. Тогда эти берега были почти безлюдны, но сюда стекались поселенцы изо всех этих племен, и даже из более далеких. Храбрые, трудолюбивые, упорные люди... И сюда же

приходили любители набегов и грабежей - тоже изо всех племен. Особенно усердствовали готы на своих драккарах. Я поставил этот городок и взял под защиту всех поселенцев. Много пришлось выдержать битв, но чаще я старался решать дело миром. Князья и старейшины сами не любят всех этих воителей-грабителей и их разбойные дружины.

-- Иные князья сами таковы. До таких, как Радвила Рыжий Медведь, что-то доходит, лишь когда сожжешь его берлогу или разобьешь дружину, - вмешался княжич Порций.

-- Вот после этого, сынок, и нужно говорить с ними о мире. Хуже те, кто одержим войной, как Бериг... Так вот, поселенцев стекалось все больше, и я поставил еще два городка вверх по Дубисе, один - в устье Юры, два - на Нерисе. В городке на Юре уже правит Порций, а городки по Нерису я назвал в честь Кунаса и Сперы - пусть готовятся в князья. Самый далекий городок - Вилькомир на Святой реке - держит Дорспрунг. А все наше племя зовется жемайты - "народ земли".

-- Что-то все это мало похоже на республику, - заметил Хилиарх. - Скорее на Парфию, где великий царь раздает подручные царства сыновьям и братьям.

-- У нас не монархия, - горячо возразил Порций. - Князей избирает народное собрание. Просто наш род жемайты уважают больше всех. И не только за храбрость. Это отец научил здешних оставлять часть поля под паром и делать железные наральники для сох.

-- Да, - кивнул князь. - Наши предки были не только воинами. Плохо обрабатывать землю у них считалось позором. Мы чтим Юпитера-Перкунаса, небесного воителя. Но еще больше - Добрую Богиню, Мать Мира, Ладу, покровительницу мирных хлебопашцев. Разве не лучше нести народам мир, а не меч?

-- Один иудейский пророк считал иначе, - улыбнулся Хилиарх. - Правда, он не сумел защитить мечом даже себя... Но скажи, почтенный Либон, почему ты даже не подашь вести о себе в Рим? Разве ты не знаешь: Нерон давно низвергнут, и сейчас правит кроткий и добродетельный Тит, сын Флавия Веспасиана?

-- Надолго ли хватит его добродетели? И кто его сменит? Его порочный братец Домициан? Или тот шут-горшечник, что изображает Нерона? Видите, я слежу за тем, что творится на юге. Там сгнило все: сенат, народ... Рим уже не исправить. Это говорю вам я, римский сенатор и патриций! Можно лишь начать заново здесь, на краю Скифии.

-- От зла ты не спрячешься и на краю света, - резко сказал Вышата. - Рука Нерона, рука Братства Тьмы уже тянется к тебе. Расскажи ему, Каллиник.

Либон выслушал рассказ царевича все с тем же невозмутимым видом. Затем сказал:

-- И чего же вы ждете от меня? Чтобы я отдал вам янтарный амулет? Или бросил все и отправился на юг воевать с воскресшим Нероном?

-- Нет. Амулет нужно сжечь в пламени Колаксаевой Чаши. Тогда сгорит и другая его половина - та, что у Нерона, - ответил волхв.

-- Да вы понимаете, что значит мой янтарь в этом краю? Всех этих варваров склонить к миру во много раз труднее, чем к войне. Если не подчинить их волю с помощью амулета. Потом они сами жалеют о клятвах, данных мне, но блюдут их, чтобы не опозорить себя. Этот амулет хранит край от войн, спасает сотни, тысячи жизней!

-- Так что мы, по-твоему, зверье неразумное или дети малые? - сжал кулаки Витол.

-- Жестокостью вы порой превосходите зверей, а неразумием - детей, - спокойно ответил Либон. - Но вы чище и добрее моих развращенных соотечественников. Поэтому я и несу вам добро и мир. Хотя иной раз хочется и впрямь вернуться в Рим, неприметно жить на своей вилле в Кампании, читать самые новые книги... - сенатор усталым жестом разгладил седые волосы.

-- Значит, мы тебе еще и кланяться должны за то, что нас чарами морочишь? - сверкнул черными глазами литвин. - Да так ли ты добр, как прикидываешься? Не того ли хочешь, что и Бериг? Только он - медведь, а ты - лиса: слаб, зато хитер.

Лицо сенатора на миг покраснело от обиды. Не удостаивая ответом Витола, он обратился к Вышате:

-- А чего хотите вы сами? Какое дело вашему сарматскому царьку до Рима, Нерона, Братства Тьмы? Вы, варвары, лезете в такие дела, только если кто-то на юге вам хорошо заплатит.

-- Мы как раз из тех варваров, которых купить вовсе нельзя. Не видел таких или не замечал? И не только варвары есть среди нас, росов, - с достоинством ответил волхв.

-- Вот как! - Дорспрунг, зловеще ухмыляясь, взглянул на Хилиарха. - А скажи-ка, кизикинец, сколько выручил за мои рубины и слоновую кость? И куда деньги дел?

-- И сколько ты получил за лжесвидетельство в суде, когда Исаак Юлий пытался получить с меня деньги по фальшивой расписке? - спокойно осведомился молчавший до сих пор Проспер Цезарин.

Глаза всех устремились на Хилиарха. Тот побледнел, но ответил спокойно, не пряча глаз:

-- Исаак не дал мне ничего - ведь процесс он проиграл. Еще

и заставил вернуть полсотни сестерций задатка. А за твою добычу, Кентавр, я выручил всего пять сотен - вещи были слишком приметные. Двумя сотнями откупился от эдила[36], остальное потратил на врачей для матери. Сестренка, которой я торговал, нашла себе сводника получше и не желала больше помогать маме. Таким порочным я был тогда. Хотя учился у философов и знал, что творю. Наша мерзкая жизнь сделала из меня лису. А из тебя, Кентавр, - волка. Но даже тогда мы с тобой не грабили бедняков.

-- И царь росов доверил тебе казну? Ну и простак же он! - расхохотался юный Кунас.

-- Да, доверил! После того, как я вместе с ним добывал Огненную Чашу, сражался с упырями и колдунами и понял, наконец, что есть вещи сильнее и важнее денег. Вы, добродетельные господа, бежали из Империи. Я, признаться, тоже. Но кто-то ведь должен разгребать тамошнюю мерзость, чтобы она не затопила весь мир!

-- И этим занимаемся мы, Братья Солнца. Ты, Либон, маг, и знаешь о нас. Так вот, Братство Солнца ручается: Хилиарх из Кизика стал другим человеком, - твердо произнес Вышата.

-- Знаю, - махнул рукой сенатор. - Пытаетесь превратить тот гнилой мир в Царство Солнца. Лучше бегите для этого сюда, в Скифию. И меньше верьте таким вот пройдохам.

-- С корабля первыми бегут крысы... и знатные пассажиры, - неожиданно дерзко произнес Хилиарх.

Дорспрунг поднялся и, поигрывая кинжалом, подошел к греку. Хищная ухмылка так и сияла на лице разбойника.

-- Это ты хорошо сказал. И насчет лисы и волка тоже. Я, знаешь ли, волкам верю больше, чем людям. Особенно здесь, в лесах. - Он вдруг хлопнул Хилиарха по плечу могучей рукой и громко рассмеялся. - Да проверял я тебя, гречишка! Если уж ты не изворачиваешься и не боишься ни Кентавра, ни сенатора... А что вам, росам, верить можно, я уже знаю. От наших серых братьев, - он обернулся к Палемону. - Слышишь, князь? Росы тебя не обманут. Даже этот кизикинец. Это говорю я, волчий воевода!

Сенатор облегченно улыбнулся и развел руками:

-- В дебрях - хоть лесных, хоть городских - я, изнеженный патриций, могу только полагаться на тебя, Кентавр. Если бы не ты, с твоим звериным чутьем и отвагой, мне не помог бы и амулет. - Он поднял кубок синего стекла. - За доверие, друзья!

Все почувствовали себя легко и непринужденно: честные люди, даже самые тертые жизнью, меньше всего любят подозревать кого-либо. Дорспрунг поднес Хилиарху кубок меда, настоянного на травах. Либон поднялся и сказал:

-- Я еще подумаю, стоит ли уничтожать амулет. Но защитить Янтарный Дом мы обязаны. Уважаемые маги, пойдемте в мой кабинет.

За ним последовали не только Вышата и Витол, но и оба эллина, кое-что смыслившие в магии. В кабинете, как и всюду в этом доме, эллинское переплелось с варварским. Полки были уставлены книгами - свитками в медных футлярах и тетрадями. Изящные фигурки эллинских и египетских богов соседствовали с эстийскими и венедскими деревянными идолами. В одних ящичках лежали пантакли на серебре и пергаменте, с греческими и еврейскими надписями, рунные дощечки и обереги из звериных клыков и когтей. Особенно много было амулетов из янтаря всех цветов и сортов. Чертежи звездного неба лежали на столе. На стене висели каменные топоры и бронзовые мечи: древнее оружие, забытое воинами, охотно употреблялось чародеями.

Все сгрудились вокруг хозяина, принявшегося высчитывать и чертить на покрытой воском дощечке расположение звезд в Купальскую ночь. Витол порой горячо спорил, хотя явно уступал римлянину в астрологических познаниях. Расчеты, однако, были неутешительны: именно эта ночь благоприятствовала созданию из огня и воды дракона, способного испепелить Янтарный Дом и смести с лица земли священный городок Лады. А чтобы одолеть чудовище, надо было убить не только его тело, но и управляющий бездушной тварью дух ее создателя. Витол, опытный змееборец, посоветовал изготовить два копья: одно - наделенное силой Солнца и Грома, другое - Луны и Грома.

Вышата потер лоб и сказал:

-- Чтобы копья убили змея наверняка, надо бы в них души вселить. И не простые. Скажем, великого храбра и его коня. Словом, копья беру на себя. Есть одна задумка.

-- Но это все для тела змея. А для души? Пока она в его теле - любые раны могут исцелиться. А заклятия, уничтожающие душу, длинны и сложны, их трудно применять в разгаре боя, - сказал Либон.

-- И это возьму на себя, - ответил Вышата. - Вот прежняя Секира Богов. В обычном бою она - простой топор, а в духовном - убьет любого злого духа. А еще есть оберег, - такими владеем только мы, Братья Солнца, - что может сжечь нечистую душу.

Либон встал, свернул чертежи.

-- Хорошо. Я поведу к Янтарному Дому свою конную дружину. Это будет быстрее, чем добираться по морю. Да и флоту моему трудно тягаться с готскими драккарами. Старая бирема[37], которой я приплыл сюда, и небольшие ладьи. Вы сильнее готов в коннице, и лучше усилить ее моими всадниками. Ну, а Дорспрунг

и его серое войско доберутся сами через леса, и еще быстрее нас.

Теперь в патриции-изгнаннике чувствовался не только ученый маг, но и военный - бывший трибун Валериева Победоносного легиона и участник покорения Британии.

* * *

Войско росов и ятвягов шло на север. Пришельцев встречали хорошо: добрая слава русальцев летела впереди них. Да и сами ятвяги не казались теперь такими уж мрачными и дикими. Пели, правда, будто волки выли, зато плясали весело и неутомимо. И принарядиться ятвяжки умели получше венедок: у тех бусы да пара застежек, а у этих - и гривны, и браслеты, и цепи, и пояса наборные. Заглядывались чернявые красавицы на черноусых аланов и росов, а то и убегали с ними в ночную чащу. Иные оказывались русалками, норовили заманить к себе в тихие омуты, но дружинники давно научились таких распознавать и привечать полынью и чертополохом. А вот Андака, красивого и наглого, русалки не только любили, но и не пытались защекотать или утопить. По крайней мере, так он сам похвалялся у костров.

Каллиник давно не чувствовал себя так хорошо. Теперь он был не римским офицером среди варваров, а одним из этих веселых и бесхитростных людей, так напоминавших ему коммагенских поселян. Только в дебрях Скифии даже самые мирные пахари всегда были готовы с оружием защитить себя и не стали бы, подобно его соотечественникам, сдаваться после удачного боя с римлянами из-за того, что сдался царь. Да и не было тут таких слабых духом царей, как его отец Антиох. Среди предводителей росов царевич стал своим. К его удивлению, никто здесь не интриговал, не наушничал, не стремился оттеснить других от царя. Самого Солнце-Царя уважали, но не угодничали, не льстили и не боялись спорить с ним.

Привязались к царевичу-эллину две амазонки - Меланиппа и Виряна. Первая, сама полугречанка, очень любила рассказы Каллиника о жизни на юге. Почему-то эти рассказы не меньше интересовали эрзянку, выросшую в глухих лесах и меньше года назад вовсе не слышавшую о каменных городах. Нравилось молодым женщинам и то, что коммагенец был красив, хорошо танцевал, а мечом и акинаком владел так, что две воительницы со своими секирами даже вместе не могли его одолеть. И все же сердца их были заняты. Меланиппа не изменяла своему мужу-гусляру даже в священную ночь, а Виряна как-то нарочито усердно хвалила своего жениха. Впрочем, Каллиник и не

позволил бы себе здесь соблазнить чужую жену или даже невесту. Слишком дорого стало ему уважение росов.

А вожди росов готовились к битве - страшной, подобной сражениям богов. В первую же ночь после возвращения троих посланцев от Палемона, когда у ржаного поля еще вовсю шло веселье, воеводы и волхвы собрались в кузнице на окраине села. Кузнец, хитроватый венед с шапкой русых кудрей, был изрядным чародеем и не стал жрецом только из любви к своему ремеслу. Разжигая горн, он приговаривал:

-- Духа в оружие вселить? Знакомое дело. Немцы в нем толк знают. У знатного немца меч или копье непременно со своим именем, с рунами, со знаками. В ином мече, правда, такой бес сидит - хуже самого хозяина.

Темную кузницу освещало лишь пламя горна. В этом неровном, колеблющемся свете выделялось скуластое чернобородое лицо погруженного в раздумья Инисмея.

-- Великий царь! - обратился к нему Вышата. - Я хочу вселить в копья души великого воина Грома и его коня. Таким воином был твой отец Фарзой. Он почитал Ортагна-Громовника...

-- И погиб в бою с ним, принявшим облик змея.

-- Это был самый большой подвиг твоего отца. И самый большой его грех.

-- Так разрешат ли ему боги змееборство? Они не любят соперников. И захочет ли он сам? Вызови его и спроси.

За стеной послышалось конское ржание. Прямо сквозь закрытую дубовую дверь в кузницу шагнул немолодой уже человек в красной одежде, с чуть насмешливым курносым лицом. В свете горна ярко блестели золотая гривна с конскими головами, золотой пояс с самоцветами, на котором висели меч и акинак в ножнах с золотой отделкой.

-- Незачем меня вызывать, я и так весь поход с вами еду. Только вы не видите, хоть у вас и волхвов полно. Здравствуй, сынок! Здравствуй, Ардагаст!

Один мертвый царь и два живых приветственно подняли руки.

-- Здравствуй, отец! Где ты теперь? И доволен ли жертвами? - спросил Инисмей.

-- Я - нигде. Не пускают меня ни к Богу Смерти в подземное царство, ни к Ортагну в грозовую дружину. Вот и разъезжаю-летаю неприкаянный. Ем вашу венедскую яичницу наравне с неупокоенными. Спасибо, ваши девчонки хорошо готовят. А ты, я гляжу, без меня гоняешься за подвигами. Увязался за Ардагастом с десятком дружинников, словно этот Андак. Великий царь на такие дела посылает подручных царей.

-- Я не кесарь, чтобы отсиживаться во дворце, пока другие воюют за меня, - вспыхнул Инисмей.

-- Я-то мог оставить царство на тебя, потому и не боялся смерти и рискованных дел. А ты на кого оставишь? - вздохнул Фарзой. - Дети твои малы, жены и их родичи грызутся...

-- Если один из нас погибнет, другой позаботится о его детях и обо всем царстве, - сказал Зореславич.

-- Смерть уже ищет вас обоих. За этой рекой идут впереди вас два князька с дружинами - мазовецкий и галиндский - и похваляются добыть ваши головы. Ищут подвига полегче... А подстрекают их твои, Ардагаст, знакомые - полумедведи.

-- Мне уже донесли мои серые лазутчики. Как раз хотел царям сказать, - с небрежным видом заметил Волх.

-- Скажи, великий царь, могут ли боги простить тебя? - вмешался Вышата.

-- Ортагна я видел всего раз... "Что ты совершил, чтобы я взял тебя хоть простым дружинником? Победил много врагов? Так ведь своих, а не моих". Сказал, рассмеялся громовым смехом и поскакал дальше... - Фарзой опустил голову. - Надоела мне такая жизнь, хоть я уже и не живой. Я нагляделся на диких охотников. Их тоже никуда не пускают. А они собираются в шайки и носятся по всем трем мирам, разбойничают, как при жизни... Так что в копье вселюсь с радостью. Я не привык воевать ради самой войны.

-- Ты верно выбрал, царь, - кивнул волхв. - Вот он - твой подвиг. Твоя тамга - молния, ты - воин Грома. Порази змея!

-- Я уже пробовал. И погиб.

-- То был грозовой, небесный змей, друг людям. Порази Змея Глубин, что несет разрушение, зло и смерть. Или хоть его подобие. Тогда сам уподобишься Громовнику. Приступай, кузнец! Благослови нас, Свароже!

Фарзой свистнул, и сквозь дверь вошел стройный белый конь в серебряной сбруе. Царь и конь подошли ближе к горну, и его пламя теперь просвечивало сквозь их тела. Золото и серебро на них засияло удивительным светом, как будто украшения были отлиты из солнечного огня и лунных лучей. Звери и боги, отчеканенные на них, словно ожили, и сами неприкаянные призраки казались теперь богами, гордыми и величественными.

Напевая заклинания в два голоса, кузнец с волхвом выковали первый наконечник. Вышата вдавил молотком в раскаленную сталь сделанные из серебряной проволоки полумесяц и тамгу Фарзоя. Потом бросил в пламя пучок трав. Беловатый дым окутал наконечник. Кузнец стал читать заклятие и, повинуясь его негромкому, но властному голосу, конь шагнул

вперед, уменьшился и растаял в дыму. Закалив первый наконечник в воде и огне, с новыми заговорами кузнец принялся за второй. В него солнечный волхв вдавил ту же тамгу и знаки Солнца. Когда наконечник скрылся в волшебном дыму, Фарзой обернулся к сыну, хитро подмигнул и постучал пальцем по бляхе на поясе. На ней круглолицый бог охоты, так же хитро ухмыляясь, держал за лапы двух готовых сцепиться грифонов. Великий царь Аорсии хорошо умел мирить между собой подвластные племена. Или ссорить их.

Подобно своему коню, царь исчез в клубах дыма, и вскоре о призраке напоминали лишь два наконечника с тамгой Фарзоя, один из которых слегка светился золотым, а другой - серебристым светом. Осталось насадить их на длинные прочные древка. Эти копья, как и всякое сильное волшебное оружие, нельзя было употреблять против обычного врага. Для боя же с драконом их должны были взять Вишвамитра и Сигвульф - самые сильные из русальцев.

* * *

По лесу шла корова. Большая, откормленная. Темно-серая, лоснящаяся шерсть ее отливала зеленью, напоминая речную воду. Корову погоняла ореховым прутиком женщина с распущенными светлыми волосами. Ростом - раза в два ниже коровы. Два волка, глядя из-за кустов, тихо переговаривались.

-- Ну и корова! Не меньше Индрика-зверя.

-- Я и не слышал, каков он из себя. Не его ли единорогом зовут?

-- Ты в своей пуще не слышал, а я сам видел. На Печоре-реке. Большой, косматый. И не рог у него, а два клыка громадных и хобот. Редко он из нижнего мира выходит.

-- Видно, и эта гора ходячая не из нашего мира забрела. А баба эта не иначе как ведьма. Пуганем их?

-- Пуганешь, как же! Корова нас обоих на один рог насадит. Поглядим лучше, куда они идут.

-- Да прямо к Ручанской долине, к устью. Она к самой Писе выходит. Не на нашу ли дружину хочет погнать ведьма скотину свою? Бежим, донесем воеводе и князю. Или самому царю.

Два оборотня прибежали к Ардагасту в тот момент, когда их сородичи докладывали ему:

-- Солнце-Царь! Впереди две засады. Против устья Ручанской долины в лесу затаились конные галинды. А в долине, посредине ее - Прибыхвал с дружиной и вся шайка Медведичей.

Еще два серых разведчика, нур и ятвяг, принялись наперебой рассказывать о виденных ими ведьме и корове. Выслушав их, Зореславич рассмеялся:

-- Корову на нас погнать? Мы же ее на копья поднимем!

-- Дурачье лесное! - сплюнул Андак.

-- Да уж поумней тебя! - вмешалась Милана. - Не корова это, а озеро. Голядские и литвинские ведьмы такое умеют. Опорожнят целое озеро, воду оборотят тучей, коровой или лошадью и погонят, куда им надо.

-- Утопить нас хотят в устье долины, вот что! - стиснул плеть Волх. - А потом с двух сторон копьями да стрелами тонущих добивать!

-- Побей их Перкунас! На моей земле моих гостей подстерегать? - взревел Скуманд. - Набегом нужно пройтись по их селам!

-- Большой полон возьмем и продадим в Ольвию или готам! - поддержал его Андак.

-- Мы идем не в набег, а на защиту Янтарного Дома, - возразил Ардагаст. - Но проучить этих разбойников надо.

Волх азартно хлопнул рукой по седлу.

-- Верно! Пусть сами поплавают. Волки! Погоним водяную скотину на ее хозяев.

Он спрыгнул с коня и обернулся волком. Ардагаст кивнул, и серая стая помчалась вглубь леса. Лютица переглянулась с Миланой и сказала:

-- А мы проучим ведьму-коровницу. Наверняка это Лаума.

Волхвини соскочили с коней, и миг спустя Милана летела за волками орлицей, а Лютица бежала львицей.

Громадная корова уже приближалась к долине, когда со всех сторон раздался волчий вой. Корова, даже исполинская, все равно оставалась коровой, и потому бросилась бежать, ломая в щепки кусты и деревья. Волки умело гнали ее вверх вдоль южного края долины, не давая, однако, спуститься туда. Лаума, ругаясь и поминая Ягу с Чернобогом, забежала наперерез своей скотине и колдовским прутиком заставила ее развернуться навстречу волколакам. Серым бойцам при всей их ловкости и осторожности пришлось туго. Одного громадное копыто превратило в кровавое месиво, другой отлетел, распоротый от хвоста до горла могучим рогом. Седой вожак - Волх - едва избежал удара рогов, сокрушивших молодой дубок.

И тут по лесу прокатился громом львиный рев. То был голос не обычной львицы, а самки Великого Льва - могучего зверя незапамятных времен, ушедшего в нижний мир вместе с Индриком и Великим Медведем. Услышав его, корова испуганно

взревела на весь лес и помчалась, не слушаясь никаких чар. Вслед за ней большими прыжками неслась огромная серо-желтая львица. Не отставали и волки, ловко направляя бегство коровы. Лаума хотела обрушить на оборотней заклятие, но тут на нее с клекотом бросилась орлица-Милана. Колдунья, не умевшая оборачиваться никем крупнее ястреба или ворона, пустилась наутек, превратившись в сороку. Она норовила спрятаться среди густых ветвей, но прирожденная лесная ведьма всякий раз находила ее и гнала прочь.

Ручанская долина, глубокая, с густо заросшими склонами, была плохо заметна сверху. Однако на плоском дне ее, где протекала речка, легко мог развернуться для атаки конный отряд. Здесь и подстерегали росов Прибыхвал с Медведичами. Князь довольно поглаживал разукрашенные самоцветами усы. У дружины больше кожаных доспехов, чем железных? Ничего, за лесных воинов сражаются сами леса, болота, озера... Уже слышен рев коровы-озера. Сейчас по нижней части долины понесется бурный поток, обрушится на степняков, закованных в железо, и хваленые панцири с кольчугами потянут их на дно. А лесным храбрам останется бить пришельцев копьями, словно рыбу острогами, и засыпать стрелами. Потом, когда вода схлынет, можно будет хорошенько обобрать трупы. Рядом с князем довольно урчал Бурмила, прикидывая, чем лучше полакомиться после боя - кониной или человечиной. А тут еще и мед в дуплах - объедение, по запаху видно...

Вдруг позади, в верховьях долины раздался оглушительный, многоголосый рев и вой, затем треск ломаемых деревьев. Огромная серо-зеленая туша, сокрушая все на своем пути, бежала вниз по склону. А на ее спине сидела, вцепившись в загривок и молотя лапой по шее, большая серовато-желтая кошка. Шкура коровы треснула, и из раны фонтаном ударила вода. В следующий миг сама корова исчезла, растворилась в ревущем потоке. И он понесся вниз по долине, только на дороге его вместо росов оказались "защитники леса".

Черноха встал на пути воды, раскинув руки, и попытался остановить ее заклятием. На миг это ему удалось, но тут с неба бросилась орлица, и все, что он смог - это оборотиться щукой, когда поток нахлынул. А мазовшане и Черные Медведи уже неслись вниз по долине, отчаянно нахлестывая коней. "Вперед! Погибнем с честью!" - вопили, размахивая мечами, Прибыхвал и Шумила, а сами дрожали при мысли о длинных сарматских копьях, наверняка ждущих их впереди.

Бурмила, едва не ударившись лбом о низко нависшую дубовую ветвь, невольно ухватился лапами за нее. Конь его

помчался дальше, а внизу уже бушевала вода. Полумедведь взобрался на ветку и тут увидел новую опасность. Серо-желтая львица вылезла из воды на дерево, отряхнула шерсть и принялась подбираться к нему, громко рыча и вытягивая когтистую лапу. Палицу мохнатый воитель потерял, а про меч с перепугу забыл, как только понял, кто перед ним. Перебирая лапами и ногами, Бурмила добрался до конца ветви, налег на нее. Под его тяжестью ветка обломилась, и полумедведь поплыл на ней, поминая Чернобога и Великого Медведя, своего предка.

Заглушая страх отчаянными криками, "защитники леса" вылетели на берег Писы. И тут слева на них ударили росы и аланы. Длинные копья с наконечниками вышибали лесовиков из седел, а то и протыкали насквозь. А тут и вода нагнала, сбила с ног, понесла всадников и коней. Росы, однако, своих коней тут же остановили. Одни из мазовшан и Черных Медведей бросали лошадей и выбирались из долины по северному склону. Другие, доверившись коням, спасались вместе с ними вплавь по Писе. И тех, и других настигали стрелы амазонок и ятвягов, забравшихся на деревья на южном склоне. Не одного пана, похвалявшегося кольчугой или панцирем, железо утащило на дно.

Больше всего нагнал на панов страха серый волосатый великан ростом с дерево, стоявший по колено в воде и вовсю гвоздивший их дубовым стволом. Самого князя мазовецкого он ухватил за дорогой, финикийским пурпуром крашенный плащ и поднял, как котенка. Прибыхвал, однако, успел расстегнуть серебряную застежку и плюхнулся обратно в воду, при этом даже не выронив меча. Многие, впрочем, спаслись, поскольку росы и не собирались их преследовать. Галинды с другого берега реки пытались отвлекать внимание росов стрелами, пока Инисмей с частью дружины не переправился и не отогнал их в чащу.

А Ручанская долина с тех пор так и осталась озером. Видели волхвы, как ночью сама Лада собрала русалок, и те открыли источники на дне и в склонах долины, и вся она заполнилась водой. Так сделала Мать Богов, чтобы злые и спесивые люди, охочие до легких подвигов, не устраивали здесь никому засад. Лишь русалки резвились на дне среди затопленных стволов и тешились с утонувшими панами. И прозвали эстии и мазовшане это озеро - Рось.

* * *

Безмолвный и мрачный сидел князь Прибыхвал под раскидистым буком на берегу большого озера Снярдвы. Даже

янтари и самоцветы не светились в его пышных усах: лучи солнца не пробивались сквозь густую листву. Столь же мрачно выглядел молодой князь галиндов. Вместо славной победы - позорный разгром! Степняки, оказывается, не хуже "защитников" знали лес и его чары. Князья зло посматривали друг на друга и на сидевших в стороне Медведичей. А еще - на ведьму и двух волхвов. Наобещали, наморочили... Кого бы из них теперь связать и притащить на вече, чтобы оправдаться перед племенем? Князя выбирают и слушают, пока он побеждает. А тут еще заявился с дружиной Самилис, князь здешнего племени бартов. Рыжий, как лиса, и такой же хитрый. Вроде бы союзник галиндов, но всегда готов куда-нибудь переметнуться. К битве, конечно же, опоздал. Теперь, развалившись в тени бука, обгладывает куропатку и чего-то выжидает.

-- Куда поведем дружины, благородные князья? Преследовать росов? - нарушил молчание Самилис.

Преследовать росов - означало вступить на землю могущественного союза пруссов, хозяев Янтарного берега и верных почитателей Лады. Ссориться с ними, да еще и с богиней...

-- Куда идти? Спросить этих горе-волхвов и сделать наоборот! - зло и резко произнес Тройден.

-- А прежде указать дорогу отсюда всяким полумедведям! Они начали воду мутить! - встрепенулся Прибыхвал.

-- Это все ведьма, медвежья сестра! Утопить нас хотела Яге-Лауме в жертву! - выкрикнул кто-то из галиндов.

Медведичи угрожающе заворчали. Их сестра подбоченилась, готовая наброситься на панов с бранью. "А не послать ли чужую ведьму на костер? Скажу: она-де заворожила Трилавова коня", - подумал Черноха, прятавшийся в тени деревьев. Неожиданно вперед выступил Нергес-сигонот и властно указал рукой за головы воинов.

-- Обернитесь, трусы, маловеры! Бог среди вас!

Все оглянулись. Под засохшей осиной стоял старик с длинной бородой, весь в черном, лишь на голове - белое покрывало. Бледным лицом он напоминал покойника, а в руках держал человеческий череп. Воины в страхе опустились на колени. Все знали: Поклус, владыка преисподней, является людям лишь для того, чтобы показать свой гнев. И отвратить этот гнев можно только кровавой жертвой. Какой - может сказать лишь жрец. Миг спустя страшный бог исчез, а его место занял сигонот, такой же бледный, худой, одетый в черное. Гордые, воинственные мужи теперь с трепетом стояли на коленях перед ним.

-- Поклус в гневе! Чтобы узнать, как искупить свою вину вы,

недостойные славных предков, должны принести черную жертву. Ею будешь ты!

Трезубцем жрец указал на дружинника, обвинявшего Лауму. Того тут же обезоружили, вывернули руки. С неожиданной для своей костлявой руки силой Нергес ударил его трезубцем в грудь, прямо в белое изображение вепря Лады. Три острия пробили кожаный панцирь и достали до сердца. Сигонот вытащил свое орудие, и кровь ударила мощной струей. Не издав ни звука, воин уронил голову на окровавленную грудь.

-- Кровь бьет сильно. Это хороший знак. Битва будет для вас удачна. Последняя, страшная битва в священную ночь! Этот недостойный уже искупил свой грех. Вкусите его мяса и крови, прежде чем узнать, в чем будет ваше искупление.

Холод сковал сердца дружинников. О таком они слышали только в древних песнях. Вкусившие священной пищи воинов обретали особую силу и храбрость, недоступную простым людям - так говорили певцы. Может быть, без этого и нельзя разбить росов с их непобедимым Солнце-Царем?

-- Что, измельчал здесь народ? Или не совсем еще? Ур-р-хо-хо! - оскалил медвежьи клыки Бурмила.

-- Кто слаб духом, кто не чует в себе силы и крови предков - пусть уходит! - указал рукой сигонот.

-- Таких в моей дружине нет! - резко произнес Тройден и первым подошел к черному жрецу.

Старинным бронзовым ножом Нергес отрезал мясо от мертвого тела и давал по кусочку каждому воину. Маленький кусочек сырого мяса. И глоток теплой крови из столь же древней бронзовой чаши. Но принявший это причастие словно переходил в иной мир: древний мир беспощадных воителей, людей-зверей. Никто не отказался, никто не ушел: нет большего позора для воина, чем признать себя слабым, да еще после поражения. Человечины хватило на всех, а что осталось, доели Бурмила с Шумилой. Окончив обряд, сигонот поднял трезубец и заговорил:

-- Отныне вы - воины Поклуса. Владыка смерти велит: настигните и поразите росов и их прихвостней в Купальскую ночь у Янтарного Дома. Бейтесь со всеми предателями леса! Если же среди них окажется Венея, верховная жрица Лады - разрушьте Янтарный Дом и возьмите себе в награду его сокровища.

Потрясенные воины несколько мгновений молчали. Потом все заволновались, зашумели. Превыше всех богов эстии чтили Ладу, и все носили ее знак - белого вепря. Весьма почитали ее и венеды. В Купальскую ночь у Янтарного Дома собирались люди из всех поклонявшихся ей племен, и никакая война не могла тому помешать. В эту ночь не воевали - только плясали у костров,

славили богов и любили. Даже безжалостные готы не смели посягнуть на дом Лады, которую они звали Фрейей.

-- Ты безумен, колдун! - воскликнул Тройден. - Поднять оружие против Матери Мира? Да будет ли после этого солнце светить, а поля - родить? Настанут ли весна и лето? Сможем ли мы сами любить жен и продолжать свой род?

Голос жреца оставался спокойным и твердым:

-- Вы идете не в простой набег. Кто может поднять оружие на богиню? Бог или воин богов. Кто разрушил янтарный дворец Юраты-Лады, блудившей с рыбаком? Перкунас. Вам ли бояться Лады, если за вас Перкунас и Поклус, сильнейшие из богов неба и преисподней, боги воинов и чародеев? А за Ладу пусть держатся глупые и трусливые мужики.

-- И моя богиня будет с вами, - подхватила сестра Медведичей. - Лаума-Яга, сильнейшая в чародействе. А Лада с ее жрицей? Вы же все знаете: Венея - шлюха, каждую святую ночь гуляет с другим князем, и хорошо еще, если с князем, а не с рабом и не с чертом болотным. От кого у нее девчонка? А Венея ее себе в наследницы готовит. И все по обычаю, как Лада-матушка велела... Да кто позвал сюда Ардагаста, если не Венея? Захотелось еще степняка попробовать... Утащи меня Яга в пекло, в болото, если это не так!

Князья и дружинники довольно ухмылялись, слушая ведьму-сплетницу. А ее уже сменил Нергес.

-- Были времена, когда боги сражались, - вещал он. - А вместе с ними - люди, величайшие из воинов. Целые страны тогда тонули в море, сгорали в огне. И победили боги-мужчины, воины и чародеи. Так было - и так еще будет! Жрицы Лады вам об этом не расскажут, спросите лучше германских пророчиц...

-- Верно. У кого учиться воевать и колдовать, как не у немцев? - сказал Прибыхвал.

Паны одобрительно закивали. Эти гордые воины больше всего стремились сравняться во всем с германцами и перенимали от них что угодно: от рунных мечей до безделья и пьянства в мирное время. Прибыхвал даже дочь свою Дануту отдал в ученицы готской колдунье Эрменгильде.

-- Немцам боги войны помогают, потому они и побеждают всех, - поддержал мазовшан Самилис.

-- Нужно будет - готы вместе с нами пойдут на росов. Эрменгильда позовет, - сказала вдруг Лаума.

-- Эрменгильда - самая сильная ведьма от Карпат до моря. И самая мудрая пророчица. Ни один волхв с ней не сравниться, - поддакнул молчавший до сих пор Черноха.

Галинды вопросительно глядели на своего князя. А тот

чувствовал себя так, словно взбесившийся вдруг конь понес его неведомо куда. Да и конь ли под ним или бес-оборотень? Идти вместе с готами, разбойниками, рыжими псами? Хуже этого могло быть одно - вернуться побежденным, без добычи, без славы. Но вкусившему пищи древних воинов не было пути назад. Только вперед, к великим и страшным делам! Но пусть дорогу эту не указывают тощий колдун и блудливая ведьма... Тройден медленно произнес:

-- Ты, Нергес, жрец Поклуса, а не Перкунаса. Мы пойдем в Ромове, к священному дубу трех богов. Если Перкунас, Потримпс и Поклус скажут нам идти на Янтарный Дом, мы не отступим.

-- Перкунас небесный, Потримпс земной и Поклус подземный - по-нашему Перун, Ярила и Ный - суть три лица нашего Триглава. В трех мирах все ему подвластно, а ромовский дуб - подобие Мирового Дуба. Строги к грешникам громовержец и Владыка Мертвых, но добр Триглав-миродержец. Не потребует он от грешного человека непосильного, - наставительно изрек Черноха. Божий князь хорошо знал имена богов, и не назвал подземного владыку ни Чернобогом, ни Чертом, ни Нечистым.

-- По коням! - зычно крикнул Прибыхвал, и четыре дружины двинулись на север. Над венедами колыхался красный стяг с белым орлом, над бартами - черный с белой секирой, над галиндами - черное знамя со знаками Каваса. Медвежья голова увенчивала зеленый стяг "защитников леса". Молчаливы и угрюмы были воины, словно ехали в само Чернобожье пекло. Вдруг впереди показался ехавший в ту же сторону всадник на черном коне, в черной одежде, с трезубым копьем. "Кавас, Кавас!" - воспрянули духом галинды и барты, а следом и остальные. Говорят, росов ведет Белый Всадник, Ярила. А с нами - Черный Всадник, темный бог войны. У самого Триглава конь черный. Значит, и наш путь свят. Так подбадривали себя воины, а сами мечтали о сокровищах, скрытых в подземельях Янтарного Дома. Мало кто вспомнил, что сарматы перед набегами молятся Черному Всаднику, богу ночных разбоев. И никто, кроме ведьмы и жрецов с их духовным зрением, не увидел, как из темно-зеленых вод озера Снярдвы поднялись три головы черного змея.

Но даже всевидящие колдуны не заметили молодого волка-переярка, что лежал в лощине, среди густого орешника. Лежал с подветренной стороны, и кони его не чуяли. Волк видел и слышал все, происходившее у озера. А когда войско ушло, вскочил и побежал на северо-запад, за реку Лыну. Здесь начинались земли храбрейшего из словенских племен, что носило три гордых имени: вильцы - "волки", лютичи - "львы", велеты - "великаны".

Когда готы захватили низовья Вислы, самые непокорные из

венедов ушли на восток, в безлюдные пущи. В самом сердце их, у священного озера, беглецы увидели чудо. Златокудрый великан с секирой и щитом одолел с помощью льва и волка громадного черного быка. То был Даждьбог, которого приморские словене величали Радигостом Сварожичем. Беглецы поклялись стать воинами Солнца - храбрыми, как львы, ловкими, как волки, и сильными духом, как великаны. Зажатые между готами, эстиями и мазовшанами, новое племя не только выжило, но и удержало берег моря между рекой Ногатой и озером Трусо. Однодеревки вильцев не раз посылали драккары пришельцев к Морскому Царю и его рыбохвостым девам. Но гордостью племени и его тайной силой были воины-оборотни. Их не могли одолеть даже страшные готские берсерки.

* * *

Мазовшане шли впереди всего войска. Паны заметно повеселели. Подбадривая друг друга разговорами о распутстве Венеи и о богатствах Янтарного Дома, они глушили в себе страх перед кощунством, которое готовились совершить. Да еще ведь ничего не решено. Пусть объявят свою волю три бога в Ромове. А пока можно охотиться в изобилующих дичью лесах и радоваться солнечной погоде. Пруссы-натанги, хозяева этих мест, настороженно поглядывали на чужую рать, но не препятствовали благочестивым воинам идти на поклон к святыне. Ведь Ромовский дуб, почитавшийся всеми эстиями, приносил натангам такое же уважение и доход, как Янтарный Дом - их соседям, пруссам-самбам.

Внезапно кони заволновались, почуяв хищника. Из чащи вышел и стал прямо на тропе крупный волк. Паны приободрились: встреча с волком для воина - добрый знак. А тот вдруг перекувыркнулся и оборотился гривастым львом. Этого зверя мало кто из мазовшан видел живым, тем более в пуще, а не в Карнунте на арене. Немногие волхвы умели принимать облик люта. Воины невольно схватились - кто за оружие, кто за обереги. А лев неторопливо взревел, кувыркнулся и встал человеком ростом с молодую сосну. Из кустов он вытащил топор, в ручище великана казавшийся совсем маленьким, хотя лезвие его могло запросто разрубить всадника с конем. Дружина остановилась. Затихли напугавшиеся было кони. Молодое лицо исполина не было уродливо или злобно. Длинные золотистые волосы снегом усеяла ранняя седина. Лицо это с тонкими вислыми усами было даже красиво - особой, суровой красотой воина. На плечах

великана лежала волчья шкура. Прибыхвал, криво усмехнувшись, сказал:

-- Что, Лютко, все три опрометных лица лютицких узнал? Похвалиться решил, песья кровь?

-- Кровь наша не песья, а волчья и львиная. И я тебе, княже, не Лютко, а Лютомир, волчий воевода лютичей и зять твой, а внукам твоим отец.

-- Глумишься, оборотень? Что вы, волколаки, с моей Данутой сделали? Девчонка у лучшей немецкой пророчицы училась, а из-за вас безвременной недоброй смертью умерла, упырицей стала. Так ты ее еще и из могилы поднял, снова к людям привел. Кто она теперь: человек, волчица, бесовка? И каких ублюдков вы с ней наплодили? Небось, всей стаей потрудились?

-- Кому другому я бы за такие слова о моей жене и княжьей дочери горло перегрыз. Не мы ее погубили, а Эрменгильда. А ты еще и похоронил дочь по-немецки - курган роскошный насыпал, а тела не сжег. Вот она и стала по ночам людей заедать. И пробили бы ее осиновым колом да в болото бросили, если бы я три ночи у ее могилы не провел. Она теперь человек, не нечисть, слышите, вы все? - загремел над лесом голос великана. - И волхвиня посильнее той стервы, медвежьей сестры, что вас морочит.

Медведичи возмущенно взревели, но лезть в драку с велетом не спешили. А тот продолжал:

-- Я с тобой, князь, не лаяться пришел, а удержать от злого, погибельного дела. Я тебя прошу, а Сварожич велит: поверни дружину назад. Ты выходишь на Янтарный путь, а это - Путь Солнца. Радигост на нем лишь добрым гостям рад.

Усы Прибыхвала воинственно взметнулись, сверкая янтарями.

-- Гостям? Торгашам, значит? Нет уж, теперь мы, воины, погуляем по нему. Славно погуляем, клянусь молниями Йеши!

-- Тогда мы, серые воины Радигоста и Ярилы, встанем на вашем пути.

-- Что?! Да мы тебя первого на копья поднимем! А после съедим всем войском. Знаешь, кто мы теперь и чем причастились?

Дружина вмиг ощетинилась копьями и стрелами. Паны, стоявшие подальше от великана, размахивали мечами и секирами, выкрикивали брань. Им вторили галинды и барты.

-- Прочь с дороги, серый пес, прихвостень росов! Против медведей не выстоишь ни волком, ни лютом, ни велетом! - ревел Бурмила.

Лютомир окинул расходившихся панов суровым взглядом, покачал головой и сказал:

-- Знаю, кем вы стали. Людоедами, чертовым воинством. А ведь людьми родились, не медведями и не бесами! На битву богов собрались? Так знайте: мы - воины Радогоста, а царь росов - его избранник. Есть волк, что хочет Солнце съесть, да не может. А медведю такое и вовсе не под силу.

Возмущенные паны зашумели еще громче. Несколько стрел полетело в Лютомира, но он легко отбил их топором.

-- Безбожник, предатель леса! Не тебе судить, за кого боги. Прочь с нашего пути, он свят! - вопил Черноха.

-- Уйди с дороги или бейся со мной одним. В любом обличье! - потрясая копьем, крикнул князь галиндов.

-- Не там подвига ищешь, Тройден, - спокойно ответил лютич. Неожиданно рост его уменьшился до обычного человеческого. Воинственные крики тут же стихли: бросаться целой ратью на одного, если он не великан - дело не славное. А Лютомир свистом вызвал из чащи огненно-рыжего коня, сел в седло и положил поперек него громадную великанью секиру. Не спеша надел пояс с мечом и длинным боевым ножом и громко произнес:

-- Знайте: до Купальской ночи мы вас не тронем. Но если поднимите руку на Янтарный Дом - будем биться с вами, как со всякой нечистью.

Сказав это, он развернул коня и исчез в чаще, и никто не посмел преследовать его.

* * *

В глубине земли натангов, у слияния двух неглубоких лесных рек. стоял громадный дуб. Его почитали еще тогда, когда по Янтарному пути везли бронзовые мечи. Ведь густая листва его оставалась зеленой круглый год --как у самого Мирового Дуба, из желудя которого он и вырос. Когда предки эстиев, германцев и венедов, тогда еще говорившие на одном языке, пришли на берега Янтарного моря, мудрые волхвы принесли два золотых желудя Древа, соединяющего три мира. Один вечнозеленый дуб посадили в Упсале, в земле свионов за морем. Другой - здесь, в Ромове.

Три ниши-дупла были выдолблены в толще ствола, а в них - фигуры троих богов, да так искусно, что, казалось, боги сами вырастали из недр священного дерева. Посредине - Перкунас, огненновласый бородатый муж с молнией в одной руке и огненно-красным янтарем - в другой. Слева - Потримпс, юноша в венке из колосьев, с серпом в руке. Справа - Поклус, старик с лицом мертвеца, в руке - человеческий череп, у ног - черепа быка и коня.

Три бога, три мира, три поры в жизни смертного. И три пути в ней: воина, пахаря и колдуна. Под Упсальским дубом - тоже три идола: колдун Один, воитель Тор и Фрейр, дарующий урожай. Поистине, кто служит троим богам у священного дуба, тот ведает тайны всех трех миров.

Перед дубом горит неугасимый костер. Вокруг дерева - дрова в поленицах и добротные избы жрецов. Между костром и дубом - тяжелые зеленые завесы, входить за которые могут лишь жрецы и те, кого они допустят к ликам богов. Все святилище окружает крепкий дубовый частокол.

Тревожно было в этот день в Ромове. Князь натангов Тирско, дородный круглолицый муж с пышными русыми усами, расхаживал у костра, теребя скреплявшую плащ серебряную застежку. Хмуро и озабоченно глядел князь то на старейшин и дружинников, толпившихся в святилище, то на стоявших кучкой сигонотов в черных плащах. Известно ведь: эти отшельники выходят из своих дебрей по большей части для того, чтобы предсказать очередное бедствие, отвратить которое можно только щедрыми жертвами. А криве Аллепсис, верховный жрец натангов, все совещается за завесами с тремя пришельцами - Нергесом, Чернохой и какой-то ведьмой самого наглого вида.

И откуда все эти тревоги на его, Тирско, голову! Хоть он и князь, а воевать не любит. Мало ли без войны радостей для сильного и богатого человека? В ночь Лады благочестивые люди пляшут, поют да хмелем душу веселят. Ох, и хороши меды у мудрого криве! На особых травах настояны... И девки князя все еще любят. А тут вдруг какая-то страшная битва в святую ночь, не то с сарматами, не то с самими богами. У ворот святилища - три князя с дружинами, да еще какие-то разбойники, не то люди, не то медведи...

А за завесами шел настоящий торг. Нергес наседал на хозяина святилища - грузного седобородого старика, чей объемистый живот семь раз опоясывал священный пояс.

-- Спроси одного Поклуса, а объяви от имени всех троих богов. Только это от тебя и нужно. Ты же и раньше так делал, я-то знаю.

-- Если и делал, то не в таких важных случаях. Что со мной сделает Потримпс? А Перкунас поразит громом на месте. Нет, нет! - замахал Алепсис двоерогим посохом.

-- Потримпс-Ярила сейчас в нижнем мире. Его время - весна. А Громовник воюет с морскими змеями на западе и не скоро вернется.

-- А вернется - отплатит за дом своей матери.

-- За Янтарный Дом он мстить не станет. Это же места, где

Лада блудила с рыбаком. И сейчас еще ходит туда своего милого оплакивать. А Перун грозится Янтарный Дом разнести. Мне сама Яга говорила, - ухмыльнулась Лаума.

-- А мне самому какая выгода лезть в вашу затею? - вздохнул Алепсис.

-- С этого бы и начинал. Сгинет Янтарный Дом - чье святилище будет главным у пруссов, у всех эстиев? Твое, - хитро подмигнул Черноха. Станешь жрецом над всеми жрецами эстиев. Мы тебе в том поможем.

-- Жриц Лады мы, ведьмы, утихомирим, - подхватила Лаума.

-- Хорошо бы, конечно. Все богатства Янтарного пути потекут в Ромове, - мечтательно прищурился криве. - Только больно уж опасно. Гневлив Перкунас, переменчив...

-- Думаешь, без тебя не обойдемся? - Взгляд Нергеса вдруг стал хищным, недобрым. - Там, за частоколом, стоят люди, на все готовые ради богатств Янтарного Дома. Скажи им, что их поход богам не угоден. А я скажу, что ты плохо понимаешь волю богов, и возьмусь гадать сам. Чьему гаданию они скорее поверят? А твои натанги?

-- Натанги поверят мне! - выкрикнул криве, но в голосе его не было уверенности.

-- Они что, не захотят поживиться в Янтарном Доме? И потом... Вы, ромовские жрецы, больно зажирели. Дома у вас богатые, кладовые от добра ломятся. Стада, рабы, наложницы... А мы, сигоноты, в лесной глуши свою плоть усмиряем. Всякий мужик это скажет. Так кому скорее поверят, а? И кто тогда станет верховным жрецом всех эстиев?

Под змеиным взглядом сигонота Аллепсис съежился и пробормотал:

-- Пусть ваши войдут. Я буду гадать. Спрошу хотя бы Поклуса. Ты и его волю переврать можешь.

Воины трех племен и Черные Медведи заполнили святилище. Черный конь, черный бык и раб-ятвяг были принесены в жертву. Аллепсис долго ворожил и по крови жертв, и по дыму священного костра, и даже по кубку с пивом и солью, и, наконец, торжественно возгласил:

-- Воины леса! Галинды, барты, мазовшане, и вы, Черные Медведи! И вы, натанги! Слушайте волю троих богов! В трех мирах все подвластно Перкунасу, Потримпсу и Поклусу. Велика Мать Богов, но не может женщина властвовать над мужчинами ни среди людей, ни среди богов. Ее блудливая жрица Венея призвала в нашу святую землю окаянного и безбожного Ардагаста, царя росов, степных волков, что лакают кумыс. Потому велят вам три великих бога: идите походом на Янтарный Дом! Разорите это

гнездо распутства и измены. Разделите его богатства, а третью часть их принесите сюда, в Ромове. Ваш поход свят, и ждет вас великая победа!

-- Верно ли, что Ардагаст - избранник Свайкстикса и что он владеет чашей с неодолимым солнечным пламенем? Не грех ли воевать с Солнцем? - с сомнением спросил Тирско.

-- Разве Солнце сильнее грозовой тучи? Или ночного мрака? С вами Громовник и Владыка Тьмы. И Потримпс, что нынче в подземном мире, а там он - змей с человеческой головой, владыка вод земных, которые могут залить и небесное пламя.

Аллепсис говорил это, а сам бледнел, видя духовным зрением, как поднимаются из воды три головы огромного змея. Верховный жрец хорошо знал: Змей Глубин - древнее и страшнее всех богов, даже тех, что сами принимают облик змеев. Если кто может и хочет обратить мир в изначальную водную бездну, так это он. Но отступать было поздно, и Аллепсис продолжил:

-- А если самбы посмеют встать за Венею и Ардагаста - разбейте их, разорите их городки и села, а самих уведите в рабство. Натанги достойны быть первыми среди пруссов, первыми среди эстиев!

Натанги разразились воинственными криками. А Нергес подливал масла в огонь:

-- Глядите, эстии и венеды: если вы не разорите Янтарный Дом и не разобьете росов, это сделают готы. И тогда они станут владыками леса, и Упсальский дуб вырастет выше Ромовского.

Воины размахивали оружием, наперебой осыпали грязной бранью Венею и ее любовника-степняка. Кое-кто бранил и саму Ладу.

-- Что вам Лада, когда Лаума-Яга, сестра ее, с вами! - вопила, скача перед костром в диком колдовском танце, белобрысая ведьма.

И все перекрывал торжествующий рев Черных Медведей. Князь и верховный жрец натангов понимающе глядели друг на друга. Эх, не нужно было пускать баламутов в святилище! Но Тирско знал: когда воины так разойдутся - их надо вести в поход. Иначе поведет уже другой князь, а благословит другой жрец.

* * *

Шла русальная неделя. Последняя неделя месячного праздника Лады. Венеды и эстии веселились, славили богов, просили у них хорошего урожая и просто радовались теплому солнечному лету, не такому уж частому в этом крае, где ясный

день труднее вымолить, чем дождь. А по их землям к Янтарному Дому шли дружины. Не убивали, не жгли - просто шли на грозную, невиданную битву. Словно один поток неудержимо нес их всех в глотку чудовища. И мало кто из шедших на битву знал, что направляет этот поток недобрая рука с далекого юга, блестящая семью чародейскими перстнями.

Глава 3. Жрица Лады и пророчица Тьмы

Чернявый всадник в гребенчатом шлеме ехал берегом одного из рукавов Вислы. Уже темнело, и серебряный глаз полной луны отражался в черной воде, озаряя мертвенным светом лесную чащу на правом берегу и обширное, заросшее высокими хвощами болото, - на левом. Эпифан был теперь в самом сердце острова Готискандзы - главного разбойничьего гнезда готов конунга Берига. Никто, однако, не взялся проводить его в это место - лишь указали дорогу.

Здесь властвовали ведьмы-галиурунны и их предводительница и наставница - Эрменгильда. Десятки ведьм - германок, эстиек, венедок - обучались в ее колдовской школе. Днем здесь приносили в жертву пленников, а ночами совершали еще более страшные и мерзкие обряды. Упыри, оборотни, лесные и болотные демоны были тут обычными гостями. Черные альвы, тролли, болотные черти развлекались с ведьмами и охотно обучали их лиходейским премудростям. Бесстрашные и безжалостные воители сникали, заслышав ночью доносившиеся из болотного капища дикие крики, в которых сливались страдание, ужас и безумная радость. Воины презирали бабьи чары, боялись их, однако использовали: не всегда ведь можно навредить врагу мечом, не накликая на себя суровую расплату. Обитель же Эрменгильды почитали самым святым местом в земле готов.

Лесная тропа, уклонившись от реки, вывела к высокому частоколу. Среди него выделялись массивные двустворчатые ворота, покрытые резьбой: битвы воинов, пеших, конных, на ладьях, боги в рогатых шлемах, звероголовые чудовища, - и все это обрамляло, причудливо извиваясь, тело огромного змея. Над воротами белели громадные черепа медведя и тура. Из-за ворот доносился громкий лай. Чары, защищавшие вход, Эпифан почувствовал сразу, однако сумел их снять - не без труда, но довольно быстро. Потом заставил простым заклятием отодвинуться тяжелый засов, толкнул створку и въехал в святилище.

Огромные черные псы, способные в одиночку загрызть сильного мужчину, бросились было к пришельцу, но остановились и поджали хвосты, наткнувшись на незримую стену заклинания. Глазам царевича предстал каменный курган,

окруженный кольцом каменных же столбов. На кургане - три деревянных идола: одноглазый старик с копьем, бородач с каменным молотом и голый толстяк со всеми мужскими принадлежностями. Один, Тор, Фрейр. Колдовство, война и урожай - все, что нужно тупым варварам. Где им помыслить о Высшем Свете и его владыке, неизмеримо превосходящем всех их богов - разбойников, обманщиков и распутников.

Вокруг кургана на кольях висели человеческие и звериные черепа, а от него к берегу цепочкой тянулись четыре больших, еще тлевших кострища. На берегу была вымощена каменная набережная и сложены две длинные каменные скамьи-завалинки. Повсюду валялись обглоданные кости. Конечно же, недавно после очередного набега жгли и бросали в реку жертвы, а потом обжирались жертвенным мясом и пьянствовали.

-- Кто ты, что входишь в святилище без стука? Ты надеешься на свои чары, но мои сильнее.

Перед царевичем стояла незаметно вышедшая из тьмы старуха, закутанная в просторный белый плащ. Длинные, пышные седые волосы ниспадали до пояса. Лицо, худощавое и бледное, но с совершенно гладкой кожей, не отталкивало. Оно даже привлекало своей загадочностью, умным и властным взглядом больших серых глаз. Наверняка раньше она была холодной и гордой белокурой красавицей. Рука легко опиралась на посох с навершием в виде человеческого черепа.

Внезапно Эпифан почувствовал, что тело его начинает меняться. Пробивается из-под кожи шерсть, вытягиваются челюсти, пальцы срастаются в раздвоенные копыта, задирается и расплющивается нос. Нет, превращаться в кабана он и сам умеет, спасибо фессалийским колдуньям. Царевич быстро отразил заклятие, и в свою очередь попробовал обратить ведьму в кошку. Кошка получилась черная и громадная, величиной со львицу. Потом она превратилась в медведицу, затем - в огромную, как индийский питон, гадюку, и, наконец, снова приняла человеческий облик.

Учитель Валент только посмеивался над его фессалийскими приключениями, считая оборотничество варварской и деревенской магией. Что ж, среди варваров и пригодилось.

-- Неплохо для мужчины, - довольно усмехнулась ведьма. - Так кто же ты, дерзкий римлянин?

-- Я - Эпифан, царевич Коммагены. Ученик того, кто прилетал к тебе на черном драконе, - он протянул колдунье исписанную рунами дощечку.

-- Как же, помню. Он был очень хорош в колдовстве... и в

любви. Мои ведьмочки по нему с ума сходили.

Изучив дощечку, Эрменгильда хищно улыбнулась.

-- Разнести Янтарный Дом... Это же моя давняя мечта! Соединить руны Кеназ, "огонь", и Лагуз, "вода", создать дракона - и все это в самую короткую ночь года! Смело задумано... И ты надеешься со всем этим справиться?

-- Да. Вместе с тобой, мудрейшая из ведьм. - Он спешился, и теперь глядел на высокую галиурунну чуть снизу. - Я знаю из книг много неиз-вестного тебе. Твои ворота я открыл без всяких рун. Да и руны свои вы переняли у этрусков лет триста назад... Но ты владеешь чарами тех времен, когда книги еще не писались, и города не строились, и человек не прятался от природы за стенами и страницами.

-- Не отгораживался? Через этот частокол и тролль не перелезет. Здесь подобие Мидгарда, среднего мира богов и людей.

-- Но и тролли ведь знают к тебе дорогу? Огонь, свет - мужские стихии. Вода, тьма - женские. Вместе мы составим хорошего дракона. Если ты, почтенная Эрменгильда, не боишься, что дубина Тор бросится на него со своим молотком... А вдруг светлые асы уже услышали нас в своем святилище? Если хочешь... и можешь, выгони меня, пророчица асов и ванов!

-- Светлые асы, мудрые ваны! Ха-ха! - расхохоталась старуха. - Всемогущие, всевидящие, всеблагие... Уж я-то их знаю. Нет, когда они близко, от их имени лучше не врать. Да только не могут они всюду поспеть. И не хотят. А идут туда, где усерднее молитвы и жирнее жертвы. Не всегда, правда. Ну, да они народ капризный. Как и альвы с троллями. Этих я тоже знаю.

-- Мудрейшие маги юга то же пишут об архонтах - так они зовут всех этих владык нашего порочного мира.

-- А ты мне нравишься, римлянин! Это святилище - для глупых вояк. Пошли со мной дальше - туда, куда не сунутся даже берсерки, хи-хи! - ведьма блеснула крепкими, совсем не испорченными зубами и набросила поверх белого широкий черный плащ.

Галиурунна и маг действительно хорошо знали богов. Только судили обо всех них по себе.

Эрменгильда указала посохом на западный берег. Эпифан преодолел реку верхом, колдунья - на легкой лодочке. От берега вглубь болота шла каменная кладка.

-- В мир мертвых тоже едут верхом, - словно невзначай бросила старуха.

Коммагенец усмехнулся, но не спешился, хотя ясно видел выглядывавших из реки и болота зеленоволосых русалок и

остроголовых чертей. Не этим жалким элементалям, стихийным духам, увлечь его в Тартар.

Кладка привела к круглой каменной площадке, где стояли три деревянных идола. Один изображал косматую старуху с железными зубами. Второй - с длинной бородой, ехидным остроносым лицом и языками пламени на груди - был прикован цепью к каменной глыбе. Третий, сделанный целиком из причудливо изогнутой толстой ветви, кольцом окружал первых двух и высоко поднимал между ними шею со змеиной головой. Вокруг на кольях белели черепа, сплошь человеческие, а в глубине болота духовный взор мага разглядел трупы варваров. Здесь топили трусов. Предателям и разбойникам (конечно, грабившим своих) предоставлялась честь висеть в жертву Одину. Видел Эпифан и обглоданные кости младенцев - эти-то ни в чем согрешить не успели, потому и были съедены во исполнение древнего обряда.

Только тут царевич спешился. Ведьма воздела руки.

-- Вот они, подлинные боги! Те, от кого наша, ведьмовская мудрость. Хель, Железная Перхта, владычица смерти! Снег, град и ливни посылает она, повелительница воды. В бури и метели несутся за ней по небу мертвецы, злые духи, черные псы и мы, ведьмы!

-- Да! - подхватил в экстазе Эпифан. - Геката, адская, земная и небесная, любящая лай собак и пурпур крови, обитающая в гробницах, вселяющая ужас в смертных!

А ведьма продолжила:

-- Огненный Локи, подземный владыка, непостоянный, как сам огонь! Скованный, но свободный: ведь у него много обличий, и он может пребывать даже в нескольких сразу. Это боги сковали его, губителя Бальдра-Солнца, хотя прежде не брезговали принимать от Локи, великого вора, сокровища, украденные у великанов.

-- Ахриман, Дух Зла! И Гермес, бог воров и колдунов, хранитель тайной мудрости! - воскликнул Эпифан.

-- Йормунганд, Змей Глубин! Он древнее всех богов всего мира, ибо он - владыка водной бездны, что была прежде всего сущего. Это жрецы-мужчины придумали, будто Хель и Змей - дети Локи. Мы, ведьмы, знаем лучше...

-- Да, Хаос - начало и конец этого мира, и Змей, Тифон, Ажи-дахака, Апоп - владыка его! - вскричал коммагенец, простирая руки к деревянному змею.

-- Так у кого же искать мудрости, если не у предвечных, могучих, все разрушающих? Вода, Огонь и Бездна! - завопила ведьма.

Из чащи, из реки, из болота откликнулся многоголосый вой. Лишь три слова слышались в нем: "Вода, Огонь, Бездна!" Казалось, нет ничего в этом темном и жутком мире, кроме троих богов-чудовищ и их премудрых слуг. И еще - тех, кто молчит в страхе перед ними. А голос Эпифана уверенно перекрывал вой:

-- Нет ни добра, ни зла перед лицом Хаоса, а есть лишь Мудрость, и Сила, и мы, избранные, владеющие ними!

Эрменгильда со скрытым восхищением глядела на молодого пришельца. Она не читала новейших книг и не знала ни о Высшем Свете, ни о том, что для стремящихся к нему и темные, и светлые боги, не говоря уже о людях, - лишь средство для овладения магическими силами.

Сощурив глаза, колдунья сказала:

-- А знаешь ли ты, что настанет час, и Хель выпустит войско мертвецов, и поведет его на богов Локи? И пойдут с ним великаны и чудовища, и Йормунганд утопит Тора в своем яде, и выйдет рать Муспельхейма, царства огня...

-- ...И мир вместе с богами сгорит в великом пожаре! Пусть! Туда ему и дорога... Может, с нашего дракона все и начнется. Или ты хочешь исправить мир? Очистить его от своих учениц и ночных гостей, а?

Оба дружно рассмеялись. Ведунья заговорщически произнесла:

-- Глупая пророчица, воскрешенная Одином, наворожила ему, будто в мировом пожаре погибнет вся нечисть, а сыновья асов уцелеют и создадут прекрасный новый мир, ха-ха! Мы-то знаем: останется водяная бездна, и в ней те, кто сейчас в преисподней, а всякие там валгаллы, ирии и белые острова сгорят и утонут вместе с их жителями.

Царевич не стал уточнять, что он-то, избранный, в бездне не останется, а вознесется в Высший Свет. Эта варварка со смелым умом философа его восхищала, но и она была всего лишь рабыней материи, а значит - орудием для истинно мудрого. А старуха тем временем ласково заговорила:

-- Что мы с тобой такие мудрые, это хорошо, но мало. Огонь с Водой не соединить без любви. Нет, я не о моих девочках. Сначала - со мной. Что, разве я страшней Хель и мирового пожара?

Она сбросила черный и белый плащи, расстегнула застежку на красном балахоне и кокетливо, вызывающе задержала обнаженные руки у плеч, не торопясь снимать его. Из трясины, реки, чащи уже неслись хихиканье, ржание, грубые советы и шуточки. Высунулись из болота любопытные образины, среди которых выделялась одна - безносая, со слипшимися от грязи

волосами и оскаленными зубами.

Коммагенец только усмехнулся. Всего-то? Хорошо хоть не потчует несвежей человечиной или сырыми змеями. А ублажать старых ведьм ему приходилось еще в Фессалии. Покажи только этакой грозной ведунье, что еще считаешь ее женщиной, и все ее вековые чародейские тайны - твои. С демоницами-лилит, конечно, приятнее: птичьи ноги, крылья, а остальное - как у обычной красивой бабы... Лихо улыбаясь, он расстелил на камнях свой плащ, решительно сбросил балахон с колдуньи, спустил сорочку... и увидел здоровое белое тело женщины средних лет. Ничуть не переменившись в лице, словно только этого и ожидал, царевич привлек ведьму к себе. А она довольно хохотала, откинув голову и играя седыми волосами:

-- Нет, в бабушки я тебе не гожусь! А поседела я в двенадцать лет. Вальпургиева ночь, каменный круг на могиле и пятеро веселых приятелей: тролль, болотный черт, оборотень и пара мертвецов. Что они со мной сделали! Не скажу, а то тебе удовольствие испорчу... Родить бы от тебя хорошенькую чернявую девочку, а то все мои детки в отцов: людям лучше не показывать.

Внезапно она с силой отстранилась от него. Миг спустя на плечах царевича лежали лапы громадной белой волчицы, когти сладострастно царапали кожу, а в лицо глядели горящие звериные глаза.

-- А так сумеешь? - спросила волчица человеческим голосом и лизнула его в щеку.

Он прошептал фессалийское заклятие и оборотился большим черным волком. Ведьма довольно оскалилась:

-- Ты похож на Сауархага Черного Волка, великого сарматского колдуна. Как он любил меня! Его убил племянник - этот проклятый Ардагаст. Ох, и отомстим мы теперь, правда? А сейчас побегаем!

Привычные ко всему поселяне хватались за амулеты в виде молотов Тора, завидев в эту ночь резвящуюся волчью пару. Все здесь знали, кто такая белая волчица, помнили и черного волка, разбойничавшего тут лет двадцать назад.

* * *

На скамьях в святилище тесно сидели знатнейшие из готов. Суровые, воинственные лица, осененные рогатыми шлемами. Глубокие шрамы тонули в рыжих, соломенных, белокурых бородах. Мускулистые руки поглаживали рукояти мечей и секир. Здесь были те, кто стал воинами еще в Скандии, кто выгнал из

устья Вислы ругов и потом больше тридцати лет наводил страх на венедов, бургундов, вандалов, эстиев.

Среди сидевших выделялся ростом и богатством одежды один. Его волосы изрядно поседели, но борода осталась огненно-рыжей, как у Тора-Громовника, тело не утратило силы, а голова в рогатом шлеме с надетым поверх него золотым венцом держалась по-прежнему высоко и гордо. Красный плащ его, расшитый золотом, был сделан из лучшего ханьского шелка и скреплен золотой застежкой. На поясе, блестевшем серебряной пряжкой, висели меч в вычурных бронзовых ножнах и длинный боевой нож. Это он, отважный и жестокий Бериг, привел их сюда, и не желали себе готы другого конунга, кроме него - избранника Одина. Ибо только избранник Отца Битв мог быть столь неизменно удачлив на войне и щедр к дружине. Скальды по обе стороны Венедского моря усердно славили его победы и дары.

За спиной вождя стояли его лучшие воины - двенадцать берсерков в медвежьих шкурах. Самым могучим и свирепым из них был Эрила Полутролль, сын Эрменгильды. Мохнатыми руками и грудью, низким лбом и крупными клыками он напоминал отца-тролля. Немногим уступал Эриле и Сигбьёрн Рыжий, руг, некогда убивший своего конунга из-за угла и перебежавший к готам накануне битвы. Были в этом несокрушимом отряде и герулы, англы, даны[38]. Всех их принял Бериг, знавший толк в хороших бойцах, и все они стали готами. И много еще стекалось из самых разных племен к готам всяких отчаянных молодцов, любивших войну, но не труд.

Горели все четыре костра. Ярко озаренная их пламенем, в огненно-красном балахоне и черном плаще, Эрменгильда вещала, стоя с воздетыми руками у трех идолов:

-- Близок, близок Рагнарек, Гибель Богов! Век бурь и волков, век мечей, век секир! Настанет трехлетняя зима, померкнут светила, запылает черный огонь, и взойдет Черное Солнце! Сотрясется Иггдразиль, Мировое Древо, и пойдут на людей и богов полчища Хель и Муспельхейма и сам Мировой Змей. Много воинов понадобится тогда Одину, могучих, бесстрашных воинов! Потому готовит он, Сеятель Раздоров, битвы великие и страшные, подобия этой битвы. Кто достоин сражаться и гибнуть в них?

-- Мы, готы, самое воинственное племя! Недаром Один зовется Гаут - "гот", - отозвался Эрила. Ведьма довольно кивнула сыну и продолжила:

-- Одна такая битва грядет в земле самбов. Скоро, в самую короткую ночь этого года! Конунги Ардагаст и Инисмей ведут сарматов к Янтарному Дому, и идут за них жемайты, ятвяги и лютичи, а против них - мазовшане, галинды и барты, пруссы же

раскололись. Направьте свои драккары к Янтарному берегу, о готы, и в священную ночь разрушьте и разграбьте Янтарный Дом, одолейте и истребите дружину росов, достигшую пределов мира! Расцветут тогда огненные папоротники над янтарными кладами, и все они достанутся вам!

-- Темны твои речи, ведьма, - возразил вдруг седой воин. - В Янтарном Доме чтут не Хель со Змеем, а Ладу-Фрейю, лучшую из ванов. А конунг росов владеет Огненной Чашей Бальдра. Мы сами уподобимся полчищам Хель, а не воинам Одина. И чем нас покарают Бальдр, Фрейя и ее брат, солнечный Фрейр? Неурожаем? А с кем будет Один?

-- Это слова благородного Эвриха из рода Балтов или мужика, трясущегося за урожай? - презрительно бросил Бериг. А пророчица изрекла:

-- Бальдр слишком свят для этого мира. Ваны трусливы и распутны. А Отец Битв - с теми, кто не коснеет в мире. Хлеб не уродит? Найдем, у кого отобрать.

-- Позор - добывать пСтом то, что можно взять мечом! - рявкнул Полутролль.

-- Венея с ее любовником Палемоном - вот враги Одина! Учат все племена поменьше воевать, а на защиту себе позвали сарматов, - злобно сказала ведьма.

-- Кто здесь боится кары богов, сарматских копий или огненных чаш, пусть остается дома. Авось умрет на тюфяке с соломой и попадет в Хель, - отчеканил, глядя на Эвриха, конунг. - А наш путь - в Валгаллу!

-- В Валгаллу! - разом подхватили готы. Десятки клинков вылетели из ножен и простерлись к идолам и стоявшей перед ними пророчице.

-- Я не ищу "соломенной смерти" и первый пойду в поход. Но пусть Эрменгильда скажет, что это за римлянин гостит у нее? Не он ли толкает нас на войну? - сказал Эврих.

Из темноты выступил Эпифан. Вместо солдатского плаща на нем был черный, расшитый магическими знаками.

-- Я Эпифан, сын конунга, воин и чародей. Я послан к вам Нероном, великим конунгом римлян, которого Один вернул из Хель, чтобы народы не коснели в мире. Когда Нерон Меднобородый вернет себе трон, он начнет великие войны. Вас, непобедимых готов, он хочет видеть в этих войнах своими друзьями и союзниками. А в знак дружбы посылает меня. Мы с Эрменгильдой создадим могучего дракона, и перед ним не устоят никакие солнечные чаши.

Готы одобрительно зашумели. Они знали: для своих друзей и союзников римляне не жалеют золотых и серебряных монет.

Эврих тяжело взглянул на конунга и медленно произнес:

-- Кто-то тут усомнился в моей храбрости...

-- Желаешь поединка?

-- Нет. Права раньше тебя сойти с корабля на Янтарном берегу и первым вступить в бой.

-- Ты заслужил это, Эврих Балта.

* * *

Росы и ятвяги шли на север до Преголы, затем, ее правым берегом - на запад. После Ручанской битвы на их сторону встали надравы, жившие севернее ятвягов, а князь надравов Склодо с дружиной присоединился к походу. Побраво, князь самбов и главный охранитель Янтарного Дома, известил, что готов защитить святыню вместе с воинами Солнца и ждет их в своем стольном городке Драугаскалнисе - Дружном. И вот союзная рать расположилась на отдых у озера возле окраинного самбийского городка. Все. Последний мирный вечер перед грозной битвой. Все уже знали, что ополчение натангов и их западных соседей вармов идет по зову Аллепсиса разорять дом Лады вместе с прочей разбойной ратью, собранной Медведичами. Знали и то, что лютичи обещали помочь своей ладейной ратью против готских драккаров, уже готовых к походу.

Но и в этот вечер собирались сплясать, повеселиться, выгнать русалок из пущи в поля гостеприимных самбов. Дадут боги - не вытопчет враг этих хлебов, не сожжет, и будут еще хозяева праздновать богатые обжинки и поминать тех, кто и перед славной гибелью позаботился о святом хлебе - божьих воинов с Днепра. А пока что дружинники ужинали у костров и вели разговоры о том, что вскоре предстояло. Особенно же - о берсерках, страшных и загадочных воинах-зверях. Оборотни-нуры были всем привычны: люди как люди, только лес знают лучше любого лесовика. А нравом мирные, как и все венеды. И в волчьем обличье чужого теленка, курицы зря не утащат, не то что там взять и человека загрызть. А эти - не поймешь: люди, звери или бесы.

-- Берсерк даже в человечьем обличье лют и силен, как медведь. Куда там Медведичам да их разбойникам в крашеных шкурах... И, говорят, никакое оружие их не берет, разве только заговоренное.

-- Литвины рассказывали: страшная сеча была с готами, и только двенадцать берсерков Бериговых вышли из боя без единой царапины. Потому и не носят они никаких доспехов, а щиты

бросают, а то и мечи. И бьются дубьем или голыми руками, пока вовсе медведями не оборотятся.

-- Да нет, можно берсерка ранить даже и смертельно. Только он раны все равно не почует до самого конца битвы, и не ослабеет.

-- Так надо бить его не железом, а дубиной, или камнем, или еще чем таким, чего воин в руки не берет

-- Говорят еще, бес в нем. проклятом, сидит и велит боя искать или хоть драки, да не как на Масленицу, а насмерть.

-- Эх, да никто толком не знает! Ардагаст, и тот с берсерками дела не имел. А Сигвульф только мальцом издалека видел.

К костру подошел неслышным волчьим шагом Лютомир. Лютичу тут же уступили место, поднесли крынку пива и пирог с гусятиной. Оборотень усмехнулся в вислые усы, понимающе кивнул, и, прихлебывая пиво, не спеша заговорил:

-- Мы, вильцы, с берсерками всю жизнь воюем. Страшен берсерк с виду: ревет, губы в пене, щит грызет... В этом и сила его - в твоем страхе! Испугаешься - тогда оружие и впрямь не поможет: забудешь, как рубиться. А что его ранить нельзя - врут с перепугу же. Не голый он бьется - в медвежьей шкуре, а ее не всяким ударом прорубишь.

-- Так ведь литвины говорили: бьешь берсерка мечом или копьем в голую грудь, а он будто в кольчуге невидимой.

-- Та кольчуга - его мышцы. Умеет он их так напрячь.

-- Ух ты! А вы, серые воины, умеете? - спросил молодой полянин.

-- Нет. У нас, волков, другое: напасть, отскочить, извернуться. Все быстро, легко, ловко. А не грудью напролом.

-- А как делаются берсерками? Неужели нет среди венедов настоящих воинов-медведей? И выучиться не у кого? Я не про Шумилу с Бурмилой, понятно, - глаза полянина так и горели любопытством.

Лютомир обвел внимательным взглядом сгрудившихся вокруг костра дружинников и твердо сказал:

-- А от этого пусть хранят вас все светлые боги. Колдун вселяет в человека душу убитого медведя. Или человеческую душу калечит чарами. Вот и получается урод: ни человек, ни медведь, а хуже их обоих. Из берсерка медведь так и рвется, и добро бы только в бою. И не простой медведь, а злой, разъяренный.

-- И верно. Медведь, он добрый, если его не разозлить. Опять же - священный зверь Перунов, - сказал кто-то.

-- В этом бешенстве - и сила, и слабость берсерка, -

продолжил Лютомир. - Даже зверь не может без конца беситься. После боя нападает на берсерка "берсеркское бессилие". Вот тогда его можно голыми руками взять. Может и сам умереть от слабости. Это мы, волки, устали не знаем. А "невидимая кольчуга"... Она хороша против плохой стали. Такие, видно, кузнецы у ваших литвинов.

Каллиник, тихо слушавший все это, подумал: "Готы, венеды, росы... Все они для нас - варвары, двуногие звери. Почему же одни из них выращивают в себе зверство, а другие гнушаются его?" А вслух сказал:

-- Вы, волколаки, тоже воины-звери, но не беснуетесь, как берсерки. Как же вам удается так повелевать зверем в себе?

-- А это смотря для чего он, зверь, тебе нужен. И не только тебе, - сказал Волх, так же незаметно, по-волчьи, подошедший к костру. Ему тут же дали место у огня, угостили самбийским яблочным медом, и волчий князь заговорил:

-- Знаете ли, откуда взялись мы, серые воины Ярилы? Было время, пошли бесы приступом на небо. Да разбили их молодые боги, и посыпались проклятые на землю. Попрятались по разным глухим, нечистым местам, расплодились без числа, и стали держать людей в страхе Чернобожьем. А всякие "мудрые" и "вещие" с того страха жили и людей учили: "Вот ваши земные боги, покоряйтесь им". Перун и его грозовая дружина били нечисть огненными стрелами, но разве с неба разглядишь все подземные норы и лесные укрывища? Совсем бы люди потеряли честь и отвагу, стали рабами бесов. Только видели, как волки без страха охотятся на нечистых, в самой глухой чащобе находят их и поедают. И сами брались за оружие и обереги, ибо знали: волкам сам Ярила назначает пищу. В те времена сходились волки и волчицы с людьми, и рождались от того люди-волки, наделенные даром оборотничества. Целые роды и племена пошли от них.

-- А разве у вас, нуров, или у вильцев все оборачиваться могут? - спросил кто-то.

-- Не все, и чем дальше, тем меньше. Слабеет волчья кровь... Но оборотничеству можно научиться. Заметил все это Ярила и собрал волколаков, природных и ученых, в тайное братство. Мы все, серые воины, как один род, но племя наше - все люди. Первый наш закон: истребляй нечисть и слуг ее, храни от нее мир земной. Не для себя становись зверем - для людей. Тогда и не одолеет в тебе зверь человека.

-- Это у немцев вервольфы по ночам скотину режут и людей губят. Да и у нас злые колдуны тем же пробавляются. Одинокие волки, а попросту - тати и душегубы! - стиснул кулак Лютомир. - А берсерки... Где воюют только ради разбоя - там в цене такие

воины-лиходеи. Привечают их, зазывают наперебой, вместо того, чтобы гнать от людей подальше или изводить, как бешеное зверье.

-- Вот и будем изводить всех этих медведей бешеных и ряженых! - бодро произнес Нежданн Сарматич. - Не бойтесь, ребята: всякий зверь только с непривычки страшен. К примеру, боевые слоны. Побежали бы мы от них тогда в Мидии, не растолкуй нам Вишвамитра, куда их бить и чего они боятся.

-- Светлые боги не выдадут - и медведь не съест! - рассмеялся обычно суровый Волх. - Да вот уже и русальцы идут. Пошли гулять, дружинники! Пусть готы своего Рагнарека ждут, а наше дело святое да веселое - мир от погибели спасать!

* * *

В городке Дружном, в княжьем тереме собрались предводители союзного войска. Сюда прибыли Палемон и Витол, а с ними, - худой и высокий, - Матто, князь скалвов, живших в низовьях Немана. Был здесь и добродушный силач Склодо, князь надравов. Во главе стола сидел, разглаживая пышные белые усы, хозяин - князь самбов Побраво. На него, совсем седого, но стройного телом и красивого лицом, еще заглядывались прусские женщины.

Стол был накрыт щедро, но, вопреки обычаю эстиев, никто не стремился ни напоить гостей допьяна, ни напиться самому. Лица вождей были серьезны и сосредоточены. Никто не препирался с другими о главенстве, не хвастал силой и славой своего племени. Грозная опасность сплотила князей, и все как-то сразу признали главным вождем Ардагаста - наиболее славного и отважного из них, хотя и подчиненного Инисмею.

Сейчас все смотрели на Зореславича. А он внимательно разглядывал изготовленный Либоном чертеж Янтарного берега. Два залива - Куршский и Свежий, отделенные от моря песчаными косами. В Куршский залив впадает Неман, в Свежий - Прегола, Висла и ее восточный рукав - Ногата. Между заливами полуостров - земля самбов. Янтарный Дом - почти у самого ее западного берега, в городке Гентарскалнисе - Янтарном. Чуть южнее его Расакалнис - Росяной городок. Мимо них течет в Свежий залив речка Нейма. Между ней и устьем Преголы еще один городок - Лангвенкалнис, Луговой. Все эти маленькие, но надежные крепости запрятаны в лесах, подальше от побережья. Для драккаров речки мелковаты. Пока готы высадятся, жители сел успеют скрыться в городке.

Подняв глаза от чертежа, Ардагаст сказал:

-- У нас два врага: на суше - Медведичи с их скопищем, на море - готы. Скопищу одна дорога - вброд через устье Преголы. Здесь и станет наша сарматская конница. Думаю, вести ее пристало только великому царю. - Инисмей согласно кивнул. - За росами пусть станут конные ятвяги - у них доспехи хуже. А по бокам росов - пешие самбы и надравы. Идти за реку незачем, ударим лучше, когда враги полезут через брод.

-- Дозволь только нам, серым ратникам, пробраться за реку да устроить этому дурачью переполох в тылу, - сказал Волх.

-- Хорошо. А Побраво и Склодо с конными дружинами пусть стоят в Луговом. Оттуда можно будет ударить и по панам, и по готам - где будет нужнее подмога. Я сам с русальцами, поляницами и лучшими дружинниками буду в Янтарном. Там же - Палемон с жемайтами. А Собеслав со словенами и Матто со скалвами - в Росяном.

-- Драккары готов стоят на Ногате и пойдут заливом, мы это разведали точно. Наши ладьи стерегут их у устья Ногаты, - сказал Лютомир.

-- Если они и впрямь пойдут заливом, дайте им бой и отходите к южному берегу Самбии. Не дайте драккарам выйти из залива в море. А на суше готов будут ждать наши копья и мечи. Лишь бы мы успели разбить Медведичей и их свору до прихода немцев.

-- Эх! Сколько славных князей с дружинами будут защищать нашу землю! Клянусь Перкунасом, она того стоит! - тряхнул седыми волосами князь самбов и поднял окованный серебром турий рог. - За Самбию, святую землю Лады!

Все выпили. Побраво отер усы и вздохнул:

-- Славная битва нам предстоит. Но лучше было бы нам всем в эту ночь вместе веселиться во славу богов. Уж мы-то приняли бы вас знатно! Да покарает Перкунас, как бесов, тех, кто решил осквернить кровью святую Росяную ночь!

-- А Купалу мы все равно отпразднуем. В Янтарном Доме и возле него. Иначе нечисть может обрести большую силу в этой земле. Поэтому я и останусь в Янтарном городке, и Лютица с Миланой тоже, - скажал Вышата.

-- Да. Главное - защищать от злых сил Янтарный Дом, иначе напрасна будет вся наша битва, - поддержал его Скуманд. - А с Чернохой и Нергесом, пройдохами, я как-нибудь сам справлюсь.

-- А моя Данута сумеет потягаться с Эрменгильдой и всем ее ведьмовским кодлом! - горячо воскликнул Лютомир. - Говорят, старая мерзавка не раз жаловалась: лучшую ученицу-де у нее волколаки с пути сбили.

-- Да, жена твоя неплохо волхвует, - кивнул Витол. - Думаю, за готами уследить сумеет. А я вот на всякий случай один по морю поплаваю, постерегу. Знаете мою волшебную лодочку? Я в ней любое море переплыву быстрее, чем Неман.

-- Радигост тебе в помощь. Плыви, а я обернусь орлом и полечу к своим серым воинам. Они все на ладьях. За нашу и вашу победу, братья, воины Солнца! - поднял серебряный кубок лютич.

-- Да, - поднял следом чашу финикийского стекла, полную золотистого вина, Либон. - Бывало, мы сражались друг с другом - за славу, за богатство. Теперь же мы будем сражаться за весь мир, освещаемый Солнцем, за всех добрых людей. Мы сейчас - воины одного рода, одного племени!

Янтарь с заключенной в днем стрекозой маленьким солнцем сиял на его груди.

* * *

Под вечер отряд Ардагаста выехал к Расекалнису. Городок стоял на высокой горе и с севера даже не был укреплен: так круты были ее склоны. Гору окружала заболоченная равнина, тянувшаяся на север, к Янтарному. По равнине извивался ручей, обтекая гору и впадая в озеро. С запада, из-за сосен, доносился шум моря. Внезапно зашуршали высокие камыши, и перед росами появилась седая, сгорбленная старуха в забрызганном болотной грязью сером платье. На плече она, однако, без видимого усилия несла большую вязанку камыша.

-- Здравствуй, бабушка! Светлые боги тебе в помощь! - поприветствовал ее Ардагаст.

-- Здесь, на болоте, другие боги помогают: черные, волосатые...

-- Мы таким богам не молимся, а мир от них спасаем.

-- А он того стоит? Блуд, разбой и пьянство - вот его радость. А правда его: один с ралом пашет, а другой с мечом или с волховным жезлом приходит и забирает, сколько хочет. И не будет иначе. Принес Чернобог со дня моря грязи - вышла земля-матушка, слепил из грязи куклу - вышел человек. А придет час - поднимутся разом огонь и вода, и снова останется от мира одна грязь на дне морском.

Каллиник вздрогнул. Казалось, устами грязной варварки говорил Валент или еще кто-то из презирающих мир философов юга.

-- Ты, бабушка, верно, ничего, кроме грязи болотной, не видела... или видеть не хотела. Не один Чернобог мир творил, а

вместе с Белбогом. И не так творил Нечистый, как портил Белбожье творение. А мы - те, кто миру не дает в болоте утонуть. На то нам и даны жезлы и мечи, для того нас пахари и кормят, - твердо сказал Вышата.

-- Какие вы все храбрые, да гордые, да чистые! Погодите, прежде мира сами в болоте утонете. Поднимется на дне кобылья голова, и хлынет вода...

-- Какая кобылья голова?! И кто такая ты сама? - грозно произнес Вишвамитра.

-- Я-то? Княгиня болотная, их-хи-хи! С меня и взять нечего. Идите лучше к Венее да пограбьте хорошенько, а саму ее... Ну, не мне вас, мужиков, учить. Да уходите скорее, вот и оставите готов и панов с носом, и будут вас певцы славить.

Рука индийца сжала рукоять двуручного меча-кханды. Ардагунда взялась за плеть. Старуха отбросила вязанку и вдруг выпрямилась во весь свой, как оказалось, немалый рост. Подбоченилась, сжав крепкие кулаки. Потом неожиданно шагнула в сторону - и исчезла в трясине с головой, только пузыри пошли. Вышата осенил это место косым крестом. Вода закипела, повалил пар. С криком "Уй, горячо! Вот попарюсь!" старуха вынырнула из болота уже голая и с ехидным хохотом скрылась в густых хвощах. Воины с отвращением плевались через плечо, крутили кукиши. Иные смеялись. Но лицо кшатрия оставалось мрачным. Он обратился к Вышате:

-- Брахманы учили меня: на дне моря таится Вадавамукха, Кобылья Пасть. Когда она дохнет огнем, весь мир сгорит. Скажи, великий волхв: не вызовем ли мы в дерзости своей конец света? И кто эта карга? Сама Кали-Разрушительница?

-- Чертовка какая-нибудь или ведьма. Не Яга - богиню я бы сразу отличил, - ответил волхв.

-- Конец света? - вмешался Сигвульф. - Значит, будем биться вместе со светлыми богами. Разве мы этого не заслужили?

-- Заслужили. Только наше дело труднее: не дать поджечь мир. Мы не боги. Но и наши враги тоже. И не им решать, когда миру погибнуть, - сказал Вышата.

Каллиник горячо заговорил:

-- Вы их еще не знаете! Твердят, что мир порочен и обречен, только сами погибать не спешат. Еще и домогаются власти над этим миром. Для того и затевают свои опыты. Словно в чужом доме: сгорит, так не жалко. Конечно, и сами рискуют, играют со смертью. Им от этого жить не так скучно. А я... Я понял: мир - не болото. Он - наш дом. И нельзя спокойно смотреть, как его поджигают, еще и мнить себя мудрым.

-- Был такой Чернобор, главный ведун северянский. Тоже

вот опыты затевал. Лес мой сжег колдовским огнем. С тех пор я и воюю с такими, как он. Нечего в мире пакостить, если ты человеком родился, а не бесом! А в болото, в огонь пусть сами идут. Поможем, если надо! - воинственно мотнул косматой бородой Шишок.

-- И верно, ну их в болото! А наш путь - на гору, в Дом Солнца! - указал Ардагаст рукой на возвышавшийся на горе Янтарный.

В городок въезжали весело, с песней о девушках, что шли мостом и поймали ведьму с хвостом. А в Янтарном празднично наряженные девушки-самбийки стояли в два ряда от ворот до храма и приветствовали росов песней о Сыновьях Бога, что скачут по морю на белогривых конях и едут на гору свататься к Дочери Солнца.

-- Сыновья Бога - это Сварожичи, Даждьбог с Ярилой. А дочь Солнца-Лады - Морана или Леля, - пояснил Вышата.

Летнее солнце, полное сил, играло в золотистых и светлых волосах самбиек, в речных жемчужинах на их кокошниках, в серебряных и бронзовых украшениях. А вокруг горы раскинулась прекрасная страна. Среди лесов серебрились речки и озера, и даже болота не казались унылыми. Темная зелень лесов сменялась нежной зеленью посевов. Белели мазанки под темными деревянными крышами. На западе, за зеленым морем дубов, кленов, сосен до самого горизонта раскинулось другое море - светло-голубое, волнующееся под теплым ветерком.

Приветливо улыбаясь, весь в красном, ехал Ардагаст, и в руке его сияла Огненная Чаша, а над ним колыхалось красное знамя с золотой тамгой. "Сын Бога! Сварожич!" - шептались собравшиеся на праздник отовсюду эстии, литвины, венеды. Но вот и Янтарный Дом. Сложен из добротных дубовых бревен, на коньке знак Сыновей Бога - две конские и две человеческие головы в разные стороны. На дверях вырезаны два лебедя, а туловища их - солнечные круги с лучами, выложенные янтарем. Приняв хлеб-соль из рук двух младших жриц в белых платьях, царь росов первым вошел в храм.

Окна в храме были невелики, а двери выходили на восток, но даже сейчас, вечером, в нем не было темно. На стенах висели бронзовые мечи, секиры, кинжалы с золотой насечкой - почти не было лишь железного оружия. На полочках или на полу под стенами стояли золотые чаши с ручками в виде лебедей, расписные амфоры, бронзовые ситулы, стеклянные кубки. Опытный глаз Хилиарха, разбиравшегося в торговле древностями (в основном краденными), быстро замечал: вот греческая вещь времен Агамемнона или Персея, вот этрусская, иллирийская,

кельтская... Особенно привлекали взгляд маленькие бронзовые изображения влекомых лебедями колесниц о трех колесах. Не меньше пятнадцати веков собирались здесь эти сокровища. И все это, тщательно начищенное трудолюбивыми жрицами, блестело и переливалось в лучах вечернего солнца. Но ярче всего сияли янтари - желтые, красные, белые. Собранные в длинные ожерелья, они прихотливо извивались многоцветными змеями среди других вещей. В иных кусках янтаря были заточены крупные бабочки, жуки и даже ящерицы.

Жертвенником служила круглая глиняная площадка со знаками Солнца и Воды по краю. За ним, у дальней стены, увешанной вышитыми полотенцами, стояло просто, но искусно вырезанное из дерева изображение Лады. Богиня была в длинном платье, но с обнаженной грудью. Глаза, рот, соски грудей были выложены из желтого янтаря в виде знаков Солнца. На шее переливалось ожерелье из красного и белого янтаря, с золотой фигуркой вепря посредине. Платье и высокий кокошник были изукрашены разноцветным янтарем. В воздетых руках, обвитых золотыми браслетами, богиня держала двух лебедей с янтарными телами-солнцами.

Гораздо скромнее выглядела стоявшая рядом фигура Лели, богини-дочери, которую эстии еще называли Лаймой - Счастьем, Менуле - Лунной, Медейной - Лесной. Руки ее держали сиявший между маленьких девичьих грудей серебряный полумесяц. У пояса висели лук и колчан. Тело матери было пышным и полным сил, тело дочери - стройным, лишь начинавшим расцветать. Справа и слева от двоих богинь, будто стражи, стояли фигуры двух Сыновей Бога - в шлемах, со щитами и бронзовыми секирами, с янтарными знаками Солнца на груди.

Деревянные богини завораживали своим великолепием, но с ними соперничала красотой женщина лет сорока, в белом платье и красном плаще, восседавшая на глыбе белого янтаря. Пышные волосы ее, свободно падавшие на плечи из-под кокошника, были цвета янтаря или густого меда. Взгляд золотистых глаз, казалось, каждому обещал ласку, но был при этом полон достоинства. Платье, скромное, но хорошо подчеркивавшее стройную фигуру, на груди скалывала бронзовая застежка в виде двух спиралей, соединенных иглой, на которой сидели три птицы. Тонкую талию стягивал узорчатый серебряный пояс. Этот пояс сработал недавно бродячий ремесленник с Дуная, но застежка, изображавшая колесницу Солнца, была сделана тогда, когда скифы бились с киммерийцами и устрашали Египет. Еще древнее были бронзовые браслеты, концы которых, будто змеи, закручивались спиралями - знаками Солнца. Эти браслеты

носила первая жрица, пославшая пятнадцать веков назад двоих своих дочерей с дарами на Делос. Большая магическая сила таилась в древних украшениях, и Венея, хозяйка янтарного Дома, хорошо владела ею.

Даже Ардагаст, побывавший в Доме Солнца у самого Даждьбога, был восхищен великолепием храма и красотой его жрицы. Другие росы спрашивали себя, уж не явилась ли им сама Заря-заряница, красная девица, что сидит на Алатырь-камне и зашивает воинам раны золотой иглой. Женщины же сразу почуяли в ней соперницу, но, странное дело, вовсе не чувствовали вражды. Разве можно ревновать к Солнцу, ласковому ко всем?

Первым нарушил молчание Витол. Он бесцеремонно шагнул к жрице и протянул ей ожерелье с крупным гагатом.

-- Здравствуй, Венея! Это тебе оберег от Палемона, чтобы он не мог морочить тебя своей стрекозой.

-- Если бы меня можно было обморочить, я бы давно оставила храм и стала княгиней жемайтов, - усмехнулась Венея, но ожерелье надела. Одарив вошедших любезной улыбкой, она непринужденно заговорила:

-- Здавствуй, Палемон! Здравствуй, Ардагаст, славный царь росов и вы, росские воеводы и волхвы! Но где же Инисмей, ваш великий царь? И где все эстийские князья? Бывало, сюда в Росяную ночь съезжались даже те, что воевали между собой. А теперь нет даже старого Побраво. Он, что, так боится своей жены?

-- Великая жрица! Те из князей, что сохранили тебе верность, сейчас со своими войсками стерегут Самбию от нечестивцев. Инисмей со своей железной конницей стоит у устья Преголы. А здесь лишь те, кто будет защищать сам Янтарный городок, - просто и сурово ответил Палемон.

-- Слава Ладе! Значит, не все еще князья обезумели от алчности и лживых вещаний. В святые ночи никто из них не называл меня шлюхой и предательницей леса..., - голос Венеи дрогнул. - Я прошу вас..., всех, кто пришел, кто остался со мной: Защитите Янтарный Дом! Я вымаливала вашим племенам солнечные дни и урожай, отдавалась вам по древнему обычаю, мирила вас, пока могла. Я только никогда не звала вас воевать, побеждать, разорять... Никогда еще здесь не было битв. Тем более - в священную Росяную ночь. Всех, приходивших по Янтарному пути, я принимала с миром. Я не готская пророчица, чтобы пугать вас концом света. Но знайте: если погибнет Янтарный Дом, этот путь станет Путем Тьмы. И придут по нему в ваши земли смерть, резня, голод, и всех вас втопчут в землю сапоги легионеров.

-- Пусть настанет Рагнарёк - мы будем сражаться за тебя со всеми исчадиями Хель. Клянусь в том копьем Одина! -

воскликнул Сигвульф.

-- Нет, храбрый гот. Нужно сделать больше: остановить Рагнарёк. И мы его остановим, клянусь этим солнечным огнем! - Ардагаст поднял Колаксаеву Чашу, и золотой огненный цветок расцвел в ней. Зазвенели клинки, скрещиваясь над пламенем, и среди них - меч самого Зореславича, дар Куджулы Кадфиза, царя царей кушан. Сурово и торжественно зазвучал голос царя росов:

-- Клянемся тебе, мать Лада, и твоей жрице: отстоять твой дом от всякого, кто посмеет осквернить войной святую Купальскую ночь!

-- Венея поднялась со своего камня, и все заметили на нем отпечатки двух босых женских ног. Жрица улыбнулась сквозь слезы:

-- Спасибо вам, воины Солнца! Я не воительница, но мои чары помогут вам. А праздник в эту ночь все равно будет. И для вас расцветет папоротник над древними янтарными кладами!

Неожиданно в задней стене открылась дверца, и в храм вбежала девочка лет пятнадцати, в штанах, заправленных в сапожки, и коротком охотничьем кафтане. Черные волосы были распущены по плечам. У пояса висел горит[39] со скифским луком.

-- Лайма! Все жрицы вышли встречать князей, а ты даже в такой день бегаешь по лесам. И верно, не одна! Ну и наследницу послала мне богиня!

-- Мамочка, Лада лучше знает, кого кому посылать! Не беспокойся: ни одному парню я не уступлю. Вот конопатого Боргиса сегодня в терновник заманила, чтобы не пристава. Пусть идет на праздник в рваной рубахе. Не то богиня разгневается и не уродят ни рожь, ни лен. Даже яблоки. А поселяне обидятся на меня, и парни тоже. И так до восемнадцати лет. А потом я стану помогать тебе... с князьями. И ты мне, наконец, скажешь, кто же мой отец. От Сыновей Бога такие, как я, наверное, не родятся?

-- Все это девочка проговорила тоном прилежной ученицы. Венея сказала с улыбкой:

-- И лесные черти здесь тоже не при чем, хоть про нас с тобой и такое говорят... А не пора ли поздороваться с гостями, Лайма?

Юная охотница поклонилась пришедшим и заговорила с ними столь же непринужденно:

-- Здравствуйте, дорогие гости! Здравствуй, дядя Палемон! Здравствуй, Ардагаст, царь росов! Ты совсем такой, как в венедских песнях: сильный и красивый, как сам Свайкстикс. Приезжай к нам на Купалу через три года, когда я стану взрослой!

-- А ты знаешь, что царь росов любит только своих жен? Даже в святую ночь, - строго сказала Ларишка.

-- Ну куда мне до вас с Добряной? Я же не воительница, только охотница. И через Семь Врат пройти еще не сумею. Но непременно научусь! А вот из лука стреляю лучше многих воинов, даже ночью. Давайте устроим состязание? Я вижу, здесь Ардагунда и другие поляницы.

-- Кто лучше стреляет, мы узнаем в бою. Это труднее любого состязания, - сказала царица амазонок.

-- Война, доченька. Здесь, на Янтарном берегу, - тихо произнесла Венея.

-- Война? Дядя Палемон, неужели они послушали не тебя, а этого дурака и враля Аллепсиса с тощим Нергесом?

-- Они не захотели даже встретиться со мной. Видно, Нергес понял, в чем сила моей стрекозы.

-- Война..., - голос девочки дрогнул. - Я никогда не была на большой войне. Один раз высадились готы, гонялись за мной по лесу. Я пятерых застрелила. Ардагунда, возьмешь меня в свою дружину, хоть на время? Лук у меня скифский, боевой! - совсем воинственно закончила она.

-- Твой лук пригодится здесь. Мы с тобой будем защищать сам Янтарный Дом. Ты хорошо умеешь посылать чары со стрелами, лучше, чем с ветром, - сказала Венея.

-- Но прежде, чем этот сброд дорвется до Дома Солнца, пусть одолеет нас всех, - решительно произнес Ардагаст.

-- Вот-вот! Пусть пройдут через лес, когда я там в полный рост встану! - отозвался стоявший позади всех Шишок.

Все рассмеялись. Не так страшен Чернобог, как его злой колдун вырезает.

-- А что это за ведьма у вас тут в болоте сидит, княгиней себя зовет? У нас на Днепре чертовки так не величаются, - полюбопытствовал леший.

-- Она - богиня, хозяйка этого болота, - ответила жрица.

-- Как же вы ее терпите, да еще под самой священной горой? - изумился лешак.

-- Прежние жрицы хотели ее изгнать. Но в ее власти конская голова на самом дне болота. Если голову поднять - злая, нечистая вода затопит весь край. Кое-кто молится этой болотной княгине, колдуньи водятся с ней. Но вредить храму она не пытается. И потом... Этот мир не может быть без таких вот низких мест и их хозяев. А высокие места принадлежат светлым богам. Лишь бы те, снизу, не пытались завладеть всем миром, - сказала Венея.

-- Да, мир устроен мудро и прекрасно. Иначе думают лишь такие, как Валент, - поддержал ее Каллиник.

-- И даже внизу не одна лишь нечисть и мерзость, продолжила жрица. - Вы заметили озеро у подножия Росяного? Оно посвящено Ладе и Даждьбогу. Когда Янтарному Дому будет грозить великая беда и смута, из озера выйдет могучий вепрь с золотой щетиной и сияющими белыми клыками.

Вишвамитра в сомнении потер затылок:

-- Я воин, а не ученый брахман. Но думаю, там, где так близко Кобылья Пасть, хоть с огнем, хоть с грязной водой - жди беды. И как раз во время битвы.

-- Ты только хранишь мир, Венея. А чистить его приходится таким, как мы. И знаешь, не так уж он строен. Но и не так мерзок, как я когда-то думал, - заметил Хилиарх.

* * *

Красный диск солнца едва выглядывал из голубых вод Венедского моря. Еще немного - и ночь опустится на Янтарный берег. Самая короткая ночь в году. Самая святая и самая страшная. На валу Янтарного городка стояли, оперевшись о частокол, Венея, Вышата, Каллиник и эрзянка Виряна.

-- Видите? Тонет Дочь Солнца, только золотой венец ее блестит. Тонет - значит, уходит в подземный мир к Поклусу, - сказала жрица.

-- Дочь Солнца - это лунная Леля? - спросил Каллиник.

-- Нет. Другая. Мы ее зовем Ниолой, а венеды - Мораной. А ее мать - Лада-Купала. Она тоже уходит под землю. Но вернется через месяц, вместе с урожаем. А Ниола - только весной, - ответила Венея.

-- Да ведь это наши Деметра и Персефона! - воскликнул царевич. - А Поклус - Аид. Я много о них узнал, когда посвящался в Элевсинские мистерии.

-- Зато о главном молодце ты в Элевсине и вовсе не слышал, - торжествующе усмехнулся Вышата. - О Даждьбоге Сварожиче, Сыне Бога. Как спустился он вслед за Мораной, своей сестрой и женой. Как бился с Поклусом-Чернобогом. И вывел-таки ее весной на белый свет.

-- Все светлые боги в преисподнюю уходят. Разве это праздник? Так, злой день, - глухо и печально, ни к кому не обращаясь, сказала Виряна. - Зато ведьмам и чертям раздолье. Молоко красть, посевы портить, людей топить, заводить, души их на клады менять. А еще бесстыдничать на Лысой горе. Вот у кого нынче праздник!

Обычно жизнерадостная лесовичка весь этот день то

молчала, то, наоборот, раздражалась. Каллиник недоумевал. Не грядущей же битвы боится она, прошедшая недавно до северного Океана? Венея мягко возразила:

-- Вот потому мы и зажигаем священные костры, и купаемся. Огонь и Вода - две могучие силы, вместе они способны одолеть Тьму даже в такую ночь.

-- А главное - держаться вместе. Нечисть в эту ночь страшна только одинокому. А ну, пусть подойдет к нашему костру ведьма или бес и спросит: "А не хочет ли кто душу продать за горшок денариев?" - бодро улыбнулся Вышата.

-- А у нас на юге сейчас костров не жгут и не купаются. Правда, римляне празднуют день Цереры. Ведь там теперь уже кончают жатву, а здесь только просят у богов урожая, - сказал Каллиник.

-- Вы там многое забыли. И книги не помогли, - не без ехидства заметила Венея. - У нас письмена - только для чар, а священные тайны и сказания лучше передавать устно тем, кому они нужны для добра. Здешние ведьмы хотя бы не пишут черных книг, по которым всякий мерзавец может учиться без наставника.

-- В каменных городах людей много, но живут каждый сам по себе. Тайные братства преследуют, наставники часто гибнут. Потому там вся надежда - на книги, - возразил Вышата.

-- Мы помним, что Даждьбог освободил Морану. А в ваших книгах сказано: Зевс велел, и Аид отпустил Персефону. У вас, верно, боятся и подумать о том, чтобы сразиться с владыкой преисподней? - с вызовом взглянула жрица на эллина.

-- Почему? Тезей с Пирифоем пытались похитить Персефону, но Аид сковал их. Только Геракл освободил Тезея, когда спустился за Цербером, - ответил Каллиник.

-- Да ведь это Даждьбога Чернобог приковал к Мировому Дубу! А Перун брата вызволил. Нет, далеко вашим героям до богов! - беззлобно усмехнулся Вышата.

Снизу доносился веселый шум. Младшие жрицы и амазонки разукрашивали цветами и лентами срубленное вишневое дерево. Лаума при этом оживленно расспрашивала поляниц об их жизни и недавней битве. Парни - самбы и росы - обходили дворы, таская за собой большой короб.

-- Эй, хозяева! Нет ли у вас чего негодного, старого, трухлявого?

-- В душе нет, а на дворе, может, и завалялось.

-- Тогда давайте, чтобы оно прахом пошло в огне Купалы.

-- Пусть все плохое и злое пропадает, а хорошее и доброе остается и разрастается.

Короб наполняли прелой соломой и всевозможным хламом,

чтобы вывались его перед храмом у высокого столба, увенчанного просмоленным колесом. А внизу, у моря, тоже готовили костер. Амазонки и жемайты носились на конях по окрестным селам и хватали во дворах все старое, что могло гореть. На них не обижались: украсть топливо для священного костра - дело праведное. Молодежь веселилась, словно и не предстояла этой ночью страшная битва.

Свежий ветерок с моря шевелил янтарные волосы Венеи. Подставляя ему лицо, жрица спокойно и уверенно произнесла:

-- Да, все будет как всегда. Костры, пляски, купание... На то и праздник - чтобы жизнь и радость не уходили из мира даже в такую ночь. Только нагими плясать не будем. И любви не будет. Воины не ждут врага в объятиях женщины. А голыми воюют только кельты.

-- Вот и хорошо! - с неожиданной злостью сказала Виряна. - Любовь, любовь! Ведьмы в эту ночь тоже любятся. С чертями да упырями. И скачут у костров на горах. Чем мы лучше их?

Жрица обняла ее за плечи и тихо сказала:

-- Их любовь - злая, беззаконная. Они же нарочно над всеми добрыми нравами глумятся, чтобы угодить Чернобогу. От их скачек земля родить перестает. А наша священная любовь гонит смерть и бесплодие из мира. От нее и земля лучше родит, и дождь вовремя идет, и солнце ярче светит. Так Даждьбог любит Морану.

-- Будет и в этом году любовь на Купалу. Для тех, кто уцелеет в святом бою, - просто и сурово произнес Вышата.

* * *

Далеко на юге, в горах древней Персиды, уже настала ночь. На склоне горы одиноко сидел человек в черной с серебром хламиде. В руках у него было серебряное зеркало, обвитое драконом из черной меди. Внизу, в долине, белели в лунном свете руины Пасаргад - столицы Кира, Солнце-Царя. Каменные быки с человеческими головами стерегли вход в давно разрушенный дворец. За ним - цитадель, которую уже два месяца не могли взять воины Артабана. Гордые персы, парфяне и дикие степняки-саки[40] вместе обороняли ее. Осаждавшим не помогали даже чары. Тщетно колдовали лучшие некроманты Братства Высшего Света, черные маги Ахримана и халдейские жрецы Змеи. Колдовали, однако, вразнобой, пряча друг от друга чародейские секреты. И не могли преодолеть волшебства персидских магов Ормазда и их союзников из Братства Солнца.

Вот они, источники их магической силы: гробница Кира - каменный домик на ступенчатом постаменте, и высокая башня без окон - храм огня. Гробница давно разорена македонянами, но дух Отца Персов примчался с Белого острова с целым отрядом солнечных воинов, и теперь их незримые стрелы разят воинов Артабана. А священный огонь, скрытый за стенами башни, обращает чары западных магов на них самих. Проникнуть в башню не удается даже змеям, посланным халдеями. И для магического зеркала ее стены непроницаемы. Самый же лучший маг из засевших там - молодой Иосиф бар Ноэми. Его, Валента, незаконный сын (законных у него, впрочем, и нет). Братство Солнца прямо-таки из-под носа у него увело способного мальчишку. И ничем теперь его не соблазнишь. Такую демоницу к нему подослал - индийский аскет не устоял бы, а сынок превратил ее в громадную жабу и отправил прямо в постель к отцу. Одна надежда: со временем юноша насмотрится на мерзости этого мира и поймет, что исправить его нельзя.

И такое же сейчас творится в двух днях пути к югу, у развалин Персеполя. Невежественные крестьяне зовут их Троном Джемшида. По их разумению, выстроить такое мог лишь Солнце-Царь Йима-Джемшид, повелевавший дэвами. Но солнечной и светлой силы там действительно много. И направляют ее маги Ормазда из такой же вот башни, возвышающейся возле гробниц Ахеменидов. А рядом - Истахр, столица князей Персиды, потомков Кира. В довершение же всего этой ночью в Персиду явится сам архонт Солнца, по-здешнему Михр, этот главарь всех чудаков и упрямцев, норовящих очистить мир, созданный из нечистой материи. Об этом разнюхал свинорожий демон Мовшаэль, проныра и пьяница, но верный и на все способный слуга.

И все, даже архонт, уверены, что судьба мира решится здесь, на юге. Только он, Клавдий Валент, боспорский иудей, знает: она решается в эту ночь на берегу Венедского моря, где Германия сходится с Сарматией. Империи не страшны тупые варвары, любители драк, грабежей и попоек. В крайнем случае от них можно откупиться. Но если те же варвары усвоят отраву-учение Солнца... Однако Братство не пускает его на север. Смеются: дикий боспорский ашкеназ[41], влюбленный в свою Скифию. Да, он любит ее, как охотник опасного зверя, затаившегося в чаще. И поэтому будет в эту ночь следить через магическое зеркало за битвой на далеком Янтарном берегу.

Глава 4. Святая и страшная ночь

Ночь, теплая и тихая, святая и страшная, опустилась на землю по всему Янтарному пути. Как ночные хищники, вышли на промысел ведьмы и ведьмаки-упыри, черные маги и некроманты. Но загорелись священные огни, словно сигнальные костры единого воинства Солнца, на делосских алтарях и в Додонской дубраве, в священной роще Юноны и Дианы у Аквилеи, на святокрестовской Лысой горе, на Соботке и двух ее священных соседках. А еще в храмах Аполлона в Прасиях и Синопе, в древнем Экзампее и на городище над Суботью. Самые сильные заклятия и обряды готовили Аполлоний и Делия, Флавий Никомах и Флавия Венета, друид Думнориг и жрец росов Авхафарн. Не был одиноким и бессильным никто из пришедших в эту ночь к святому огню.

Пылал костер и перед Янтарным Домом. Пели священные песни-дайны Венея и младшие жрицы. А из ворот городка выходила веселая толпа. Эстии, венеды, росы шли с горы через сосновый лес к морю. Шла вся молодежь из городка и соседних сел, распевая вместе с росами по-венедски:

Кто не выйдет на Купалу,
Чтоб ему ноги поломало
Чтоб лежал он колодою,
Колодою смоляною.

Все мужчины и амазонки были при оружии, все дружинники ехали верхом. Но венки украшали их головы, и пели воины не о войне. Песням о любви Даждьбога к Моране вторили дайны о свадьбе Сына Бога и Дочери Солнца. Девушки задорно, но беззлобно насмехались в песнях над парнями. Особенно изощрялись при этом поляницы, успевшие разузнать от Лаймы о многих здешних влюбленных, женихах и невестах. А сочинял насмешливые песни Пересвет.

Трое белых коней везли колесницу, отделанную бронзой. На ней стояли изваяния Лады и Мораны. Их осеняло разукрашенное цветами, лентами и горящими свечами деревцо. Конями правила Лайма. Юная охотница была в белом платье, с серебряным полумесяцем на груди, но при луке и колчане. Рядом

стояли Лютица и Милана. Охраняли колесницу двенадцать конных русальцев - в личинах, с мечами и жезлами. Всеслав-дрегович и кушан Хоршед в конских масках, старинных бронзовых шлемах, с бронзовыми секирами, изображали Сыновей Бога. Вишвамитра в турьей личине и Сигвульф в медвежьей грозно сжимали копья, выкованные для боя с драконом. Индиец держал солнечное копье, гот - лунное.

Перед колесницей ехали Ардагаст с Огненной Чашей в руке и Ларишка в красном плаще поверх кольчуги. "Даждьбог и Морана" - восхищенно шептали молодые дружинники. Зореславич вполголоса говорил жене:

-- Помнишь, как мы на Купалу десять лет назад обороняли Аркаим?

-- Помню. Ты - царевич без царства, я - княжна без княжества, с нами только бродячая дружина, и было нам тогда все нипочем. А сейчас... За нами - царство, а дети совсем маленькие. Управится ли Добряна, если мы... не вернемся?

-- Значит, надо вернуться. И непременно с победой. Чтобы не пришлось Пересвету слагать песню "Как Ардагаст от дракона удрал".

-- Смеешься... А ты ведь уже все подвиги, назначенные тебе богами, совершил. Венедов и росов в один народ собрал, лесных венедов вывел из лесов на древние сколотские земли, Чернобожьих слуг разогнал, священные городки очистил, стрелу Абариса добыл, все три дара Колаксаевых увидел. Вот явится Морана и заберет, как обещала, тебя с русальцами. Как раз в этом бою.

-- А хоть бы и так! - тряхнул золотыми волосами царь росов. - Поскачем по небу на Белый остров, к моему отцу и деду. И будем защищать царство росов небесными солнечными воинами. Нет, Ларишка. Не кончились наши подвиги. И не кончатся, пока есть на свете зло, пока люди не научатся жить на этом свете, как на Белом острове. А Добряну и детей есть кому защитить. Царство на ноги крепко стало. Да и чего бы оно стоило, если бы на одном мне держалось?

Тем временем часть росов и жемайтов, отстав от шествия, с факелами объезжала поля, загоняя туда русалок и заодно отыскивая ведьм. Зеленоволосые красавицы, как всегда, со смехом и визгом убегали в хлеба. Но вот ведьм, обычно норовивших сгубить урожай, завязывая колосья узлом или прожиная полосу, сегодня вовсе не было. Испугались росов или готовят какую-то невиданную пакость?

Вместе со всеми ездил и Каллиник. Царевичу приятно было чувствовать себя полезным этим добрым, трудолюбивым людям,

так похожим на коммагенских поселян. Если бы те еще были так же храбры и свободолюбивы, как здешние! Он не бродил бы теперь по чужим землям... Вдруг из-за деревьев донеслось: "Никос!" Каллиник вздрогнул. Так его звали только дома. Обернувшись, он увидел Эпифана. Сквозь тело брата просвечивал ствол сосны.

-- Не бойся, я еще не призрак. Тело мое, слава Зевсу, целое и здоровое, лежит сейчас на драккаре Берига. Слушай, Никос, ради нашего отца, ради царства - беги отсюда! Ты не представляешь, что тут сейчас будет: мировой пожар и всемирный потоп вместе. Не только от храма, от всей округи ничего, кроме пепла и грязи, не останется. Куда там Помпее с Геркуланумом! Что тебе до этих варваров? Не знаю, уцелею ли я. А ты уходи, спаси себя для Коммагены... Братишка, ты же всегда слушал меня! Я учил тебя только хорошему. А если и плохому, так тому, без чего в этом мире пропадешь. Ты бы стал без меня жалким слабаком, а не мужчиной, достойным царства. Не молчи же, Никос! Мы с тобой последние в роду, у нас нет законных детей.

Калинник заговорил быстро и горячо:

-- Значит, царем Коммагены станет или злодей, или трус? Да, Эпифан, я слушал тебя, такого сильного и смелого, но сейчас... Эти люди так похожи на наших коммагенцев. Как я могу их предать и после этого царствовать? Не предам ли я когда-нибудь и свой народ?

-- Нашел, кого стыдиться - трусливого мужичья! Мы с тобой победили римлян, а наши солдаты сдались, как только узнали, что отец отчаялся и сдался. А поселяне даже не взялись за оружие! Мы боремся за царство для нашего рода, а не для этих... земнородных.

-- Разве мы лучше их? Ни один крестьянин не затеет таких "опытов". А к покорности их приучили наши царственные предки. Если уж царь, избранник богов, сдается... А здесь Солнце-Царь погибнет, но не сдастся. Брат, я уже стал воином Солнца, и буду им всюду, или не смогу жить!

-- Воин Солнца, истребитель чудовищ... Так знай же: драконом буду я! Моя душа будет в нем. И тебе, герою Света, придется убить меня. Или помочь убить. Тогда царем Коммагены станет братоубийца... если только нищие смутьяны из Братства Солнца смогут вернуть тебе трон.

-- Зачем кому-то убивать тебя? Брось эту затею, достойную сидящих в Тартаре. Без твоих чар она провалится, превратится в обычный набег. А мы поможем его отразить. И не будем больше водиться ни с Нероном, ни с лиходеями из Братства Тьмы. Они же нас используют, словно рабов!

Что-то похожее на прозрение мелькнуло в глазах Эпифана. Но он лишь покачал головой.

-- Поздно, Никос. Я не смогу уважать себя, если откажусь от дела, достойного царя и великого мага. Кто я - царевич без царства, игрушка кесарей или избранный, повелитель стихий, соперник архонтов? Нет, не отвечай, братишка. Ты всегда долго сомневаешься, раздумываешь... Знай только: я очень хочу увидеть завтрашнее утро вместе с тобой. И уехать подальше из этой дикой Скифии. А может быть, тебя приковала к ней не философия, а эта рыжая скифянка?

Улыбнувшись, Эпифан исчез. Каллиник только теперь вспомнил о Виряне, остановившей коня рядом с ним. Мало что понимая по-гречески, она с дрожью вслушивалась в разговор царевичей.

-- Это дух твоего брата, да? Он что, погиб?

-- Хуже, Виряна. Перестал быть человеком... почти перестал. Это он будет драконом.

Голубые глаза эрзянки вдруг наполнились слезами, голос задрожал.

-- Дура я, дура! На весь свет, на всех мужиков обиделась. И все из-за того, что мне Синько изменил. Попросила Милану показать его в волховной чаре, а он... К другой сватается. Ну и что! Тебе сейчас хуже: с родным братом биться. Да у нас такого и не бывает: чтобы брат на брата пошел, еще и чудищем богомерзким сделался.

Она вдруг уткнулась лицом ему в грудь, прямо в холодный железный панцирь, и глухо, стыдясь своих слез (поляница все-таки), расплакалась. Ее венок был теперь у самого лица эллина, и запах свежих полевых цветов мягко обволакивал его, кружил голову сильнее всякого восточного зелья.

-- Виряна, милая, главное, чтобы мы не стали плохими, как они, - приговаривал он, ласково поглаживая ее рыжие волосы. - А разве у вас есть обычай: с одной обручаться, следом - с другой?

-- Да он со мной и не обручался. Обещал только да любился жарко. Кто я ему? Поляница беспутная. А та, разлучница - царская родня, великого старейшины Доброслава племянница. Ни в какие походы не ходит. Они такие - набивают сундуки, пока мы, воины, дома не видим, их обороняем. Каллиник, миленький, забери меня на юг, от них всех подальше!

Она с надеждой взглянула ему в глаза. Эллин взял ее горевшее жаром лицо в руки и взволнованно заговорил:

-- Виряна, любимая, мы - воины. Не нам обижаться на тех, кого мы должны защищать. Мы ведь тоже... не всегда бываем хорошими. Там, на юге, столько всякой грязи и мерзости, и я

сам... Не стану обещать тебе царство - ведь сам не знаю, кем я там буду: царем или гонимым мятежником. Но клянусь тебе Матерью Коммагеной, Ладой - с тобой я уже не влезу ни в какую грязь. И не променяю тебя ни на какую царицу!

-- Вот и хорошо! Стоило сюда забраться, чтобы меня найти, а? И любовь у нас на Купалу будет - завтра. Если живы останемся.

-- Да. Если не погибнем в этой битве.

И они повернули коней туда, откуда разносилось многоголосое пение и звенели Пересветовы гусли.

А из чащи глядели на праздничную толпу двое всадников на больших черных конях: старик с длинной седой бородой и крючконосая старуха с распущенными седыми космами.

-- Ох, и каша заваривается! Будет подарочек сестрице Ладе в ее ночь: следа от ее дома не останется, их-хи-хи! - довольно захихикала старуха.

-- Даже чертей посылать не придется, смертное дурачье все само сделает! - ухмыльнулся старик. - Светлые-то все в разлете: братец Род с дикими охотниками воюет, Перун - с морскими змеями, Даждьбог - на юге, Яриле и вовсе не положено в этот мир являться. Одни людишки думают, что их Перун с Ярилой послали, другие за Даждьбога стоят... Ох, и пойдут после племяннички разбираться между собой и с матушкой своей!

-- Да только поздно будет! - подхватила старуха. - Не останется ни домика, ни пути солнечного. Как сгинет храм - темная волна по всему пути пойдет, огни погасит, святилища разнесет, солнечных волхвов погубит.

-- Будет и храм - на разоренном проклятом месте. будет и путь - наш, темный! Никто за янтарем не поедет, нам не помолясь! - старик потряс железной кочергой.

-- Только бы Морана чего не устроила перед тем, как под землю уйти. Ну зачем тебе в пекле вертихвостка эта: молодых чертовок, что ли, мало?

-- Чертовки! С ней богини не сравняются... такие, как ты! - сверкнул глазами старик. - Без нее в пекле тоска смертная, серая. Опять же, пока она у нас, в среднем мире нам раздолье. А весной хоть совсем наверх не вылезай.

-- А каша-то больно крутая заваривается, - озабоченно проговорила старуха. - Змей Глубин двух сынов своих трехглавых посылает. Чего они наворотят да разворотят - никогда не угадаешь.

-- Пускай воротят, лишь бы страну эту совсем не утопили. Хорошо, если придушат кабана Ладина - смертные на того слабы. А разойдутся змеи чересчур - ты их и сама утихомиришь. Верно, старая? - хлопнул старик по плечу свою собеседницу. Та

подбросила каменный пест, поймала, захохотала:

-- Эх-хо-хо! Билась я и с самим Змеем-Крокодилом Глубинным - на свинье верхом, с кремневым пестом! Мы-то с его родом бранимся - только тешимся. Это смертным самого плюгавого змеишку одолеть - подвиг великий.

* * *

Там, где протока из озера Трусо впадает в Свежий залив, покачивались на воде боевые ладьи лютичей. На носах их грозно скалились волчьи и львиные головы. Ветерок трепал красный стяг с черной бычьей головой. Суровые воины в волчьих шкурах напряженно вглядываются в сторону устья Ногаты. Князь лютичей не повел дружину и ополчение к Янтарному Дому: у готов сил много, нападут еще на оставленные без защиты села. Но и не стал мешать серым воинам и их друзьям. Да и попробуй помешать тем, у кого один князь - Радигост Сварожич, победитель Черного Быка!

Разбрелись по темному небу звездные стада, сияет среди них серебряным ликом пастух - Месяц-Велес. И такие же стада пасутся по тихой глади Свежего залива. Не стада то - дети Месяца и Солнца-Лады. Молятся в эту ночь Велесу, своему ночному солнцу, духи лесов и вод. Воздевают руки, выглядывая из воды, рыбохвостые морские девы. В прибрежных камышах толпятся водяные и русалки. Вышли из зарослей косматые лешие. Не любит Велес войн между людьми, и не вмешиваются в них его подданные, кроме разве что леших. Горят на южном берегу купальские огни, а на севере чернеет лесистая коса, за которой другой залив - Коданский.

На носу самой большой ладьи стоит молодой еще златоволосый воин. На его кольчуге блестит золотая львиная голова, окруженная лучами. Ее словно охватывают когтистые лапы волчьей шкуры, связанные под горлом воина. Одной рукой он поглаживает рукоять меча, другой обнимает за плечи женщину с красивым бледным лицом, чьи распущенные черные волосы падают на белый плащ волхвини. Эту женщину в племени за глаза зовут Упырицей, но в глаза называют только "пани Данута", "пани волхвиня".

-- Тихо как, мирно. Словно в предвечные Велесовы времена, когда не было войн, - сказала женщина.

-- Мужчины и тогда сражались. Со зверями, могучими, как они сами, возразил воин.

-- Зато теперь воюют даже с женщинами и детьми. Наверняка сейчас какой-нибудь дурак кричит под нашими

окнами: "Ведьм и упырят - в купальский костер!"

-- Наших детей никто тронуть не посмеет. Знают, что будут иметь дело с волками.

-- Да, нас с тобой боятся. Детей пугают: "Пан волчий воевода заберет", "пани Данута заест". Ну кого я когда заела до смерти, кроме тех, кто сам того заслужил?

-- Пусть боятся! - глаза воеводы полыхнули безжалостным огнем. - Даже среди наших панов многие рады бы покориться немцам, чтобы помыкать поселянами. Только помнят о волчьих клыках и о твоих чарах.

-- Вот они и распускают слухи, будто мы, серые воины, те же упыри: кровь пьем, младенцев едим. А главная кровопийца, конечно, я... Приласкаешь, бывает, ребенка - а мать его уже бледнеет, будто мертвая. И подруг у меня здесь нет, кроме наших волколачек. Скажи правду, Лютомир, тебе ведь со мной еще труднее стало?

-- Нет, Данута, я с тобой стал только сильнее. Те три ночи у твоего кургана... Сколько раз твердил себе: дурак, не берись за то, что не всякий волхв сможет. Пробей ее осиновым колом - и прославишься. Только мне ты нужна была, а не твой труп. После тех тварей, бесов, после самого Чернобога-Вия, после того, чем ты была - что мне теперь паны, князья, конунги!..

-- И я тогда победила двоих чудовищ: Эрменгильду и то, что она хотела из меня сделать. Ведь так просто было: заесть тебя, чтобы ты тоже стал упырем.

-- Твои зубки до сих пор сидят в моем мече. Зато какую трепку мы им всем задали под конец! - рассмеялся Лютомир.

-- А слава досталась Чернохе: после третьих петухов добивал кольями упырей и нас с тобой, вроде бы, изгнал! - Бледное лицо Дануты на миг осветилось улыбкой, и сновав тень заботы легла на него. - Не будет нам покоя, пока жива Эрменгильда. Это она к детям всякую нечисть подсылает. А они с теми... уж больно по-свойски. Недавно упыря дразнили: Бронек волчонком обернулся, Збышко - на нем верхом, в зубы по головке чеснока... Мы с Ядзей оборотились волчицами, загрызли нечистого. А Збышко в слезы: "Мы же с ним игрались".

-- Настоящими волками растут - смелыми, но осторожными! - довольно разгладил вислые усы Лютомир.

-- Как бы не убежали этой ночью с чертятами клады искать! - вздохнула волхвиня.

Они замолчали, глядя в сторону Готискандзы. Где же готы? Разведчики, обернувшиеся соколами, доносили: драккары все еще стоят на Ногате. Данута напрягала духовное зрение: не отводят ли готские ведьмы глаза лютичам? Вдруг вместо драккаров

появилась и стремительно понеслась к велетским судам лодка. Ее темно-синий парус с нашитыми на нем звездами и полумесяцем был надут, хотя ветра не было. На носу стоял Витол в кольчуге и черном плаще. Подплыв к главной ладье, он бесцеремонно крикнул:

-- Прохлаждаетесь, серые вояки? А готы у вас перед носом проскочили. Выплыли по Висле в Коданский залив и идут на всех парусах к Янтарному берегу. С ними Эрменгильда и ее новый любовник-римлянин.

-- Чьи тогда драккары стоят на Ногате? - возразил Лютомир.

-- Нет их там ни одного. Видно, вашим разведчикам галиурунны морок напустили. Догоняйте теперь, ротозеи!

И волшебная лодка унеслась, словно призрак. Данута прикусила губу. Учительница провела ее, как девчонку! А Лютомир уже громко и уверенно отдавал приказы:

-- Поворачивайте ладьи! Идем к проходу между косой и Самбией. - Он сжал плечо жены. - Давай, Данута, попутный ветер, да посильнее. Только бы успеть!

Волхвиня встрепенулась, привычно зашептала заклятия. Теперь это была уже не печальная и добросердечная женщина, а сильная и уверенная в себе волчица, подруга вожака. Развернув звероголовые носы, ладьи, словно волчья стая, устремились на северо-восток. Внезапно поднявшийся ветер туго надувал паруса со знаками Солнца-Радигоста.

А по небу наперегонки с ладьями уже неслась другая стая. На метлах, ухватах, кочергах летели ведьмы - готские, эстийские, венедские. Не было только их наставницы и предводительницы - Эрменгильды. Вместо нее стаю вела Лаума. Бесстыдно-голые, с распущенными волосами, они то дразнили воинов грубыми шутками, то кричали: "Эй, Данута! Ты же наша! Тебе не выстоять против нас всех!" Волхвиня знала, что такое колдовской поединок в одиночку против целой своры ведьм. В школе Эрменгильды это было наказанием и испытанием одновременно.

А ведьмы уже перешли от слов к делу. Поднялся противный ветер. Два насланных чарами ветра столкнулись, и перед ладьями завертелся ревущий водоворот. Ветер налетал то сбоку, то сзади, грозя опрокинуть и разметать ладьи. Скрылись испуганные морские девы. Гладь залива превратилась в бушующий хаос. Лютичи гребли, помогая ветру, и во все горло ругали колдуний, посылая их во все негожие места к Яге, всех чертей матери.

Но стояла на головной ладье у мачты молодая женщина в промокшем белом плаще, с прилипшими к плечам мокрыми волосами. Упорно подавляя метавшийся на дне души страх, плела она вязь заклинаний. Она должна, должна выстоять против этой

наглой, пышнотелой, гулящей пришелицы, против всей этой стаи шлях и пакостниц, не таких уж смелых по одиночке! Ведь серые воины верят в нее, свою чародейку, отважную подругу их непобедимого вожака. И слабели порывы ветра, упираясь в незримые стены, разлетались брызгами громадные волны, все дальше отступал грозный водоворот.

Рядом с Данутой стоял, сжимая меч, Лютомир. Уже несколько ведьм, обернувшись то вороной, то коршуном, бросались на волхвиню, но всякий раз напарывались на его рунный клинок. Только бы она сама выдержала! Ей ведь некому сейчас помочь, кроме нескольких чародеек-волколачек. Ни одного волхва не отпустил с ними князь. Нужно в купальскую ночь вымаливать урожай для племени, отгонять ведьм от сел... от панских полей и стад особенно. А ведьмы-то вот они все! Что ж, не дело воина обижаться на тех, кого сами боги велели ему защищать. Взгляды этих людей опущены к земле - к Матери-Земле, но разве не она кормит воинов?

* * *

А по другую сторону косы драккары Берига без помех рассекали ласковые волны Коданского залива. Впереди шел "Черный Змей" - корабль конунга. Красота тихого ночного моря не трогала сердца конунга. Над его головой, на знамени, увенчанном деревянным вороном, скалил зубы волк, а на носу корабля - дракон. Ворон, волк и дракон - кровь, смерть и трупы во всех трех мирах! "Радовать волка", "радовать ворона" значит "сражаться". Вот где радость и судьба воина! А после битвы, конечно, добыча, попойка, женщины. Все это - награда герою за подвиг, но она не заменит наслаждения битвы. И пусть этой ночью начнется Рагнарек - конунг готов и его дружина счастливым смехом бросятся в огненный водоворот Последнего Боя вслед за Гаутом Одином.

На самом носу головного драккара стояли Эрменгильда с Эпифаном. Рука эллина обнимала плечи колдуньи. Ни с одной женщиной ему не было так хорошо, как с этой варваркой. Оба они умели наслаждаться властью над миром, которую дает тайное знание. Пусть тупые вояки тешатся кровью - для того они и созданы. Мага и ведьму тоже не пугал Рагнарек. Этот мир, грязный, жестокий и кровавый, обречен сгинуть в мировом пожаре. Поднести факел, что разожжет этот пожар - вот величайшая честь и счастье для истинно мудрого.

А если мир на этот раз не сгорит - тоже неплохо. Эпифан,

конечно, не променяет своего царства на здешние дебри. И пророчица готов не уедет на неведомый юг. Но приятно будет снова встретиться, когда легионы выйдут к Венедскому морю, навстречу дружественным готам, владыки юга - к владыкам севера. Есть избранные мудрецы, цари, народы, избранные повелевать этим миром и разрушать его. А прочие смертные, погрязшие в низких земных заботах - прах под их ногами.

* * *

Веселая толпа вышла на берег моря. Шли пешком, оставив коней в лесу. Посреди широкой долины между дюнами был сложен костер. Младшие жрицы сняли со священной повозки изваяния Лады и Мораны и дерево-Купалу и водрузили их на песчаный холмик над костром. Распоряжалась всем Лайма, усердно стараясь блеснуть перед Лютицей и Миланой знанием священных обрядов. Свечи на дереве она зажгла факелом, принесенным из Янтарного Дома, где уже был добыт трением самый святой, живой огонь. Святее его было лишь пламя Колаксаевой Чаши. От него и предстояло зажечь костер - такую честь предоставила росскому гостю Венея. Посреди костра белел на шесте конский череп - знак ведьмы.

Лунный свет заливал долину, переливался в сотнях кусочков янтаря, выброшенных на белый прибрежный песок, чуть дрожал на синей глади моря. Со звездами перемигивались усеявшие священное дерево огоньки свечей. Все притихли, и зазвучал под величавый рокот гуслей чистый, высокий голос Пересвета. Днепровский гусляр пел по-венедски - на языке, понятном почти всем собравшимся, лишь богов называл двойными именами: Лада-Крумине, Морана-Ниола, Чернобог-Поклус.

Он пел, и оживало древнее сказание о том, как в самую короткую ночь года Лада-Купала водила русалочье коло вокруг своей дочери Мораны, как вышел из-под земли черный владыка преисподней и увлек с собой юную черноволосую богиню. Как ушли следом на поиски ее Купала и Даждьбог, как становилось на земле все темнее, холоднее, мертвее, и лишь Яга-Лаума с Морозом-Чернобогом пели и танцевали, носясь по заснеженным равнинам с сонмом ликующей нечисти. И как, наконец, под раскаты первого грома вывел солнечный бог свою суженую на белый свет. Даже измену простил ей - лишь бы вернуть миру земному жизнь, тепло, радость. Даже согласился жить с ней лишь неполных четыре месяца в году: так постановил совет богов, дабы

любовь Мораны сдерживала лютый нрав седобородого Разрушителя.

В торжественной тишине отзвучала песня, и золотой луч ударил из чаши в руке Зореславича, и тщательно уложенная куча соломы и деревянного хлама обратилась в огненную гору с вершиной, устремленной в звездное небо. Воздев руки в широких белых рукавах, Лаума запела:

Ходили девушки вокруг Моранушки...
Ей отозвался сильный, чистый голос Лютицы:
Коло мое водила Купала,
Заиграет солнышко на Даждьбога!

И пошло, завертелось вокруг костра веселое коло, а вокруг него - еще два: три круга Тресветлого Солнца. Первое коло вела Ардагунда, второе - Милана, третье, самое большое - Лютица. Плясали все вперемежку: парни и девушки, воины и поселяне, пруссы и пришельцы с Днепра и Немана. Все, однако, успели уже разбиться на пары. Откуда-то появились и вплелись в коло, будто цветы в венок, зеленоволосые красавицы. Их теперь никто не гнал, даже не боялся, что защекочут.

Как всегда, веселым и полным жизни было купальское коло. И - необычным, тревожным. Никто не плясал нагим, лишь русалки дразнили людей стройными белыми телами. Звенели кольчуги и чешуйчатые панцири. Блестело оружие в руках воинов и поляниц. Каллиник правой рукой держал за руку Виряну, а левой поднимал меч. Правую же руку эрзянки, сжимавшую секиру, держал за запястье сиирття Хаторо. А следом за ним в коле шла хорошенькая, но очень уж низкорослая белокурая самбийка, которой приглянулся низенький узкоглазый рос.

А возле самого костра неистовым вихрем вертелись, скакали, звенели мечами русальцы. Среди них, весь в красном, веселый и златоволосый, как сам Даждьбог, плясал с мечом и пылающей чашей в руках царь росов. В пламени костра сияли золотые ножны меча и золотая львиноголовая гривна. А вокруг него белой лебедью летала, взмахивая широкими рукавами и не скрывая влюбленных взглядов, темноволосая Лайма. Ларишка, идя в ближнем коле рядом с Ардагундой, все замечала, но не ревновала. Разве соперница ей, прошедшей с Ардагастом все его невиданные подвиги, эта девочка-жрица? А прекрасной и многоопытной Венее и так хватает князей-возлюбленных. Хотелось бы, конечно, самой сплясать сегодня с махайрой и акинаком рядом с мужем. Но нужно ведь уважить хозяев этой гостеприимной земли. Слава Ладе-Анахите, что не надо для этого

уступать Ардагаста на ночь одной из жриц.

Песни о Даждьбоге, что везет Моране венок из роз, сменялись дайнами о Небесном Кузнеце, кующем Дочери Солнца свадебный венец. Пели о Дочери Солнца, пасущей корову золотой хворостиной, и о быках Даждьбога, забредших в огород к Моране. Треснул и разлетелся в огне конский череп - "ведьма", и тут же зазвучали насмешливые песни о ведьмах. Особенно доставалось Эрменгильде:

Шли девчата границей,
Поймали Гильду с дойницей.
Шли девчата мостом,
Поймали Гильду с хвостом.

Все знали, что великая пророчица готов не брезгует воровать, как обычная ведьма, молоко у эстийских коров.

А деревянные Лада и Морана, осененные священным деревом, глядели на пляшущих сквозь пламя костра, и в души людей вливалась уверенность: светлые боги с ними, а не с теми, кто задумал в святую ночь нести миру кровь и смерть.

Но вот прогорел костер, пониже стало пламя, и Лайма воззвала:

-- Кто любит и верит - очистимся огнем! Пусть светит нам Солнце!

Первым перелетел через костер рука об руку с сияющей от счастья Лаймой Ардагаст. И тут же прыгнул еще раз - с Ларишкой. Воины и амазонки прыгали в доспехах, при оружии, но никто не свалился в огонь, даже не испортил сапог. Не сплоховали и Каллиник с Виряной. А Вышата с Лютицей прямо в прыжке превратились: он - в кречета, она - в орлицу. Увидев это, Дорспрунг-Кентавр и его серые воины принялись прыгать через огонь людьми, а приземляться волками, не выпуская при этом из руки, ставшей волчьей лапой, руку девушки.

Снова воззвала юная жрица:

-- Кто любит и верит - очистимся водой! Пусть идет дождь на наши поля!

Водрузив на колесницу обеих богинь и дерево, жрицы и русальцы повезли их к морю. Рядом с богинями стояли Ардагаст и Лайма. У германцев изваяние Нерты, богини земли и воды, омывали в священном озере вместе с колесницей рабы, которых тут же убивали. У венедов и эстиев лишь при самой сильной засухе, грозившей голодом, в купальскую ночь топили парня и девушку. Обычно же лишь бросали их в воду вместе с чучелом Мораны и деревом-Купалой. Бросали в опасном месте, с корягами

и водоворотами: утонут, значит, сами боги в нижний мир взяли.

У самой черты прибоя встал, подняв палицу и забросив за плечо длинную седую бороду, изображавший Чернобога Хилиарх. Глухим, грозным голосом запел:

Боже, Даждьбоже,
Не перейди дорожки!
Поймаем, зарубим,
В мелкий мак изрубим,
На три пути рассеем.

Тряхнув золотыми волосами, Зореславич ответил:

Уродится три зелья:
Первое - любисток,
Второе - василечек,
Третье - барвинок.

Отступил подземный владыка и белые кони зашли в воду по брюхо. Почти скрылась в воде колесница. Поплыли над морем печальные девичьи голоса:

Утонула Моранушка, утонула,
Только косонька по воде мелькнула.
Утонула Дочка Солнца,
Мыла чаши золотые.
Им вторили суровые голоса воинов:
Купался Даждьбог,
Да в воду упал.
Купался Даждьбог,
Доведется и нам.

"Утонул", "в воду упал" - значит, умер, ушел в нижний, темный мир. Каллиник понял это без пояснений, и сердце его сжалось при мысли о том, сколькие же из этих веселых, полных молодой силы людей еще до утра уйдут в Аид. Уйдут по милости его брата и других просвещенных эллинов и римлян. Это ведь они додумались обратить святую ночь в побоище, словно здесь, в глубине Скифии, мало еще битв и смертей!

Жрицы и русальцы бережно опустили в воду оба изваяния и дерево. Следом, раскачав, бросили Ардагаста с Лаймой. В наборном панцире, гребя одной рукой - в другой пылала

Колаксаева чаша - плыл Зореславич, а рядом, счастливо и дерзко улыбаясь, плыла девочка-жрица, и волна колыхала ее темные волосы. Толкая перед собой блестевшие янтарем и серебром статуи, подплыли они снова к колеснице. Торжественно, многоголосо зазвучал хор:

Где Даждьбог купался,
Берег колыхался.
Морана купалась -
Пшеница колыхалась.

Не страшна и смерть для светлых богов: в ней - начало жизни для природы и ее детей. Так ли уж трудно уподобиться богам? Вот оно, бессмертие и спасение души! Зачем искать какого-то Высшего Света, если можно отдать жизнь ради этого мира, этих людей, и тем самым воскреснуть? Воскреснуть для новой борьбы, среди бессмертных воинов Солнца, а не надменных чернокнижников, презирающих мир.

-- Каллиник, очнись! Бросаем венки!

Сотни венков летели парами в морские волны. Вместе полетели и венки коммагенца и эрзянки - и вместе поплыли, будто сросшись в воде, среди множества других. Амазонка в восторге прижалась к царевичу.

-- Видишь, никто нас не разлучит, кроме Мораны. А теперь - к ней, в море!

Со смехом и шутками бросались в волны веселые пары. Теплой и ласковой была вода. Только вот купаться пришлось в одежде, еще и в доспехах. Одни лишь русалки, вольные и быстрые, как сама вода, плавали и ныряли нагие, еще и посмеивались над людьми, в шутку норовя потянуть на дно или хоть стащить шлем. Шишок, низенький, но сильный, ухватил сразу двоих зеленоволосых проказниц и потащил на берег. Те отбивались и кричали, что сегодня любви не будет. Иные молодцы-волколаки, обернувшись щуками, шныряли между купавшимися и хватали за ноги кого попало.

Со стороны праздновавшие казались вовсе беспечными. Многие, особенно самбы, в душе надеялись, что все обойдется, не решатся немцы на такое нечестие - напасть в святую ночь. Но настоящего воина врасплох не застанешь. И настоящего волхва тоже. Вышата и обе росские волхвини, напрягая духовное зрение, вглядывались в, казалось бы, пустынное море. Заклятие отвода глаз - несложное, но сильное. Лишь очень опытный маг может почувствовать незримую колдовскую завесу. Лютица почувствовала ее первой. Снять же преграду удалось лишь

втроем. И тогда глазам праздновавших предстали выстроившиеся в ряд змееголовые драккары.

Глава 5. Битва в Купальскую ночь

На берегах нижней Преголы в эту ночь не жгли костров. Друг против друга стояли две рати. На северном берегу замерли, выставив копье, закованные в железо аланские и росские всадники. За ними - конная дружина ятвягов. Слева от конницы стояли надравские пешцы, справа - самбийские. Позади всех, особняком - серые воины, пока еще в людском обличьи и на конях. За рекой сгрудились конные мазовшане, галинды, барты, натанги и разбойники с Днепра. Слева и справа от них - пешие натанги и барты. Вармы еще не подошли.

Больше всех на южном берегу шумели воители Прибыхвала и Медведичей. Паны громко похвалялись тем, что они сделают с кумысниками и их прихвостнями, а "защитники леса" изощрялись в самой непотребной брани, которой Мать Сыра Земля гнушается. Многие эстии вторили им, браня по-ведендски жриц Лады, а то и ее саму - лишь бы заглушить в себе страх и совесть.

Инисмей презрительно щурил узкие глаза. Замысел врага был ему ясен, как эта лунная ночь. Орут и дразнятся, а в бой не спешат, хотя брод перед ними. Кольчуг-то мало даже у дружинников, а щиты, кожа и звериные шкуры - плохая защита против копий, пробивающих насквозь панцирного всадника. Значит, надеются выманить сарматов на свой берег, чтобы те завязли в плотных рядах лесных дружин, а затем истаяли под стрелами лесовиков: хоть в чаще, хоть на узкой полосе между ней и Преголой. Ничего, он, "степной волк", отучит их надеяться на родные дебри. Царь аорсов обернулся к волколакам, но взгляд его перехватил Андак.

-- Великий царь! Выше по течению есть еще один брод. Позволь мне с моей дружиной и с оборотнями ударить в тыл этому скопищу. Они и десяток сарматов примут за целую орду.

Глаза князя горели, как у юного дружинника, рвущегося в первый бой. Подвиг - вот что ему нужно! Подвиг, который признают все росы, который вернет ему, зятю Сауаспа Черноконного, уважение всего племени, а не только упорных ненавистников Ардагаста. Инисмей, давний приятель, должен понять его.

Великий царь кивнул, довольный тем, что непутевый князь так хорошо угадал его замысел:

-- Твоя дружина мала, Андак. Бери три десятка всадников и всех волколаков.

Гордый князь нуров лишь насмешливо осклабился, узнав, что его ставят под начало к горе-покорителю севера. Ардагаст бы так не сделал, но... За девять лет Волх повидал мир и хорошо усвоил: царство, особенно великое, держится подчинением.

Луна светила ярко, но никто из лесовиков не заметил, как всадники и волки перешли реку и звериными тропами двинулись через лес. Мало кто умел отводить глаза так, как Седой Волк, вожак волколачьего племени.

Ни покоя, ни уверенности не было в душах предводителей скопища на южном берегу. Несмотря на вещания Аллепсиса, все князья понимали, что ввязались в нечестивое, опасное и позорное дело, позорнее которого теперь было бы только отступить. Оставалось надеяться на богов да на могучие чары Нергеса с Чернохой. Хуже всего было на душе у Тройдена. Во что он втянул свое племя? Молодому князю хотелось выкрикнуть сарматский клич, ударить мечом по самодовольной роже Прибыхвала, чтобы янтари с усов посыпались, броситься рубить проклятых бродяг в медвежьих шкурах... Только пойдет ли за ним дружина? Кавас, Кавас, черный бог войны, пошли своему воину победу или хоть славную смерть!

А два чародея преспокойно отъехали к самому устью Преголы. Черноха воздел руки и принялся читать заклятие на языке египтян. Заклятие продал ему за немалое число полновесных монет времен республики купец-иудей. По заверению купца, с помощью этого заклинания Моше, великий волхв иудеев, перевел свое племя через море. Не очень надеясь на привозное колдовство, Чернохе помогал Нергес, знаток водных чар.

Воды залива расступились, обнажая дно. Повинуясь заклятию сигонота, оно быстро высыхало. Дружины Прибыхвала и его союзников, развернув коней, во весь опор поскакали к заливу, а потом - через него, между двумя водяными стенами. Следом побежали пешцы. Прегола тем временем разливалась. За рекой не сразу поняли, что происходит. Даже князь-чародей Скуманд решил, что враги уходят, запрудив колдовством реку, чтобы затопить брод.

Когда отряд Андака вышел из леса, на берегу оставалась лишь часть пешцов. На них и обрушились росы и волколаки. Заслышав грозный клич "Мара!" и волчий вой, одни пешцы разбежались куда попало, другие бросились к колдовской переправе. Росы гнали их, как стадо. Впереди несся, подняв длинный меч, Андак. Душа его пела, как тетива лука, летела небесным крылатым волком. Теперь он снова настоящий росский князь, вожак степных, да теперь уже и лесных, волков. Волк -

зверь Солнца, зверь-воин. Его боятся, проклинают, но чтут...

При виде конных сарматов и оборотней оба колдуна, не долго думая, обернулись воронами, ухватили когтями сумки с чародейскими предметами, и улетели за реку. Водяные стены тут же сомкнулись, утопив немало пеших эстиев. Оставшиеся на южном берегу сгрудились, выставив копья. И тут из леса затрубили рога, загремел боевой клич. Под красным знаменем с белым бараном на росов неслась конная дружина, за ней бежали пешцы. То было ополчение вармов. Они чаще других эстиев воевали с вильцами и не так боялись волколаков. Приободрились и стоявшие на берегу. Им ли, лесовикам, не привычна охота на волков? Хоть и говорят, будто волколаки неуязвимы. А сарматов здесь не так уж много.

В считанные минуты вокруг кучки конных росов и стаи волков сомкнулась ощетинившаяся копьями стена щитов. Грудь в грудь схватились росы с конными вармами, но тех было гораздо больше, к тому же многие - в кольчугах. Серые воины, стремительно бросаясь на врага и ловко уходя из-под ударов, казались и впрямь неуязвимыми. Некоторые по приказу Волха оборотились турами и бросились на всадников. Но охотиться на диких быков лесовики тоже умели. Эх, прорваться бы в лес! Там людям трудно будет тягаться с видящими в темноте серыми бойцами. А из-за щитов уже летели стрелы, легко находя цель в тесноте и при ярком свете луны.

Андак отчаянно рубился, пробиваясь к князю вармов. Конь изранен стрелами, вот-вот падет. Хоть бы погибнуть со славой, чтобы оставить сыновьям доброе имя! Кто они сейчас для росов? Дети и внуки злейших врагов Солнце-Царя. И тут над полем боя разнесся пронзительный, леденящий душу женский крик: "Мара!" С тыла на вармов неслась всадница в кольчуге и шлеме, на вороном коне. Черные волосы реяли по ветру. В руке сиял мертвенным белым светом длинный клинок. Лицо с хищным ястребиным носом пылало яростью. Всадница безжалостно рубила конных и пеших, ее сияющий меч рассекал любые доспехи, и никакое оружие не могло повредить ей.

Князь вармов, опытный и хладнокровный рубака, повернул навстречу воительнице. Но тут Волх, Седой Волк, белой молнией метнулся к нему и сомкнул зубы на шее княжеского коня. Князь оказался на земле, и в следующий миг меч Андака снес ему голову. Рядом турьи рога вспороли брюхо коню знаменосца, и красный стяг с бараном исчез под копытами оборотня. С криками ужаса вармы бросились врассыпную. Росы ловили бегущих арканами, волколаки просто загрызали насмерть. Уцелевшие рассказывали, что на них напала сама страшная богиня росов

Морана-Артимпаса.

Всадница гордо подъехала к Андаку. Побледнев, он с трудом произнес имя погибшей в северных льдах жены:

-- Саузард...

-- Видишь, я еще что-то могу! - сердито блеснула она глазами. - Например, спасти тебя, дурака, бестолкового вояку! Как всегда, искал подвига полегче? Что ты вообще можешь без меня?

-- Разве я не приношу тебе щедрые жертвы? - дрожащим голосом, невпопад произнес он.

-- И при этом метишь вход в юрту косыми крестами, чтобы не пускать нас с мамой, словно какую-то нечисть! А своей венедке выстроил мазанку. Скоро сам туда переберешься, а потом начнешь ковырять землю ралом, словно раб... - Ее голос вдруг сник, а в глазах появились слезы. - Слушай, не давай ей хоть поносить меня при детях. Нам, мертвым, нужны не только жертвы... - Она вдруг встрепенулась. - За рекой битва в разгаре! Веди скорее дружину туда. Тебе я помогла, а этому выскочке, Убийце Родичей ни за что не стану!

Хлестнув коня, призрачная всадница унеслась прочь.

Тем временем на северном берегу конная рать Прибыхвала и его союзников обрушилась на пеших самбов. Те продержались не долго, но Инисмей успел построить росов и аланов. И вот на "защитников леса" понесся, взметая песок, грозный сарматский клин. Здесь, на песчаном берегу, ему было где развернуться. Длинные копья вышибали лесовиков из седел, пронзали насквозь. У коней же аланов и знатных росов голова и грудь были защищены доспехами. Не выдержав натиска, воинство Прибыхвала погнало коней на запад, к Нейме. О своих пещах уже не думали, и тем осталось лишь разбегаться от копий и мечей росов и их союзников. Кого не тронули спешившие всадники, те попали под копья и топоры разъяренных пеших самбов и надравов или в зубы к подоспевшим из-за реки волколакам. Тем, кого переловила арканами дружина Андака, еще повезло: их ждало рабство, а не смерть.

Прибыхвал в отчаянии обернулся. Где же эти проклятые чародеи, разрази их Йеша! Те, однако, времени не теряли. Но и собой не рисковали: летели над полем боя в облике воронов с сумками в лапах. Божий князь Черноха, помянув Ягу, лесную хозяйку, достал клювом из котомки и бросил перед росами деревянный гребень. Тут же от леса до залива встала стена тесно сплетшихся ветвями деревьев и колючего кустарника. Росы едва успели остановить разгоряченных коней. Лишь чародейный огонь, вызванный Скумандом и подоспевшим Волхом, смог уничтожить

колдовскую преграду.

Воителям Поклуса не помогло бы, однако, и колдовство, ударь на них, бегущих с севера конная дружина самбов. Но в Луговом городке ее уже не было. Сокол-оборотень принес князю Побраво весть о приходе готов, и дружина, нахлестывая коней, спешила через пущу к Янтарному городку. Нергес-ворон знал обо всем этом от ведьмы-сороки, посланной Эрменгильдой.

У устья Неймы войско Прибыхвала остановилось. Куда бежать? В море, в залив, во враждебные самбийские леса? Тройден угрюмо взглянул на Медведичей:

-- Что, косолапые, где лучше погибнуть со славой: здесь или на мысу? Течение там сильное, на косу не переправиться.

К славной смерти полумедведи отнюдь не стремились - князь галиндов уже успел это понять.

-- Если ваши колдуны не велят морю расступиться, - ответил Шумила.

Подлетевший внезапно ворон прокаркал голосом Нергеса:

-- Воинам Поклуса не пристало бежать! Готы уже высадились у Янтарного. Скачите навстречу им вверх по Нейме.

-- Вперед! Смерть Ардагасту! Добудем его голову, ур-р-р! - заревел во всю медвежью глотку Бурмила.

-- Не уступим немцам славы! - взмахнул секирой Прибыхвал.

И "защитники леса" погнали коней на север, стараясь не думать о гнавшейся за ними коннице Инисмея. Все - дружинники и князья - чувствовали себя щепками, подхваченными потоком. Оставалось верить, что поток направляют три великих бога, а не пройдохи-колдуны. О Братстве Тьмы, стоявшем за колдунами, никто из отважных варваров никогда не слышал.

* * *

Появление драккаров не застало росов врасплох. Все быстро выбрались на берег, отжимая на ходу одежду, Лайма погнала к городку священную колесницу. Юная лучница хотела бы сражаться рядом с амазонками, но сейчас ее дело было защищать храм вместе с матерью. Вслед за колесницей уходили жрицы и другие безоружные самбийки. За ними отходили к коням, укрытым в лесу, воины. Отход прикрывали, положив стрелы на тетивы, амазонки и мужчины-лучники.

Конунг Бериг наблюдал за всем этим, стоя на носу "Черного Змея". Он вовсе дне собирался позорить себя нападением на купающихся, да еще под прикрытием чар. А корабли укрыл от глаз росов потому, что ждал подхода союзника. Столь

могущественного, что призвать его могло лишь колдовство Эрменгильды. Стоявший рядом седовласый Эврих Балта недовольно произнес:

-- Чего мы ждем? Пока они все уйдут в городок?

Эвриха уважали все готы. Он прославился еще в Скандии в битвах со свеонами и племенами Северного Пути, набегах на данов и герулов, доходил до земель саамов. Тридцать лет назад на юг ушли самые воинственные из готов, по большей части отчаянная молодежь, от которой старейшины рады были избавиться. И Берига тогда избрали конунгом скорее за молодость, удачу и наглость, хотя многие стояли за более опытного Эвриха. А тот и за тридцать лет не понял, как много на Янтарном Пути зависит от римлян и их серебра.

Бериг Огненнобородый был не только отважен и жесток, но и расчетлив. Иначе он не был бы конунгом так долго.

-- Ты хотел первым высадиться на Янтарном берегу, Эврих? Сейчас ты поведешь в бой войско. Но не все. Твое дело - втянуть в бой на берегу их конницу. Потом ударю я с лучшими дружинами. Откуда - увидишь. А может быть, ты управишься и сам с этими псами, лакающими кумыс?

-- Ты, конечно, бережешь силы для штурма городка, мудрый конунг? Береги. А чьи берсерки лучшие в войске готов - твои или мои, ты сейчас увидишь.

-- Пять драккаров тебе, думаю, хватит. А гепиды займутся Росяным городком. Они ведь только умалят твою славу, верно?

Гепидами - "ленивыми" называли готов, высадившихся в устье Вислы уже после Берига. Их не уважали и посылали обычно на дела опасные, но сулившие мало славы и добычи.

Эврих понимал все. Но, как истинный германский воин, не мог уклониться от славного боя, даже безнадежного для себя. Иначе Балтов, его род, станут ценить наравне с гепидами.

Вдруг от берега прямо к "Черному Змею" поплыла рыбачья лодка. Поднимая обеими руками белый щит, в ней стоял человек в гребенчатом шлеме и панцире. На панцире блестел серебряный лик женщины в таком же шлеме. Конунг жемайтов со своей богиней - валькирией, как ее - Афина, Минерва?

-- Конунг Бериг! Я хочу говорить с тобой. Ты не знаешь, кто втянул тебя в эту войну, погибельную для готов.

-- Зато я знаю теперь о тебе больше, чем ты думаешь. Я не стану с тобой говорить, пока у тебя твоя стрекоза. Отдай ее и убирайся с нашего моря в Рим, к конунгу Титу Трусливому. Ты привык одолевать оружием баб - языком и чарами. Нидинг[42], тебе не место в битве героев!

-- Я одолеваю мужеством и мудростью - оружием Минервы,

которую ты не чтишь.

-- Отвагу и мудрость дает мужам Один, а я - его избранник!

Либон устало вздохнул. Вот и все. Его секрет теперь известен всем. Может, и впрямь бросить эту затею с Новым Римом? Вернуться в Рим настоящий, найти себе достойное место при дворе милосердного Тита. Или просто заниматься науками, писать и читать книги в тиши виллы... Кто осудит римлянина, бежавшего от не оценивших его кровожадных варваров? Кто? Хотя бы Братство Солнца. За то, что оставил этот край на растерзание избранникам безумного бога, полумедведям и лазутчикам Братства Тьмы. И как знать, не застанет ли он Рим уже в руках Нерона?

Почему-то ему, патрицию, стало дорого уважение этих нищих бунтарей-неудачников. Они правы: Солнце должно светить всем людям, и нет народа, достойного лишь пропасть во тьме.

Сохраняя достоинство, Либон сделал знак гребцам плыть назад. А драккары уже шли к берегу стаей морских чудовищ, и другая стая поодаль застыла наготове. Воины в рогатых шлемах и медвежьих шкурах прыгали в воду и на ходу выстраивались в клин, - "свинью".

Казалось, и впрямь из пены встревоженного моря встает готовый к бою яростный вепрь. Во главе клина шел, высоко поднимая меч, старый, но по-прежнему могучий Эврих. На шлеме его топорщил щетину железный кабан, на щите скалился волк. Острие клина составляли, надежно прикрывая вождя с обоих боков, могучие воины в медвежьих шкурах. Никто из них не носил доспехов. Копья казались в их руках легкими дротиками, зато у поясов висели длинные мечи и тяжелые дубины. Основой клина были, однако, не они, а дружинники в кольчугах и рогатых шлемах, с копьями, мечами и топорами лучшей северной работы. Позади всех шли молодцы, вооруженные почти одними копьями. Доспехи им заменяла голая грудь, но не от способности впадать в ярость берсерка, а из-за бедности, преодолеть которую они мечтали не трудом, а лихими набегами.

А со стороны леса, взметая песок копытами, вылетел другой клин - гремящий доспехами, ощетинившийся длинными копьями. Здесь никто не бесновался, не оборачивался зверем. Но перед этим клином, подобным стальному урагану, не могли устоять ни фаланга, ни легион. На острие клина несся сам Солнце-Царь между двумя великанами, готом и индийцем

Огненная Чаша была скрыта в сумке у пояса Ардагаста, и оба великана-русальца сжимали вместо копий Солнца и Луны обычные копья. Ведь священное оружие, наделенное силой богов, можно пускать в ход лишь против богов, чудовищ или колдунов.

Иначе можно вызвать столкновение мировых сил, с которым смертному не справиться. Только вот смертные, хватающиеся за оружие богов, часто сами мнят себя если не богами, то их подобиями.

Над дюнами разносился венедский клич: "Слава!" Слева от клина скакали амазонки, справа - дружины жемайтов и скалвов. Увидев росскую конницу, Эврих зычно крикнул: "Вперед, воины Одина! Отец Битв глядит на нас!" И "свинья" бегом устремилась к берегу, вздымая пенистые волны, вся в тучах брызг. Подняв щиты ко рту, готы издавали громовой медвежий рев, усиленный краями щитов. Страшнее, безумнее всех ревели берсерки, способные теперь думать лишь об убийстве. Остальные вторили им, чтобы обрести силу и ярость медведя, сильнейшего из лесных хищников и, если повезет, самим впасть в берсеркское исступление человека-зверя.

Два клина стремительно неслись навстречу друг другу. Над одним трепетало знамя с волком и вороном, над другим - красный стяг с трезубой тамгой, знаком Матери Мира, едущей в солнечной колеснице. В обоих клиньях воители жаждали славы и добычи. Только одни шли в бой сеять смерть, другие - защищать жизнь.

Берсерки метнули копья, затем секиры, но те лишь скользнули по крепким доспехам росов. Тогда воины-звери отшвырнули щиты и ринулись вперед, потрясая мечами и дубинами. Два клина - северный морской вепрь и южный степной орел - столкнулись у самой кромки берега, на песке, усеянном янтарем. Эврих погиб первым, насаженный на копье Вишвамитры. А росский клин вихрем понесся дальше, рассекая "свинью" надвое, словно топор - кабанью тушу. От сарматских копий не спасали ни кольчуги, на звериная ярость. Лучшие готские бойцы исчезали под копытами коней. На окрасившихся кровью волнах заколыхались рогатые шлемы вперемежку с купальскими венками.

Но готы, даже бездоспешные, не дрогнули. Словно прилипнув с обеих сторон к конному клину, они с удвоенной яростью бросались на росов, стараясь поразить коней, стоявших по брюхо в море. Как только рос в тяжелом доспехе падал в воду, на него обрушивались удары копий и дубин. Отбросив копья, застрявшие в телах врагов, росы взялись за длинные мечи. С тыла готов расстреливали из луков амазонки, рубили жемайты. Серые бойцы Дорспрунга, подбираясь к готам вплавь, рвали их в куски. Против острых клыков не помогали и медвежьи шкуры.

На Вишвамитру набросились разом три берсерка с дубинами. Двое из них уже озверели настолько, что лица их

превратились в медвежьи морды, а руки - в когтистые мохнатые лапы. Индиец отбивался от них двуручной кхандой. Вот уже у одного берсерка лапа отлетела вместе с дубиной, второй рухнул с разрубленным черепом. Но потерявший лапу сумел другой разорвать шею коню, и кшатрий оказался в воде. Третий ударил дубиной так, что рука индийца занемела и выронила грозную кханду. С торжествующим ревом берсерк, чье лицо уже покрылось бурой шерстью, снова поднял палицу. Но опустить не успел: его руку перехватил, круша зубами кости, сам Дорспрунг. Другой волколак перегрыз берсерку горло, а третий нырнул и вынес в зубах Вишвамитре его меч.

Еще один человек-зверь подобрался к самому Ардагасту. Зореславич выбил у него из руки секиру и вонзил в грудь меч. Индийская сталь с трудом входила в ставшие будто железными грудные мышцы берсерка. А тело его на глазах превращалось в медвежье, срастаясь со звериной шкурой. Громадные лапы обхватили Ардагаста с боков, мощные когти рвали чешуйки панциря. Громовой рев бил в лицо, словно ветер. И вдруг хватка ослабла, а звериная морда стала снова превращаться в человеческое лицо. Это Ларишка своей махайрой разрубила оборотню шею.

-- Какую мы с тобой шкуру испортили! - с сожалением произнесла царица. - Ничего, пойдет на шапки.

-- Лучше тебе на чепрак, - возразил Зореславич. Спину его коня покрывала тигровая шкура, добытая юным Ардагастом в Бактрии.

А рядом уже падал со стрелой в глазнице рыжебородый верзила в шлеме с кабаном и звучал бодрый голос Ардагунды:

-- Не зевай, братец!

Тем временем Лайма подгоняла коней, чтобы скорее привести священную колесницу в городок. Девять конных русальцев и десяток волколаков охраняли ее. Следом спешили самбы - парни с копьями и девушки. Темная чаща внезапно ожила. Лесные и болотные черти, упыри, огромные псы, волки выскакивали из-за деревьев со всех сторон, норовили утащить кого-нибудь, особенно же злобно и усердно рвались к колеснице. Но, наткнувшись на острые клинки и волшебные жезлы, отпрыгивали с яростным воем. Добрая сила трав, скрытых в навершиях, и особенно сильных в купальскую ночь, вылилась наружу зеленым, желтым, красным сиянием. А древние бронзовые секиры в руках Всеслава и Хоршеда излучали золотой свет и нещадно жгли ночную свору солнечным огнем.

А серые воины бесстрашно бросались во тьму, рвали нечисть в куски. И зачастую разорванный волчий или собачий

труп превращался в человеческий. Ведунов-оборотней воины Ярилы распознавали сразу и истребляли нещадно. Не отставал от волколаков и Серячок.

Вместе со всеми бились и Каллиник с Виряной. Духовное зрение помогало царевичу вовремя замечать и разить нечистых. Эрзянку же не подводило чутье лесовички. Коммагенец сражался по-римски спокойно и уверенно, а в мозгу билась мысль: где Эпифан? Не обернется ли очередная убитая тварь мертвым братом? Чему он только не учился у проклятых фессалийских ведьм...

Позади всех широкими шагами ступал Шишок - серый косматый великан с дерево ростом - и гвоздил сосновым стволом всякого выходца из тьмы, норовившего утащить какую-нибудь молодую самбийку. Леший хорошо знал, до чего падка на женщин лесная нечисть. Самому ох, как понравились стройные белокурые девушки янтарного края! Похожи на его нынешнюю лешиху, пленную голядинку с верховьев Десны. Ничего, девоньки: за росским лешим, как за дубовой стеной!

Все это время Вышата с Лютицей и Миланой, стоя у купальского костра, духовным взором следили за морем. Римлянин с готской ведьмой на "Черном Змее" плели сеть чар, накликая из глубин моря что-то мерзкое и опасное. Царевич-некромант явно вызывал мертвецов, и не добрых. Но зачем ведунья чертила в воздухе рядом с руной воды Лагуз и смертоносной руной Хагалаз солнечную руну Соль? В рунной магии Вышата не был силен. О рунах он знал немногое от словенских волхвов, а волхвини - лишь от него самого.

Битва на берегу еще кипела, когда с севера подошел еще один корабль. Его корма и нос одинаково загибались кверху и были увенчаны драконьими головами. Зеленые водоросли обильно покрывали борта, свисали с мачты и рей. Мачту увенчивал большой круглый щит, красный, как заходящее солнце. На щите чернел крест с загнутыми в одну сторону концами. Такие же щиты, только поменьше, висели вдоль бортов. Из-за них выглядывали воины без шлемов, с бронзовыми топорами и копьями. Высокий чернобородый вождь в рогатом шлеме стоял на носу, и в руках его сияли золотистым огнем бронзовый меч и бронзовая секира. Корабль казался бы призраком, если бы не мерный плеск весел.

Знак на щите был ведом не только волхвам. Его хорошо помнили все, кто десять лет назад бился с Ардагастом за руины Аркаима. Тогда из курганов восстал со своей неупокоенной дружиной царь арьев Кришнасурья, почитатель подземного Черного Солнца. На знаменах над их колесницами был такой же

знак. Ночью Солнце плывет подземным миром от заката к восходу, и тогда его сила может быть обращена во зло. Какие страшные, нечестивые дела совершили приплывшие на двуглавом драккаре? Какое проклятие сохранило их тела на дне моря и удержало в них души?

Сердце Сигвульфа дрогнуло - впервые в этом бою. Не Нагльфари ли это, корабль мертвецов, плывущих на последнюю битву с живыми и богами? Не сам ли Локи, вырвавшийся из преисподней, на его носу? Похоже, Рагнарек все же начался. Что ж, он, Сигвульф, Волк Победы, знает свое место в этой битве. Или губитель солнечного Бальдра решил попробовать силу? Так сегодня он отучится пробовать ее на росах, народе Солнца, и их друзьях!

А мертвецы уже спрыгивали с корабля и вслед за своим чернобородым вождем спешили к берегу, скрываясь за дюнами чуть севернее долины, в которой праздник обернулся битвой. Древняя бронза зловеще пылала в их руках, полная силы Черного Солнца. Не к купальскому ли костру подбираются они?

-- Я остановлю их! - крикнул Ардагасту Палемон и, развернув дружину, поскакал навстречу неупокоенным. Зореславич с досадой поглядел вслед. Надо бы самому туда с Огненной Чашей, с лучшими дружинниками, что бились за Аркаим. Да вот обложили проклятые готы, как собаки медведя... Либон - маг, может быть, сообразит, как биться с поддонной нежитью.

А из моря уже восстал еще один враг. Слева от драккаров над водой вдруг показались три громадные змеиные головы на длинных шеях. Вот они поднялись выше мачт, и стало видно: три шеи растут из одной. Блестя в лунном свете темной чешуей, огромный змей поплыл к берегу - туда, откуда тропа вела к Росяному городку. Следом за чудовищем направились два драккара. На мачтах развевались знамена гепидов с вороном и змеем.

У костра сразу поняли: это не тот дракон, сотворить которого собрались римлянин с ведьмой. Но чего они тогда ждут? И чего ждет Бериг с отборным войском на драккарах?

Конные жемайты взлетели на гребень дюны.

-- Это упыри. Старайтесь рубить им головы. И берегитесь их оружия. В нем - сила Черного Солнца, - крикнул Палемон, и дружина стаей соколов понеслась с дюны вниз, навстречу уже выстроившимся "свиньей" мертвецам. Белые, как рыбье брюхо, раздувшиеся, они выглядели даже не страшно, а мерзко. Не ревели медведями, вообще не издавали ни звука. Да что они могут со своей могильной бронзой против живых, полных сил

воинов и их честной стали? Знали бы, осиновые колья приберегли для таких вояк.

Больше всех вырвался вперед Кунас, самый юный княжич. Вот он, подвиг! Победить не смертных, а чудовищ. Как Геракл или Тезей, как Ардагаст. Такого не выпадало даже героям Рима. Он направил коня прямо на чернобородого конунга мертвых. Взмахнул мечом и... вдруг ощутил в руке непривычную легкость. От стального клинка лучшей римской работы остался лишь оплавленный обломок. Пылающий бронзовый меч перерубил - нет, пережег железный. В следующий миг словно молния ударила в грудь юноше. Пламенеющий бронзовый топор одним ударом рассек и обуглил щит зубровой кожи, прожег кольчугу и вонзился в тело, сжигая и рассекая плоть. Последнее, на что хватило сил у княжича - не вскрикнуть от страшной боли.

А рядом гибли с диким ржанием, криками, бранью кони и люди. Огненная бронза рубила и пронзала их тела легче лучшей римской стали. В ноздри бил запах паленого мяса. Древки могильных копий и секир были тверды, как железо, и мало кому удавалось перерубить их. Столь же трудно было обезглавить мертвецов, мастерски владевших оружием. А раны, даже самые тяжелые, не могли остановить тех, кто и так умер пятнадцать веков назад. С отрубленными руками, рассеченными черепами продолжали они сражаться и губить живых, не издавая ни звука.

Устилая песок трупами, "свинья" упырей неуклонно взбиралась на дюну. Даже боевые заклятия Либона, способные обездвижить или повергнуть в панику живых воинов, оказались бессильны против этих ходячих трупов. Волхвов, стоявших у костра, сенатор на помощь не звал, зная: все их силы поглощены незримым поединком с теми двумя, что сейчас плели сеть заклятий, пытаясь сотворить неодолимое чудовище.

Вот уже рухнул с развороченной грудью конь Либона. Упал без чувств и сам князь: секира вождя мертвецов разрубила его шлем, обожгла волосы и кожу. И тут на гребень дюны с кличем "Слава!" вылетели девять всадников с жезлами и мечами. Мысленный зов Вышаты настиг русальцев почти у самых ворот городка, и они помчались назад, как только колесница въехала туда.

Встретившись с зеленым сиянием жезлов, пылающая бронза вдруг стала гаснуть. Сила жизни, сила добрых трав одолела силу смерти. Под ударами стали бронзовые копья и секиры разлетались бесполезными обломками. Вождь упырей уже занес меч над бесчувственным Либоном, когда Нездан Сарматич одним ударом перерубил бронзовый клинок. Секира чернобородого лишь бессильно скользнула по кольчуге росича, а в следующий

миг меч Сагсара, отца Неждана, снес голову предводителя упырей.

Враз лишившись своего нечеловеческого упорства, мертвецы бросились бежать к кораблю, на удивление проворно вскочили на него и принялись грести от берега. Им не нужно было даже разворачивать свое двуносое судно. В это время уцелевшие воины Эвриха тоже бежали к драккарам, преследуемые росскими всадниками. Иные росы прыгали с коней на палубы судов и рубились там с готами. Другие стаскивали врагов с кораблей арканами.

Заметив бегство корабля мертвецов, Ардагаст направил на него Огненную Чашу. Настигнутый золотым лучом, зловещий двуглавый драккар запылал, весь охваченный черно-красным пламенем. И тут вдруг вода вокруг него забурлила, закипела, поднялась столбом. Столб светился изнутри, переливался красным и черным. Потом неожиданно разделился надвое, и каждый из двух новых столбов стал загибаться вниз, приобретая очертания звериной головы.

Только теперь Вышате стало ясно, зачем Эпифан с Эрменгильдой вызвали корабль мертвецов. Именно против него и должен был, по их замыслу, Ардагаст применить Колаксаеву Чашу. Огонь двух солнц - небесного и подземного - соединился с водой моря - обители Змея Глубин - и породил невиданного дракона. И высадившиеся готы, и злосчастные упыри лишь выманивали на берег Солце-Царя с его Чашей. А лучше воины Берига ждали своего часа на драккарах. Все это понял и Ардагаст. Но теперь ни Огненная Чаша, ни заклятия Вышаты и волхвинь не могли уже остановить сотворение дракона.

На берег выбежал запыхавшийся Шишок - в обычном своем росте и неказистом виде, но готовый снова бить любую нечисть. По грудь в воде добрался он до Зореславича, погрозил кулаком в сторону поднимавшегося из вод чудовища и сказал:

-- Высидели-таки гадюку свою! Солнце-Царь! А не выманить ли ее на берег, в лес? Я там встану в полный рост, да отделаю проклятую, как того змея на Белизне-речке!

Ардагаст взглянул на него и покачал головой. Не выдержит ведь лешак, когда увидит, как чудище сжигает лес. Бросится в бой и сгинет, один пепел останется. Лучше послать его в другое место.

-- Этого змея мы всем миром бить будем. Он побольше того вырастет. А на тебя другой змей найдется. Морской, трехглавый. Он сейчас ползет к Росяному, а за ним сотня готов идет. Беги туда, помоги вепрю Даждьбожьему.

Шишок задорно кивнул и побежал к лесу. За ним

неутомимо следовал Серячок.

Заметив сиирtя Хаторо, с охотничьим азартом глядевшего на встающего из моря дракона, Ардагаст сказал ему:

-- Этого зверя без шаманов не добыть. Иди лучше помоги Шишку.

-- Ни один сиирtя еще не добывал морского зверя в лесу. Я, Хаторо из рода Моржа, первый буду, - весело кивнул маленький гиперборей и, отдав кому-то коня, побежал следом за лешим.

* * *

На скале над руинами Пасаргад длинноволосый человек в черной с серебром хламиде глядел с довольным видом в серебряное зеркало. Опыт начался, и начался удачно! Сколько бы тупых варваров там не погибло, главное - умножатся сокровенные знания избранных, а значит - и власть их над низкой материей и ее рабами. Здесь тоже дела шли не столь уж плохо. Четырехкрылые демоны, вызванные кичливыми халдеями, оказались разбиты. Ничего, сейчас на приступ пойдут дэвы, косматые и рогатые громады, подгоняемые заклятиями Ахримановых магов. Вызовут ли жрецы Змеи из-под земли своих тварей или тоже будут злорадно следить за неудачами соперников? Хорошо еще, что архонт Солнца и его небесные воины бьются сейчас у развалин Персеполя. А здесь только духи Кира и его воинов. Хорошо бы успеть разрушить гробницу Отца Персов. Семь ступеней - это же сила всех семи светил! А использовать ее здесь почему-то удается только солнечным магам.

* * *

Воинство Прибыхвала гнало коней берегом Неймы. Чтобы задержать росов и ятвягов, Черноха бросил в речку волшебное полотенце, и та обратилась в широкий бурный поток. Только бы оторваться от погони! Вот уже слева показалась гора, увенчанная частоколом Росяного городка. Из-за частокола рвалось в небо пламя: праздновали Купалу, Росяную ночь. Со всех сторон гору окружало болото, среди которого, к югу от нее, блестела гладь священного озера. Лишь бы защитники городка не ударили по "защитникам леса"!

Вдруг неведомая сила разом остановила коней, так что иные всадники едва удержались в седлах. На пути у лесных

конников стояла сгорбленная старуха в забрызганном болотной жижей платье.

-- Куда, воины отважные? С Янтарным без вас справятся. А вы берите-ка приступом Росяной.

Усы Прибыхвала возмущенно заколыхались, блестя янтарями. Князь поднял плеть.

-- Ты кто такая, полоумная карга, чтобы нам указывать?

-- Вы князья людей, а я княгиня болотная. Захочу - все в болоте утонете. А велю я вам, воинам пекла, именем Поклуса-Чернобога и Лаумы-Яги!

Старуха внезапно распрямилась - высокая, богатырски сложенная, глаза ее загорелись синим огнем. А с запада донесся шум, громкое шипение, треск ломаемых деревьев. В довершение всего воды озера забурлили, и из них восстал громадный, раза в два выше лося, вепрь. Щетина его излучала золотистое сияние, клыки грозно белели в лунном свете. Мороз пробежал по коже самых бесшабашных вояк. "Вепрь Радигоста! Зверь Лады! Куда нам с богами тягаться?" - покатилось по рядам. Воины хватались за обереги, шептали молитвы. Еще немного - и все бросились бы на колени, моля о прощении Мать Богов и ее солнечного сына. Но старуха спокойно произнесла:

-- Не бойтесь, у него свой враг, посильнее вас всех.

Действительно, вепрь лишь недобро взглянул на людей, потом развернулся и, воинственно хрюкая, побежал на запад.

-- Чего ждете? Кобылья голова поднимается. Не возьмете городка - утонете, как крысы! - безжалостно проговорила старуха.

Ярость вскипела в душе Тройдена. Их, лучших воинов четырех племен, загоняли куда-то, словно стадо! Он готов был броситься с мечом на проклятую старуху. Но тут Прибыхвал воскликнул:

-- Это сарматы утонут в своем железе! А нас ждет добыча и слава - там, на горе. Вперед, воины леса! Три бога с нами!

Подбадривая себя отчаянными воплями и медвежьим ревом, воинство Чернобожье поскакало к горе. Болотная грязь летела из-под копыт.

-- Глядите! Войско Яги с нами! Не пристало нам, мужам, отставать от баб! - закричал, воздев руку к небу, Черноха.

И все увидели летящую на север стаю ведьм.

-- Вперед, братья-медведи! Смерть степнякам и их прихвостням! - доносился сверху голос Лаумы.

А над болотом разливалось, пробиваясь из черных глубин, мертвенное белое сияние. Из трясины медленно всплывала громадная конская голова череп, обтянутый черной кожей, с оскаленными зубами и красными огнями, горящими в темных

пустых глазницах. Следом поднималась, поглощая камыши и осоку, черная, со скверным запахом вода. На поверхности ее, мерзко визжа и гулко хлопая по воде лапами, резвились мохнатые остроголовые бесы и грудастые чертовки. Эх, кабы весь мир стал болотом!

Вызванный колдовством Чернохи разлив Неймы не надолго задержал росов. Скуманду удалось чарами согнать воду в залив, и конница, перейдя речку, поскакала на север. Следом торопились пешцы. И вдруг впереди восстала стена черной смердящей воды. Сердце Инисмея дрогнуло. Сейчас эта стена обрушится на его войско, и крепкая броня росских всадников станет причиной их гибели. Уйти за Нейму? Поздно: речка снова превратилась в широкий ревущий поток. Спасаться в лесу? Вода бушует и там, валя старые деревья. Как нелепо, позорно приходится гибнуть вместе с войском! Ему, великому царю!

Скуманд, остановив коня, раскинул поднятые руки и нараспев стал говорить заклятие. Почти в тот же миг впереди всадников оказался крупный седой волк, присел на задние лапы и раскинул передние. Человеческая речь и звериный рык слились в голосе вожака нуров. В облике зверя волхву-оборотню легче пробудить в себе ту могучую древнюю силу, что наполняет собой слова заклятий, отличая тем волхва от простого смертного. Незримые волны силы двух князей-чародеев слились, хлынули навстречу черной стене, ударили в нее - и остановили почти перед самыми мордами коней. Два потока, беснуясь, обтекали войско росов и их союзников с двух сторон.

Черти злобно визжали, выли, норовили подобраться к людям. Те встречали их бранью и железом. А спереди на людей надвигалась черная белозубая громада с пылающими глазами-угольями. Поднимая черные волны, громада билась о незримую преграду. Росам и аланам, не слышавшим о конской голове на дне болота, казалось: исполинский конь рвется, чтобы вбить их всех могучими копытами в грязь. А вода снизу уже подступала под брюхо коням, и земля под ногами все больше превращалась в трясину.

Воины верили в своих могучих волхвов. А у тех вся сила уходила на то, чтобы удержать проклятую голову. "Хорошо хоть огнем не дышит, как та, о которой говорил Вишвамитра", - думал Волх и тревожно поглядывал на небо: не летят ли назад ведьмы? Только их, стерв, и не хватало...

Вдруг среди бушующих вод Неймы появилась лодка. Безо всякого усилия шла она против сильного течения, и неощутимый ветер надувал парус со звездами и полумесяцем.

Черноволосый воин-колдун помахал рукой.

-- Эй, великие воины и волхвы! Лягушками еще не оборотились? Ну-ка, сарматы, пощекочите копьями ноздри этой твари, а я с ней по-своему поговорю!

Инисмей взмахнул копьем, и аланы расступились, давая ему место для разбега.

-- Великий царь, разреши и мне! - подал голос тут же оказавшийся рядом Андак.

С криком "Мара!" царь и князь погнали коней вперед. Черная голова наклонилась вниз, разинув в ярости безгубую пасть с зубами, способными перекусить не только копье, но и лошадь со всадником. Но оба сармата, подняв на скаку копья повыше, глубоко вонзили их в ноздри чудовищу. Захрустели кости, черная вода окрасилась кровью. Голова заметалась, вздымая волны. Инисмей сразу выпустил копье, Андак замешкался, вылетел из седла и чуть не утонул. В этот миг Витол на своей лодке подплыл к чудовищу и вонзил ему в загривок рунный меч. Воспламененный рукой Соль, клинок обрел силу солнечного луча и прожег насквозь толстую кость. Мгновение спустя чудовище затихло, став тем, чем было уже много веков - иссохшей головой мертвого великанского коня.

-- Душу не упускай, душу-у! - провыл снизу Волх.

Вытянув рывком меч, Витол упал на дно лодки. Только духовный взор волхвов заметил, как над его телом взлетел черный орел, а из мертвой конской головы выскользнула большая щука. Прежде чем она успела уйти в глубину, когти и клюв орла растерзали ее. Щука вдруг обрела вид могучей старухи, а миг спустя вовсе исчезла. Душой древнего конского черепа была "болотная княгиня" - главная среди местных чертовок. Как и все духи, она могла быть то духовной, то телесной. Теперь же, уничтоженная духом волхва, исчезла из мира навсегда.

Орел влетел внутрь головы, и та поплыла обратно - к источнику на дне болота, который закрывала до сих пор. Войско торжествующе зашумело, а Волх со Скумандом устало вздохнули. Предстояло еще много работы: заткнуть источник, отвести воду, осушить дорогу через разросшуюся топь. Только тогда конница сможет прийти на помощь Росяному городку.

* * *

Огромный трехглавый змей полз через лес. Тропа была слишком узка для него, и он усердно валил сосны и буки, сминал подлесок головами, когтистыми перепончатыми лапами, всем своим могучим, покрытым черной чешуей телом. Даже зубры и

медведи разбегались с его пути. За змеем следовала сотня гепидов. Для этих сподвижников грозных готов было привычно идти за более сильным хищником. Тем более, что морские змеи, в отличие от крылатых драконов, страстью к золоту не отличались, а значит, можно было рассчитывать хорошенько поживиться в Росяном.

Наперерез змею пробирались через лес человек, леший и волк. Леший озабоченно почесывал затылок.

-- Я бы его одним махом, кабы не эти немцы сзади. А что он умеет, однако, своими тремя пастями?

Ответ пришел неожиданно быстро. На тропу вышли трое зубров: мощный старый вожак и двое молодых самцов. Они грозно сопели, явно не собираясь уступать дорогу какой-то ползучей твари. Змей поднял все три головы. Из одной пасти вырвался язык огня, из другой - струя ярко-желтого яда, из третьей ударила синяя молния. Миг спустя на тропе лежали три почерневшие туши. Остальное стадо спасалось бегством, ломая кусты, а змей полз дальше, даже не остановившись.

-- Сильный змей! Ничего, здесь не море. Я его гарпуном в загривок, - сказал сииртя.

-- Давай, зверобой! А я немцев проучу.

Внезапно со стороны болота раздалось громовое воинственное хрюканье и треск ломаемых деревьев. На тропе появился, сияя золотой шерстью и сверкая белыми клыками, исполинский вепрь.

-- Не меньше слона или индрика будет. Святой зверь! - почтительно произнес Шишок.

-- Большой, как земляной бык! - кивнул Хаторо.

О слонах леший только слышал, но их волосатых подземных родичей - индриков, или "земляных быков" - они с сииртя видели сами на севере.

Увидев змея, вепрь понесся вперед. Земля загудела под могучими копытами. Гепиды разом замерли. Гуллинбурсти, Золотая Щетина, зверь солнечного Фрейра! Впрочем, Фрейр - трусливый и распутный ван, а с ними - Гаут Один и воинственные асы. Так вещала Эрменгильда. И все же... Будто само Солнце летело на них, следовавших за исчадием Мирового Змея. Вот-вот сияющий зверь втопчет в землю черную ползучую тварь! В последний миг змей извернулся и вдруг черной стрелой бросился сбоку на своего врага, в один миг кольцами охватив огромное золотое тело так, что ребра затрещали. Острые когти впились в бока. Три пасти открылись, и огонь, яд, молнии разом обрушились на вепря, сжигая золотую щетину, разъедая толстую кожу.

Гепиды торжествующе закричали. Сжав кулаки, Шишок вышел им навстречу.

-- Глазеете, сукины дети, бесовы воины? А подите-ка туда, откуда Яга всех чертей рожает!

Конунг гепидов шагнул вперед, намереваясь тупым концом копья проучить наглого мужика. А тот вдруг засвистел, загоготал на весь лес. Поднявшийся внезапно вихрь валил гепидов с ног, срывал шлемы, обрушивал деревья, нес в глаза тучи опавшей хвои. Сам конунг, подхваченный вихрем, чуть не напоролся на копья своих воинов. А невзрачный мужичок обернулся громадным лесным троллем, ухватил сломанную сосну и принялся гвоздить ею северных воителей. Не выдержав натиска, они бросились бежать.

Тем временем Хаторо, взобравшись на дерево, тщательно прицелился и метнул гарпун. Железное острие глубоко вошло в затылок головы, метавшей молнии. Хороши росские кузнецы! Костяной гарпун, пожалуй, не пробил бы толстой чешуи. Другая голова, заметив нового врага, плюнула в него ядом. Голова у сиирти закружилась, он еле сумел соскользнуть по стволу наземь. Но добротной росской кольчуги желтая отрава не прожгла. Две уцелевшие головы, опустившись к земле, метали яд и огонь в прятавшегося за кустами юркого человечка. И не заметили волка, который, улучив миг, прыгнул и вцепился огнедышащей голове в горло снизу, где чешуя была тоньше. Вырвав кусок мяса, он отскочил. Кровь хлынула из раны, и еще одна голова поникла.

Хватка змея ослабла, и только это спасло полузадушенного вепря, чей громкий визг переходил уже в хрип. А Шишок спешил на помощь, потрясая сосновым стволом. Чудовище не смогло повернуть к нему уцелевшую голову: в соседней голове застрял гарпун, линь от которого Хаторо ухитрился привязать к стволу ели. Воспользовавшись этим, леший принялся охаживать дубиной громадную гадину, ломая ей ребра и позвонки. Вепрь повалился набок, давя своего врага. Но змей перегрыз линь и тут же плюнул ядом в лешака. Тот едва успел прикрыть лицо. Отрава выжгла шерсть на руке и груди, обожгла кожу. Закружилась голова, перехватило дыхание.

И тут маленький зверобой, привязав линь к мечу, метнул его, словно гарпун, прямо в пасть чудовищу. Острый клинок застрял в глотке. Змей задергался, будто рыба на крючке. Прежде, чем он успел снова перекусить линь, Шишок размозжил ему голову своей дубиной. Только после этого живучая тварь затихла.

Обожженный, окровавленный, солнечный вепрь тяжело дышал. Его золотая щетина вся была в страшных черных проплешинах. Шишок, сам страдая от змеиной отравы, ласково

поглаживал вепря и нашептывал лечебный заговор. Серячок пытался зализывать глубокие раны, оставленные когтями змея. Хаторо с помощью акинака вызволял свое оружие. Гарпун и меч были целы, но меч весь пожелтел от яда. Только бы не вернулись немцы!

Тем временем конунг гепидов сумел, отчаянно бранясь, остановить и собрать свою дружину. Увидев, как грозный тролль лупит дубиной змея, конунг предпочел не вмешиваться: вдруг это Тор-Змееборец принял такое необычное обличье. Вместо этого вождь повел свое изрядно потрепанное войско через лес другой тропой, давно разведанной его лазутчиками. Она вела к северному подножию горы. Там, над крутым склоном, Росяной городок защищал лишь слабый частокол.

Тревожно было на душе у троих, сидевших возле умирающего вепря. От городка доносился шум битвы. На севере вставало зарево: горел лес! И совсем рядом пробирались через чащу гепиды. Но разве могут воины Солнца бросить солнечного зверя? А он как-то грустно и виновато глядел на них маленькими глазками: ведь это он, такой большой и сильный, должен был защищать их от чудовищ. Вдруг из чащи вышли две женщины, одетые по-мужски. Одна - молодая, с длинными черными волосами и бледным лицом, с мечом у пояса. Другая - почти девочка, светловолосая, с луком и колчаном. Вороной конь и три белые охотничьи собаки сопровождали их. Младшая всплеснула руками, бросилась к вепрю.

-- Золотая Щетинка! Что с тобой гадина сделала! Тетя Морана, помоги же!

-- Мы пытались... Так ведь не волхвы же, - виновато развел руками Шишок.

-- Ему теперь и великий волхв не поможет Только я или матушка Лада, - сказала старшая и озабоченно взглянула на север. - Что делается-то! Этого сотворенного дракона разве что братец Перун одолеет. И Ветродуй со своими летучими девками спешит. Только бы дядя с тетушкой Ягой в бой не полезли!

-- Так ведь там мы, росы! - бодро воскликнул Шишок. - Нам с чудищами не впервой тягаться. С богами даже... А вы, богини милостивые, спасите святого зверя. Холодно и голодно, поди, без него людям будет: и свинины на Новый год не поешь...

-- Деванушка, помогай! Ты ведь травница, - сказала старшая богиня младшей и начала медленно водить руками над страшными ранами вепря.

-- Потерпи, Золотая Щетинка! Не рвись снова в бой. Ты и так много сделал: змея к городку не пустил, - приговаривала младшая, перебирая травы.

А человек, леший и волк шли лесом к городку. Для них бой только начинался.

* * *

Войско Прибыхвала столпилось у подножия горы. Выбор невелик: лезть на приступ под градом стрел по крутому склону или утонуть в болоте. Коням уже вода чуть не по колена... А над воротами городка два знамени: красное с белым всадником - скалвов, и словенский красный стяг с белым орлом. Такой же, как у самих мазовшан. Орел Даждьбога, что явился в лучах заходящего солнца Леху, праотцу западных венедов. Ох, не видать завтрашнего солнца врагам сарматского Солнце-Царя! Заметив Медведичей, Прибыхвал рявкнул:

-- Эй, косолапые! Вы нас сюда завели, вы первые и на приступ пойдете. А мы пока что сзади из луков - по тем, в городке, а если надо - и по вам.

Ежась под враждебными взглядами эстиев и мазовшан, Черные Медведи спешились и, ревя не хуже берсерков, понеслись вверх по склону. Вместо тарана тащили подобранный в воде сосновый ствол. Стрелы свистели над головами с обеих сторон. Иные воины падали, но никто не бежал назад. Вот и ворота. Пару раз ударили с разбегу - и таранившие упали, сраженные стрелами. Тогда Бурмила изо всей медвежьей силы грохнул дубиной по воротам. Вылетела железная скоба, державшая засов, и дубовые створки распахнулись под напором озверевших "защитников леса". Навстречу им, увлекая за собой дружинников, бросился князь скалвов Матто, - искусный в бою, но худой телом. Бурмила, чья дубина разломилась о ворота, бросился на него, выставив могучие лапы. Перехватил руку с мечом, вывернул ее из плеча и сомкнул на горле медвежьи челюсти, перемалывая разом хрящи и позвонки.

А снизу уже мчались с гиканьем паны. Следом - конные галинды, барты, натанги. Волна лихих всадников затопила городок. Разметали купальский костер. Рубили старого и малого, врывались в дома, не так грабили, как ломали там все подряд, наспех бесчестили женщин. Все это творили зло и отчаянно, не в силах изгнать мысль: проклятые они все, бесовы воины, и гулять им, как и всякой нечисти, только до восхода. Словене, самбы и скалвы, прижатые к валу, дорого отдавали свою жизнь. Люто рубились на мечах, браня друг друга, Прибыхвал и Собеслав.

-- Песья кровь, росский прихвостень, предатель леса!

-- Твоя кровь песья, немецкий холоп! И лес, и степь - наши,

росские!

Кровавая полоса перечеркнула лоб Собеслава.

-- Вот тебе клеймо, раб сарматов!

Меч князя словен срезал мазовецкому князю пышный ус вместе с янтарями и самоцветами, рассек губу.

-- Подбирай свою красу, бесов слуга!

Вихрь битвы разлучил их. А с севера к горе подбирались гепиды. В городке бой? Тем лучше, можно будет без помех взобраться почти отвесным северным склоном. Только вот разлилось болото между лесом и горой. Гепиды принялись рубить плот. Скорее, пока лесной пожар не добрался сюда! Там, в городке, добыча и слава! И тут из чащи снова вышел громадный тролль с сосной в руке, а за ним - волк и узкоглазый безбородый гном в кольчуге.

-- Куда собрались, песьи дети? Ваше место в болоте, с чертями, а не в городке с добрыми людьми. А гада вашего больше нет, не надейтесь!

Конунг шагнул вперед. Гном, нагло ухмыляясь, метнул в него гарпун, каким на Северном Пути бьют морского зверя, и потянул за линь свою снасть, застрявшую в щите, а заодно и гордого вождя гепидов. Разъяренный конунг бросил щит и устремился на недомерка с мечом, но кольчуга выдержала удар. В следующий миг ярко-желтый клинок карлика вспорол штанину гепида, и белокурый гигант рухнул замертво. Над болотом понесся свист и хохот тролля. Поднятый им вихрь швырял воинов, кого об деревья, кого в трясину. Громадная дубина крушила тела, и бессильны были перед ней доспехи. Гном вертелся в самой гуще битвы, и каждый удар его меча, напоенного драконьим ядом, был смертелен. Еще проворнее нападал на бойцов и уворачивался от ударов волк - наверняка оборотень. А с севера подступал лесной пожар.

Гепиды уступали в храбрости своим сородичам-готам, но трусами не были. Да и бежать от чудовища было некуда: кто попытался, утонул или сгорел. И люди яростно бросались на великана с копьями и секирами. А тот почему-то не отходил далеко от деревьев, хотя серая шерсть уже дымилась, а дым забивал легкие. Громадное тело его было утыкано копьями, кровь обильно лилась из ран на ногах, но никто из нанесших ему хоть один удар не уцелел. Гном и волк чудом оставались живы, но, сами израненные, продолжали сеять смерть. Ревя от боли, тролль ругался по-венедски и кричал:

-- Что же вы святую ночь паскудите, курвины дети? Вы же люди, не бесы!

Тщетно взывали гепиды к Тору, врагу великанов. Да не сам

ли он вселился в тролля? Ведь обычно великаны тупы и неповоротливы. И когда, наконец, истекавший кровью гигант рухнул на трупы, которыми сам же вымостил болото, никто не посмел приблизиться к нему, чтобы добить. Да мало кто и уцелел из сотни бойцов.

А на горе кипел бой за городок. И защитники его не выстояли бы, появись у них в тылу гепиды. Но лишь шум и крики доносились снизу до воинов Собеслава, и не понять было - кто там с кем бьется? Даже по голосу не узнали они Шишка, редко вставшего перед ними в полный рост.

Сиирття перевязывал раны на огромном теле лешего, серячок зализывал их. Постанывая, Шишок тихо говорил:

-- Если помру, запрягите петуха с курицей. Иначе меня мертвого и не сдвинуть. А так тело мое само по ветру развеется. Лешихе моей передайте: если за человека пойдет - не обижусь, пусть только детей не неволит - кому с людьми жить, кому в лесу. Эх, взяли бы меня лешим на Белый остров! Там такие леса - елки с пальмами рядом растут, лоси возле слонов пасутся, грифоны на дубах сидят... И что бы я, лешак с Дебрянщины, на свете увидел, кабы не царь Ардагаст! Пошли ему Даждьбог славную победу!

-- Не умирай, лесной бог! - Едва сдерживая слезы, сиирття вдруг обернулся к притихшим гепидам. - Все вы его одного не стоите! Он лес берег, а вы что хорошего сделали? Земля у вас богатая, теплая, зачем ходите убивать, грабить?

И тут из чащи вышла молоденькая охотница с тремя белыми собаками. Одним легким прыжком перелетели все четверо через болото. Девушка заботливо склонилась над лешим, достала из сумки травы. Белое сияние окружало ее.

-- Девана светлая! - ахнул Шишок. - Чем же это я заслужил?

-- Ты же леший! А я лесная богиня.

-- А что со святым вепрем? И где Морана?

-- Спасли мы с ней Золотую Щетинку. Сейчас тетя лес объезжает, чтобы пожар хоть дальше не шел. Страшный огонь, колдовской...

-- Чтоб им самим так в пекле гореть, мать их... Ой, прости, богинюшка!

* * *

Медленно двигалось к Росяному городку войско Инисмея. Повинуясь чарам Скуманда и Волха, расступались зловонные черные воды, высыхала трясина. По запекшейся корке, в клубах горячего пара, под злобный визг болотных чертей ехали

всадники, шли пешцы, оборотни. Куда же подевался Витол, своевольный бродяга-чародей?

Внезапно из тумана вынырнули две мерзкие твари. Одна, вроде громадной черной ящерицы, попыталась ухватить за ногу коня Инисмея, но получила от боевого скакуна крепкий удар копытом, а копье царя пригвоздило ее к земле. Другая, похожая на большую летучую мышь с зубастой пастью, росилась верху на Волха, но меч Андака снес ей голову. Миг спустя на земле корчились тела двоих колдунов. Не без труда в них опознали Нергеса и Черноху. А впереди уже ясно проступало подножие горы.

Заслышав снизу конское ржание, сарматские кличи и волчий вой, защитники городка приободрились. А сердца их врагов сжались. Да может ли что-то остановить этих росов? Где же помощь троих богов? И куда делись оба колдуна?

Шумила с Бурмилой переглянулись. Много раз выбирались они из самых опасных переделок, спасали свои мохнатые шкуры и при этом продолжали слыть великими храбрами. Потому что умели унести ноги как раз тогда, когда, вроде бы, оставалось лишь погибнуть с честью. И бежали не одни, а с дружиной, славившей потом их и себя. Вот и теперь... Как уйти с крутой горы? Бросить коней, перебраться через вал? Но внизу кругом болото, и только один путь через него, а на нем - железная сарматская конница... Страшен бывает медведь, когда ему некуда уходить. Прет он тогда в слепой ярости на любые рогатины, сколько бы врагов перед ним не встало.

-- Черные Медведи, за мной! Добудем голову Инисмея! - разнесся над городком голос Шумилы.

С громовым ревом погнала коней вниз по склону разбойная дружина. Казалось, не люди в черных шкурах, и не звери, а грозовые тучи, гонимые ветром, несутся на росов и их друзей. В ответ загремел сарматский клич: "Мара!" Зажав под мышкой вместо копья длинное бревно, вывернутое из частокола, летел Бурмила прямо на Инисмея. Великий царь не дрогнул, лишь в последний миг отклонился в сторону. Бревно задело его руку, но копье царя вошло в грудь Медведичу. Бешеный напор человека-зверя только помог Инисмею пронзить врага насквозь. Насаженный на копье, Бурмила выхватил меч и с неистовым ревом обрушил его на голову царя. Но прежде, чем меч коснулся шлема, сжимавшая рукоять когтистая лапа отлетела, снесенная клинком Андака. Медведич подался вперед, пытаясь другой лапой достать противника. Копье еще глубже вошло в легкие Бурмилы, кровь из пасти заливала грудь. Мощные когти вцепились в кольчугу, но акинак царя уже вонзился в горло

полумедведя.

-- Бр-р-а-ат! - прохрипел из последних сил Бурмила и рухнул с коня. Падая, он потянул бы за собой и царя, не обруби Андак Медведичу и вторую лапу.

Приди на помощь брату Шумила, бой мог оказаться для Инисмея последним. Но метнулась серая молния, и конь второго Медведича упал с разорванным горлом, придавив всадника. Прежде, чем Шумила успел подняться, на него бросилось полдюжины волколаков. Крепкие зубы вцепились в руки, дробя кости, не давая ни махнуть дубиной, ни достать меч. Седой Волк прыгнул на грудь полумедведю, перегрыз ему горло и, подняв окровавленную морду, торжествующе завыл. Князь нуров, наконец, отплатил тому, кто столько лет разорял земли его племени.

Оставшись без вожаков, Черные Медведи и рады были бы бежать, хоть через болото, но впереди их ждали копья сарматов, а слева и справа наседали пешцы и конные ятвяги. Лесные разбойники дорого продавали жизнь, но вскоре полегли все до одного. И тогда по их трупам выехал вперед великий царь Аорсии и выкрикнул лишь одно слово: "Сдавайтесь!"

В городке тем временем бой почти стих. Защитники и нападавшие напряженно следили за схваткой внизу. Но это слово возмутило дух гордых воинов. И прежде всего - молодого князя галиндов.

-- Никогда наше племя не сдавалось! Особенно тем, кто лакает кумыс. Галинды, за мной! Перкунас!

Дружина Тройдена устремилась за своим вождем. Не желая уступить в доблести, следом поскакали паны. Прибыхвал успел лишь бросить князьям бартов и натангов: "Оставайтесь тут, добейте псов Собелава!" Он, правда, предпочел бы обороняться в городке, но нельзя же опозориться перед галиндами, старыми соперниками мазовшан!

-- Перкунас! Йеша! - кричали конники. Кричали громко, Надсадно, лишь бы заглушить сомнение. Ведь не помог им грозный бог. Ни одна его стрела не блеснула за эту ночь. Да он ли послал их в бой или Пекельный со жрецами-обманщиками? А навстречу несся беспощадный степной клич: "Мара!"[43] - "Смерть!"

Тройден видел, как эта смерть неслась на него - в виде всадника в кольчуге и остроконечном шлеме, с упрямым скуластым лицом, под красным стягом с золотой тамгой. На кольчуге висела, впившись в нее когтями, окровавленная медвежья лапа. Прикрывшись щитом, галинд направил копье в горло коню сармата. Но тот в последний миг вздыбил скакуна, и

наконечник лишь скользнул по конскому панцирю. А копье царя расщепило щит Тройдена, пробило кольчугу и вошло в грудь.

Падая наземь, князь был еще жив. Но волна всадников уже нахлынула сверху, давя друг друга, напарываясь на копья, сваливаясь в болото. Росы стаскивали дружинников с коней арканами, волколаки рвали лошадей и всадников. Оказавшихся на земле добивали копьями и топорами пешцы: простые ратники припомнили панам лихие набеги. В этой свалке погиб и Тройден. Жизнь Прибыхвала спас аркан, выдернувший его из седла.

Тем временем другие пешцы карабкались по крутым склонам горы. Словене и эстии помогали им перебраться через вал. Вскоре барты и натанги были оттеснены от стен на середину городка. А в раскрытые ворота уже въезжали во главе конницы скуластый царь с медвежьей лапой на груди и суровый князь-чародей. Рядом с красным знаменем с тамгой аорсов развевалось ятвяжское - красное с золотым зубром. Впереди важно ступал Волх - Седой Волк.

-- Навоевались, бесова дружина? - спросил он человеческим голосом. - Вот что осталось от ваших святых да вещих!

Два дружинника склонили копья с насаженными на них головами ящера и нетопыря.

-- Обманули они нас, проклятые! И Аллепсис тоже лгал: будто три бога поднялись против Лады! - срывающимся голосом произнес толстяк Тирско.

-- Мы воины, а не волхвы. Как нам было не поверить самому верховному жрецу! - развел руками хитрый Самилис.

-- А что, нужно быть жрецом, чтобы понимать: хорошие сыновья против Матери Мира не идут, да еще в святую ночь? - сурово возразил князь нуров.

Переглянувшись, Самилис с Тирско первыми спешились и бросили мечи. Лучше уж сдаться сарматскому царю, чем разъяренным самбам, чей городок они только что разоряли.

На арканах, за ноги притащили тела Медведичей. Инисмей решил снять с них шкуры, чтобы повесить в своем дворце в Мадирканде. Победители и побежденные с отборной бранью плевали на трупы полузверей. Привели связанного Прибыхвала. Под насмешливым взглядом князя словен он опустил голову и угрюмо сказал:

-- Я дурак, Собеслав! Самый большой дурак во всей Мазовии. Не поверь я этим уродам и жрецам-мошенникам, славно бы мы с тобой гуляли этой ночью!

-- Не им ты поверил, сосед, а своей глупой спеси, - без тени злорадства ответил ему волынянин.

А на севере, от моря до Неймы, стояла зловещая стена

черно-красного пламени и черного дыма. Что творилось за этой стеной? Что стало с Янтарным Домом и его защитниками? Этого не знали ни Волх, ни Скуманд. Не знал даже вездесущий Витол. Поднявшись по Нейме, он встретил на ее левом берегу дружины Побраво и Склодо. Прискакав из Лугового, они увидели ту же огненную стену. Старый князь самбов с надеждой глядел на воина-волхва. А тот тщетно посылал дружественную мысль в храм Лады, к златоглазой жрице. Что с ней? Жива или сгинула вместе с храмом в этом пекле, вырвавшемся в средний мир на погибель всему доброму? Многим дарила она свою любовь. Но саму ее больше всех любили эти двое. Почтенный князь, отец семейства, во всем послушный своей волевой и хозяйственной супруге, и неприкаянный странник, не покорявшийся никому в этом мире. Она много знала: о мире и тайнах волшебства, о племенах, их дружбе и вражде. В одиночку растила своенравную дочь, боролась с кознями Поклусовых слуг - и при этом всегда оставалась неунывающей, доброй и приветливой. Без нее жизнь Побраво и Витола была бы тусклой и убогой, как у раба или безродного бродяги.

Одно успел заметить Витол духовным взором: черноволосая всадница на черном коне, в развевающемся красном плаще летела над краем горящего леса. И там, где она пролетала, стена пожара уже не шла дальше. Богиня смерти останавливала огненную смерть! Но осталось ли за этой проклятой стеной хоть что-то живое и доброе?

Глава 6. Сотворенный дракон

Дракон, вставший из моря, был громаден. Громаднее всех чудовищ, виденных росами. Правая половина его чешуйчатого тела горела красным огнем, будто раскаленный уголь из костра. Левая была черна, как вода в болотном бучиле или морских глубинах. Две головы на длинных шеях зловеще нависали над людьми. Одна,, красная, напоминала волчью. Другая, черная - голову ящерицы. В двух пастях белели ряды острых зубов. Четыре глаза пылали синим болотным огнем. Огромные когтистые лапы тучами взметали воду и песок, и янтари россыпью звезд вспыхивали, отражая свет огненного тела. Острый гребень колыхался над спиной. Самый злой огонь, самая недобрая вода волею колдуна и ведьмы соединились и породили могучее чудовище, наделенное к тому же безжалостным человеческим умом.

Иные воины, разгоряченные боем, грозили дракону оружием. Но раздался решительный голос Ардагаста.

- Все отходим в городок! Вишвамитра, веди дружину, а я с волхвами задержу тварь!

Всадники поскакали к городку. Вслед им вылетел из драконьей глотки клубок пламени, обратив в обугленные скелеты двоих или троих отставших. У купальского костра остались лишь Зореславич, Вышата, две волхвини и Либон. Бесстрашным взором ученого мага римлянин глядел на приближавшееся исчадие двух стихий.

Ардагаст направил луч Чаши в пламя костра, и оно взметнулось к небу, раздалось в стороны, огненной стеной перекрыв дорогу к началу лесной тропы, что вела к городку.

И эта тонкая, колеблющаяся стена остановила дракона. Одна его пасть изрыгнула черно-красное пламя, другая - струю черной воды. Но нечистый огонь не смог прорваться сквозь священное золотое пламя, а вода обратилась в пар.

- Эпифан, сын Антиоха! Ты способный маг, клянусь Гермесом. Твои бы знания да на доброе дело! - громко произнес сенатор, глядя прямо в горящие синим огнем глаза.

Красная волчья голова дважды дохнула огнем, и лес по обе стороны от костра запылал.

- Все, уходим! - сказал Вышата, и пятеро всадников поскакали через лес, занимавшийся с невероятной быстротой.

Вслед им летели насмешливые крики готов, снова высадившихся на берегу. Дружину Ардагаст догнал на серединке пути. Как оказалось, нечисть успела потрудиться: завалила в нескольких местах тропу деревьями. Нужно было разбирать завалы, а огонь уже подступал с обеих сторон. Самих нечистых не было слышно: унесли ноги из леса, как только почуяли огонь, выдержать который могли разве что пекельные черти.

- Изжарить нас решили, проклятые, чтоб им самим в пекле гореть, Ягиным ублюдкам! - выругался Неждан Сарматич.

- Не унывай, дружина! Пройдем и сквозь огонь, как тогда на Белизне. С нами Солнце-Царь и чаша! - раздался громкий голос Вишвамитры.

Под приветственные крики воинов Ардагаст проехал вперед, соскочил с коня, взобрался на завал. Чаша в его высоко поднятой руке полыхала золотым огнем.

-- Дружина, за работу!

Тогда, девять лет назад, они лихо скакали через лес, подожженный огнедышащим змеем. Да и змей, которого Шишок смахнул дубиной с дерева, был не чета нынешнему. Теперь же приходилось ехать шагом, задыхаясь от жары и дыма, пока впереди растаскивали тяжелые стволы. Коней удерживали в повиновении только заклятия. Но самым первым шел Солнце-царь, и все знали: это его чаша открывает для всех проход сквозь огненное пекло.

А дракон полз, круша деревья огромным телом, вдогонку дружине. И вот уже две его головы нависли над тропой. Он подобрался там, где ехали амазонки, подальше от Ардагаста и чаши. Ардагунда подняла руки, словно пытаясь оттолкнуть громадную тварь, и ладони ее вдруг засияли ясным белым светом. Только этим волшебством владела царица амазонок, но владела в совершенстве. Два луча света ударили в глаза дракону, и этого чистого, доброго света взгляд чудовища не смог выдержать. Змей замотал обеими головами, заворочался на месте, но Зореславна снова и снова слепила его. Амазонки засмеялись. Когда же в огненную волчью морду ударил золотой луч Колаксаевой Чаши, дракон со злобным шипением отполз в чащу.

За всем этим Каллиник наблюдал, стоя рядом с Виряной на валу городка. Ардагаст велел ему оставаться здесь, чтобы в случае надобности помочь Венее чарами. Сердце и ум отказывались верить, что эта уродливая, жгущая все вокруг себя тварь - его Эпифан. Но в мозгу звучал голос брата: "Никос, пока не поздно, бросай все и беги вместе со своей варваркой! Сгоришь ведь, и костей не останется!" "Поздно, Эпифан. Я отсюда бежать не стану, и она тоже". "Дурак! Пропади, сгори вместе с этим

проклятым миром! Пропадите вы все!" Безжалостный шипящий голос уже мало походил на человеческий.

Наконец росы и жемайты въехали в городок. Ардагаст с соратниками поднялись на вал. От моря до Неймы бушевало, охватывая гору со всех сторон, огненное море. Горело все: леса, села, хлеба. Густой дым затмевал звезды и луну, но от огня было светло, как днем - если бы днем вместо солнца светило что-то жуткое, черно-красное. Среди красного пламени извивались, словно полчища змей или пальцы громадных рук, черные языки. Пекло рвалось на землю. Жители окрестных сел заранее собрались в городок. Сейчас они с надеждой глядели на росов. Многие тихо плакали. Испуганно ревела скотина.

- Зря мы, выходит, русалок в хлеба загоняли, поля от ведьм берегли. Где они, русалочки? - вздохнул дрегович Всеслав.

- Помирать собирайся, а рожь сей, - ответил ему пословицей Нездан Сарматич.

- Нерона бы сюда. Он бы сложил поэму о Мировом Пожаре, - невесело усмехнулся Каллиник.

- В Мировом Пожаре должно погибнуть все злое, - заметил Хилиарх. - А это... просто поджог, чтобы легче было грабить. Вон Кентавр такое любил проделывать в Риме.

- Я поджигал богатые дома, а не хижины бедняков, - возразил Дорспрунг-Кентавр.

- Набег это, вот что! Немирные сарматы и готы в набеге тоже все жгут, лишь бы страху нагнать! - воскликнул Всеслав.

- Видишь, царевич? - недобро подмигнул Каллинику Кентавр. - Братец твой - вор и поджигатель. А мнит себя, небось, Тифоном, перед которым сам Зевс едва устоял.

Сигвульф погрозил кулаком стоявшему на берегу в готовности войску Берига.

- Трусы! Прячетесь за спину дракона и ведьмы? Бериг, ты трус, нидинг и вождь нидингов!

По другую сторону огненного моря стоял, довольно поглаживая огненно-рыжую бороду, конунг готов. Он любил железный вихрь битвы, стоны умирающих врагов, добычу. Но больше всего Бериг любил огонь - пламя и дым горящих сел, городков, хлебов. Глядя на него, он казался себе похожим на грозного Сурта, повелителя Муспельхейма. А по части коварства конунг не уступал Огненному Локи, которого не забывал чтить тайными жертвами. Это не мешало ему слыть избранником Одина, врага Сурта и Локи. Сильный сам выбирает себе богов. За спиной - испытанная дружина, тоже любящая кровь, звон стали и огонь войны. Верные берсерки уже ворчат медведями от нетерпения. Пусть только дракон взломает магическую защиту

священного городка... А пока что Бериг Огнебородый упивается зрелищем невиданного пожара.

А дракон полз все ближе к городку и, питаемый страшным огнем, становился все больше и сильнее. Вот он уже взбирается по склону горы. Ардагаст с сестрой встали рядом. Зореславна снова направила свет своих рук в глаза змею. Тот недовольно зашипел, но взгляда уже не отводил. Вернее, не отводила его волчья голова, а ящериная сразу ушла куда-то вниз. Клуб огня вырвался из волчьей пасти, но наткнулся на золотой луч чаши.

А из ящериной пасти вдруг ударил мощный поток воды - прямо в основание вала. Размытая, обращенная в грязь земля, поползла вниз, обнажая бревна частокола. Но рядом с Зореславичем встала Милана. Заклятие лесной ведьмы придало земле твердость камня. Черная голова взметнулась вверх, плюнула водяной струей, способной сбить человека с ног. Но глаза ей слепили руки Ардагунды, и вода только окатила людей на валу.

Трудно было втроем сдерживать натиск чудовища. Рядом стояли Вишвамитра и Сигвульф со священными копьями, но змей чуял опасность и избегал приближаться на длину копья. Рука Ардагаста уставала, чувствуя, как одно могучее пламя давит, оттесняет другое. Драконьи головы коварно заходили то снизу, то сбоку. Но трое знали: главное волшебство творится у купальского костра перед Янтарным Домом. Здесь теперь стояло, сияя горящими свечами, дерево-Купала, а под ним - изваяния Лады и ее дочери. Венея, Лайма, Либон, Каллиник, Вышата с женой и младшие жрицы стояли вокруг огня, сомкнув руки, и пели древнюю песнь о Мировом Дубе, что рос прежде всех времен среди изначального моря, а душой этого Дерева, его мавкой была будущая Мать Богов. И вот, послушное пению, поднялось из костра дерево. Ствол и ветви его были из золотистого, с зелеными прожилками света. Серебром сияла листва, медью - желуди. С древней бронзовой застежки на груди Венеи слетели три сияющие золотые птицы и уселись на дерево. Из витых браслетов выползли две огненные змеи и обвили ствол у самых корней, нежась в пламени костра.

Все выше вырастало Дерево Света, все шире раскидывались его ветви, осеняя весь городок. Видя это, все яростнее бросался на стену городка дракон. А на помощь ему уже спешили другие Чернобожьи слуги. Из огненного моря выскакивали пекельные черти: такие же черные, остроголовые, косматые, как их болотные сородичи, но с пылающими трезубцами в когтистых лапах. Этими трезубцами нечистые норовили поджечь частокол. Пекельное оружие вмиг пережигало древка копий, раскаляло клинки так, что

загорались деревянные обкладки рукоятей. Но навстречу бесам спешили русальцы, и под ударами их жезлов пекельные трезубцы гасли, а сами бесы с мерзким визгом бросались обратно в пламя - если успевали увернуться от меча.

Еще опаснее была налетевшая с юга стая стервятниц - Лаума с ее ведьмами. Поднятый ими вихрь срывал крыши с домов, валил людей с ног, потрясал золотое дерево, угрожал задуть костер. Многие колдуньи опускались на землю и, оборотившись кто большой собакой, кто - волчицей, кто - бодливой коровой, кто - колесом, носились по городку и нападали на людей. Перепуганные насмерть поселянки вопили. Металась в ужасе скотина. Но не дрогнули серые бойцы. Быстро распознавая ведьм в любом обличье, волколаки рвали их в куски. Еще яростней они набрасывались на чертей, прилетевших вместе с колдуньями.

Амазонки били из луков, но ветер, поднятый ведьмами, сносил стрелы, и летуньи лишь нагло смеялись над своими врагами. Тогда Лайма, выйдя из круга, взобралась на крышу храма. В руках у юной охотницы был лук, за спиной - два полных колчана. Широкое белое платье она сняла и осталась в охотничьем наряде. Во весь рост стояла девочка прямо на широком коньковом бревне и слала в небо заговоренные стрелы. Плохому стрелку они бы не помогли, но колдовской ветер не мог их отклонить. Не мог он и сбросить Лайму с крыши - только развихривал и носил ее длинные черные волосы.

Друг за другом падали пронзенные стрелами ведьмы, колдуны, черти. Не убившихся насмерть на земле разрывали волколаки, добивали чем попало утратившие страх поселянки. Заметив опасность, нечистые опускались на крышу храма. Но рядом с Лаймой встали Меланиппа и Пересвет, встречая всех подбиравшихся к отважной лучнице секирой и мечом. Душа гусляра пела, но то не была жестокая радость боя. Слова сами складывались в новую песню - о бое Ардагаста с осквернителями Купальской ночи. А рука тем временем, будто сама собой рубила и колола нападавших то сбоку, то сверху врагов. Попробовал бы так Нерон!

Лайма, поглощенная боем, ухитрялась все же следить краем глаза за царем росов. Как он прекрасен в бою, златоволосый, с пылающей чашей в руке! Да не один ли он из Сыновей Бога? Спустился на землю для великих дел, и снова вознесется. А она, дурочка. заглядывается на него... Но ведь убить можно даже бога! Спереди грозит огненной смертью дракон, сзади норовят ударить прыгающие на вал нечистые. Как хотела бы она быть на месте светлорукой Ардагунды! Или Ларишки, что без устали рубит

кривым мечом и разит акинаком подкрадывающихся к мужу врагов. А она, Лайма, кроме лука, владеет разве что охотничьим ножом.

Выйти из круга пришлось и Либону. Ведьмы то и дело чертили руны в воздухе или бросали деревяшки с вырезанными на них и окрашенными кровью рунами, что несли бойцам слабость духа и тела, могла обездвижить или обратить в бегство. Пожилой сенатор не успел бы всюду, если бы русальцы не прижигали своими жезлами деревяшки, которые обычный огонь не брал. Варварскую магию рун Либон за эти годы изучил хорошо. Но до чего же бесполезен был сейчас, в этой буре огня, железа и чар, волшебный янтарь со стрекозой! О боги, существует ли еще мир, добрый и прекрасный, или он весь охвачен проклятым красно-черным пламенем?

Но вопреки всему вырастало из священного огня и поднималось над городком золотое дерево. Его видел Витол, но тщетно пытался воин-волхв чарами открыть дорогу сквозь горящий лес конникам Побраво и Склодо и подошедшей с юга рати Инисмея.

А тот, кто разжег чужими руками весь этот пожар, сидел на скале над Пасаргадами и с высокомерной улыбкой глядел в серебряное зеркало. Городок, несомненно, обречен, и вместе с ним упрямый сенатор, что, конечно же, предпочтет погибнуть во славу архонта Солнца и своего "нового Рима". Лишь бы только Эпифан покончил с ними всеми до восхода, когда слабеет всякая темная магия. Иначе... Тайные силы, что будет, если Янтарный путь останется Путем Солнца, и по нему двинутся на юг воины, подобные этим росам!

* * *

Янтарный путь в эту ночь жил своей жизнью, не заметной для рыскавших по нему в поисках барыша. Не янтари, не мечи, не амфоры с вином шли по нему от племени к племени, от святилища к святилищу. Горел огонь на обоих делийских алтарях - Аполлона и Артемиды, на алтаре Юноны и Дианы в священной аквилейской роще, пылали костры на святокрестовской Лысой горе, на Соботке и двух ее соседках. Люди плясали, пели, любили друг друга во славу светлых богов. Но суровы и сосредоточены были лица стоявших у огней жрецов: Аполлония и Делии, Флавии Венеты, царя друидов Думнорига и молодого Белерига-Белояра, ряженого в женское платье, и еще многих служителей Солнца и Света.

Неподвластная преградам и расстояниям, летела от Пифагорова алтаря дружественная мысль Аполлония: "Слушайте, все воины Солнца на Янтарном пути! Рабы Тьмы осадили Янтарный Дом. Погасившие Свет в своей душе обратили во зло магическое знание. Зло не в Огне, не в Воде, - оно в людях, забывших добро. Собирайте же силу Солнца и Луны, силу Света, шлите ее в Гиперборею, к Венедскому морю, растите золотое Дерево Света!" Звучали заклятия на языках греков, пеласгов, кельтов, германцев, венетов и венедов. Пламя рвалось в небо с алтарей и из костров огненными стволами, и распускались на их верхушках дивные серебристо-золотые цветы. Неслышный, видимый лишь духовному взору, несся от одного пламенного дерева к другому поток светлой силы, и мощь его все нарастала. Этой силой можно было сжечь целый город, а можно было вырастить дерево. И оно росло - у храма в городке на Янтарном берегу.

От этого потока ответвлялся еще один: через храмы Аполлона в Прасиях и Синопе, древний Экзампей и Суботов - туда же, к Янтарному Дому. На горе над Тясмином праздновавшие уже по большей части разбрелись по парам. Вокруг костра стояли, соединив руки, только девушки и женщины, оставшиеся без пары, во главе с Добряной. Многие мужчины заглядывались на младшую царицу, но позвать ее под ракитовый куст даже сегодня не посмел ни один. Внутри женского кола было другое - из детей тех, кто ушел в поход. У самого огня стоял, опираясь на посох, седой, как лунь, Авхафарн в белом кафтане и башлыке, увенчанном золотой фигуркой барана. Духовный взор старого жреца охватывал весь путь, на котором волхвовали Флавий Никомах, Стратоник, верховный жрец Экзампея Златослав, Вышата с Лютицей и Венеей. С Никомахом и Венеей главный жрец росов знаком не был, а надменный Златослав вообще считал его, сармата, врагом, а своего ученика Вышату - предателем. Но в эту ночь все они делали одно святое дело.

Женские и детские голоса стройно выводили песню о предвечном дереве. И, повинуясь им, вырастал огненный ствол со злато-серебряным цветком. Ближе всего к жрецу держались царевич Ардафарн и Вышко. Дети, казалось, забыли об усталости. Ведь там, у Венедского моря, сражались их отцы и матери. И все же время от времени Авхафарн давал им знак разомкнуть руки и отдохнуть. Тогда они вполголоса расспрашивали Вышко, что же творится с их родными. Девятилетний сын Вышаты делал все больше успехов и в ясновидении, и в других чарах, но старый жрец берег его силы.

И когда до погруженного в чародейство Вышаты долетал

вдруг мысленный голосок сына, великий волхв обретал новые силы. Ибо для того и забрались росы в это огненное пекло, чтобы на родном Тясмине - и не только там - женщины и дети могли мирно праздновать Купалу. А не прятаться в ужасе от всяких "избранников Одина" и "воинов Поклуса", которым мало будней, чтобы жечь, убивать и грабить.

* * *

Волчьеголовые ладьи Лютомира шли к выходу из Свежего залива. Проклятые ведьмы, наконец, отстали, но волны продолжали бушевать. Вот и пролив: узкий, бурный, с сильным течением. Хорошо хоть Месяц-Велес из-за туч выглянул. Только бы в море выбраться. Там тихо: Данута видела. И тут вдруг посреди пролива поднялись из пенящихся волн три громадные змеиные головы. Позади них горбами, кольцами вздымалось исполинское тело.

- Крут, Збигнев! Велетами! За мной! - громко крикнул волчий воевода.

Вильцы не зря звались еще и велетами. В их жилах текла кровь древних великанов - тех, что жили в городках и перебрасывались оттуда, с горы на гору, каменными топорами. Простоватые венедские исполины, не походили на своих северных сородичей - тупых, злобных, порожденных холодом и тьмой. Людей обычно первыми не обижали и охотно роднились с ними, благо умели, когда нужно, сравняться ростом с женой. Роднились, пока и вовсе не осталось чистокровных великанов. Потомки же их измельчали, и теперь лишь воины-волки знали, как вернуть себе - и то на время - рост и обличье могучих предков.

Трое сильнейших бойцов-лютичей прыгнули с трех ладей - и вынырнули из волн исполинами, которым ладьи годились разве что в рыбачьи челноки. Кольчуги и мечи оставили на судах: пращуры-велеты железа не знали. А дружинники уже доставали со дна ладей три огромных кремневых топора, принадлежавших троим древним великанам. С топорами в руках три велета-оборотня поплыли навстречу змею. А Данута превратилась в чайку и полетела перед ними.

Злым желтым огнем вспыхнули шесть глаз чудовища. Разом открылись три пасти. Одна изрыгнула пламя, другая - желтый яд, третья - пучок молний. Но взмахнула крыльями чайка-волхвиня, и перед змеем встала волна - чистая, голубая. Россыпью огоньков отразились в ней звезды, серебряным глазом - луна. И погасла в этой водной стене все, извергнутое морским гадом. Ученица

Эрменгильды не была сильна в солнечных чарах, зато в совершенстве знала водное, лунное, звездное волшебство. Волна продержалась недолго, но за это время три велета успели подплыть вплотную к змею, встать на ноги (море им здесь было по грудь) и разом взмахнуть топорами. Гром прокатился над морем, молниями полыхнули кремневые секиры и обрушились на чудовище.

Страшен Змей Глубин и его отродья. Нет им соперника, кроме Громовержца, его грозовой дружины - и великанов. Не родился еще Перун, не сел на колесницу, а они уже били змеев громовыми топорами и палицами, и люди славили велетов-змееборцев, гордых и могучих. Не сразу сумел превзойти их Громовник. А превзойдя, многих истребил за то, что не покорились Роду и его племени. Не помогло им каменное оружие против бронзового и железного, скованного сыну Сварогом. Трудно было бежать или укрыться от небесной колесницы. Но даже разбитые, не пошли великаны в нечистую Чернобожью свору, хоть и звал их к себе Пекельный. А потомки их с Перуном не враждовали, но служили не ему, а его брату - Радигосту-Даждьбогу. Рабами же не были никому из богов.

Даже молниями нелегко было пробить толстую чешую и могучие кости морского змея. Только Круту, самому сильному из троих, удалось с одного удара раскроить огнедышащую голову, но извлечь засевшую в черепе секиру он смог не сразу. Топор Збигнева лишь скользнул по чешуе. Тогда проворный и ловкий воин ухватился за гребень змея и взобрался ему на шею. Чудище тщетно извергало молнии, пока топор не врубился ему в загривок. Труднее всего пришлось воеводе. Его оружие только срезало кусок чешуи, а в следующий миг было вырвано из руки Лютомира когтистой лапой змея. Тогда велет обеими руками сжал горло средней головы. Желтый яд попал ему на спину, прожег волчью шкуру, сквозь кожаную рубаху дошел до тела. От страшной боли воевода завыл - люто, по-волчьи. И голова его вдруг обратилась в волчью, а руки в звериные лапы. Могучие клыки и когти исполина-волкоглавца впились в шею змея, и даже его чешуя не устояла перед ними. Морской гад забился всем колоссальным телом и, верно, свалил бы Лютомира с ног и вдавил в донный песок, если бы Крут и Збигнев не всадили свои топоры туда, где расходились три шеи чудовища. Головы поникли, но тело еще долго билось, вздымая волны и сметая прибрежные сосны.

Превозмогая боль, воевода нырнул: топор Сваржина, древнего солнечного велета, нельзя было оставлять на дне моря. Но топор оказался придавлен тушей змея, и пришлось ее, еще

дергавшуюся, оттаскивать, потом снова нырять... Соленая вода разъедала обожженную ядом кожу. Воевода не помнил, сам вернулся в человеческое обличье, или товарищи помогли. Очнулся уже на ладье. Он лежал лицом вниз, а жена колдовала над его спиной.

-- Тебе лучше, Лютек? Дышать не трудно?

- Нет, только спина вся горит. Данута, ты, главное, боль утихомирь, чтобы я сражаться мог.

- Куда тебе снова в бой? И так уже подвиг совершил.

- Про такую рану скажут: пан волчий воевода от змея удирал, а с готами и их драконом вовсе биться побоялся. Нет, Данута, надо еще постоять за волчью честь!

А море за косой было тихим и ласковым, и месяц со звездами гляделись в него с чистого ночного неба, и плескались в волнах морские девы. И где-то на дне, никому, кроме рыб да тех же дев, не видимая, стояла среди руин янтарного дворца дивной красоты женщина и плакала над телом светловолосого юноши-рыбака.

* * *

Весело, без тревоги праздновали в эту ночь в земле борян, где Почайна впадает в Днепр под священными горами. Ни одна ведьма не приходила красть молоко, делать заломы или искать проклятые клады. Тихо было на Лысых горах: и на той, где Ардагаст девять лет назад разнес колдовской городок, и на дальней, южной. Будто и впрямь забрал Нечистый своих служительниц туда, куда их добрые люди шлют.

А ведьмы никуда не делись. Стаей стервятниц летели они на северо-запад. Летели на метлах, кочергах, на своих наставниках-колдунах, которых уже при жизни величали "упырями". Вместе с ними на нетопырьих крыльях неслись черти. Вела стаю сама великая ведьма Лысогорская Невея, сестра Лаумы. Теперь-то она отплатит проклятому Ардагасту за все: за отца с матерью, за попранные дедовские обычаи, разоренные капища, замученных волхвов и ведьм! Все будут знать: не спасут в Купальскую ночь ни костры, ни храмы, ни русальные дружины. И пусть запомнят: Ягина эта ночь, Чернобожья! Не зря после нее день убывает. В такую ночь не светлых богов чествовать, а смиренно, в страхе Чернобожьем приходить за помощью и наставлением к мудрым ведьмам. А скакать голыми у костра и любиться можно и в честь темных богов.

В это время Лаума, словно голодный ястреб, вилась над

Янтарным городком. Лучшие колдуньи погибали одна за другой, а проклятое дерево все росло! Вот-вот его злато-серебряный шатер накроет весь городок, сомкнется со стеной, и тогда... Откуда взялись эти две незримые реки света, кто их сюда направил? А эти, в драконе, только покрикивают на нее. Сами бы попробовали! А то сотворили уродину, червяка бескрылого, и знай ползают вокруг горы... А братья все не отзываются. Яга-владычица, что с ними? Невеюшка, на тебя вся надежда! Хоть и нудная ты, и сердитая, только против нас двоих никто не устоит!

Конунг Бериг озабоченно теребил огненную бороду. Затея с драконом нравилась ему все меньше. Кое-что в чарах он смыслил. Знал руны, владел мысленным разговором. И предпочитал всяким премудрым хитросплетениям колдовство простое и сильное, как удар меча. Без обиняков конунг послал сердитую и решительную мысль: "Эй вы, в драконе! До рассвета, что ли, будете возиться? Отвлекайте их и дальше, раз только это можете, а мне с дружиной откройте путь к воротам". "Ворота заговорены..." "Это уже моя забота. Лишь бы возле них не было конунга росов с его чашей".

Заботиться о нетерпеливом конунге готов и его дружине царевич с ведьмой и не думали. Пусть хоть все пропадут, как те неупокоенные на корабле. И среди огненного моря открылся проход. Первым туда шагнул конунг, за ним - приободрившиеся воины. Загремели мечи о щиты, зазвучала, перемежаясь с медвежьим ревом, боевая песня. Никто не сомневался: Бериг Огнебородый ведет их к новой победе.

Невея и ее свора летели уже совсем близко к потоку светлой силы. Так близко, что их заметил духовный взор Авхафарна. И тогда старый жрец не без усилия отклонил поток вправо и вверх. Небесная река взметнулась незримой волной и поглотила всю стаю. Злато-серебряная вспышка на миг озарила небо над самбийскими лесами, и сгорели в ней тела и души ведьм и колдунов. Навеки, без возврата. Мало кто услышал на земле крик сгоравших заживо лиходеев. Но беззвучный вопль их достиг мысленного слуха Лаумы.

Поняв, что сестры больше нет, колдунья изо всех сил воззвала к братьям. Лишь теперь донеслись до нее из пекла голоса: "Отомсти-и!" И тогда отчаяние и ярость лишили беспутную, жадную к жизни Лауму всей ее осторожности. Она уже не думала ни о себе, ни даже о детях, оставшихся в полесских чащах - только о мести. Даже не Ардагасту - всему миру, всему доброму и светлому в нем. Оборотившись черной змеицей, Лаума на нетопырьих крыльях ринулась в узкий промежуток между частоколами и кроной Дерева Света. От Эрменгильды она

слышала о драконе Нидхегге, грызущем корни Мирового Ясеня и сейчас думала об одном: сгореть самой, но повергнуть проклятое золотое дерево.

И это ей могло удаться. Черный колдун, если уж решится пожертвовать своей бесценной жизнью, пробуждает почти неодолимый запас темной силы. Венея знала это. Увидев облако тьмы, окружавшее Лауму, она вышла из круга и вскинула руки. Из витых браслетов рванулись в небо две огненные змеи, обвили черную змеицу-ведьму, потянули к земле. Змеица громко зашипела, забилась, пытаясь вырваться.

Жрица огляделась. Лайма и ее защитники отбивались от полудюжины чертей и ведьм. Дракону удалось, наконец, подрыть снизу вал. Тот осыпался, и обе головы чудовища лезли в появившуюся брешь. Только золотой огонь Колаксаевой Чаши не давал дракону своим пламенным дыханием поджечь храм, а удары двух священных копий удерживали тварь по ту сторону вала. Вернее приходилось рассчитывать только на свои силы. А легко ли женщине долго удерживать бешеное чудовище, в которое обратилась другая женщина? Да еще какая-то наглая ведьма, носясь на помеле и непристойно изгибаясь, чертит в воздухе сковывающие руны. Как устали руки! А браслеты раскалились, будто клещи палача.

Но вот уже спешит на помощь Либон, и проклятая ведьма летит прочь, гася загоревшееся помело. Гусляр и амазонка еще бьются на крыше с чертями, а Лайма уже шлет в змеицу стрелу за стрелой. Наконец, крылья твари, истерзанные огнем, не выдержали, и она, ломая себе кости, рухнула наземь. Но, живучая, как и всякая гадина, тут же бросилась к Дереву Света. Ослабевшая Венея потеряла сознание, и огненные змеи погасли. У самого костра наперерез змеице метнулась Виряна и обеими руками всадила ей секиру в шею. Подоспевшие Всеслав с Хоршедом рубили тварь мечами, пока она не перестала дергаться.

Мертвая Лаума выглядела еще более мерзко и страшно: змеиная голова, грива путанных волос, женское тело, покрытое где обгоревшей кожей, где потрескавшейся чешуей, скрюченные когтистые пальцы...

- Ни за что не буду колдовству учиться... Чтобы такой стать..., - с отвращением произнесла Виряна.

- Почему? Вот Лютица: хоть орлицей, хоть львицей - залюбуешься, - возразил Всеслав.

- Кто оборачивается, тот наружу выпускает все, что в нем от зверя: плохое или хорошее, - сказал Дорспрунг.

Венея, уже пришедшая в себя, с нежностью глядела на Лайму, перевязывавшую ей обожженные запястья.

- Все ты, доченька, умеешь, когда очень надо.

- Ага. Или когда заставят. Помнишь, как ты меня эти самые стрелы посадила по одной заговаривать? После того, как я на Рождество к жертвоприношению опоздала.

В это самое время Витол, наконец, сумел открыть проход сквозь горящий лес. Помог амулет: ящерица, заточенная в янтаре. Не из саламандр ли она, о которых говорил Палемон? Пекельный огонь расступался неохотно, и всадникам приходилось ехать шагом, изнемогая от жары.

* * *

С вершины лесистой горы к востоку от Неймы за боем в городке наблюдали два всадника на черных конях: длиннобородый старик и могучая косматая старуха.

- Не справляются что-то смертные... А утро уж близко. Помочь надо! Что, старая, потешимся? - он подбросил и поймал три связанные вместе кочерги.

- Погуляем! - кивнула старуха, прикинув на руке каменный пест. - Да так, чтобы все смертные здесь накрепко запомнили, чья это ночь!

И тут перед ними, словно из-под земли, появилась молодая черноволосая всадница.

- Назад, дядя! И ты, тетушка, в битву не лезь! Вы меня знаете! - в руке ее блеснул меч. Клинок его излучал холодное белое сияние.

- Уж и потешиться старикам нельзя..., - проворчал длиннобородый, но кочерги опустил.

- Со Змеем Глубин тешьтесь, если не боитесь! А эту битву смертные начали, пусть они и закончат. Видите: никого из нас, Сварожичей, здесь нет.

-- Зато Ветродуй со своими валькириями тут как тут.

- Вот я и разберусь с его девками! - вскричала воительница и повернула коня, но вдруг обернулась к старику и сказала примирительно: - Дядя, ну возвращайся в пекло! И я там буду еще до восхода. Не поверишь - я уже соскучилась по нашей преисподней. Индриков снова увижу, носорогов...

Она улыбнулась старику, взмахнула плетью, и ее черный конь легко прыгнул и понесся по воздуху к городку.

- Притворяется, вертихвостка. Братец Даждьбог ее сюда подослал, а то любилась бы с ним напоследок до утра, - зло проговорила старуха.

- Не умеет она притворяться. Не то что мы с тобой. За то ее

и люблю, - вздохнул старик.

* * *

Сигвульф, как и большинство германцев, считал колдовство бабьим делом. Но кое-какой волшебный дар имел. Когда после очередной атаки дракон отполз передохнуть, гот поднял глаза и вдруг ясно увидел в ночном небе высокого сурового старика с копьем в руке. Старика окружали прекрасные белокурые девы в шлемах и кольчугах, с обнаженными мечами, едва удерживавшие своих рвавшихся в битву крылатых коней. На плечах его сидели два ворона, у ног - два волка.

- Сигвульф, гот из племени Катуальды, с кем ты? - зазвучал в ушах воина негромкий, но требовательный голос. - Ты долго уклонялся от боя и мести, но теперь мой избранник ведет рать готов на этот городок, и в ней - лучшие воины твоего племени. С кем ты?

Словно змея ужалила Сигвульфа. Да, ему уже за тридцать, а он до сих пор не отомстил за родных. Бродил по всему свету, искал и находил славу то у римлян, то у росов - лишь бы не встретиться в бою с избранником Отца Битв. Лишь бы не ответить самому себе: достойно ли гота воевать против Гаута Одина, против своего славного племени?

Звездный шатер осенял грозного старика и его свиту, огонь пекла озарял их снизу.. Но еще ярче и ближе сияли серебряная листва Дерева Света и золотое пламя Колаксаевой Чаши. Серебром светилась на священном копье Инисмеева тамга - знак Солнца и Грома.

- Ты хочешь умереть за бабий храм и жрицу-шлюху? Что ж, бейся храбро, и увидишь Валгаллу, где вечно сражаются две рати бессмертных героев. Только попадешь в дружину Фрейи, а не в мою, - голос старика был величаво-снисходителен.

Смело взглянув в единственный глаз бога, Сигвульф сказал:

- Отец Битв, если ты с Беригом, со всей этой сворой, я - против тебя! Мне не нужна твоя Валгалла. Я хочу заслужить место на Белом острове, в дружине Даждьбога-Бальдра. А племени моего, племени Катуальды, давно нет. Я - рос.

Старик взмахнул копьем, и всадницы на крылатых конях понеслись прямо на Сигвульфа. Но навстречу им уже летела черноволосая всадница с белым сияющим мечом. Они встретились, вокруг богини смерти завертелся стальной вихрь, и видение пропало.

- Ты хорошо ответил богу. Какой бы волхв из тебя вышел! -

тихо сказала Милана мужу. Из стоявших на валу только она видела и слышала то же, что он. - Куда лезешь, гадина болотная! - это уже относилось к дракону, вернее, к его ящериной голове, что показалась в бреши, когда внезапно осыпался вал. Сигвульф поднял священное копье...

Все в городке были так заняты схватками с драконом, змеицей, ведьмами, чертями, что мало кто поспешил ко входу, когда раздалось: "Готы у ворот!" Понадеялись на крепость дубовых бревен и защитных чар.

Бериг махнул рукой, и дружинники вывели вперед пленника - молодого самба. Двумя ударами меча конунг разрубил ему спину крест-накрест, так, что показались легкие. Это называлось "врезать орла". Затем, прикрываясь щитом от стрел, высек на обеих створках ворот руну разрушения Хагалаз вместе со злой и могучей руной Турс, "великан". Он вырвал кусок легкого у еще живого пленника и кровью его окрасил руны. После этого конунг отошел, уступая место Эриле Полутроллю.

Берсерк отбросил щит, меч, поднял руки, громогласно взревел. Миг спустя перед воротами стоял медведь - громадный, чуть не вдвое больше обычного. Немало сил потратила Эрменгильда, пока научила сына оборачиваться Великим Медведем - могучим зверем изначальных времен, ушедшим в нижний мир вместе с Индриком, Носорогом и Великим Львом. Но даже у Великого Медведя не было таких огромных, не умещавшихся в пасти клыков. Это уж досталось Эриле от его отца-тролля.

Легко вырвав два копья у защитников ворот, Полутролль ухватился лапами за обе створки и рванул их на себя. Дубовый засов переломился, и ворота распахнулись. Эрила первый ворвался в городок, а за ним, неистово ревя, ринулись остальные одиннадцать берсерков - кто с мечом, кто с дубиной, кто с голыми руками. Заждавшиеся боя, они на глазах теряли человеческое обличье. Лица обращались в медвежьи морды, руки - в мохнатые лапы. В душах же их не осталось ничего человеческого, кроме воинских навыков. Никакое бешенство не могло лишить воинов-медведей умения сражаться, и это делало их опаснее любого зверя.

Ни о славе, ни о добыче не думали сейчас берсерки - только об убийстве. С размозженными головами, переломанными костями падали вставшие на их пути росы, жемайты, самбы. Не могли устоять ни пешие, ни конные. Дико ржали изувеченные лошади. Даже пекельные черти спешили убраться с дороги. Устилая трупами городок, воины-звери рвались к священному костру. А следом за ними ломилась вся дружина готов во главе с

огнебородым конунгом.

Бой кипел уже у самого костра, вокруг которого кучка волхвов и жриц продолжала творить чары.

-- Не размыкайте круг! - сказал Вышата.

Каллиник с трудом сдерживался, чтобы не ринуться в бой. Его Виряна рядом сражалась с разъяренными полузверями, а он, мужчина и воин, под защитой ее и ее подруг-амазонок твердил заклятия. И нужно было не просто повторять слова, а вкладывать в них весь свой магический дар. Ведь если погаснет огненное дерево или хоть ослабнет его свет - в городок может ворваться дракон. И так под его натиском колеблется, трясется сребролистый шатер. Где-то на валу Ардагаст огнем своей чаши укреплял шатер, отгонял чудовище от брешей. Коротка Купальская ночь, близок рассвет. Но до него воины Тьмы еще могут успеть оставить на месте городка пепел и трупы. Поэтому нельзя ему, Каллинику, ни отвлечься, ни оглянуться. Даже если рядом будет слышен предсмертный крик Виряны. В этом бою у каждого свое место.

Ближе всех к священному костру оказался Эрила Полутролль. Он не имел даже дубины: чтобы убивать, ему хватало медвежьих лап и троллиных клыков. Даже заговоренные стрелы Лаймы не могли его остановить. Несколько волколаков отлетело от него с переломанными костями. Бериг с азартом следил за своим лучшим берсерком, Эрменгильда, заточенная в драконе - за сыном. Сейчас он расшвыряет этих жалких колдунишек, разметает костер, и погаснет проклятое огненное дерево. И тогда все сокровища Янтарного Дома станут наградой героям...

Два аркана - Сагсара и Нежданa, разом просвистев, захлестнули шею и правую лапу Эрилы. Полутролль ткнулся мордой в землю, но на задних лапах устоял и даже сумел перехватить и порвать душивший его аркан Сагсара. Сармат обнажил меч, но мохнатая лапа тут же выбила его из руки. Следующий удар размозжил бы Сагсару голову, не удержи его сын громадного зверя на аркане. Тогда отец выхватил из-за пояса русальный жезл, ударил по страшной лапе, и та... вновь стала человеческой рукой. Нежданн тут же огрел своим жезлом Полутролля по другой лапе.

- Человеком стань, урод! - прорычал Сагсар, нанося удар в медвежью морду опешившего берсерка.

Миг спустя вместо страшного клыкастого медведя у ног русальцев лежал человек, хотя и могучий телом. Пораженный "берсеркским бессилием", он не сопротивлялся, когда меч Нежданa снес ему голову. Ее тут же поднял на копье какой-то

самб. Ящериная голова дракона жутко, отчаянно зашипела, ударила струей воды, но та, коснувшись огненной листвы, сразу обратилась в пар. А к костру уже спешили, покинув вал, другие русальцы. Одно прикосновение их жезлов возвращало воинам-зверям человеческое обличье - и при этом лишало всей их страшной звериной мощи. Обессилевших берсерков рубили и топтали дружинники, разрывали в куски серые воины Дорспрунга.

Тем временем к валу пробивался берсерк Сигбьерн Рыжий. Это ему, убийце конунга ругов, Бериг приказал покончить с царем росов. Даже медвежья ярость не лишала рыжего руга хитрости и коварства. Безо всякого рева подобрался он поближе к Ардагасту и внезапно вскочил на вал. Одна Ларишка успела броситься ему наперерез - и тут же упала под ударом дубины. Но ее крик заставил Зореславича обернуться. Золотой луч чаши мигом обратил медвежью голову берсерка в обугленный череп, и Сигбьерн рухнул с вала.

Ларишка лежала неподвижно, ее черные волосы были залиты кровью. Ардагаст хотел броситься к ней, но тут опять задрожала под натиском драконьего пламени серебряная листва, и снова пришлось вступить в огненный бой. Он готов был сам обратиться в огонь, лишь бы выжечь всех этих драконов, берсерков и прочих выродков, обратившихся в чудовищ, чтобы сеять побольше зла! Отец, дядя Гремислав, где же вы, небесные воины Даждьбога и Перуна?

Заметив яростное лицо царя, индиец тронул его за плечо.

-- Дракон уже ослабел, мы его и копьями сдержим.

Зореславич склонился к жене, над которой уже хлопотала Милана.

- Жива твоя царица, не спешит за ней Морана. Только ты уж сам повоюй сегодня. Не все же ей тебе спину прикрывать.

Ардагаст спрыгнул с вала, вскочил в седло.

-- Смерть берсеркам!

Колаксаев огонь нельзя было обращать против людей - лишь против нечисти и тех, кто сам стал ею. Это знал и конунг готов.

-- Эй, любимец Бальдра! Сразись с готами без своей золотой плошки!

И тут над головой Берига появились два ворона и прокричали:

-- Конунг Бериг! Ладьи вильцев подходят к твоим драккарам.

- Конунг готов! Конница сарматов и эстиев идет сюда, и пламя расступается перед ней.

Кто были те птицы? Хугин и Мумин, всеведущие спутники Одина? Или ведьмы из прилетевших с Лаумой? Уцелевшие готы после говорили по-разному. Бериг же сразу понял: городок может стать ловушкой. Огнебородый конунг никогда не торопился погибать, даже с великой славой. Потому и правил готами среди непрерывных войн больше тридцати лет. Когда он крикнул: "Уходим к драккарам!", никто из готов не посмел назвать его трусом. Все знали и верили: избранник Одина выведет дружину из самой опасной переделки, а потом неожиданно ударит на врага и победит.

Два десятка готов сгрудились в воротах и погибли, прикрывая отход. Остальные, в том числе уцелевшие берсерки, бегом спустились с горы. Снова открылся проход в огненном пекле, и поредевшая дружина устремилась со всех ног к морю. Следом у подножия горы появилась рать Инисмея. Но черно-красная стена уже сомкнулась за спинами готов, и Витол своим янтарем с ящерицей не смог ее преодолеть.

А с горы уже съезжали конные росы и жемайты. Под радостные крики воинов оба царя величаво подняли руки в степном приветствии, потом по-венедски трижды крепко обнялись. Воем приветствовали друг друга серые бойцы. Витол рад был узнать от Либона, что жрица и ее дочь живы и здоровы.

Но предстояло еще настигнуть готов. Две конные рати соединились, и впереди их встал Ардагаст на своем золотисто-рыжем ферганском коне. Вот он поднял руку с Огненной Чашей, - и перед всадниками открылась дорога сквозь черно-красное пекло. Пепел летел из-под конских копыт. Трепетали на ветру два красных знамени с тамгами. Следом неслись других красные стяги: с жемайтским всадником, ятвяжским зубром, словенским белым орлом, эстийским вепрем. Красный - цвет воинов, цвет Огня и Солнца.

Тем временем дракон полз к морю, отплевываясь огнем и водой. Ни конунг, ни царевич с ведьмой сдаваться не собирались. Уйти на драккарах в море, скрыть в его глубинах свое двуглавое творение, а ночью напасть на Янтарный берег снова... Только бы успеть до рассвета! Но рассеивалась ночная тьма, гасли звезды, и все слабее становился пекельный огонь. В лесу гореть давно было нечему, а приток злой силы из преисподней все убывал. Дракон уже не пытался остановить вражеских конников - самому бы добраться до спасительного моря.

Его настигли пятеро всадников. Два великана с пылающими копьями, златоволосая амазонка, два мага - гордый князь-сенатор и своенравный воин-волхв. Вместе с ними бежали лев со львицей. Гораздо больше обычных львов, с серовато-желтой шерстью, лев -

почти без гривы. Чтобы умножить волшебную силу, Вышата с Лютицей приняли облик Великого Льва изначальных времен. Ни огнем, ни водой не мог одолеть дракон воздвигнутую волхвами тонкую преграду из золотистого света. Не выдерживали больше его глаза сияния рук Ардагунды. И вот уже помчались на него два могучих копьеносца, чье оружие пылало беспощадным огнем возмездия...

Готы выбежали на берег, когда волчьеголовые ладьи уже разворачивались, отрезая драккарам путь в открытое море. К счастью для готов, они предусмотрительно не вытащили свои суда на сушу. Многие успели добраться до них вброд или вплавь. А закованные в железо всадники уже вылетели на берег и принялись нещадно рубить и колоть отставших. Ладьи ломали весла противникам, сближались бортами, и с них на драккары прыгали бойцы в серых шкурах: кто людьми, а кто волками.

Быстрее всех шел "Черный Змей". За ним двигались клином остальные драккары, и вот уже им удалось прорвать строй ладей. Бериг с пятью уцелевшими берсерками стоял на носу своего корабля. Он не жалел ни о чем, даже о неудаче. Главное, он сумел "порадовать волка и ворона", опустошив целый край. На то и избрал его Один. А победа от Берига Огнебородого еще никогда не уходила слишком далеко.

Головная ладья Лютомира тщетно пыталась настичь "Черного Змея". Не помогали даже чары Дануты: у Берига была на такой случай пара заклятий, простых, зато мощных. Вдруг лютичи заметили в море еще один драккар, быстро шедший навстречу судну конунга. Над драккаром развевалось знамя с волком, и нос был в виде волчьей головы. Тоже германцы, но враги или друзья? Лютомир издал долгий призывный вой. И такой же вой раздался в ответ с неведомого судна. Оно приближалось, и было ясно видно: у воинов на нем - волчьи головы.

Большой желтый зверь одним прыжком перелетел с ладьи на драккар конунга. Это Лютомир оборотился львом - "лютым зверем". Следом метнулась чайка и уже на драккаре превратилась в волчицу. С громовым ревом лев бросился на гребцов, круша могучими лапами кости и черепа. Путь ему преградил громадный берсерк, на ходу принявший медвежий облик. Два хищника сцепились, давили друг друга лапами, рвали бока страшными когтями. Другие готы рубили льва мечами. Но Лютомир перед превращением не снимал кольчуги, и это придало его шкуре крепость стали. А волчица-Данута мелькала серой молнией, бросаясь на нападавших и быстро уходя из-под ударов.

Воеводе пришлось бы плохо от дубин остальных берсерков, но те сгрудились на носу. Спереди стремительно приближался

волчьеголовый драккар. Ломая весла, он сошелся бортами с "Черным Змеем", и на корабль конунга устремились волкоглавцы с воем и криками: "Месть за ругов!" Серые когтистые лапы сжимали мечи и копья.

Казалось, на "Черном Змее" уже не было людей - лишь две схватившиеся на смерть стаи хищников. Готы оставили весла и бросились на новых врагов, стремясь сравняться в боевом безумии с берсерками. Многие и впрямь пробуждали в себе страшный дар - и гибли яростными полузверями. С ладьи, наконец догнавшей драккар, прыгали на него - кто волком, кто человеком - лютичи. Один за другим пали четыре берсерка. Их сила и злоба не устояли перед ловкостью и неутомимостью воинов-волков. Пятого разорвал лев-Лютомир.

Прижатый к мачте, Бериг бился на мечах с вождем волкоглавцев. Два опытных бойца стоили друг друга, хотя пришелец был гораздо моложе. Неукротимый дух конунга был спокоен, рука тверда. Он надеялся победить. А если не победа, то смерть в славном бою с достойным противником. Чего еще желать избраннику Гаута Одина? Не долгой же старости и "соломенной смерти". Волкоглавец сбил рогатый шлем с головы конунга, но поскользнулся в крови, хлюпавшей под сапогами. Ударом ноги в живот Бериг свалил его, замахнулся мечом... И тут на его спину обрушился желтый гривастый зверь. Его рев был последним, что услышало телесное ухо конунга.

Наконец, все готы ушли следом за предводителем в Валгаллу. Оборотни-победители снова приняли человеческий облик. Грозный лев стал молодым вислоусым воином в кольчуге с золотым солнцем на груди. А вождь волкоглавцев - столь же молодым воителем с белокурыми волосами и кудрявой бородой. Лица обоих, отмеченные следами испытаний, были суровы, но не жестоки. Они вовсе не напоминали упившихся кровью хищников. Скорее - пахарей или рыбаков, завершивших нелегкий труд. Смело, открыто, доверчиво глядели они в глаза друг другу.

-- Кто ты, серый брат? - спросил пришелец.

- Я Лютомир из племени вильцев-лютичей, воевода тайного братства воинов-волков. Мы уже тридцать лет воюем с Беригом и его разбойничьим племенем.

- А я - Ульфгар Волчьеголовый из племени ругов, что живут на Северном пути, у Бокна-фьорда. Я - морской конунг братства ульфхедов-волкоглавцев. Бериг и его берсерки - наши давние враги. Он еще в Скандзе собирал к себе негодяев изо всех племен и не давал никому покоя набегами и разбоями. Мы давно хотели отплатить ему за то, что он сделал с нашими сородичами-ругами в устье Вислы. Я приплыл на разведку и вдруг увидел это

колдовское зарево на берегу. Думал: уж не начался ли Рагнарек?

- Мы, воины Солнца, не дали его начать этому рабу Локи-Чернобога. Спасибо вам, заморские серые братья, что помогли покончить с ним.

Данута тронула мужа за плечо.

- Здесь на корме лежат тела Эрменгильды и римлянина. Я перегрызла им глотки, но нужно поскорее изрубить и сжечь трупы, покуда их нечистые души не вернулись

- Да, этот проклятый драккар нужно предать огню со всеми трупами, чтобы не появился в море еще один корабль-призрак, - поддержал ее Ульфгар.

* * *

Каллиник стоял на валу, вцепившись руками в бревна частокола, и бессильно наблюдал, как всадники и львы догоняют дракона. Ардагаст снова велел царевичу оставаться в городке. Мысль юноши отчаянно стремилась к брату, заточившему себя в теле чудовища. "Эпифан, братец, брось эту тварь, беги, пока не поздно!" "Поздно, Никос! Моего тела больше нет. Проклятые волки! О Геката, откуда у архонта Солнца столько слуг?"

Духовным взором Каллиник видел, как вонзились в тело дракона два сияющих копья: золотое, солнечное - в его огненно-красную часть, серебряное - в черную.

- Харе Кришна! Бальдр! - разнеслись торжествующие голоса индийца и гота.

И громадное двуглавое тело исчезло. Одна половина его развеялась дымом, другая - растеклась водой. Не осталось ни единой кости. Но не погибли души мага и ведьмы. Не видимые телесному взору, бежали эти двое в сторону болота. Они не спешили в пекло, огонь которого, ими же вызванный в этот мир, быстро угасал, лишь местами вырываясь из трещин в земле. Пересидеть в нечистом месте, а потом найти себе подходящие тела - и снова колдовать, интриговать, властвовать над невежественными смертными.

Но из Солнечного Копья вышел едва заметный земному глазу немолодой воин в красной одежде, с оружием в золоте, а из Лунного - конь в дорогой сбруе. Хитро прищурившись, воин вскочил на коня, обнажил меч и помчался за беглецами. Эрменгильда обернулась, стала чертить руны, и вдруг почувствовала, как они ослабевают. Она бы одолела в магическом поединке и Либона, и Витола, но сейчас вечные соперники соединили свои силы. Меч Фарзоя обрушился на верховную

ведьму, и душа ее навсегда исчезла из этого мира, не попав ни в какой иной.

Эпифан бежал, не оглядываясь. Обычная самоуверенность разом оставила царевича-мага, развеялась вместе с драконьим телом. Он даже не подумал ни о том, чтобы погибнуть рядом с любимой женщиной, ни о вознесении в Высший Свет. Жить, хоть упырем, хоть призраком, хоть демоном в теле бесноватого, лишь бы не исчезнуть совсем и не попасть в Тартар, где мучатся враги архонтов! Но всадник в красном, с грозовой тамгой на плаще уже обогнал его, отрезая путь к спасительному болоту. Царевич метнулся назад - и увидел огромного серо-желтого льва. На груди его ярко сиял золотой амулет. Эпифан знал: то - монета Савмака, царя боспорских рабов, и на ней - Гелиос-Солнце.

- Эпифан, сын Антиоха! Да не станет тебя, ни души твоей! - проревел лев, и дух беглеца исчез без следа.

- Все-таки я победил своего змея, и какого! - с довольной усмешкой погладил бороду Фарзой. - Вот теперь можно проситься в дружину Ортагна!

На валу беззвучно плакал светловолосый юноша в римском шлеме. Он знал: его старший брат, такой сильный и уверенный в себе, никогда уже не вернется. Даже драконом или жутким демоном. У него, Каллиника, остался только старый отец, доживающий век на вилле под Римом. Да эта простая и отважная эрзянка, что тихо стоит сейчас рядом. А еще - все воины Солнца, сколько ни есть их в этом бурном, жестоком, но прекрасном мире.

Валент не увидел гибели своего ученика и его чудовищного творения. Архонт Солнца и его небесные всадники, разбив сторонников Артабана под Персеполем, на рассвете обрушились на них у развалин Пасаргад, и некроманту стало не до наблюдения через серебряное зеркало. А потом пришлось и вовсе бежать, прячась в горных лесах вместе с верным демоном Мовшаэлем.

А над Янтарным берегом разгоралась утренняя заря. Погасло пекельное пламя, исчезло и чудесное Дерево Света. Две рати победителей, конная и морская, встретились на песчаном берегу, где янтари блестели среди трупов и запекшейся крови. Голубое Венедское море[44] смывало с себя маслянистую кровавую пленку. Ни один драккар не ушел от ладей, ни один гот на берегу не уцелел. Ардагаст, Инисмей и эстийские князья радостно приветствовали Лютомира и Ульфгара. Рад был и Волх увидеть серых собратьев из-за моря. И все они чествовали победителей дракона - Вишвамитру и Сигвульфа.

- Спасибо вам, серые воины, за то, что не дали уйти Беригу - святотатцу и разбойнику, - сказал Ардагаст. - Но мы скоро

вернемся на Днепр, а готы все еще сильны. Будут к ним собираться лиходеи, и не только с мечами. Может, кто-нибудь еще вздумает сотворять драконов. Поэтому мы оставим вам, Ульфгар и Лютомир, эти два священных копья. Духов Фарзоя и его коня в них уже нет, но волшебная сила осталась.

-- Чего там, берите! А мы, росы, если надо, змея и дубиной приветим! - бодро произнес Шишок.

Под торжествующий вой своих бойцов волчьи вожаки приняли копья из рук индийца и гота.

-- Помни, серый воин: с этим копьем в руке я думал не о славе и добыче, а о том, чтобы избавить землю от нечисти и послужить Кришне-Солнцу - вы его зовете Радигостом - и его Огненной Правде, - сказал Вишвамитра, передавая Лютомиру солнечное копье.

-- Радигост - это Бальдр, самый безгрешный из богов, но он убит и снизошел в Хель. В бою мы призываем других богов - Одина, Тора, Тюра-меченосца, - возразил Ульфгар.

-- Где бы ни было праведное Солнце, служить нужно ему. Чтобы из воина не превратиться в раба Тьмы, - указал кшатрий на устилавшие берег трупы готов.

-- Знаю: готы вам враги. Но помните, что этим копьем сразил дракона я, Сигвульф, Волк Победы, гот из племени Катуальды, - сказал Сигвульф, вручая лунное копье Ульфгару.

Волх обнял гота за плечи и, словно старым друзьям, подмигнул ругу и лютичу:

-- Главное - мы, волки, отстояли святыню от всяких бешеных медведей. Пойдем теперь поклониться Ладе, раз уж на праздник из-за них не поспели.

Неожиданно из-за дюн показался конный отряд. Ехавший впереди молодой белокурый воин в рогатом шлеме приветственно поднял руку.

-- Здравствуй, Ардагаст, славный конунг росов! Я - Гелимер, сын Гебериха, великого конунга вандалов. Прости, что не успел ни к празднику, ни к битве. Отец послал меня с дружиной на защиту Янтарного Дома, но по дороге мне пришлось биться с готами и вармами.

-- Ты был в эту ночь со светлыми богами, как и все мы. Не то, что твой подручный князь, - указал Зореславич на Прибыхвала.

Мазовецкий князь рухнул на колени. Вся спесь покинула его. Единственный ус, унизанный янтарями, выглядел теперь нелепо.

-- Солнце-Царь! Заступись перед Геберихом. Не за меня, за наше племя. Разорит его теперь великий конунг! Меня,

святотатца, принеси в жертву Ладе, только племя пощади!

Тирско и Самилис лишь смотрели на Зореславича испуганно и заискивающе. Ардагаст смерил взглядом всех троих князей.

-- Лада человеческих жертв не принимает. Да и на что вы нужны богам! Продать бы вас и ваших дружинников в рабство. Только кто тогда ваши племена защитит от готов? Заплатите мне выкуп за себя и за дружины. А еще - дань. Не мне, а храму и племени самбов. Из-за вас их земля опустошена. Что люди есть будут?

Князья поклонились до земли царю росов. Прибыхвал, теребя оставшийся ус, пробормотал:

-- Все к немцам тянулся, дурак. Ну что хорошего в том, чтобы быть немцем? Лучше уж сарматом. Каков хоть кумыс: лучше пива или нет?

Публий Либон одиноко стоял на вершине дюны. Ему, князю жемайтов, не в чем себя упрекнуть. Хотя многие дружинники пали и неизвестно, выживет ли Кунас после страшной раны, нанесенной топором мертвеца. Но во что превратился прекрасный край самбов? Вместо леса - жуткая черно-серая равнина, покрытая пеплом и запекшейся коркой. От селений, хлебов, покосов не осталось и следа. И это устроили те, кто пришел из Рима, подобно гончим собакам, по следу его, сенатора Либона! Пришел за его амулетом, оказавшимся таким бесполезным в эту святую и страшную ночь. И еще придет...

Твердым шагом сенатор подошел к Ардагасту и протянул ему янтарь со стрекозой.

-- Возьми янтарь Нерона, царь росов, и поступи с ним, как знаешь. Я пытался творить добро с его помощью, но это - такой же источник зла, как и все, чего касалась рука Меднобородого.

Зореславич взял амулет и опустил его в Огненную Чашу. Полыхнуло золотое пламя, и янтарь сгорел в нем без следа. Только стрекоза вылетела из огня и понеслась, переливаясь маленькой радугой, навстречу восходящему солнцу.

В этот самый миг во дворце в Ктезифоне упитанный человек в красной тоге, важно беседовавший с царем Артабаном, вдруг дико завизжал от боли. Коричневый янтарь с пауком на его груди внезапно вспыхнул и исчез, оставив лишь дыры в тоге и тунике да большой ожог. Толстяк корчился на полу и вопил, пока его вопли не перекрыл голос владыки Парфии:

-- Молчать! Кто ты такой, чтобы я тебя слушал? Горшечник, шут, раб колдунов и торгашей! Почему ты не в Риме, а здесь? Если бы не ты, я бы договорился с Титом о союзе против Пакора. Стража! Заковать его в цепи и выдать римлянам.

А на Янтарном берегу Дорспрунг, хищно усмехнувшись, сказал:

-- Вот так бы выжечь всю Империю и сам Рим, чтобы эта гидра не дотянулась до нас снова. Только на это нужен Геракл.

Он был в человеческом обличье, но его усмешка выглядела совершенно по-волчьи.

-- Но ты же сам римлянин, Юлиан Кентавр, - возразил ему Либон.

-- Да, я римский гражданин, сын вора и нищей блудницы. Я даже читал Горация.

> Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
> Наш Рим, над прахом предков надругается:
> Кости Квирина, что век на знали ни ветра, ни солнца,
> О, ужас! Будут дерзостно разметаны. [45]

О, Марс, волчий бог! Дай нам, что собрались здесь, или хоть нашим потомкам исполнить это пророчество! - Дорспрунг окинул взглядом воинов в серых шкурах. - Волки! Отплатим Риму за этот пожар!

Нуры, ятвяги, жемайты, вильцы, руги ответили дружным воем. Сигвульф простер руки к восходящему солнцу и воскликнул:

-- Светлый Бальдр! Готы сейчас далеки от тебя. Но позволь хотя бы их потомкам искупить позор этой ночи - предать Рим огню и мечу!

-- Сейчас Римом правит добродетельный Тит, - негромко и словно бы неуверенно произнес Либон. Его расслышал лишь Хилиарх и скептически усмехнулся:

-- Что окажется недолговечнее: его жизнь или добродетель? И не ты ли, почтенный сенатор, сказал, что Рим не исправить?

"Я хотел создать новый Рим, а создал волчье логово. Но разве не с логова волчицы начался Рим?" - подумал сенатор.

* * *

По небу, не видимые телесному взору, ехали навстречу друг другу две колесницы. Одну, золотую, везли три коня: золотой, серебряный и алмазный. Другую, серебряную, - два белых златорогих быка. Первой правила женщина средних лет, прекрасная и полная сил. Золотые волосы свободно падали, сияя дивным светом, из-под высокого головного убора. Во второй колеснице ехал старичок с бородкой, в остроконечной шапочке.

-- Здравствуй, Лада, Красное Солнце мое!

-- Здравствуй, Велес, ясный Месяц! Вот мы и снова вместе. Словно не было этих несчетных веков... И ты еще не изменял мне с Денницей.

-- Ее теперь люди, между прочим, зовут твоей звездой... У нас тогда было только это небо и Мировой Дуб посреди моря. Ты, первая русалка, любила в нем плавать, хоть и боялась Змея Глубин.

-- А ты меня не мог как следует от него защитить. Разве что чарами. Зато теперь весь его род боится Перуна с братьями.

-- Ну да, наплодила себе защитников могучих. Сначала Сварога от нашего же сына Рода. А от Сварога - остальных. И кем они мне приходятся, буяны эти?

-- Только они могут оборонить все три мира от Чернобога, моей сестрицы и Змея. А ты кого с Денницей породил, кроме новых звездочек?

-- Куда уж звездочкам до наших с тобой внуков-правнуков... Что творят-то в мире, воители великие за Правду, за тебя, то есть! А смертные, на них глядя, и того похлеще. Этой ночью твой же дом чуть не сожгли. Вроде бы, Перун велел. Да вот и он, гроза всем грешникам.

К ним подскакал, нахлестывая темно-синего, как туча, коня, черноволосый, златобородый муж средних лет с палицей и мечом у пояса и луком через плечо.

-- Здравствуй, мама! Здравствуй, прадед Велес! Вы уж простите - опять мы все были в разлете. Что тут творилось ночью? Змеи погуляли или дядина свора?

-- Разве не ты послал смертных разорять Янтарный Дом? Их призвал твой жрец Аллепсис, - сказала женщина.

-- Аллепсис? Плут, мошенник! Да я его испепелю, и дуб Ромовский разнесу, если за него спрячется!

-- Зачем же губить дуб? Как ты жесток... Смертные уже говорят, будто ты тогда застал Велеса с Денницей и тут же разрубил его мечом.

-- Да меня тогда на свете не было!

-- Конечно. Но убил Каститиса и разрушил мой янтарный дворец ты.

-- Этот рыбак лез в боги! А ты, небось, снова всю ночь плакала над ним? Ты же Правда!

-- Я женщина, сынок. Я могу любить и прощать, могу осудить. Но я не умею карать, как вы. Даже защитить себя не умею. Вот и этой ночью...

-- Если бы я знал!

-- Ничего, все обошлось. Помогли смертные - воины

Даждьбога и Ярилы. Их собрал Ардагаст, царь росов.

-- Этот избранник Даждьбога всюду поспевает. Надо будет хорошенько полить хлеба его росам, а то лето больно жаркое.

-- И возьми, пожалуйста, в дружину царя Фарзоя. Это его дух поразил дракона, который ломился в городок.

-- Непременно, мама. Ты только зови меня в другой раз. Не такой уж я злой. Хотя и не такой милосердный, как вы с братцем Даждьбогом.

* * *

Вожди победителей снова собрались в Янтарном Доме. Венея восседала на глыбе белого янтаря, а рядом стояла Лайма. Она снова была в белом платье жрицы, с серебряным полумесяцем на груди, и вид у отважной лучницы был самый благочестивый, что не мешало ей бросать смелые взгляды в сторону Ардагаста. Ларишка, сидевшая в кресле с перевязанной головой, лишь посмеивалась, глядя на девочку.

Но вот Венея воздела руки и первой запела древний гимн Ладе. Разом сверкнули мечи, и сильные мужские голоса подхватили радостный, торжествующий напев. Утреннее солнце озаряло храм, и в лучах его блестели янтари на статуях богинь, украшения жриц и клинки их бесстрашных защитников. Стихло пение, и Венея заговорила:

-- Ардагаст, царь росов! И ты, великий царь Инисмей, и все вы, благочестивые князья и воеводы! Да наградит вас Лада обильем, детьми и миром за то, что вы спасли ее храм и весь Янтарный Путь. Если бы не вы, сейчас готские стервятники рылись бы здесь в груде пепла. И вы могли бы грабить и насильничать вместе с ними, но вы избрали Путь Солнца. Ты, Ардагаст, хотел купить янтарь. Возьми же его даром, сколько сам пожелаешь. И вы, славные воины, возьмите тоже. Весь папоротник вокруг сгорел, но у меня есть его цвет, и я открою вам древние клады.

-- Возьми и ты, хозяйка янтарной Гипербореи, в дар самоцветы и золото Рипеев, шкуры белых медведей, рыбий зуб, индрикову кость и все, чем богата Полуночная Гиперборея. Мы сами получили их в дар от тех, кого защитили на Пути Солнца, - сказал Ардагаст.

По его знаку дружинники внесли полуночные дары и сложили их у ног жрицы. Она благодарно кивнула и сказала:

-- Я говорила с Аполлонием из Тианы и Делией. Мы думаем, что нужно посылать священные дары отсюда на Делос еще по

одному пути: через Экзампей, Ольвию, Синопу и Прасии в Аттике. Он пройдет по землям ятвягов, словен, росов и аорсов.

Она помолчала и заговорила совсем по-другому, не величаво, а просто и тихо:

-- А теперь, благочестивые князья, выслушайте просьбу не жрицы, а женщины. Слабой и не очень молодой. Я всем вам дарила свою любовь. Вам со мной легко и хорошо, и вы меня хвалите, как саму Ладу. Но вы уезжаете, и я остаюсь одна. А я ведь не богиня. И не шлюха, как обо мне твердили эти разбойники. Я тоже хочу иметь мужа, которому я буду нужна больше всех женщин, который всегда сможет защитить меня и мой городок. Скажите, кто из вас согласен стать моим супругом и священным воеводой Янтарного Дома? Отменить священный обычай я не могу, но ведь это - всего одна ночь в году.

Побраво разгладил пышные седые усы и с сожалением произнес:

-- Видит Лада, не знаю я женщины лучше тебя. Я бы и рад переехать сюда из Дружного. Только вот моя старуха с тобой не поладит. И дети за нее будут. Ты уж прости...

Либон сдержанно проговорил:

-- После смерти жены сердце мое пусто. Я бы хотел ввести тебя в свой дом. Но ты, я знаю, не оставишь этого храма. В нем - твоя жизнь. А моя - в княжестве жемайтов, моем новом Риме. Видно, богам не угодно соединить нас.

Остальные князья молчали, переминаясь с ноги на ногу. Венея держалась гордо, ни на кого не бросала умоляющих взглядов, но в глазах ее появились слезы. Неожиданно вперед выступил Витол и сказал:

-- Не обижайся на них. У каждого свое княжение, племя, жены, наложницы... Только у меня ничего нет, кроме этого меча да волховных знаний. Будь моей, Венея, и никто больше не посмеет назвать тебя шлюхой, а меня - бродягой.

Вместо ответа жрица поднялась с белого камня и прижалась к груди воина-волхва, обвив руками его шею. Лайма бойко подбежала к ним, поцеловала Витола в щеку и спросила:

-- Ты ведь и есть мой отец, правда?

Улыбка озарила суровое лицо темноволосого воина.

- Правда, дочка. Только не радуйся: моя воля кончилась, и твоя тоже. Будешь гулять с парнями, когда не надо - попробуешь моей плетки из драконовой кожи.

Девочка ойкнула с притворным испугом и спряталась за спину матери. Витол, смеясь, обнял их обеих, и с гордым видом взглянул на князей. Теперь он чувствовал себя по-настоящему равным им.

* * *

После похорон павших в бою за Янтарный берег сыграли сразу две свадьбы: Витола с Венеей и Каллиника с Виряной. Играли, как всегда, весело и разгульно - не потому, что не печалились о погибших. А затем, чтобы Смерть-Яга не посеяла в душах людей черную тоску, готовя себе новую жатву. После свадеб росы выступили в обратный путь. На прощание Лайма при всех поцеловала Ардагаста и сказала:

-- Я знаю, ты любишь только своих жен. И все рано: когда я стану взрослой, приезжай к нам в Купальскую ночь.

Росы вернулись на Днепр. Инисмей возвратился в свою столицу Мадирканд гордый и счастливый. Наконец он сравнялся в подвиге с Ардагастом: сразился не просто с сильными противниками, а с врагами самих богов. А вскоре по проложенному росами пути двинулись к Венедскому морю оборотистые ольвийские торговцы, и он стал вторым Янтарным путем.

Каллиник после свадьбы поехал в Рим старым Янтарным путем. Ему предстояло разоблачить перед Титом Рубрия и других тайных сообщников Нерона. Вернет ли милосердный кесарь свободу Коммагене? Но если и не вернет - он, Каллиник, будет бороться дальше, и не только за свое маленькое царство. В ночь после битвы Вышата и Хилиарх на берегу озера Золотого Вепря посвятили царевича в Братья Солнца. И теперь его народ - все добрые и честные люди этого мира.

Перевод А.П. Семенова-Тяньшаньского

Глава 7. Добрый человек без врагов не останется

Ненастным осенним днем Ардагаст сидел в ольвийской таверне. С ним были лишь Хилиарх и Вышата. Полутора лет не прошло после похода к Янтарному берегу, но как все внезапно изменилось в Сарматии! Нелепо, неожиданно погиб Инисмей. Погиб в стычке с жалкой шайкой охотников за рабами. Матери двух его малолетних сыновей, сарматка Уацират и венедка Миловида, немедленно перессорились. Князья Аорсии раскололись и готовы были схватиться за оружие. А возле днепровской переправы, выше порогов, уже стоял с ордой, выжидая, царь роксоланов Роксаг, прозванный "любимцем Артимпасы". Наглый, вероломный и невероятно удачливый, он готов был вмешаться в усобицу, как только она вспыхнет. Об этом Ардагаст, ехавший на похороны друга, узнал от царевича роксоланов Сагдева, с которым вместе прошел от Золотой горы до Белого острова.

Явившись в Мадирканд с дружиной и отрядом Сагдева, Ардагаст заявил: аорсы должны признать своим великим царем Роксага. Иначе росы сделают это без них. Уацират в ярости обзывала Зореславича предателем, неблагодарным рабом и венедским ублюдком. Но слово знаменитого царя росов, лучшего полководца двух покойных царей, значило в Аорсии очень много. В конце концов гордой сарматке пришлось смириться с участью подручной царицы и матери будущего царя аорсов.

Вот и все. Аорсии, некогда пославшей орду росов покорять днепровских венедов, больше не было. От Дуная до Танаиса раскинулась великая Роксолания. Он, Зореславич, сохранил мир в степи. Пусть глупцы зовут его Убийцей Аорсии и твердят, будто он коварно мстил за гибель отца и пленение матери. Убийцей Родичей его прозвали еще раньше. Да какое ему дело до лая всех этих шакалов, не желающих знать Огненной Правды! И все же на душе было грустно. Вместе с Аорсией, с прежними друзьями и врагами уходила навсегда его молодость. Веселая, отчаянная, полная невероятных, сказочных дел... Теперь вот еще умер столь же внезапно Тит, и воцарился его брат Домициан, о котором известно мало хорошего. А Нерон-горшечник еще прошлом году погиб в Антиохии на кресте, но самые лучшие маги Братства

Солнца не смогли поймать и уничтожить его проклятую душу.

Тихо и незаметно к столу подошел человек в сером плаще и дорожной шляпе, с ничем не примечательным лицом. Положил на стол запечатанный медный футляр-трубку, вполголоса произнес: "Славному царю росов от повелителя мира", и исчез, будто призрак. Ардагаст открыл футляр, развернул пергамент.

"Нерон - Ардагасту, царю скифов, именуемых росами. К печали твоей сообщаю: все твои подвиги у Венедского моря оказались тщетны. Мой дух наконец-то нашел достойное себя обиталище. Я пребываю в теле Домициана и по праву повелеваю Империей. Души моя и его оказались удивительно подходящими одна к другой. Пришлось лишь изменить некоторым привычкам. Так, я уже не пишу стихов открыто, но выдаю их за творения прежнего Нерона. Однако этим и многим другим стоит поступиться ради нового величия, которое, без сомнения, принесет Империи мое царствование. Меня уже именуют, предчувствуя это, "господин и бог". Рим должен или покорить мир, или погибнуть, и потому мне предстоит превзойти в завоеваниях Цезаря и Александра. Вообрази же, какой успех и слава ждут на службе Риму разумных и воинственных мужей, будь они хоть трижды варварами. Вот почему я всегда буду рад увидеть тебя, многославный Ардагаст, в числе друзей римского народа. Ты ведь уже не столь молод и неопытен, чтобы увлекаться химерами разных нищих философов и магов-неудачников. Будь здоров".

Едва успел царь прочесть вслух письмо, как пергамент рассыпался бурой пылью.

- Стараются не оставлять следов, как и всякие преступники, - усмехнулся грек. - Нетрудно догадаться, что стало с Титом. Да, добродетельный император в Риме долго не удержится. Так не пора ли хорошенько тряхнуть Империю, покуда легионы не добрались до Тясмина? Кажется, ты, царь, вовремя создал великую Роксоланию.

Ардагаст расправил плечи, подкрутил золотистые усы. Его голубые глаза снова глядели молодо и задорно.

- А я уже думал, что останусь без врагов. Похоже, до сих пор я только готовился к главному подвигу: остановить этого "господина и бога". Ему ведь нужны не медвежьи углы, а весь мир.

-- Замахнулись вы, однако, - покачал головой Вышата. - Это вам не Шумила с Бурмилой, не Бериг даже. Тут все Братство Солнца может не справиться. Спросим-ка Аполлония.

Волхв налил воды в Колаксаеву Чашу, простер руки. В воде проступило лицо седого мудреца. Всегда бодрое, оно теперь было усталым и озабоченным.

-- Да светит тебе Солнце, Учитель Аполлоний.

-- Да светит оно всем людям. Я уже все знаю: следил сейчас через зеркало за этим посланцем. Ученик Валента - тот теперь главный придворный маг у Домициана. По одному этому можно было догадаться. Что ж, Хилиарх, вы с Либоном правы: Рим не исправить. Посади на его трон хоть философа... Но, друзья мои, - голос его снова стал бодрым и уверенным, - оставим слабым духом высчитывать по звездам час гибели Империи. Вашей жизни не хватит, чтобы ее разрушить. Моей - тоже, если мне не даруют бессмертия, чего я вряд ли заслужу. Но если мы сумеем остановить эту язву, она начнет угасать и слабеть. Задача ваших потомков будет уже легче. Стоит ли потратить на это земную жизнь?

Все трое согласно кивнули - без слов, по-мужски твердо. Апполоний продолжил:

-- Обездоленные в самой Империи слабы, забиты, привыкли к рабству. Варвары разъединены и недальновидны. Но если соединить эти две силы, сплавить их не в огне злобы и корысти, а в пламени Огненной Правды... Вот над чем будет отныне работать Братство Солнца!

ЧАСТЬ II. ДВА ДИКИХ ОХОТНИКА

Красивая, благоустроенная вилла на берегу Дуная погибала в огне. Пламя вырывалось изнутри дома, лизало колонны белого мрамора. Пылали дочиста разграбленные хлева и амбары. Двор усеивали обломки статуй, черепки расписных ваз, изодранные книги. Хозяин виллы, Гай Юлий Спевсипп, богатейший торговец Пантикапея, безмолвно стоял посреди двора. Дочь Юлия и сын Харикл испуганно жались к нему. Зять, центурион Тиберий Аквила, лежал с разрубленной головой, и растаявший от огня снег обтекал его тело потоком грязной от пепла и крови воды.

Рабы и арендаторы, еще вчера казавшиеся тупыми и покорными, обступили хозяев разъяренным зверьем. Знало бы это дурачье, сколько стоит то, что оно разбило и изорвало! Над соседними усадьбами поднимались черные столбы дыма. Вся провинция Мезия была опустошена даками и роксоланами, наместник Оппий Сабин погиб. Этой ночью владельцы виллы пытались бежать, но стая волков загнала их обратно в усадьбу. Вот они, эти волки, уже в человеческом обличье, с серыми шкурами на плечах - страшные ликантропы[46] из глубин Скифии. А рядом - лихие наездники-сарматы.

Спевсипп не падал на колени, не молил о пощаде, не обещал выкупа. Потому что прямо перед ним восседал на коне, хищно ухмыляясь в пшеничные усы, свирепый росский вождь Хор-алдар, Солнечный Князь, беспощадный, как сам Аполлон-стреловержец. Некогда он был рабом в Лаврионских рудниках, и теперь богатый эллин или римлянин может ждать от него лишь ужасной смерти. И таких вот чудовищ чернь ждет как избавителей, посланных Солнцем! Как после этого можно сомневаться в благодетельности власти Господина и Бога?

- Тебя, торгаш, нельзя распять - ты же римский гражданин. Придется выдумать что-нибудь похитрее, а? - обвел Хор-алдар взглядом толпу. Оттуда посыпались предложения одно кровожаднее другого.

Броситься на варваров и найти в схватке быструю смерть? Спевсипп знал: ни у него, ни у Харикла, труса и бездельника с превосходно сложенным телом, на это не хватит духа.

Вдруг из-за ограды донеслось конское ржание. Во двор въехали два десятка сарматов во главе со стройным всадником лет тридцати пяти с падавшими из-под шлема золотыми

волосами и лихо закрученными усами. На его красном плаще была вышита золотом тамга - трезубец.

-- Ардагаст, царь росов! Слава Солнце-Царю! - разразились приветственными криками рабы и крестьяне.

Ардагаста Спевсипп видел в лицо лишь один раз - еще подростком. Тогда этот волчонок вытянул его, почтенного торговца, плетью по руке, и за что? За своего коня, перекупленного Спевсиппом у главы пантикапейских воров Клеарха Меченого. И сам же чуть не был растерзан базарной толпой. Волчонок вырос, стал царем, и вот уже пятнадцать лет расстраивал всю торговлю рабами в Сарматии. Ради какой выгоды? Из всех сарматских царьков этот был для Спевсиппа самым загадочным. И поэтому купец решился. Рухнув на колени, он воздел руки к царю росов.

-- О, лучший из царей Скифии! Не о милости молю тебя - о справедливости, которой ты славишься. Во имя Солнца, избавь меня и моих детей от жестокой и безвинной смерти. Ведь я в жизни своей никого не убил и не приказал убить. Если же моя вина - в моем богатстве, то я его нажил честной торговлей, клянусь Гермесом!

-- Цену твоим клятвам я давно знаю. Скажите, виновен ли он в смерти кого-нибудь из вас? - обратился Ардагаст к толпе.

-- На работу гонял нещадно, и пороть велел многих, но не до смерти. Это зять его двоих распял. Так мы того уже кончили, и надсмотрщиков тоже, - ответил дюжий раб-кузнец.

-- А его дети?

-- Сынок мало кого бил. Только таскал в спальню почем зря и девок, и мальчишек. Кобелем назвать - все собаки обидятся. Тьфу! А дочка ничего. Хорошо наших парней ублажала... то есть, они ее, когда мужа в усадьбе не было.

Толпа захохотала. Старый крестьянин беззлобным тоном сказал:

-- Главное - забери их от нас, Солнце-Царь, чтобы не вернулись.

-- Вы еще не знаете, сколько тысяч людей сгубил этот торгаш! - гневно сверкнул глазами Хор-алдар. - Скольких он продал на муки, на жизнь, что хуже смерти!

-- А вот за это казнить мало, - спокойно сказал Ардагаст и обернулся к Спевсиппу. - Ты уже забыл, как продал мою мать, царевну росов? Так вот, я продам тебя с детьми туда же - далеко на Восток. Попробуйте на своей шкуре все, что несли другим.

Спевсипп облегченно вздохнул. Всего-то? Да он пробудет в рабстве ровно столько, сколько понадобится, чтобы вездесущие иудеи доставили выкуп. Варвар, видно, так и не усвоил: деньги

всесильны. Но Хилиарх, приехавший вместе с царем, помахал железным тавром с самым ехидным видом и сказал:

-- Выкупиться не надейся. Вас пометят вот этим магическим клеймом. Всякого, кто вернет вам свободу, постигнут разорение и прочие несчастья. И покупатель это будет знать. А сумеете сбежать - то же ждет вас самих. Ты ведь не захочешь быть свободным, но нищим? И никто этого не захочет ради тебя. Да кому ты нужен, мошенник, без твоих денег!

Купец был, однако, несказанно рад уже и тому, что останется в живых. Осмелев, он обратился к Ардагасту:

-- Скажи, о, царь: зачем тебе все это нужно? Что за выгода наживать себе все новых врагов?

-- Зачем? Да чтобы меньше походить на тебя! - рассмеялся Ардагаст. - И чтобы среди моих врагов не было добрых людей. Их ведь гораздо больше, чем таких, как ты.

-- А награда добродетели - в ней самой. Тебя этому не научил Сенека? Да вот и он, - Хилиарх соскочил с коня и поднял со снега свиток в раздавленном футляре. - И такие книги топчет твой конь, Хор-алдар!

-- Я не умею читать, - проворчал князь.

Старый крестьянин, выступив вперед, торжественно заговорил:

-- Царь росов! Ты принес нам свободу, словно Херос, Солнечный Всадник. Мы рады будем жить под властью славного царя Децебала. Наша земля богата и щедра. Если хочешь, приходи со всем своим храбрым племенем. Лучше мы будем кормить твою отважную дружину, чем римскую саранчу.

Собравшиеся с восторгом смотрели на росских всадников. Но Ардагаст лишь вздохнул и покачал головой:

-- Мы не можем остаться здесь. Легионы идут на Дакию, и нам придется уходить. Силен Солнечный Всадник, но и боги тьмы еще сильны. Кто не хочет жить под их властью - идите с нами к дакам, вашим сородичам, или в наше царство. На Днепре зима чуть холоднее, но земля такая же плодородная. Вы сможете даже растить виноград. Научите и нас делать хорошее вино. И никакие римляне там до вас не доберутся, клянусь в том Солнцем!

Толпа зашумела, заговорила наперебой, заспорила. Кузнец взмахнул рукой:

-- Веди нас, Солнце-Царь! Веди туда, где нет римских кандалов и плетей!

Вокруг него собрались все рабы и молодые, крепкие парни-крестьяне. Поселяне постарше, однако, топтались на месте, почесывали затылки, поглядывали на старика. Наконец тот сказал:

-- Ты уж прости, Солнце-Царь. Как нам бросить свою землю? Римляне тут поселят неведомо каких людей, что те сделают с нашими святыми местами, с могилами предков? Страху нагнали на всех захребетников, и то хорошо. А если что, в горы уйдем. Нам в них каждая нимфа верная подруга, каждый сатир родной брат. Только знайте: если снова придете, хоть небольшим отрядом - примет и вас эта земля, как своих.

Ардагаст с благодарностью взглянул на старика. Ему и самому жаль было покидать гостеприимных мисян. Они-то не знали, каких трудов стоило ему говорить Сагдева, Андака и других князей не грабить и не угонять в рабство кого попало. Князья остались довольны: ни один прежний набег за Дунай не дал им столько добычи. И все благодаря мисянам. Оповещенные Братством Солнца, они не прятались по лесам, не нападали из засад, а всячески помогали дакам и степнякам. Теперь он чувствовал себя виноватым перед этими людьми.

-- Мы еще вернемся! - упрямо тряхнул головой Хор-алдар. - А кто посмеет вас притеснять, пусть знает: мстители - за Дунаем!

* * *

Кесарь Домициан беседовал в своем кабинете с Валентом и Рубрием. Гордо посаженная голова с правильными чертами лица еще недавно делала императора красивым не только в глазах льстецов, но теперь неуклонно расползавшаяся лысина и разраставшееся брюшко безнадежно портили его внешность. Оставив попытки замаскировать плешь жидкими волосами, кесарь отложил серебряное зеркало и вздохнул:

-- Увы, красота не вечна. Я написал целую книгу об уходе за волосами. Возможно, вам она окажется полезнее, чем мне.

Коротко стриженные седые волосы Рубрия слегка поредели лишь спереди, а черная грива некроманта оставалась по-прежнему роскошной.

-- Меня называют лысым Нероном. Это сущая правда, - подмигнул император собеседникам. - Но я вынужден казнить за это, как за оскорбление величества римского народа. Сколь тяжела участь повелителя: карать безвинных ради пользы государства! - театрально воскликнул воплощенный Нерон. - А как несовершенно мое тело, четвертое по счету! Мне уже не по силам носиться на колеснице, даже на коне я езжу с трудом. Только в делах Венеры я еще не уступаю тебе, Валент. И то мне приходится убивать тех, на кого слишком заглядывается моя бесподобная Домиция. Видят боги, это лучше, чем погубить ее

саму...

-- Твое новое царствование, по крайней мере, счастливо, - мягко возразил маг. - Ты любим народом и солдатами за щедрость и справедливость. А любовь сенаторов не стоит того, чтобы ее добиваться.

-- Главное, армия, наконец, воюет, а не строит заговоры от скуки! - сказал Рубрий.

-- Расходы, расходы..., - скривился Домициан. - Оружие, провиант, повышенное жалование, раздачи черни, зрелища, постройки... Один Колизей чего стоит! Потому я и не могу отменить налог с твоих соплеменников, Валент.

-- Он отягощает только тех, кто не умеет разбогатеть при тебе. Разве это иудеи? - презрительно усмехнулся маг. - Мудрейшие из нас знают: ты еще несказанно обогатишь Рим и народ Израиля...

-- Да! Когда я пройду с легионами по стопам Александра - до Индии и дальше! - Домициан величаво взмахнул рукой над картой, расстеленной на столе. - Разве не для этого боги даровали мне четвертую жизнь? А я уже три года вожусь со всякими даками, роксоланами, язигами, свевами...

-- Даки уже побеждены. Осталось взять их столице Сармизегетусу. Децебал завалил деревьями все пути к ней, - подал голос Рубрий.

-- Зачем тратить на нее время? А для триумфа хватит и этого... Хотя, чтобы даки не возомнили о себе, я проучу еще каких-нибудь варваров, а потом справлю двойной триумф. - Рука императора, словно лапа коршуна, нависла над картой. - Хатты? Выгнали нашего друга, царя Хариомера. Подождут... Язиги? Жалкие кочевники. Маркоманны и квады[47]? Самые наглые из свевов. Посмели не прийти мне на помощь против даков!

-- Их послы ждут приема, - напомнил Рубрий.

-- Казнить не медля! Бери Двадцать Первый Хищный легион, Рубрий, и иди на них с запада. А я поведу с юга легионы, что вернутся из Дакии. Твоя забота, Валент - чтобы нам не помешали никакие колдовские штучки.

-- Господин и Бог может не тревожиться. Лучшая колдунья в Германии после смерти Эрменгильды - Ганна, верховная пророчица свевов. Ты не зря приглашал ее в Рим. Она уехала в восторге от чудес нашей магии. Теперь она не только не помешает нам, но и убедит маркоманнов и квадов покориться.

-- Кажется, ее покорили не только твои магические дарования, но и... иные? - ухмыльнулся кесарь. - А со мной эта белокурая сивилла была так неприступна...

-- Если она не поможет нам, можешь сказать, что я уже

ничего не смыслю ни в магии, ни в женщинах. Маркоманнам же, кроме нее, поможет разве что дух Маробода, великого царя свевов. А мой учитель Симон Маг надежно запечатал его в гробнице.

Рубрий заговорил мрачным тоном:

-- И все же я буду рад схватиться, наконец, с парфянами, персами, индийцами - только не с германцами! Я слишком хорошо знаю Германию. Полутемные чащи и непролазные болота, полные демонов, воины-звери в медвежьих и волчьих шкурах, духи мертвых воителей, несущиеся в вихре... Там против нас воюет все: люди, звери, демоны, сама эта проклятая земля! Еще и эти руны. Одной деревяшки с ними хватит, чтобы обратить в бегство целую когорту...

-- Ты сам становишься суеверен, как германец, - скривил губы Домициан. - Леса можно вырубить, болота осушить. А конунгов и их диких воинов - прельстить римской роскошью, на которую они летят, как мухи на мед. На левом берегу Рейна германцы - уже обычные подданные Империи.

-- А их хваленые руны - всего лишь искаженные этрусские буквы. Любой тосканский заклинатель, кое-как читающий книги своих предков, стоит полудюжины рунных колдунов, - пренебрежительно произнес маг.

-- Не мне, простому солдату, спорить с вами. Но все же есть у этих глупых варваров что-то такое, что мы потеряли. Воины идут в бой, а сзади женщины на повозках подбадривают их криками. А если воины погибнут - женщины вешаются вместе с детьми, лишь бы избежать рабства. Способны ли еще на это наши матроны?

* * *

-- Получилось, Каллиник! Мы пробили двойную магическую защиту, построенную Валентом!

Молодой человек с живыми темными глазами отставил серебряную чашу с водой, взъерошил длинные черные волосы и победно взглянул на коммагенского царевича.

-- Ну, в другом месте может и не выйти: здесь все-таки святилище, - возразил Каллиник.

Они сидели на поваленном сосновом стволе под скалой, где была грубовато высечена фигура всадника, преследующего с собаками вепря. Чаша стояла на плоском камне-жертвеннике. Святилище затаилось в узком лесистом ущелье дакийских Карпат совсем недалеко от лагеря Седьмого Клавдиева легиона. По

другую сторону алтаря сидел на камне пожилой римлянин со знаками различия военного трибуна. Это был Флавий Ситалк, лучший разведчик царя Децебала и член Братства Солнца. Помня о своих гордых предках-фракийцах, он долгие годы извещал даков и аорсов обо всех планах римлян.

-- Ты, Иосиф, никогда не называешь Валента отцом, - заметил Ситалк.

-- Но я и не скрываю, что обязан ему рождением. А Братству Солнца - тем, что не стал таким же негодяем, как он. - ответил молодой маг. У него есть и другие дети, тоже незаконные. Из моей сестры он сделал гетеру, из брата - мошенника, и считает, что хорошо их устроил.

-- А мои сыновья... Тиберий - преторианец, до Фракии ему нет дела. Едва не погиб, когда даки разбили Пятый легион. А Квинт все обо мне знает и помогает нашему делу. Молю Солнце, чтобы им не довелось встретиться в бою, - сказал трибун.

Каллиник вздрогнул, вспомнив смерть брата, но овладел собой и сказал:

-- Главное, мы знаем, что затеяли эти коршуны. Теперь, если даки ударят в тыл Домициану, то есть Нерону... Боги, да ведь он сам идет к нам в руки!

-- Не выйдет, - покачал головой Ситалк. - Дакии сейчас нужен мир. Слишком много воинов погибло. Хуже того: маркоманнам и квадам помочь некому. Музий, конунг семнонов, побывал в Риме и вернулся холуем кесаря. А он ведь - хранитель главной священной рощи свевов. Ганна с ним заодно. Вандалы недавно воевали с маркоманнами. Римляне помогли Геберихе: дали сотню всадников и кучу всяких подачек. Хорошо, если он не ударит маркоманнам в спину. Смогут ли друиды его отговорить? Старый Думнориг уже умер.

-- А ведь это мы втянули свевов и язигов в войну. По призыву Братства они ходили в набег на Паннонию. Да мы теперь обязаны им помочь, но как? - горячо воскликнул Каллиник.

И тут из-за его спины раздался бодрый голос молодой женщины:

-- Так уж и некому помочь? А вы позовите Ардагаста. Его-то никакие римляне не купят.

Неслышной походкой лесовички в святилище вошла Виряна.

-- И верно! - сразу повеселел царевич. - Росы еще в Дакии. А они умеют биться не только на равнине, как роксоланы или языги, но и в лесах и горах.

-- А духи Маробода и его воинов мы освободим. Что, Каллиник, сможем потягаться с самим Симоном Магом? - бодро

взглянул на коммагенца Иосиф.

-- Потягаемся! Еще я слышал: у одного солнечного мага из Армении, Мгера Арцруни, есть рунный меч Маробода. Надо бы позвать этого армянина.

-- Да, мальчики! - энергично тряхнул головой фракиец. - Надо сотворить чудо, остановить римлян. И чтобы это сделали не могучие парфяне, а варвары из лесов и гор. Пока что такое удалось лишь армянам Тиридата и германцам Арминия[48].

* * *

Стан росов под Сармизегетусой был весел и оживлен. Одни дружинники плясали с амазонками под дакийскую волынку и тимпан. Другие отправились напоследок в город - погулять в корчмах, обнять чернооких бойких дакиек. Третьи слушали песни Пересвета о своих подвигах. Хвалиться было чем: тряхнули-таки Империю! Чуть не отвоевали Мезию, потом разбили сунувшийся за Дунай Пятый "Жаворонков" легион. Убили самого префекта преторианцев Корнелия Фуска: это тебе не золоченым панцирем блистать перед распутными патрицианками! А после тяжелой битвы при Тапах, когда погиб лучший Децебалов воевода Везина, росы трепали римлян с тыла, пока те, обессиленные, не застряли в ущельях перед мощными засеками.

Теперь, наконец, собирались домой, на Днепр-Славутич. Немало дакиек, оставшихся без мужей и женихов, готовы уехать со смелыми, но покладистыми, работящими пришельцами. Поздно в этом году полюдье начнется: зимой, в месяце студеном[49]. Зато Рождество Даждьбожье на своей земле удастся отпраздновать.

А в это время предводители росов пировали во дворце у Децебала. Жареная вепрятина дымилась на серебряных блюдах, с которых глядело полное лицо грозного царя даков Биребисты, потрясавшего Европу полтора века назад. Золотистое дакийское вино и рубиновое фракийское переливались, словно драгоценности в оправе, в серебряных дакийских чашах и кубках финикийского стекла. На стенах красовалось всевозможное оружие: кривые мечи даков, кельтские рогатые шлемы, греческие и римские доспехи, сарматские кольчуги, акинаки и длинные мечи. Шкура огромного медведя была повешена так, словно священный зверь великого бога Залмоксис осенял воздетыми лапами высокое резное кресло.

В кресле восседал сам царь Дакии. Децебал, почти ровесник Ардагаста, был в полном расцвете сил. Лицо, полное спокойного

мужества, украшала раздвоенная черная борода и густые усы. Красный шелковый плащ скрепляла на плече большая золотая застежка. Зореславича и Децебала связывала давняя дружба - еще с первой их встречи на Черной горе в Карпатах, когда молодой царевич не дал Валенту втянуть себя в смертельную схватку с царем росов. И вот теперь прославленный царь даков выжидающе глядел на друга.

-- Ты знаешь, Ардагаст, нелегко мне просить тебя о таком подвиге. Глупцы скажут, что я прячусь за твою спину. Но Дакия ослаблена войной, а ты не заключал перемирия с римлянами.

Напротив Зореславича сидел царь язигов Арнакутай, Дикий Пес, немолодой уже, с хищным горбоносым лицом. Тяжело роняя слова, он проговорил:

-- Мне еще труднее просить тебя о помощи. Ведь мои воины не раз ходили в набеги на твои карпатские земли, а проводником им служил твой враг, бастарн Гвидо. Но мы оба сарматы и знаем: самый опасный враг - не тот, кто угоняет твою скотину и людей, а тот, кто хочет отнять свободу у твоего племени. Так вот, мои лазутчики узнали: Домициан хочет обратить в провинции Дакию и землю язигов. А следующей провинцией станет Росия. На это подбивает кесаря подлый Гвидо.

Ардагаст обвел взглядом своих соратников. Да, все уже настроились увидеть родные дома, отдохнуть от войны. Но виду никто не подавал. Только Хилиарх осторожно спросил:

-- Ты ведь подручный царь. Что скажет Роксаг?

-- Он на Танаисе, там немирье с аланами. А западную границу великий царь поручил мне. И велел не пускать римлян в Роксоланию, - ответил Зореславич.

-- А для этого надо их бить! На чужой земле, где только можно! - воскликнул Андак, воинственно размахивая черепом, окованным серебром. Череп этот принадлежал Корнелию Фуску, убитому князем. Теперь уже никто не смел попрекать Андака северным походом или говорить, будто он одолевает лишь женщин. Впрочем, женщинами князь и в нынешнем походе не пренебрегал, что не мешало ему преданно любить свою супругу-венедку.

-- Я говорил с учителем Аполлонием. Он тоже думает, что этот подвиг - для тебя, Ардагаст. Для нас, росов, - сказал Вышата.

-- Свой долг правителя ты, царь, сможешь выполнить и в полюдье. Но долг воина Солнца - только там, в земле маркоманнов, - решительно произнес Вишвамитра.

-- Поймать бы самого Лысого Нерона! - азартно хлопнул рукой по столу Хор-алдар. - Три года отсиживался, трус, в Виминации за каменными стенами, теперь выполз.

-- Дружина поредела в боях. А нужно кому-то идти и в полюдье, - озабоченно заметил Хилиарх.

-- Поредела? Да я соберу столько степных молодцов-роксоланов, аорсов, всех, кто еще не ушел из Дакии! - воскликнул Андак.

Царевич Ардафарн с восторженной готовностью взглянул на отца. Но тот произнес твердо и деловито:

-- Со мной пойдет лучшая часть дружины. А полюдье поведут царевичи. Оба.

-- Верно, я мало отличился в войне с римлянами? - сдержанно произнес Ардафарн.

Младший царевич Доброслав лишь опустил голову. Он-то уж точно ничем не отличился. Только попадал в разные переделки, из которых его вызволял брат. Нет, трусом Доброслав не был, просто не любил войны. Любил читать греческие книги, беседовать с Вышатой о далеких странах и волховных тайнах, хорошо пел и играл на гуслях и сарматском бубне.

Ардагаст внимательно взглянул на сыновей и сказал:

-- Вы оба хорошо воевали, и я взял бы вас в этот поход, будь вы простыми воинами. Но вы - мои наследники. Поэтому приучайтесь править царством. И ты, Доброслав, тоже. Если что случится с Ардафарном... Не знаю, выйдет ли из тебя певец или волхв, но царь должен выйти.

-- Да, царевичи, это ваша дхарма - священный долг. Ее не выбирают, как не выбирают родителей. Но чем хуже вы ее выполните, тем ниже родитесь снова, - тихо и сурово сказал индиец.

-- А я вот в ваши годы был простым дружинником. А еще царевичем без царства. Вот мама Ларишка на меня и не глядела, пока не оказалась вместе со мной в подземельях мелуххов, - улыбнулся Зореславич.

-- Кроме тебя, там были еще дэвы, люди-змеи и даже один бог с бычьей головой. Мне было из кого выбирать, - под общий смех гордо заявила Ларишка.

-- Как мы пойдем к свевам? Вместе с вашей ордой? - взглянул Ардагаст на языга.

-- Я постараюсь задержать кесаря в нашей степи. А ты лучше иди прямо навстречу Хищному легиону. Главное - не дать им соединиться! - ответил Арнакутай.

-- Тогда поведи, Солнце-Царь, дружину сначала на север, ближе к Карпатам. Много наших молодцов придет к тебе, раз не нужно будет стеречь перевалы от песиголовцев, - сказал воевода гуцулов Яснозор. "Песиголовцами" его небольшое отважное племя называло языгов за их дружбу с собакоголовыми демонами.

-- Да, так будет лучше, - кивнул Децебал. - Идите в верховья Тисы, а оттуда - на запад, через Татры, землями бастарнов-сидонов. Их царь Клондик - друг и мне, и свевам.

* * *

Черный дым поднимался над Бойохеймом, - землей маркоманнов. Серый пепел, разнесенный ветром, оседал на окровавленный снег. Горели села, хутора, священные рощи. Двадцать Первый Хищный легион шел на восток. Не зря он десятки лет воевал с германцами на рейнской границе. Даже в лесных дебрях не всегда удавалось скрыться от его безжалостных, многоопытных солдат, а непролазные болота уже замерзли. Городки, построенные еще кельтами, не выдерживали натиска таранов и баллист. Ярость берсерков разбивалась о невозмутимость отлично вымуштрованных легионеров. Словно в насмешку над воинами-зверями, не знающими дисциплины, знаменосцы легиона рядились в медвежьи шкуры, а центурионы - в волчьи.

Где проходил легион, оставались лишь пожарища и трупы. Уводили только тех, кого можно было с выгодой продать, остальных убивали. Обеспечив себя мясом, истребляли оставшийся скот. Господин и Бог не велел (пока что) завоевывать страну - лишь нагнать страха на варваров. И это хладнокровное, аккуратное опустошение края было страшнее самого жестокого набега соседей-варваров. Казалось, не люди идут по Бойохейму, а ползет железное чудовище, прожорливое, бездушное.

Обезлюдив долины Мжи, Влтавы, верхней Эльбы, легион вошел в долину Свитавы. А навстречу ему с юга ползло другое чудовище. Седьмой Клавдиев легион Теттия Юлиана, победителя даков. пересек степь, отбиваясь от налетов языгов, столь же безжалостно опустошил земли квадов до самой Моравы. Только тут к нему присоединился с Пятнадцатым Аполлоновым легионом сам Господин и Бог, добравшийся до Карнунта по благоустроенным дорогам Паннонии. Отсюда оба легиона двинулись по Мораве и ее притокам, продолжая разорять страну. Не трогали лишь купцов, что везли с севера янтарь.

Домициан-Нерон наслаждался, созерцая горящие села и городки, распиная пленников, насилуя женщин и мальчиков. Рубрий и Юлиан были выше этого. Они старательно исполняли свой долг перед Римом. Защитить Империю от кровожадных, не ведающих законов варваров можно было, лишь превзойдя их в жестокости. Вместе с императором ехал его главный маг Валент.

Только он ведал тайный смысл этого похода: осквернить Янтарный путь кровью и святотатством, превратив его из Пути Солнца в Путь Тьмы. Поэтому некромант не только защищал легионы от рунных чар германцев, но и следил за тем, чтобы все святилища варваров были разорены, а на месте их водружены алтари Домициана, Господина и Бога. Точнее, его гения - духа-хранителя. Гений этот, однако, давно уже улетел прочь, уступив место демону, много лет опекавшему неприкаянный дух Нерона.

Император и его маг пребывали в отличном расположении духа. Тяготы похода не касались их, путешествовавших в удобных носилках с жаровней и ночевавших в роскошном шатре. Когда три легиона встретятся, можно будет возвращаться на Дунай. Останется лишь заключить мир с даками, отпраздновать двойной триумф и - на Восток! Местом встречи легионов кесарь назначил древний городок Эбуродун - Город Вепря.

Теснимые легионами, маркоманны и квады отступали лесами туда же - к Эбуродуну. Арнакутай колебался: идти в леса или уходить на верхнюю Тису, куда уже откочевали со стадами женщины, дети и старики. А в это время с востока в Бойохейм шло еще одно войско.

* * *

Конная рать ехала глубокой долиной Вага. На востоке поднимались Татры, на западе - уходили в небо Белые Карпаты. Стоял редкий для этой поры ясный солнечный день, и снежные шапки гор, одетых густыми лесами, ярко сияли среди голубого неба. Казалось, горные великаны, сойдясь с двух сторон, настороженно глядели на пришельцев, но не решались их тронуть. Потому что под красным стягом с тамгой росов шли лучшие бойцы Днепра и Карпат. Блестели на солнце кольчуги и островерхие шлемы сарматов. Черные овчинные плащи-гуни гуцулов соседствовали с высокими шапками даков и рогатыми шлемами германцев и кельтов. Спереди разносился привольный степной напев, сзади звучала суровая походная песня германцев.

Со склона Татр, прячась среди елей, следили за ратью двое: воин лет тридцати пяти с золотыми кудрями, выбивавшимися из-под шлема, увенчанного оленьими рогами и фигурой орла, и невзрачный длинноволосый человечек в черном плаще и бронзовой короне. Первый именовал себя Гвидо, царем бастарнов. Второй - Буссумаром, царем друидов. Только вот царствовал Гвидо разве что над своей разбойной дружиной да ее тайными пособниками в Буковине и днестровских землях. А Буссумар (в

родном селе звавшийся Бесомиром) - над уцелевшими черными друидами, прятавшимися по лесам или умело скрывавшими свое ремесло.

Не было у этих двоих врага хуже Ардагаста, царя росов. Семнадцать лет назад он сокрушил царство восточных бастарнов и изгнал черных друидов со священных городищ на Збруче. Погибли в Карпатах царь бастарнов Цернориг, отец Гвидо, и верховный друид Морвран, учитель Бесомира. Царевич со жрецом бежали к западным бастарнам - сидонам. Вскоре к изгнанникам стали пробираться с Буковины самые лихие бастарны. Потомки гордых кельтов и отважных германцев, они не могли примириться с тем, что их благородное племя больше ни над кем не властвует, приравненное проклятыми росами ко всяким словенам и дакам. Собравшуюся дружину надо было кормить. Гвидо то ходил в набеги на свои прежние земли, обычно вместе с языгами, то выколачивал для царя сидонов дань с покоренных племен, то вмешивался во всякие усобицы, то грабил купеческие караваны. За последнее, впрочем, можно было поплатиться тюрьмой или распятием в Аквинке и Карнунте, куда дружина приезжала прокучивать добычу. Гвидо, однако, умел не оставить свидетелей и свалить вину на даков или гуцулов.

Бастарн с ненавистью глядел на всадников в гунях, с луками и секирами, и их статного предводителя в дакийской шапке. Это он, беглый раб и разбойник Ясько-Яснозор, убил его отца на Черной горе. А сами гуцулы при Ардагасте из разбойников превратились в стражу перевалов. Теперь народ на Днестре славил воеводу Яснозора, а его, Гвидо, звал не царем, а вором и разбойником. А еще - "ночным царем". Многие помогали "царской" дружине или платили "царю" дань, зачастую из страха перед чарами друидов и топорами его верных сторонников. Так было во многих селах, и не только бастарнских. Однако туда, где поселились дреговичи, приведенные Ардагастом из полесских дебрей, или пришедшие из Дакии костобоки, людям "ночного царя" лучше было не соваться. Вот он, стяг дреговичей, что теперь гордо зовут себя хорватами - "солнечными": голубой с золотым львом. А под ним - Ясько со своей шайкой.

Бесомир, облизываясь, будто кот на сметану, сказал:

-- Можно ведь было их перебить в этом ущелье. Сговориться с кем-нибудь из конунгов или просто созвать отчаянных молодцов.

-- Ты же знаешь: Клондик не дал бы. Ведь росы идут на помощь его племяннику Сидону, конунгу квадов, - раздраженно ответил Гвидо. Друид заводил этот разговор уже не раз.

-- А если не послушать старого дурака?

-- У него хватит сил выгнать нас из Карпат. И куда потом?

-- В Империю. Ты же любишь все римское. А за голову Ардагаста нас там золотом осыплют.

-- И кем я там буду? Центурионом во вспомогательных войсках? Хорошо, если в легионе. А ты? Неграмотный колдун, да еще друид. Забыл - учение друидов в Империи преследуют?

-- Ты прав, - вздохнул Бесомир. - Здесь мы все-таки цари. Что ж, идем в Бойохейм. Честь Клондика не пострадает, если Ардагаста убьют не на его земле. А я пущу там в ход такие чары... Валент сообщил мне очень сильные заклятия.

Почти не слушая друида, Гвидо теребил свой длинный кельтский ус. Была еще одна причина, по которой он все не решался напасть на Ардагаста, и о ней царь бастарнов не мог сказать никому. Он с юности преклонялся перед царем росов. До сих пор жадно слушал песни о его подвигах. Боги, как хотел бы Гвидо вместе с ним идти к Золотой Горе и Белому острову. покорять амазонок, биться с сотворенным драконом! Но между Гвидо и царем росов стояла смерть отца, до сих пор не отомщенная. И гибель царства, отданного Вячеславу дреговицкому. А потому честь велела сыну Черногорига оставаться "ночным царем", безжалостным и на все готовым.

-- Ну хорошо, целое войско на земле Клондика незаметно не перебьешь. Но ведь одного человека можно? Того, что с мечом Маробода. Я его уже вижу духовным зрением. Вон за той скалой. Валент обещал две тысячи сестерциев, а еще замять дело с караваном Луция Сабина, - настойчиво сказал Бесомир.

Гвидо обернулся и махнул рукой стоявшим рядом четверым дружинникам.

Горной тропой к долине Вага ехал всадник на породистом вороном коне, в черном овчинном плаще, такой же шапке и широких складчатых шароварах. Черную бороду его уже тронула седина, но гордое лицо с орлиным носом вовсе не казалось старым. У пояса его висели меч в вычурных бронзовых ножнах и акинак. Под высокой скалой он вдруг остановил коня и громко сказал, словно в пространство:

-- Эй, вы, шестеро! Зачем прячетесь за камнями? Много еще вас надо на одного армянина?

Четверо головорезов с мечами и секирами неторопливо вышли из-за камней и кустов, окружая всадника с трех сторон. Их предводитель в оленерогом шлеме важно выехал на гнедом коне с серебряной сбруей из-за густых пихт.

-- И ты, колдун, вылезай. Духовное зрение у меня еще не ослабло.

На скале показался с хмурым видом Бесомир.

-- Ты, в золоченом шлеме, кажется, зовешь себя царем? А я князь Мгер Арцруни, и род мой прозывают "Сасна црер" - Сасунские Храбрецы. Я вызываю тебя на бой!

Обнажив меч, Гвидо погнал коня вперед. Звон клинков разнесся в морозном воздухе. Царевич рассчитывал быстро одолеть немолодого армянина, но тот оказался опытным бойцом. Скупыми точными движениями он отбил несколько атак бастарна, а потом вдруг ударил так, что меч Гвидо врубился в низко нависшую ветку пихты и застрял там. В следующий миг "царю" пришлось, спасаясь от клинка армянина, упасть с коня. Князь успел лишь сбить с него золоченый шлем.

Внезапно Мгер зашатался в седле и едва не упал. Но все же удержался и, с трудом обернувшись к шептавшему заклятия Бесомиру, прочертил мечом в воздухе несколько рун. Мощный порыв ветра сбросил друида со скалы в сугроб и потащил вниз по склону.

-- Вай, да ты знаешь руны еще хуже меня! Зачем тогда лезешь на рунный меч? - покачал головой князь и обратился к Гвидо. - Хватит с тебя, гордый царь? Знаешь, кто тебя одолел? Сын князя и крестьянки. А еще - оружейник. Я не всегда жил с княжеского имения. А ты что умеешь без своего царства? Грабить по ночам и шпионить для римлян? Твое место на кресте!

Кровь бросилась в лицо Гвидо. Он разом вспомнил, как выслушивал приказы и упреки от Рубрия с Валентом, как тщетно ждал приема у кесаря, как избегали общаться с ним знатные римляне - поборники республиканских добродетелей.

-- Раб! Ублюдок! - прошипел он сквозь зубы и рявкнул дружинникам: "Что стоите? Смерть ему!"

Вчетвером бастарны бросились на Мгера. Он вздыбил коня. Копыта обрушились на одного из напавших, но другой уже всадил секиру в шею коню. Оказавшись на земле, армянин яростно отбивался от троих. Гвидо лишь стоял, всем своим видом показывая, что такой противник его не достоин. Вдруг среди густых ветвей старой ели загудела тетива, и двое разбойников упали, пронзенные стрелами. Еще один бросился бежать, завидев скачущего по тропе с поднятым мечом всадника в белой бурке и островерхом сарматском шлеме и появившегося внезапно на скале воина богатырского роста с занесенным копьем.

-- Брат, Валамир, задайте им! - раздался с ели звонкий девичий голос.

Оставшийся в одиночестве Гвидо с ругательством вскочил на коня и поскакал прочь.

Не лучше пришлось и царю друидов. С трудом встав на ноги у подножия склона, он увидел перед собой простоватого на

вид юношу с длинными светлыми волосами, в белом плаще. Преграждая колдуну путь наверх, он спокойно произнес:

-- Разве не знаешь: где два воина честно бьются, волхву делать нечего?

-- Ты собрался учить законам волхвов царя друидов? - смерил его надменным взглядом Бесомир и произнес заклятие порчи - слабое, на один припадок, лишь бы проучить глупого юнца. Но тот остался спокойно стоять, а скорчился на снегу, дергаясь всем телом, сам чародей. Парень достал из рукавицы белый клык, покрытый резьбой.

-- Рыбий зуб с Ледяного моря. А знаки на нем я сам резал. Они твои чары на тебя и оборотили.

Бесомир не стал раздумывать над тем, что это за рыба с зубами побольше кабаньих клыков. Он швырнул в юнца сильное огненное заклятие. Стена пламени вспыхнула между ними и вдруг двинулась на самого друида, окружая его. Колдун завертелся в огненном кольце, с трудом отражая пламя. Наконец погасил и обернулся к пареньку с твердым намерением покарать наглеца смертью. Вырезал игрушку, сопляк, и тешится... Так против чар, обращенных чародеем на себя, она не поможет. Миг спустя на юношу с разбега ринулся разъяренный вепрь.

Даже не пытаясь колдовать, юнец бросился наутек. Вепрь-Бесомир мчался следом, тучей взметая снег, проламываясь сквозь кусты. Задержал оборотня лишь глубокий сугроб. Покуда он выбирался оттуда, парень скрылся между скал. Колдун раздраженно принюхался и вдруг почувствовал резкий запах хищника. Из-за скалы вышел огромный серовато-желтый зверь с короткой гривой и незлобливо проревел:

-- Зачем оборачивался? И так видно, что свинья.

Не разбирая дороги, Бесомир помчался от своего противника раза в два быстрее, чем за ним. Схватиться с Великим Львом мог только другой зверь незапамятных времен - Великий Медведь, Носорог или Индрик. Превращаться в них умели разве что пещерные колдуны, на дух не переносившие черных друидов.

Убегая ото льва, Бесомир встретил Гвидо, за которым мчались два всадника: светловолосый великан и молодой воин в белой бурке. Заклинанием друид вызвал лавину - небольшую, но наглухо завалившую тропу камнями и снегом. Только это и позволило обоим беглецам скрыться. А всадникам и льву пришлось вернуться к скале. Там девочка лет четырнадцати с красивым смуглым лицом перевязывала армянину окровавленную голову. Девочка была одета в короткий кафтан и узкие штаны. Из-под башлыка падали на плечи черные, как смоль, волосы. У пояса девочки висели горит с луком и секира, за спиной - амазонский

щит в виде полумесяца. Князь с благодарностью взглянул на своих спасителей.

-- Спасибо вам, что разогнали этих шакалов. Кто вы, молодые храбрецы?

-- Мы - росы. Я - Валамир, сын Сигвульфа, - ответил белокурый великан.

-- Я - Рада, дочь Ардагунды, царицы амазонок, - сказала девочка. - А это мой брат Еммечько, - кивнула она на юношу в бурке. - У нас разные отцы. Его - Доко-Сармат, царь зихов. А мой - Вишвамитра, священный царь амазонок.

-- Еммечько? Вай, ты стал настоящим воином! Я и не узнал тебя сразу. Давно не был у вас на Туапсе... До чего ты похож на своего дядю!

Молодой зих[50], действительно, очень напоминал Ардагаста. Даже тонкие усы были закручены точно так же. Только волосы отливали не золотом, а вороненой сталью. Имя его означало "сын амазонки".

-- Я в четырнадцать лет убежал от отца к матери и дяде. У отца сыновей и так много. Он мне только велел передать: "Если тебе тесно в нашем племени, не возвращайся, пока не совершишь подвиг, достойный царевича росов". Это я сбросил с коня Корнелия Фуска, а зарубил его Андак, - с гордостью сказал Еммечько.

-- Его отец любит похваляться родством с Ардагастом, - вмешалась Рада. А сам обидел нашу маму при всех: не захотел на ней жениться.

-- Как бы ты тогда появилась на свет, сестренка? - отозвался ее брат. - У нас такие темные не родятся.

-- Зато ты уродился в Доко: всем девушкам в Суботове кружишь головы, амазонкам в особенности, - бойко, но беззлобно усмехнулась девочка.

-- Ну, а ты кто? не сам ли Вышата? Немногие владеют таким превращением, - обратился ко льву армянин.

-- Я его сын, Вышеслав, - ответил волхв-оборотень.

-- Вышко, погоди, не оборачивайся. Мы же на охоте ничего не добыли, кроме двух косуль, а в той долине я заметила стадо зубров, - сказала Рада.

-- Наш Вышко хоть борзой, хоть волкодавом оборотится, стоит Раде попросить, - не без ехидства заметил Еммечько.

-- Поохочусь и я с вами. Славными детьми наградили боги лучших из росов, клянусь Михром! - разгладил седеющую бороду Мгер. - Я-то помню вашего царя еще моложе вас. Тогда в Пантикапее он с двумя такими же мальчишками схватился с тремя демонами. Два демона погибли, один бежал. А из троих

мальчиков вышли славные цари.

* * *

Вечером Мгер и четверо молодых росов прибыли в стан Ардагаста в Белых Карпатах. Зореславич и Вышата радушно встретили князя, вместе с которым четверть века назад спасли Боспор от козней Валента и его учителя Захарии Самаритянина. Когда стемнело, вожди росов и их дети собрались в царском шатре. Под широким войлочным сводом, у очага, было тепло и уютно. Князь остался доволен угощением, особенно же хмельным германским медом.

-- Вай, словно в молодые годы вернулся, когда добыл в этих местах рунный меч!

-- Расскажи об этом, князь Мгер! - наперебой стала просить гостя молодежь.

-- Непременно расскажу! И о мече, и об этой земле. Богатая она и древняя. Всем наделили ее боги: лесами и реками, золотом и серебром, оловом и свинцом. Так благословила ее Мать Мира. Но в ней же, в пещере на дне глубокой пропасти, устроила себе логово ее злая сестра, которую венеды зовут Ягой, а германцы - Хель и Железной Перхтой. Пропасть же называют Мачехой. Вот почему народ, что поселится здесь, становится богат и могуществен, но не знает долгого мира.

Некогда тут жили венеты, что первыми проложили Янтарный путь. Их изгнало кельтское племя бойев. Они построили городок с каменными стенами, стали чеканить золотую монету. Но Биребиста, жестокий царь даков, разорил эти города, одних бойев истребил, других изгнал, и страна запустела. Тем временем легионы вышли на Рейн и Дунай, дошли до Эльбы и, казалось, не было силы, способной не дать им завоевать мир. Братство Солнца надеялось на Биребисту, но тот предался силам зла и зря опустошал целые страны. Надеялись и на Ариовиста, отважного конунга свевов, но он вместо того, чтобы соединиться с галлами, разорял их страну, и Цезарь разбил свевов и галлов по одиночке. Все эти великие конунги умеют думать только о собственном племени...

Наконец нам удалось найти среди знатных германских юношей, отправленных заложниками в Рим, двоих: херуска Арминия и свева Маробода. Все соблазны Рима не смогли развратить их. Они были посвящены в Братство и принесли священную клятву: всю жизнь бороться с Римом за свободу всех народов. Лучшие наши маги выковали для них два рунных меча. Вот один из них.

Мгер вынул из ножен меч, отстегнул от пояса ножны. На серой стали золотом были насечены руны, среди которых

выделялась солнечная руна Соль. На потемневшем красном дереве ножен ярко блестели прорезные бронзовые накладки с изображениями богов и зверей. Грифон, терзающий дракона; юный бог на колеснице; тучный овен среди густых колосьев; тот же бог, обнимающий женщину; и он же, лежащий на ладье.

-- Скажи-ка, Вышко, что все это значит и какую силу дает меч его владельцу? - испытующе взглянул князь-маг на юного волхва. Старательно скрывая волнение, тот ответил:

-- В мече - Даждьбожья сила. Вот Даждьбог: в небе на колеснице, на земле с Мораной и под землей в погребальной ладье, убитый неверными братьями. Грифон и овен означают: меч дает царю и царству победу в бою и изобилие. - Подумав, он добавил: - Немцы зовут Даждьбога Бальдром, а Морану - Нанной. А его неверного брата - Хедром Слепым.

-- Все правильно, сынок, - кивнул Вышата. - Вот главного не сказал: меч поможет царю, только если сам он будет праведен, как Даждьбог, и готов бороться за Огненную Правду до самой смерти.

Вышко опустил голову. Мгер положил ему руку на плечо и сказал ободряюще:

-- Не беда, если это забудет совсем молодой волхв. Плохо, если забывают конунги... Так вот, Маробод возглавил два свевских племени, маркоманнов и квадов, и привел их в опустевший Бойохейм. Вскоре он подчинил себе все племена от Эльбы до Вислы и от Дуная до Венедского моря. Не было в Германии конунга богаче и сильнее его. Сам Август испугался такого сильного соседа и послал против него двенадцать легионов. С двух сторон, как сейчас, вошли они в Бойохейм. И тогда Братство Солнца подняло восстание среди паннонцев и далматов. Повстанцы подошли к границе Италии. Только десять дней пути оставалось им до Рима. Напуганный Август вернул легионы. Три года они заливали страну кровью. Мы ждали на помощь Маробода, но он так и не перешел Дуная. Зачем ему было освобождать других, если он сам обирал и притеснял подвластные племена? Не воевать с Римом он теперь хотел, а зваться другом и союзником римского народа - чтобы вино, шелк, дорогие сосуды рекой текли в его царство.

Но не забыл своей клятвы Арминий. Его-то племя на себе попробовало римских мытарей и продажных судей. Херуски восстали и в Тевтобургском лесу истребили три легиона. Восемь лет воевал Арминий, пока не прогнал римлян за Рейн. А потом двинулся на клятвопреступника Маробода. Два рунных меча скрестились, и конунг свевов бежал, разбитый. Он молил римлян о помощи, но те лишь издевались над ним. Только смерть

Арминия от руки изменников спасла Маробода. Но тут восстали готы. Конунг Катуальда ворвался в столицу свевов. Великий конунг бежал, а его меч попал в руки Катуальды.

-- Катуальда - лучший из наших конунгов! Он освободил от Маробода все племена! - воскликнул Сигвульф. - Разве не был он достоин меча Солнца?

-- Нет, - покачал головой Мгер. - Он разрушил великое царство, а сам лишь разбойничал, где только мог. За это римляне и засыпали его подарками. К ним он и бежал, когда его разбили тюринги. А рунный меч под шумок похитил квад Ванний, пройдоха и римский лазутчик. Этого своего холуя римляне и поставили конунгом в Бойохейме.

-- Но что же стало с Катуальдой? - спросил Сигвульф. - Мы, готы, верили, что он вернется. Что он с дружиной сидит в пещере, погруженный в колдовской сон...

-- Эта пещера называется Форум Юлия. Городок в Галлии, у теплого моря. Там ваш конунг и умер. А Маробод - в Равенне. Рим не отпускал их, да они и не рвались назад, в ваши холодные леса. Они ведь нашли все, к чему стремились. Вина, роскошные ткани, украшения, мраморные виллы... Разве кто-то из их дружинников к вам вернулся?

-- Никто, - угрюмо опустил голову Сигвульф. - Клянусь молотом Тора, другого я вызвал бы на поединок за такие слова... Скажи, умерли ли они хотя бы в бою, как пристало воинам и конунгам?

-- Нет. Маробод уже стариком умер после охоты. А Катуальда с дружинниками погиб под лавиной в Альпах, тоже на охоте. Ни Валгалла, ни Хель не приняли их, и они стали дикими охотниками.

-- Так почему же дикая охота Катуальды не прилетела, когда наше племя били разбойники Берига? - в голосе Сигвульфа слышалось страдание.

-- Дикие охотники - слишком беспокойные соседи для боязливых римских горожан. Симон Маг загнал обоих конунгов с дружинами в могилы и запечатал их там. А теперь мое с Иосифом и Каллиником дело - вызвать дух Маробода к его мечу и его племени. Пусть исполнит клятву хоть после смерти!

-- Тогда вызволи и дух Катуальды! - горячо воскликнул молодой Валамир. - Я знаю, он поможет родичам. Немало готов живет с тех пор в Бойохейме...

-- Э, нет! Прости, не могу. Если выпустить обоих конунгов, они же сцепятся, как голодные волки. Я вызову только Маробода.

-- Конечно. Ты же не гот! - обиженно произнес Валамир.

-- Я армянин, разве не помнишь? Но прежде всего - человек.

И даже ради Армении, клянусь Михром, я не сделаю того, отчего зла и ненужных раздоров в мире станет больше, а не меньше.

-- Хорошо, а что стало с мечом Арминия, и как меч Маробода попал к тебе, князь? - спросил Еммечько.

-- Меч Арминия погребен вместе с ним, а дух конунга - в Валгалле. Ведь он погиб в схватке с убийцами. А Марободовым мечом тридцать лет владел Ванний. Он понял, что солнечный меч - не помощник в неправедных делах. И потому брал его только тогда, когда защищал племя или мстил за набеги. А просто грабить соседей шел с другим оружием. С римлянами же вовсе не воевал. За это они ему и платили. Поначалу он старался слыть справедливым. Но потом стал обирать народ не хуже римского наместника. Ведь чем чаще он бывал за Дунаем, тем больше приучался к роскоши, а на нее нужны были деньги. Бойохейм наводнили торгаши и ростовщики. Свевов обманывали, спаивали, за долги обращали в рабство.

Наконец конунг нанял орду языгов, чтобы выколачивать дань из свевов и их соседей. И тогда Вангион и Сидон, племянники конунга, подняли народ. Братство Солнца послало на помощь им двоих магов: херуска Теобальда и меня, его ученика. Вай, что за время было! Все народы сдвинулись с мест. Тогда Фарзой создал свое царство и выгнал языгов за Карпаты. Росы покорили венедов, а ты, Ардагаст, тогда родился. А с тобой, Вышата, мы виделись на Афоне, в развалинах города царя Алексарха, основателя Братства. Сколько народов я увидел, сколько чудес, сколько тайн узнал от Теобальда! Он был воин и маг, соратник Арминия. От него я научился рунам, кузнечной магии и владению оружием. А еще - искать мудрость у всех народов, среди всех племен и сословий.

Восставшим пришлось плохо: языги все опустошали, а от песиголовцев, что пришли с ними, нельзя было скрыться даже в дебрях. Тогда мы с Теобальдом позвали на помощь тюрингов и лугов-вандалов. Теперь уже Ванний не знал, куда скрыться. При нем был некромант Захария Самаритянин, ученик Симона Мага. Он и подбил конунга на нечестивое и опасное дело: открыть Бычью Скалу.

-- Бычья Скала? Я вырос в этих краях и знаю: то - самое недоброе и проклятое место после Мачехи. Только злые колдуны и ведьмы рискуют ходить туда, - заметил Сигвульф.

-- Да, это место страшное. Был некогда венетский царь Бустурон, что славился жестокостью, а еще больше - распутством. Кто не отдавал ему дочь или даже жену в наложницы, он сжигал живьем в медном быке. Быка этого сделал и посвятил владычице пекла захожий колдун-этруск. В конце концов, когда в царство

Бустурона пришли с набегом скифы, многие венеты перешли на их сторону. Царь, смертельно раненый, укрылся в пещере, где находилась священная кузница и стоял Медный бык. С ним были шестеро дружинников и тридцать пять жен и наложниц. Бустурон велел дружинникам убить всех женщин и покончить с собой. Этой жертвой он хотел оживить быка. Отборные злодеи, которым некуда было деваться, выполнили приказ. Скифы и венеты, подступившие к пещере, увидели там мертвого царя, сидевшего на боевой колеснице, в бронзовых доспехах и серебряном венце, а вокруг него - трупы женщин и воинов, многие с отсеченными руками, ногами, головами. На трупах блестели золото и янтарь, а на каменном жертвеннике лежали, в браслетах и перстнях, отсеченные руки главной царицы и чаша из ее черепа. Из глубины пещеры на все это взирал огромный медный бык с железным треугольником - знаком подземной богини - во лбу. Еще в пещере были большие запасы еды, наковальни, литейные тигли, кузнечные инструменты.

Победители хотели ограбить трупы, но вдруг пещеру огласил громовой рев. Медное чудовище, раскаленное докрасна, шло на людей. Из пасти его вырывалось черно-красное пекельное пламя. Даже скифы дрогнули перед ним. Но был среди них могучий волхв. Он велел свалить в кучу факелы и бросил в этот костер две священные секиры со знаками Солнца и Грома. И доброе золотое пламя сожгло колесницу с телом царя, а чудище остановило. Пока бык ревел и бесновался, люди завалили вход, а волхв запечатал его мощным заклятием.

-- А куда делся шестой дружинник? Ведь мертвых воинов было пять, - спросил памятливый Вышко.

-- Он-то ушел живым - через другой ход, что вел вглубь, чуть ли не в само пекло. Каких демонов и чудовищ увидел он по дороге, кому из них продал душу - неведомо. Верно одно: он запомнил заклинание, оживлявшее Медного Быка. У дружинника это заклятие выведал один этрусский колдун, и с тех пор оно гуляло по свиткам чернокнижников, пока не попало к Захарии. Мы узнали от одной дворцовой рабыни: самаритянин хочет закалить меч в огне бычьей пасти, чтобы посвятить его Черному Солнцу, и похваляется, будто сможет подчинить Медного Быка своей воле; ночью они с Ваннием отправятся к Бычьей Скале.

Мы с учителем и десятком воинов-словен двинулись туда же. И вдруг наткнулись на шайку горных троллей, что гнались за зелигенами - лесными девами. Разве могли мы не защитить таких прекрасных и добрых богинь? Все тролли погибли, но нас осталось только шестеро. И на место мы пришли в самый разгар колдовства. Страшный рев сотрясал скалу. Сквозь камень, словно

сквозь слюду, светилась красная бычья тень. Из дыры над заваленным входом и из щелей между камнями завала вырывалось черно-красное пламя. А с конунгом было двадцать отборных дружинников.

И тогда мы с боевым кличем бросились на Ванния и его людей. Учитель, раскинув руки, встал лицом к скале, а мы - спинами к нему. Словене бились, как львы, и гибли один за другим. В учителя тоже летели копья и стрелы, а он кровью из своих ран чертил руны на скале. И вот уже рев стал стихать, и все чары Захарии оказывались бессильны. Вдруг некромант что-то сказал Ваннию, и тот поднял рунный меч. Из "окна" в скале вырвался язык пекельного пламени, изогнулся дугой и достиг клинка. И тут меч вспыхнул - не тем, бесовским, а чистым, золотым огнем. Рукавица конунга сгорела, он с руганью выронил оружие и замахал обожженной рукой.

А я уже остался один, и меч мой, застрявший в щите квада, был сломан. Видит Михр, я до сих пор не знаю, как решился тогда броситься вперед, отбиваясь обломком меча и акинаком, и поднять пылающий клинок. Но святое пламя не обожгло меня. И тогда все - конунг, маг, дружинники - бросились бежать, забыв об оружии и чарах. Я обернулся к учителю. Высокий, с седой бородой во всю грудь, стоял он, привалившись спиной к скале. В теле его торчали несколько стрел и копий, но рука еще крепко сжимала меч, окровавленный по рукоять. На лице была спокойная, величавая улыбка.

-- Я ухожу, Мгер. Хороша Валгалла, но мое место - на Белом острове. Главное - мы не выпустили эту медную тварь. Хорошо бы уничтожить ее, но эта дичь - не для смертных, а для дикого охотника.

Сжечь тела Теобальда и словен и насыпать курган мне помогли зелигены. Славные они: в лесу зверей берегут, поселянам помогают - и в поле, и со скотиной, и по дому. Травы целебные знают. Танцевать любят. А красивые какие! Волосы светлые, легкие, как самый чистый лен, глаза голубые, как летнее небо. У людей женщины такими красивыми не бывают!

-- Зато мавки бывают. Есть одна мавка на Черной горе - никакая зелигена с ней не сравнится. Это Марика, моя жена, - сказал Яснозор.

-- Не буду спорить, - усмехнулся Мгер. - Словом, после той ночи Ванний с дружиной бежал за Дунай. А римляне выставили целый легион: боялись, что мы вторгнемся следом. Там, в Паннонии, этот их холуй и умер. Отравился плохо замаринованными осьминогами.

-- Он что, тоже стал диким охотником? - спросил Еммечько.

-- Да нет, после такой смерти и такой жизни попадают прямо в Хель. А меч Маробода так и остался у меня. Взять его и принести клятву воина Солнца не решились ни Сидон, ни Вангион. Ведь для этого нужно думать не только о своем племени. Державы, подобной Марободовой, так и не создал ни один конунг... А Захарии я отплатил за смерть учителя лишь через тринадцать лет, в Пантикапее. Сейчас Валент совсем недалеко от нас, и Бесомир, его прихвостень и лазутчик, тоже. Наверняка хоть один из них владеет заклятьем шестого дружинника.

Росы молча глядели, как блестит в свете очага золото рун и бронза ножен солнечного меча. Вышата тихо поставил рядом Колаксаеву Чашу, а Яснозор положил секиру, подаренную ему Перуном. Все понимали: могучие силы схватятся вскоре в Бойохейме. Сила Тьмы с силами Солнца и Грома. Благоговейное молчание нарушил голос дружинника:

-- Солнце-Царь! К тебе вестник царя язигов.

В шатер просунулась почему-то очень высоко, большая собачья морда. Следом вошел ее обладатель: громадный, широкоплечий, в полушубке мехом наружу, с мечом у пояса и секирой в руке. Его сородичей, таившихся в самых глухих ущельях и пещерах Карпат, все знали, как безжалостных разбойников и людоедов. Язигов, бравших их с собой в набеги, самих прозвали "песиголовцами". Громко и отрывисто пришелец проговорил:

-- Царь Арнакутай, Дикий Пес, хотел уже увести орду на верхнюю Тису, защищать свои кочевья. Но, если ты идешь в Бойохейм, его всадники тоже пойдут к Эбуродуну. Он знает: где ты - там помощь Солнца, там победа.

-- Что, твой царь не смог послать никого лучше тебя? Гляди, мои волки не любят псины, - осклабился Волх.

-- Сам пес, вот и пса прислал. На, собака! - и Яснозор бросил песиголовцу кусок вепрятины. Тот оскалился, заворчал, но мяса не поднял и гордо сказал:

-- Царского посла и вожака стаи так не угощают.

Недобро взглянув на него, гуцул протянул руку к секире. И тут раздался спокойный, твердый голос Ардагаста:

-- Он прав. Мы сейчас союзники, и враг у нас один. Тот, для кого все мы - варвары, рабы, хуже псов.

-- Я только гляжу, не польстились бы эти псы снова на сытные римские харчи, - прищурился Яснозор.

-- Римляне кормят хорошо, но забирают волю, - сказал песиголловец. - Кое-кого из нас они ловили и выставляли напоказ.

-- Верно, - кивнул Сигвульф. - Попробовал я римской службы, с розгами, зуботычинами и караулом вне очереди. Вот уж где собачья жизнь!

-- Вы, кроме Вышаты, еще не пробовали римского рабства. Но этого я и врагу не пожелаю! - с чувством сказал Хор-алдар.

Рада встала, подошла к песиголовцу с куском мяса и кружкой меда и сказала:

- Садись к нашему очагу и угощайся, вестник. Ты ведь принес нам добрую весть. Вы, язьги и песиголовцы, храбрые воины. Хорошо, что вы теперь с нами.

Пришелец благодарно склонил песью голову и сказал:

-- Ты не только красива и отважна, царевна, но и добра. Не дашь ли мне еще и хлеба? Да, я, Гаур, вожак сомешской стаи, знаю обычай людей и их собак: нельзя предать того, чей хлеб ты ел.

* * *

На холме над рекой Сватавой поднимались старинные, построенные еще кельтами валы города Эбуродуна. Деревянные клети, забитые землей и щебенкой, предохраняли их от таранов, а каменные плиты, покрывавшие валы, защищали торцы балок от огня. В отличие от других германцев, бойохеймские свевы не пренебрегали укреплениями. На каменных фундаментах кельтских домов стояли германские мазанки, в которых жилье и хлев находились под одной соломенной кровлей.

В этот зимний вечер город и его окрестности были переполнены. С севера подошла рать маркоманнов, с юга - квадов, с востока - язьги и росы. Еще и немало поселян сбежалось под защиту укреплений. Все знали: с двух сторон приближаются легионы, император - в одном переходе отсюда, до Рубрия - день конного пути. Но не страх царил в городе, даже не ярость, а праздничное оживление. Дома были разукрашены зелеными еловыми лапами, ветками бука и можжевельника. С дымом разносились аппетитные запахи. В дома, шатры, к кострам радушно звали своих и чужих. Далеко разносилось гудение турьих рогов и звуки волынок. Ватагами расхаживали с песнями и плясками ряженые. Рогатые маски, жуткие наряды - словно нечисть вырвалась с того света. И - заразительное, неудержимое веселье.

На землю свевов пришел Йоль - день Рождества Бальдра-Солнца. Наступали Дни Судьбы - двенадцать самых святых и страшных дней между старым и новым годом. Дни разгула духов

умерших, когда бушует дикая охота и властвуют повелители мертвецов - Дикий Охотник Водан и Железная Перхта, которых на севере зовут Один и Хель. Но для того и празднуют живые эти дни весело, сытно, даже буйно, чтобы смерть, нужда и страх не воцарились навсегда в земном мире.

Роскошнее всего праздновали Йоль в большом доме вождя города - герцога Эбериха. Столы ломились от снеди. На деревянных и серебряных блюдах громоздились кровяные колбасы, дымились свиные головы и зажаренные с яблоками гуси, исходили горячим паром свежие хлеба, отмеченные солнечными крестами - от троллей, и печенья со знаками Солнца. В серебряных кубках пенилось особое йольское пиво, густое и крепкое, в разноцветных стеклянных чашах искрилось хиосское и критское вино. И над всем этим изобилием возвышались сделанные из соломы козел и вепрь --священные звери Донара-громовника и солнечного Фрейра. Сумрачный Водан нес людям смерть и посмертную славу, а эти два простых и веселых бога - жизнь, урожай и изобилие.

В обычных домах посреди стола ставили деревце - елочку или бук. Здесь же у дальней стены красовались высокая разлапистая елка, увешанная яблоками и пряниками и усаженная горящими свечами. Под ней восседали самые почетные гости: оба конунга, Вангион и Сидон. Ванний дважды выдавал с большой выгодой замуж свою сестру Кунигунду: за конунга рейнского племени вангионов и царевича карпатских сидонов. От них и родились эти два с виду столь непохожих брата. Вангион, степенный и рассудительный, отличался широкими плечами и окладистой белокурой бородой. Порывистый и отчаянно храбрый Сидон на кельтский лад брил бороду и носил длинные вислые усы. Дядя постарался дать обоим римское образование, однако лишь Вангион стал любителем Гомера и Вергилия, Сидон же всем книгам предпочитал песни и сказания бардов. В одном братья оказались единодушны: римские пороки вызвали у них отвращение, а страдания соплеменников в рабстве - сочувствие. У обоих сжимались кулаки при виде германцев, умиравших на арене под кровожадные вопли трусливых патрициев. Свергнув дядю, Вангион возглавил племя маркоманнов, а Сидон - квадов.

Рядом с братьями сидел хозяин дома - приземистый, с широким грубоватым лицом и жесткой, как щетина, бородой. Силу и храбрость герцога подтверждали украшавшие стены римские мечи, шлемы, панцири и головы самых могучих зверей - медведей, туров, зубров. Была даже голова тигра, убитого Эберихом в аквилейском цирке. Жена герцога, полная и далеко не молодая, мало напоминала сейчас ту стройную германскую

девушку, которую он тогда бросился спасать от жуткой смерти. "Что тигр? Я думал, все это сборище нидингов бросится на меня за то, что я лишил их потехи", - говорил он Ардагасту. Царь росов сразу завоевал уважение герцога своим чепраком из шкуры тигра, которого Зореславич добыл в далекой Бактрии.

Были среди гостей и сам Ардагаст с соратниками, и Арнакутай языгский, даже песиголовцу Гауру нашлось место. Ждали самую почетную гостью - Ганну, верховную пророчицу свевов. Но вот уже мчатся через город сани, разукрашенные бронзой и запряженные тройкой белых коней. За ними, распевая и приплясывая, поспешили росские русальцы и свевские ряженые.

Знатные гости встали, приветствуя стройную женщину лет сорока пяти, с гордым и прекрасным лицом. Ее роскошные светлые волосы свободно падали на белый плащ, скрепленный золотой застежкой с эмалью. Ряженые, почтительно молча, столпились у двери. Полная достоинства, гостья воссела напротив конунгов. С изяществом патрицианки пригубила она чашу вина и заговорила чистым высоким голосом:

-- Приветствую вас, славные конунги и герцоги маркоманнов и квадов! Да хранят вас боги в новом году! В этот святой вечер мое место - в священной роще семнонов, но я поспешила к вам, чтобы спасти Бойохейм. Много раз бросала я руны и слушала голоса богов. Знайте же: Водан отвратился от вас, и Бойохейм погибнет, если не покорится кесарю. Такова же судьба Дакии и страны языгов. Непокорные будут истреблены или уведены в рабство, и земли их римляне заселят людьми с юга, что не знают вашей речи и запомнят разве что ваше имя.

-- Мы, наследники славы Маробода, по-твоему, должны сами пойти в рабство? - вспыхнул Сидон. Остальные знатные свевы лишь угрюмо молчали.

-- Бойи тоже были славны, могучи и богаты. Где они теперь?

-- Их остатки - за Дунаем, в Паннонии. Отдают последний ас римским мытарям, а потом ищут, чем откупиться от римских судей. Кто не имеет римского гражданства, продает своих детей. Кто имеет, может лишь просить подачек у тех, кто его же разорил. Ты этого желаешь и нам, великая пророчица?

-- Тщетно желать или не желать неизбежного. Его можно лишь узнать - и покориться или погибнуть. Желаешь ли ты гибели своему племени, конунг Сидон:?

-- Я желаю ему славы Арминия!

-- Он мертв, а племя его бедно и слабо. Римляне не покорили его лишь потому, что есть племена поближе и побогаче. Хатты уже разбиты, даки побеждены. На что надеетесь вы? Да знаете вы, что такое Рим? Я была там. Видела могучих чародеев, с

которыми не сравнится никто в Германии. У самого сильного из них семь перстней, в которых сила семи богов и семи светил. Видела книги, написанные этрусскими рунами, но не могла их прочесть. - Глаза пророчицы горели восторгом, она говорила, словно вещала, созерцая иной мир. - Волшебник с семью перстнями раскрыл мой духовный взор, и я увидела, будто с вершины Иггдразиля, всю Империю. Вам не под силу взять и одного каменного города, а их там сотни. Вы не можете справиться с парой легионов, а их десятки, и все в новых провинциях: старые держит в покорности одно имя кесаря. Я видела огромные оружейные мастерские, видела мощеные дороги - по ним можно перебросить легион с одного конца Империи на другой в любое время года. Так кого же больше любит Отец Битв: вас или презираемых вами римлян? Есть ли племя, способное надолго устоять перед Римом?

Знатные свевы подавленно молчали. Лишь Вангион ответил со спокойствием обреченного:

-- Есть племя, которое погибнет, но не станет рабами, покорными одному имени кесаря. Если таков приговор норн, прях судьбы, мы встретим его с мечами в руках, а не с веревками на шее. Это племя - маркоманны, и я - его конунг.

-- Клянусь копьем Водана, квады ни в чем не уступят маркоманнам! - твердо произнес Сидон.

-- Есть племя, что уйдет на другой конец Великой Степи, и легионам не догнать его, как не догнать степного ветра. Я - царь этого племени, - сказал Арнакутай.

-- Погибнуть или бежать - все, что вы можете? - пренебрежительно взглянула на них пророчица. И тут ее холодные синие глаза встретились с бесстрашным взглядом голубых глаз Ардагаста.

-- Я - царь племени, что никогда не убегало из своей земли и не мирилось с рабством. Мы - поляне, сколоты-пахари, венеды, росы - меняли имя, но не душу. Мы порой гнемся, но не ломаемся. Где те могучие народы и царства, что хотели покорить и даже покоряли нас? Где киммерийцы, скифы, сарматы царские? Где великое царство Дария, что не уступало Империи? Нет уже и Аорсии, а мы были, есть и будем, пока останемся верны Огненной Правде. А она велит нам защищать земной мир от Тьмы и ее слуг.

Из толпы ряженых, стоявших под стеной, выступил Вышата. Его голос властно зазвучал из-под львиной маски:

-- Да, такую судьбу спряли нам норны-рожаницы. На то и дали нам светлые боги святую и щедрую землю Днепровскую. Без того недостойны мы будем ею владеть, и рассеемся, и утратим всякое имя, и сгинет память о нас.

Из-под бычьей личины заговорил великан-кшатрий:

-- Судьба росов - не та, что желающего ведет, а не желающего тащит. Это - дхарма, священный долг. Она есть не только у человека, но и у племени. Не исполнивший ее достоин вновь родиться червем, а рабом стать еще при жизни. Или томиться между жизнью и смертью, как ваш конунг Маробод.

Клекотом горного орла разнесся голос Мгера:

-- Вожди свевов! Вы не просто защищаете ваши племена от кесаря Домициана. Вы спасаете мир! В теле Домициана живет проклятый дух Нерона Меднобородого. Им владеют черные колдуны и торгаши без совести, а их душами - сам Локи-Ахриман. Не Бойохейм им нужен - весь мир. Остановите же этих троллей в людском обличье, как мы, армяне, остановили легионы Нерона! Если у живых мало сил - вам помогут мертвые. - Он обнажил рунный клинок. - Вот меч Маробода, который вы доверили мне много лет назад. В эту святую ночь я вызову его дух, заточенный в могиле римским колдуном. Пусть дух конунга возьмет дух солнечного меча и выполнит священную клятву!

Многие из знатных свевов еще помнили молодого воина-мага из Армении, веселого и отважного. Теперь молодость словно вернулась к ним самим. Все заметно оживились, одобрительно зашумели. Лишь Ганна презрительно скривила губы.

-- Да что вы собрались защищать? Во всем Бойохейме, во всей вашей свободной Германии нет ни одной мощеной дороги. В таком "дворце", как этот, римляне разве что рабов поселят. Да вы сами знаете, как живет римская знать. Почему бы нам, благородным германцам, не жить так же?

-- Да, мы знаем, как они живут. Слишком хорошо знаем. И я скорее соглашусь превратиться в похотливого осла, чем в римлянина, - ответил Вангион.

Все захохотали, вспомнив римскую байку про незадачливого юнца, что был обращен в осла, и в таком виде ублажал богатых женщин. Молчавший до сих пор Эберих взглянул в глаза пророчице.

-- Так вот чего тебе надо: жить, как патрицианка! То-то плащ на тебе шелковый. И перстни с резными камнями.

-- По-твоему, пророчицу можно купить? - гордо взглянула на него Ганна.

-- Пророчиц не покупают, - саркастически произнес Хилиарх. - Их очаровывают. Тот, с семью перстнями этим тоже славится. Тут ему хватает одного из них - перстня Венеры-Фрейи. Такого, как у тебя: медного, с изумрудом, на камне вырезана коза.

Стиснув кулаки, Эберих бросил в лицо Ганне два слова:

-- Римская шлюха!

Редкий германец решался сказать подобное женщине, а тем более пророчице. В напряженной тишине раздался спокойный голос Вангиона:

-- Ты не прав, герцог. Шлюха торгует собой, а она - всем народом свевов.

Величественное красивое лицо Ганны враз исказила холодная змеиная ярость.

-- Вы смеете оскорблять меня, говорящую с богами?

-- Твоим языком говорят Локи, главный лжец, и ведьма Гульвейг - Жажда Золота! - воскликнул Сидон.

-- Моими устами говорит та, что древнее и сильнее всех ваших богов, всех асов и ванов. Прежде всех времен были тьма и вода, и владычица их - Железная Перхта, Ужасная Хольда, Хель! Вы, мужчины, воины, сделали девочку Ганну сиротой, а она - волшебницей и пророчицей. Эта ночь не Бальдра, не Водана - ее, повелительницы мертвых, хозяйки пропастей и трясин! Чертите руны мечами, зовите мертвых конунгов - вы все, живые и мертвые, содрогнетесь, когда из жерла Мачехи выйдет она со своей дикой охотой! Знайте: в эту ночь оборвется нить жизни славного конунга, избранника Бальдра, и оборвет ее она, великая пряха! Откроется Бычья Скала, и бык Хольды выйдет на погибель Бойохейма! - воздев руки, вещала в исступлении Ганна.

-- Кем пугаешь мужей, ведьма? Ягой? Она уж на себе мою руку попробовала. А наступит час - за мной придет Морана. Солнцу ли бояться заката? - отважно и весело ответил ей, поигрывая серебряным кубком с золотистым медом, Ардагаст.

Милана поднялась из-за стола и властно произнесла:

-- На Рождество в дом приходят с благословениями от Солнца, а не с угрозами от Тьмы. Встань, ведьма, не благословясь, иди, не молясь, в лес, в пропасть, где петухи не поют, собаки не лают, добрые люди не ходят. Изыди к Яге-Перхте, всех чертей матери!

Пророчица сверкнула глазами, готовая схватиться в колдовском поединке с лесной ведьмой. Но тут встала Лютица, прочертила в воздухе косой солнечный крест и громко сказала:

-- Изыди во тьму, от которой вещаешь! Наше место свято.

Содрогаясь всем телом, Ганна попятилась и вдруг бросилась бежать, словно подхваченная вихрем. Вслед ей насмешливо загудели дудки и волынки, русальцы же пропели колядку из тех, что поются скупым и неприветливым хозяевам. Гости облегченно расхохотались.

А русальцы принялись величать колядками сначала герцога - хозяина дома, затем обоих конунгов, Ардагаста и царя язигов. Желали богатства и мира, обильных урожаев и несчетных стад. А

еще - славной победы над римлянами и богатой добычи. Но вот зазвучала неистовая, зажигательная русальская мелодия. И понеслись вокруг столов, скрещивая мечи, ряженые - росы и германцы. Вывороченные кожухи, маски одна страшнее другой - будто сама дикая охота ворвалась в дом. Но блестел золотыми рунами солнечный клинок в руке Мгера, и все знали: в эту ночь даже неприкаянные мертвые встанут под знамя Солнца, чтобы защитить живых.

Наконец умолкла музыка. Ардагаст с Огненной Чашей в руке поднялся и сказал:

-- Добрые хозяева, мужи свевские! Спасибо за хлеб-соль! Счастливо вам отпраздновать Рождество самого праведного из богов! А мы идем вызывать дух великого царя Маробода. Путь наш - к Бычьей Скале. Нельзя дать ее открыть Ганне и другим лиходеям, что рыщут вокруг этой ночью.

-- Мы с братом идем с вами. А ты, Эберих, оставайся стеречь город, - поднялся Вангион.

-- Клянусь Бальдром, мы достойно проводим вас. Эй, побольше факелов! - крикнул герцог.

Русальцы, вожди росов и оба конунга ехали верхом к воротам. Их сопровождали десятка три самых лучших дружинников. Во много раз больше людей шли пешком с факелами. К ним присоединялись все новые и новые росы, свевы, языги - словно огненная река, разливаясь, текла вслед за росами. В морозном воздухе разносились крики: "Славься, Йоль! Слава Бальдру!", и торжественно лилось пение: "Тихая ночь, святая ночь. Родился Бальдр..." Проводив отъезжавших, свевы вернулись - к кострам и теплым очагам, нарядным елочкам и густому пиву. Бой ожидал их лишь завтра.

В римском стане к югу от Эбуродуна тоже царило веселье. Легионеры праздновали Рождество Непобедимого Солнца. В большой теплой палатке пировал с приближенными Нерон-Домициан, уверенный в завтрашней победе. Здесь, при солдатах, он избегал такого изощренного распутства, как в Риме, зато позволял себе самые грубые выходки. Почему бы и впрямь не отдохнуть от мальчиков и не поглумиться всласть над пленными германками? Разнообразие не дает пресытиться.

Вместе с кесарем усердствовал во славу Бахуса и Венеры его главный маг. Валент мог, как ему казалось, позволить себе расслабиться. Ведь он подготовил три отличных человеческих орудия, которые погубят в эту ночь царя росов, и отобьют у скифских волхвов охоту тягаться в некромантии со знатоками черных книг. Пусть за него, великого иерофанта, потрудятся варвары: пророчица, царь и друид.

* * *

Разукрашенные бронзой сани летели прочь от Эбуродуна. Когда стены города скрылись из вида, Ганна остановила коней, сняла белый плащ, надела его черной меховой подкладкой наружу и произнесла заклятие. Белые кони оборотились тремя огромными черными воронами, и сани, будто невесомые, взмыли вместе с ними в воздух и понеслись над заснеженным лесом на север. Тридцать восемь лет назад маленькая девочка Ганна брела этим лесом. Языги сожгли ее село, убили всех родных. Девочка не знала толком, кто, с кем и за что воюет. Она лишь понимала, что скоро с ней покончат либо холод и голод, либо волки. Не умея убивать, чтобы прокормить и защитить себя, она надеялась лишь на добрую Перхту, что в Дни Судьбы носит хорошим детям подарки.

Девочка обрадовалась, было, увидев нескольких мальчишек в белой одежде. Но потом по бледным лицам поняла: это утбурды, злые духи, что вырастают из душ младенцев, брошенных в голодное время в лесу или умерших до священного обливания водой и наречения имени. От их цепких сильных ручек и острых зубов не поздоровится и взрослому воину. В нее полетели снежки. Ганна бежала, а утбурды цепью гнали ее, будто дичь, и вместе с ними бежали, весело лая, молодые волки. "Погрейся, сестричка!" - доносилось сзади, и она поняла: это ее братья-близнецы, пять лет назад унесенные в лес.

Вот уже среди деревьев показался круглый черный зев Мачехи. Тогда Ганна едва успела в страхе остановиться, съежилась под ударами снежков, но снег под ней вдруг осел, и она полетела вниз. Теперь пророчица сама направила туда воронов. На краю пропасти играли в снежки утбурды.

-- Мальчики! Хозяйка дома? - спросила она.

-- Ага! Главная! За тобой, сестричка, уже ворону посылала, - отозвались близнецы.

Холодный синий огонь в руке волшебницы освещал ей путь сквозь жерло пропасти. Тогда девочка падала среди кромешной тьмы, пока не оказалась среди обширной пещеры на берегу подземной реки. В мертвенном белесом свете видны были свисавшие с высокого свода громадные белые сосульки сталактитов. Между ними стояла, опираясь на клюку, уродливая крючконосая старуха в черном поношенном платье.

-- Здравствуй, детка! Не умерла со страху, пока падала - значит, из тебя может выйти толк. А не выйдет - съесть всегда

успею. Бояться меня не надо - здесь боязливые долго не живут. Я - Перхта. Черная Перхта. Возьми-ка метлу да прибери поживее! Набросали тут сверху всякого...

Пол был усеян обломками человеческих костей и черепов.

Так началось ее ученичество у подземной хозяйки - одной из двадцати двух черных перхт. Бойкая, но послушная девочка быстро привыкла к призракам, злым духам, вервольфам, ведьмам, к их жутким обрядам и людоедским пиршествам. Иногда в пещеру являлась сама главная, Железная Перхта. Тогда ей старательно варили и жарили самых отборных младенцев, а она, неторопливо обглодав косточки, решала, что делать с душами: тоже съесть, сделать утбурдами или вселить в тела будущих колдунов и ведьм.

Ганне, однако, человечины не давали. Хозяйки готовили маленькую колдунью для другого. Научившись хорошенько не только темным чарам, но и изощренному притворству, белокурая сиротка вернулась в земной мир, вскоре напросилась в ученицы к верховной пророчице свевов и в конце концов заняла ее место в священной роще. Все уважали добрую и мудрую пророчицу Ганну. Сочувствовали тому, что не все дети пошли в нее: младшая дочь вдруг оказалась в ведьмовской школе Эрменгильды, а сын - в шайке вервольфов. И мало кто хотя бы догадывался о причастности Ганны ко многим темным делам. Например, к загадочной смерти Веледы, великой пророчицы, поднявшей рейнских германцев против Рима. Все знали: Ганна заботится о мире между племенами, особенно же о мире с Империей.

Достигнув дна пропасти, волшебница предоставила сани и воронов заботам утбурдов, и уверенным шагом направилась вглубь пещеры. В обширном зале толпились ведьмы, колдуны, оборотни и всевозможная нечисть: тролли, рюбецали, что морочат людей в горах, бильвизы, опустошающие поля. Трудягигномы, обитавшие в соседних пещерах, на этом сборище обычно не появлялись и даже штольни свои старались не доводить до Мачехи.

Обмениваясь новостями со знакомыми ведьмами и едва кивая всяким горным и лесным пакостникам, Ганна подошла к трону из человеческих костей. Восседавшая на нем могучая косматая старуха в черном любезно улыбнулась пророчице, блеснув крепкими железными зубами.

-- Здравствуй, Ганна, девочка! Хорошо служишь моей белой сестрице?

-- Так хорошо, что никто не знает, как я служу тебе. Трудно, конечно, но так легче всего заставить праведное дурачье делать то, что нужно нам.

-- Ты уж старайся, детка. Что, уговорила бойохеймцев покориться?

-- Нет. К ним заявился сармат Ардагаст, избранник Бальдра, с целой шайкой солнечных волхвов и ряженых. Они такое затеяли...

Выслушав рассказ пророчицы, старуха возмущенно хлопнула ладонью по черепу на подлокотнике.

-- За что взялись, солнечные да праведные! Мертвых вызывать, да еще у Бычьей Скалы? Мало им, извергам, скотину мою замуровать! Так мы их отучим не своим делом заниматься... Дикая охота, ко мне!

Старуха встала с трона и обратилась в настоящее чудовище. Вместо волос и одежды тело ее и даже лицо покрыла мохнатая черная шерсть. На голове выросли две пары причудливо изогнутых рогов, а изо рта высунулись мощные железные клыки. Сборище взорвалось диким ревом и воем, приветствуя свою предводительницу, затем расступилось, давая ей дорогу.

К Ганне подбежал крупный волк, лизнул в щеку и сказал:

-- Здравствуй, мама! Все в порядке, я снова центурион.

-- Молодец, Хейдрих... то есть, Луций! Гляди, в другой раз насилуй рабынь или простолюдинок, а не сенаторских дочек. А как Герта?

-- Сидит над магическими книгами, учится у фессалийских колдуний, а заодно развлекается с молодыми некромантами.

-- Вот и хорошо. Пусть только не лезет сюда, на войну. Бедняжка, еле спаслась из этой бойни в Янтарном. А ты можешь бежать к Валенту. Доложи: царька росов проучит сама Геката.

Тишину заснеженного леса нарушил вдруг подземный гул. Из жерла Мачехи вырвался вихрь и наполнил лес воем, стоном, ревом. Взметая тучи снега, ломая ветви, пугая зверей, понеслась над лесом толпа призраков. ведьм, утбурдов, рюбецалей... Впереди всех летела, оседлав помело, громадная, обросшая шерстью старуха с железными клыками и огромными, волосатыми, болтающимися на лету грудями с железными сосками.

Сборище, впрочем, вылетело из Мачехи не сразу, а часа через два, после обильного и шумного пиршества. За это время волк по имени Луций Флавий Хейдрих успел добежать до Бычьей скалы.

* * *

Небольшой отряд ехал долиной Сватавы на север. Ардагаст,

посмеиваясь, рассказывал братьям-конунгам, как ему приходилось встречать Рождество: то пробираясь всю ночь к столице нуров через лес, полный нечисти, то закованным в цепи по приказу Фарзоя. Сигвульф оживленно беседовал с давно не виденными родичами из племени Катуальды, ныне дружинниками Сидона. Волх и его оборотни донимали шутками песиголовца Гаура. Вдруг по лесу разнесся пронзительный, безысходно-тоскливый крик. Конунг квадов произнес дрогнувшим голосом:

-- Банши. Эти духи остались здесь от кельтов. Их крик предвещает смерть герцога или даже конунга.

-- Я этих крикунов уже слышал, - беззаботно усмехнулся Зореславич. - Только напророчили они погибель не мне, а Цернориgу, царю бастарнов. Не его ли сынка, "ночного царя" привечают? Наверняка он где-то рядом. А если и меня, так я все равно с дороги не сверну!

Крик банши слышал и Гвидо. Словно стая волков, следовала его дружина за отрядом Ардагаста, но не смела напасть. Если в бою погибнет отважный Сидон - к его дяде Клондику дороги уже не будет. Остается ударить тогда, когда все будут заняты чарами, когда мертвые явятся к живым. Пусть тогда разберутся, убил ли царя росов сын Цернорига или его призрак. Месть - радость воина. Но почему, о боги, так тоскливо на душе Гвидо? И по ком кричит банши?

Вскоре отряд свернул направо, в небольшую долину. На ее северном склоне выступала отвесная скала. Внизу ее выделялся плотно забитый камнями вход в пещеру, наверху чернело "окно". В лунном свете на камнях краснели руны: кто-то пытался - и, конечно, не с добрыми целями - открыть Бычью скалу. У входа в долину, над замерзшим потоком, белел обставленный камнями курган - могила Теобальда и венедов. Дружинники развели костер. Русальцы встали наготове с мечами и жезлами в руках. Мгер поднял перед собой меч Маробода. Золото рун, бронза ножен горели в свете костра. Над долиной разнесся голос князя-мага:

-- Маробод, великий конунг свевов! Твой меч зовет тебя к себе, твое племя, твоя неисполненная клятва! Именем светлого Бальдра - приди и возьми дух меча, спаси Бойохейм, защити всех людей от кесаря-мертвеца, раба Локи!

Сила, заключенная в этих словах, понеслась гораздо дальше их самих - на юг, к лазурным волнам Адриатики, к Равенне, главной стоянке флота Империи. Эта крепость была неприступна не только с моря, но и с суши - из-за обширных болот. В самой середине этих топей возвышался курган, покрытый пожухлой

травой. На вершине его стояла мраморная стела с изображением всадника и надписью рунами и латинскими буквами. Вдоль подножия кургана шла словно бы ограда из таких же стел со всадниками и надписями, но высеченных из простого известняка. Иные стелы уже покосились, мощеная дорожка через топь заплыла землей и заросла. Место это пользовалось у равеннских горожан такой недоброй славой, что даже дети и внуки погребенных в кургане избегали приходить сюда, предпочитая приносить предкам-варварам жертвы на домашних алтарях.

Когда двое молодых людей, еврей и эллин, и их спутница-варварка стали вдруг расспрашивать путь к могиле Маробода, никто не взялся их провести. Они все же отправились туда, да еще в ночь Рождества Непобедимого Солнца, в которую призраки погребенных варваров больше всего бесчинствовали, покуда их не заклял за изрядные деньги знаменитый маг из Самарии. Рассудив, что в такое время идти туда могут только самые опасные колдуны и некроманты, два десятка горожан выпили для храбрости и прямо из таверны двинулись к кургану. Вел их Фабий Балиста, отставной центурион, а ныне децемвир. За ветераном, громко похвалявшимся своими подвигами на Рейне, семенил, кутаясь в расшитую магическими знаками хламиду, местный лекарь и чародей Эней Сильвий.

Вскоре отважные горожане смогли убедиться в справедливости своих худших подозрений. Пришельцы стояли перед курганом, очертив себя магическим кругом. Иудей держал жертвенный нож, эллин - меч. У ног их дымилась курильница и лежал связанный черный барашек. Варварка, завидев равенцев, быстро наложила стрелу на тетиву скифского лука.

-- Именем городской курии - прекратить! - рявкнул децемвир. - Что за злодейство вы тут затеяли?

-- Они чернокнижники, клянусь Гермесом Трижды Величайшим! Хотят вызвать кровожадных демонов, в которых обратились мертвые варвары. Не иначе как для погубления нашего города! - уверенно заявил Эней Сильвий.

-- Чернокнижник и вызыватель мертвых, недоученный к тому же - ты сам, Ония бен Исаак! - отчеканил в ответ иудей. - Запускаешь в дома призраков, чтобы потом изгонять их за большую плату. Еще и порчу насылаешь. Из Дамаска тебя за это выгнали, так ты сюда забрался.

-- Но, почтенный рабби, я же никогда не вредил ни одному иудею. Только гоям, клянуь Ершалаимом, за разрушение которого я им мщу по мере сил! - вкрадчиво произнес по-арамейски чародей.

-- Вот из-за таких, как ты, нас и считают врагами рода

человеческого! Ты путался с Валентом и Братством Тьмы. Не они ли приставили тебя к этой могиле?

-- Если мы не можем договориться, как добрые иудеи..., - Ония обернулся к Балисте и сказал по-латыни: - Господин децемвир[51]! Это заговорщики из Братства Солнца, злейшие враги кесаря и римского народа.

-- Заговорщики рядом с главной стоянкой флота! Схватить их! - взревел Балиста и ринулся с мечом и щитом прямо в магический круг.

От стрелы Виряны ветеран прикрылся щитом. В следующий миг его меч зазвенел о меч Каллиника. Горожане с копьями и палками бросились было следом, но вдруг по всему магическому кругу встала стена пламени. Кто-то попытался ударить копьем сквозь огонь, но древко мигом перегорело, словно былинка. Тут амазонка, ударив секирой плашмя, оглушила ветерана и сказала своим спутникам:

-- Каллиник! Иосиф! Хватит отвлекаться, начинайте же!

Заколов барашка, мужчины начали сложный обряд. Тем временем Ония, трясясь от страха перед более сильными магами и теми, кого они вызывали, принялся ослаблять огненную преграду. Теперь древки уже не вспыхивали, и горожане пытались достать чародеев копьями. Виряна металась, отбивая удары. Грубые насмешки летели в адрес ее и двух мужчин. А те, словно ничего не замечая, сосредоточенно разрушали паутину чар, сплетенную Симоном Магом вокруг кургана.

Черные тени вставали над насыпью, ухмылялись рожами демонов из-за надгробий, корчились, рассеивались. А голоса, звон оружия, конское ржание все громче доносились из-под земли. Луч света с севера позолотил стелу на вершине. И вот уже рядом со стелой поднялась фигура могучего всадника на белом коне, в рогатом шлеме, с длинной седой бородой. Следом из-под каменных надгробий один за другим стали подниматься всадники с мечами и копьями. Пожилые или совсем седые, они, однако, не выглядели слабыми или усталыми. Рядом со всадниками вставали черные псы с полыхавшими огнем глазами и пастями.

Пришедший в себя Балиста при виде их вскочил и бросился с мечом - не на своих живых противников, но на ненавистных германцев. Его не остановила даже огненная преграда, изрядно ослабленная Онией. Но один из призраков ударил копьем - и ветеран рухнул замертво без единой раны, даже без трещины на щите. Остальные горожане бросились наутек, падая и толкая друг друга в трясину. Призрачные всадники помчались следом, избивая их, но длиннобородый старик громко сказал:

-- Оставьте их, они не достойны умереть от оружия. - Он

обернулся к троим, стоявшим в круге. - Не знаю, кто вы и зачем освободили нас. Но пусть благословит вас Водан, хоть вы и не германцы. Дружина! Клянусь копьем Отца Битв, мы загостились в этой земле. Война зовет нас в Бойохейм, волки и вороны ждут добычи. Вперед! Заслужим Валгаллу!

Неслышно ударив копытами в землю, призрачные кони со всадниками взмыли в ночное небо. Двое магов и амазонка, обнявшись, глядели им вслед.

"Отважные" равенцы тем временем бежали, не разбирая дороги. Уцелевшие рассказывали потом о появлявшихся вдруг среди топей обольстительных красавицах, оборачивавшихся жуткими эмпузами с ослиными ногами и змеедевами-ламиями. Демоницы тащили мужчин в болото, выпивали кровь, мучили любовью до смерти. Но еще ужаснее было мчавшееся по небу войско мертвых варваров. Летящие тучи затмевали луну и звезды, вой ветра сливался с воинственным кличем, ржанием коней и лаем огнеглазых псов. Победно реяло по ветру знамя с белым волком. Перепуганная городская курия постановила: приносить Марободу и его воинам умилостивительные жертвы, а Балисте - благодарственные, как герою.

В это самое время у городка Форум Юлия, возле подножия гор над берегом Средиземного моря вдруг ожил такой же зловещий курган с каменными стелами. Одни лишь испуганные пастухи видели, как вышли из насыпи и понеслись на северо-восток грозные всадники. Предводитель их был молод, не старше тридцати лет, без бороды, но с густыми вислыми усами. Длинные светлые волосы падали на плечи из-под рогатого шлема. Красный, шитый золотом плащ реял по ветру. Молоды и сильны были и его спутники. Воинственно ржал огненно-рыжий конь вождя. Громко лаяли черные псы с огненными глазами.

Не чары Мгера подняли их всех из могилы, не зов солнечного меча. В укромном распадке за Бычьей скалой Бесомир пробормотал заклятие, сообщенное ему Валентом. Оно сняло с кургана незримые печати, некогда наложенные Симоном Магом. Черный друид колдовал наспех, в страхе прислушиваясь: не учуяли ли его оборотни-нуры и песиголовец. Храбрости Бесомиру не придавали даже обступившие его головорезы-бастарны. По-настоящему он полагался лишь на двоих собственных телохранителей-песиголовцев, выгнанных из стаи. И Мгер от него не ушел бы, если бы они тогда не отлеживались в стане, отравившись испорченным вином.

Две дружины мертвецов летели над городами и селами, мощеными дорогами и безлюдными горами. Летели, пугая обывателей, самим своим видом предвещая великие войны,

нашествия варваров, потрясение Империи. Слухи и пророчества одно страшнее другого поползли по каменным городам.

А в долине у Бычьей скалы плясали воины. Русальцы древним танцем с мечами помогали чарам Мгера, остальные грелись и веселились во славу Солнца. Ардагаст лихо плясал вокруг Ларишки, а оба конунга вовсю старались привлечь внимание Ардагунды. Меч и секира в ее руках легко и звонко скрещивались с клинками братьев. Но вдруг встал перед ней, звеня мечом и акинаком и хищно поблескивая темными глазами, чернобородый Арнакутай. И вот уже царица амазонок вертится златоволосым вихрем, а торжествующий язык идет вприсядку вокруг нее.

-- Ай да царица! Поймала Дикого Пса! - смеется Яснозор.

Рядом Шишок под гусли Пересвета чего только не выделывал на потеху поляницам. Вдруг Вышата взмахнул рукой. и пляска враз остановилась.

-- Взгляни-ка, сынок, духовным зрением: кто к нам скачет? - обратился волхв к Вышко.

-- С юга дикая охота летит. Впереди - старик длиннобородый... С запада... тоже. Там главный - молодой воин, усы, как у словенина, плащ красный с золотом, будто огонь горит...

-- Катуальда! Величайший герой готов! Он тоже будет биться с римлянами! - восторженно вскричал Валамир.

-- Как бы он вместо этого с Марободом не сцепился, - озабоченно покачал головой его отец.

Вышата встревожено сказал что-то Вишвамитре, тот приказал:

-- Русальцы! Перегородим долину, прикроем костер и Бычью скалу.

Священные воины быстро встали в две цепочки, между которыми оказались костер и скала с пещерой, выставили вперед жезлы. Две светящиеся, полупрозрачные золотые стены пересекли долину. Вышата сжал священную секиру - бывшую Секиру Богов, опасную и для бестелесных. Лютица и Милана взлетели, оборотившись орлицами. А Вышко продолжал:

-- С севера летит большая дикая охота. Впереди - сама Яга. И с востока тоже. Ту охоту ведет одноглазый старик на восьминогом коне...

-- Водан! - разом выдохнули германцы.

Торжественная тишина святой ночи враз исчезла. С четырех сторон все сильнее и сильнее задул ветер. Забушевала метель. Заскрипели, застонали деревья. В вое ветра все громче выделялись грозные крики, рев, ржание, лай. Никто не удивился,

когда из кургана вдруг беззвучно вышли старик в белом плаще, с гривой нестриженых седых волос, и четверо длинноусых словенских воинов. Все пятеро, не произнеся ни слова, стали в строй русальцев. Лишь старик кивнул приветственно Мгеру и конунгам. В суровом молчании застыли воины и вожди. Те, кто не умел колдовать, знали, что их оружие бессильно против духов, но готовы были мужественно встретить хоть богов, хоть предков, хоть исчадий пекла. На то и самая длинная ночь в году, святая и страшная.

С трех сторон приближались к долине три сильных ветра, а с четвертой, северной - настоящий шквал. Вот-вот они сойдутся - и чудовищный вихрь превратит долину в хаос снега, переломанных деревьев, камней и изуродованных трупов. Дикую охоту, летевшую с востока, вел высокий одноглазый старик в островерхой шляпе, с покрытым рунами копьем в руке, на неутомимом восьминогом коне. Старик имел много имен: Высокий, Сеятель Раздоров, Ужасный, Отец Битв и просто Дикий Охотник. За ним скакали прекрасные воительницы в доспехах и могучие воины, одни с бронзовыми секирами и мечами, другие - с железными клинками и в кольчугах.

Увидев старика, железнозубая старуха повернула свою свиту навстречу ему и сказала приветливо:

-- Здравствуй, хозяин ветров! Я тут решила малость смертных проучить. Совсем обнаглели солнечные волхвы: мертвых вызывают, нашего благословения не спросясь. Да еще в нашу ночь.

-- Да, в нашу ночь. И ты не будешь им мешать.

-- Ты что это, Ветродуй? Неужто добрым и праведным заделался, как здешние смертные думают? Да тут же те, что с тобой посмели драться у Золотой Горы и на Печоре! И гот Сигвульф, что тебе при всех чуть ли не в бороду плюнул: без Валгаллы-де обойдусь.

-- Я не с добрыми и не со злыми. Я - с сильными, мудрыми и храбрыми. И хочу испытать тех, кто соберется здесь, живых и мертвых: кто из них истинно храбр и мудр. Тому я и дарую победу в грядущей битве за Бойохейм.

-- Из ума выжил, старый! Смертных распускать? Да я тебя так вразумлю...

-- Ругаться будешь со своими племянниками. А мы с тобой равны и древностью, и силой. С тех пор еще, когда только вихри носились во мраке над изначальным морем. А потому стой, гляди и не смей мешать.

Разозленная старуха готова была полезть в драку, но вдруг увидела в воздухе двух женщин. Одна, средних лет, с добрым

прекрасным лицом, во всем белом, летела на колеснице, запряженной тройкой белых коней. Другая, гораздо моложе, бледная, черноволосая - на черном коне. В руке ее блестел меч, за плечами развевался красный плащ. "Все три Перхты собрались: черная, белая и красная. Попробуй теперь всем угодить" - с досадой подумала Ганна.

-- Здравствуйте, сестрица с племянницей! И чего это вам в такую ночь не сидится: одной на небе, другой в преисподней? - елейным тоном проговорила старуха.

-- Эта ночь - моя. Я в нее Даждьбога родила. И его избранника в обиду не дам, - спокойно, но твердо произнесла белая женщина.

-- Тетушка, уймись! Не то будешь вместо смертных биться с богом и богиней. Да и с чарами моей мамы тебе не совладать, - решительно заявила воительница.

-- Ладно уж! Только и вы не вмешивайтесь... А ведь могли бы вчетвером-то всех этих воителей великих со снегом смешать, - проворчала старуха.

Три богини опустились на одну скалу, одноглазый бог - на другую, и стали безмолвно наблюдать за происходившим в долине. Их неистовые спутники, однако, вовсю бушевали, не давая утихнуть ветру и метели. Но среди дружины Дикого Охотника было двое, столь же безмолвных и внимательных, как он: суровый диковатый воин с пышной золотой бородой и муж лет тридцати, безбородый, с веселым и отважным лицом и шапкой светлых кудрей. Первый был соперником Юлия Цезаря, второй - победителем при Тевтобурге.

А в долину уже въезжали с двух сторон две дикие охоты. Потрясая оружием, свевы приветствовали громкими криками Маробода, готы - Катуальду. При виде соперника лицо старого конунга исказилось яростью.

-- Ты снова здесь, разбойник, губитель моего царства! Дай мне мой меч, колдун, и я избавлю Бойохейм от этого бродяги! - вскричал он.

-- Нет, великий конунг! Этот меч - не для бесплодных усобиц. Враг твоего племени и всех людей - не этот гот, а кесарь Нерон, воскрешенный рабами Локи. Сразись с ним, во имя светлого Бальдра! - ответил Мгер.

-- Я сражусь хоть с самим Локи, с Перхтой, Мировым Змеем, но сначала - с этим нидингом!

-- Не слушай старого дурака, колдун! Дай меч мне. Я молод и силен, только я смогу победить кесаря-мертвеца! - закричал Катуальда.

-- Щенок, римский прихвостень! Ты не смог одолеть даже

тюрингов и бежал от них к римлянам.

-- Ты сам бежал к ним от меня, как побитый пес, и не посмел вернуться! Кому ты здесь нужен? Убирайся в Хель, умерший на соломе!

-- Сам иди туда, в дом из ядовитых змей!

Громкий, суровый голос Зореславича заглушил голоса бранившихся конунгов:

-- Молчите! Вы оба недостойны солнечного меча. Это говорю вам я, Ардагаст, царь росов! Кто из вас двоих хочет биться с другим - пусть сначала сразится со мной, воином Бальдра. Мое оружие - его чаша и меч Куджулы Кадфиза. Он не только создал великое царство кушан, но и сохранил его!

В одной руке Ардагаста пылала золотым огнем Колаксаева Чаша, в другой - блестел серебром меч. Его посеребренный клинок был опасен и для призраков.

Разъяренные конунги и их дружины осыпали самой мерзкой руганью Зореславича и друг друга. Лишь две стены золотистого света не давали им сцепиться, словно двум сворам злых голодных собак, а чары волхвинь-орлиц - взлететь и схватиться двумя вороньими стаями. С печалью и стыдом глядели германцы на своих прославленных в песнях конунгов. А нечисть из свит Перхты и Водана криками подбадривала бесновавшихся призраков. Скаля зубы в ухмылке, наблюдал за долиной из-под разлапистой ели волк по имени Луций Флавий Хейдрих.

Поглощенные стычкой мертвых, живые не заметили, как подобралась к Бычьей скале шайка "ночного царя". Гаур запоздало взлаял лишь тогда, когда бастарны скатились на щитах в долину по наметенному ветром снегу прямо в промежуток между двумя золотистыми преградами. Ардагаст сидел на коне спиной к скале и лицом к обоим мертвым конунгам. К нему и устремилась разбойная дружина. Впереди всех бежал Гвидо, сжимая копье с наконечником вороненой стали, на котором были нанесены знак Черного Солнца и самые враждебные Свету руны: Турс - "великан", Хагалаз - "разрушение", Иса - "лед". Вопреки обыкновению друидов свысока смотреть на всякое письмо, Бесомир охотно применял руны, особенно вредоносные. Древко обвивала ветка омелы - растения, сгубившего Бальдра.

Гвидо почему-то хотелось отбросить колдовское оружие и бежать прочь. Но его подгонял, лишив собственной воли, мысленный голос царя друидов: "Месть, царь, месть!" Призрак отца в оленерогом шлеме с орлом безмолвно, выжидающе застыл над южным склоном долины - или то был морок, вызванный Бесомиром? Несколько дружинников-росов упали под мечами бастарнов. Ардагаст едва успел обернуть голову на шум, когда в

спину ему, просвистев, вонзилось черное копье.

-- За Цернорига! За царство бастарнов! - истошно, дико, словно оправдываясь неведомо перед кем, прокричал Гвидо.

Без звука, словно засыпая, упал с коня царь росов. Белый, только что наметенный снег мягко принял его. Руки не выпустили ни Огненной Чаши, ни меча. На лице не было ярости - лишь спокойная готовность принять любой ратный труд.

Радостно завыла, захохотала вся нечисть и нежить. Железнозубая старуха ехидно спросила воительницу:

-- Доигрался ваш избранничек? Совсем забыл о смирении перед богами, да перед смертью-то все равны. Кто его душу заберет - я или ты?

-- Никто. Она еще в его теле, - вмешалась белая женщина.

-- Долго не продержится. Разве что заклянут его да в пещеру положат до самого конца света, - бодро заверила старуха.

Волк по имени Луций Флавий Хейдрих, издав торжествующий вой, побежал на юг, в лагерь императора. Доложив хмельному Домициану о смерти самого опасного из варварских вождей, оборотень вылакал чашу вина из рук кесаря, а затем опорожнил еще много чаш уже в обличьи центуриона, переведенного отныне в преторианскую гвардию.

А бастарны, сделав свое дело, помчались назад. Гвидо по-прежнему старался избежать схватки с Сидоном и его дружинниками.

К упавшему царю первыми подбежали Ларишка и Мгер. Тохарка слишком часто видела смерть на войне, чтобы не понять: это не обморок. Но сердце не могло, не хотело принять непоправимого. Ее Ардагаст, сильный, веселый, не знавший ни страшного, ни невозможного, саму Ягу-Смерть выбивший из седла, погиб? Не в лютом бою, не на краю света, не от бога или чудовища? С отчаянной надеждой и мольбой подняла она глаза на чародея. Армянин умелым движением вытянул копье из раны. Колдовская сталь, пробив панцирь, не повредила костей, не достала ни до сердца, ни до легкого. Но темные чары действовали сильнее любого яда.

Росы поначалу оцепенели. Потом Вышата громко крикнул:

-- Русальцы! Ни с места! Ради Солнца, держите завесу!

Следом опомнилась Ардагунда. Спрыгнув с коня, она взмахнула секирой и прокричала:

-- Росы, за мной! Отомстим за Солнце-Царя!

Если бы не сильный ветер, амазонки перестреляли бы бастарнов из луков. Теперь же поляницам пришлось карабкаться вверх по рыхлому снегу. За ними поспешили Рада, Еммечько и другие молодые росы. Глотая слезы и ругаясь, бежали Шишок и

сиирта Хаторо. "Волками!" - приказал Волх, и серые бойцы ринулись вперед, обгоняя людей.

-- Эй, холоп Ясько! Не тебе мстить за царей! - крикнул взобравшийся на скалу Гвидо Яснозору.

Воевода гуцулов взревел от ярости и, потрясая секирой - подарком Перуна, еще быстрее полез наверх.

-- Его душа в теле, но погружена в сон. Как у нашего Солнце-Царя Мгера Младшего, что ждет в пещере новой великой битвы богов. Я не знаю чар, способных пробудить от такого сна, - сказал князь-маг, склонившись над Ардагастом.

Ларишка бросила взгляд на Вышату, но великий волхв лишь тяжело склонил голову. Тогда царица, поцеловав в лоб бездыханного мужа, взяла из его руки Огненную Чашу, обнажила махайру и встала лицом к мертвым конунгам. Солнечное пламя в ее руке горело по-прежнему ярко, отражаясь в посеребренном клинке. Слезы текли по лицу тохарки, но голос звучал уверенно:

-- Конунг Маробод! Конунг Катуальда! Я, Ларишка, царица росов, повторяю вызов моего мужа. Кто из вас посмеет сразиться со мной, женщиной?

Двенадцать русальцев по-прежнему стояли нерушимым строем, сжимая чародейные жезлы. Нет больше Солнце-Царя? Но осталась Огненная Правда. И такая ненависть и непреклонность были в их взглядах, что бесновавшиеся дикие охотники невольно стихли. Тогда зазвучал суровый, полный боли голос Сигвульфа:

-- Конунги Маробод и Катуальда! Из-за вас погиб наш конунг Ардагаст. Клянусь Солнцем, вы оба не стоите его одного! Ты, Маробод, построил царство на неправде и грабеже. Где оно теперь? Ты, Катуальда, разрушил это царство, а не создал никакого. Где твое племя? Его нет. Готами зовут разбойную орду Берига, ненавистную всем соседям. Ардагаст строил царство на Огненной Правде, там есть место всем племенам, всем добрым людям. А вы думали только о своем богатстве и славе. Хищными волками вы жили, а умерли римскими псами! Бросили свои племена и убежали за Дунай - жрать осьминогов, лакать вино и нежиться в термах... Даже умереть в бою не сумели. Нидинги и варги - вы оба! Провалитесь в Хель, прямо в дом из ядовитых змей!

Столь же безжалостен был голос Хор-алдара:

-- Там, за Дунаем, несчетные тысячи рабов. Они ждали вас, освободителей с севера, суровых и отважных, презирающих римские пороки. Ты, Маробод, вместе с паннонцами мог бы взять и разрушить Рим. И не было бы ни Калигулы, ни Нерона, ни Домициана. Где твоя клятва, конунг? Мы зря пришли в эту долину: здесь нет достойного взять солнечный меч!

Маробод поднял сумрачный взгляд на вождей свевов.

-- Зачем ты вернулся? Позорить наше племя перед соседями? - с упреком сказал ему Вангион.

Катуальда, опустив голову, заговорил медленно и тяжело:

-- Да, я плохой, неудачливый конунг. Но я не нидинг. Я готов уйти в Хель, если боги вернут жизнь конунгу росов.

-- Моя вина больше твоей, Катуальда. Не ты погубил мое царство, а я сам. Я нарушил солнечную клятву. Пусть же боги заточат меня в Хель или в пещеру до самого Рагнарека, но воскресят Ардагаста, - сказал Маробод.

-- Но кто из богов может это? Сам Водан лишь отбирает жизнь, - возразил Вангион.

-- Есть бог, что не только шлет смерть, но и воскрешает. Мы, луги - и немцы, и словене - чтим его. По-немецки он зовется Флинц - "Кремень", - вмешался один из призраков-венедов.

-- Это - могучий и справедливый бог. И я знаю, как его вызвать, - сказал призрак-Теобальд.

* * *

Бастарны бежали, с трудом находя дорогу в метель, среди свежего бурелома. В душе их предводителя не было ни торжества, ни гордости за свершенную наконец месть. Он казался себе похожим на Хедра, слепого бога, убившего светлого Бальдра по наущению Локи. Омела, проклятая омела, оружие Хедра! Зачем он, Гвидо, взял увитое ею копье? Бесомир заверял его, что иначе не одолеть силу Огненной Чаши. Но он же хотел честного и славного поединка, а не этого удара в спину! Кто поработил его волю: друид, Валент со своими перстнями, призрак отца или само колдовское оружие? Да, все виноваты, кроме него, царя бастарнов. Он лишь поносил Ардагаста - ублюдка, захватчика, святотатца, недостойного честного боя... Или молчал, когда поносили другие. Словно этим можно было умалить подвиги царя росов! А где его, Гвидо, подвиги? Сотни убитых ночью, разрубленных, брошенных в колодцы, сожженных в хворостяных чучелах...

В лицо бьет метель, ветви рвут одежду, а сзади доносится вой оборотней и лай песиголовца... Жутко, тоскливо кричит банши. По ком? Хедр тоже ненавидел Бальдра - из ревности. Теперь слепого бога проклинают все, а почитают лишь злые колдуны. И он, Гвидо, проклят, проклят, и не укрыться ему в этом мире от мести за Солнце-Царя! Что это? Черный зев пещеры. Да, за ней долина, где спрятаны кони, а в самой пещере - хитрая

ловушка для росов. А среди них - Ясько, убийца его отца...

Бастарны зажгли заранее припасенные факелы и прошли узким проходом в обширный зал. Под стенами стояли ящики, сложенные из каменных плит. Гвидо бросил посреди пещеры крупный медвежий клык с колдовскими знаками. Бесомиру стоило немалых трудов выведать тайну этого клыка и похитить его у пещерных колдунов, которые меньше всего любили пришельцев-друидов. Низким извилистым ходом бастарны покинули зал. Царя друидов среди них, однако, не было.

Ардагунда и ее воины тем временем неотступно следовали за разбойной дружиной. Несмотря на ветер, Гаур и волколаки не сбивались со следа. Шишок впереди всех ломился сквозь лес, расшвыривая завалы. Дойдя до пещеры, воины наломали веток для факелов, и вошли внутрь.

-- Здесь чары. Очень древние, времен зверобогов. Отец у пещерных колдунов учился, знает, - сказал Вышко.

-- Глядите все в оба. Тут если не чары, так засада, - предупредила Ардагунда.

Увидев в зале каменные ящики, юный волхв уверенно заявил:

-- Здесь дикие люди молились своим богам - сынам Великого Медведя. И сейчас молятся - вон на полу кости свежие. Такие медведи давно ушли в нижний мир, а дикие люди кое-где остались... А этого клыка руками не трогайте. Дядя Яснозор, ударь по нему Перуновой секирой!

Прежде, чем гуцул успел ударить, крышки разом задрожали и слетели с ящиков. Внутри белели громадные медвежьи черепа и кости. Бурый туман заклубился над ними, кости всплыли в нем. Всплыл и клык-талисман. Туман сгустился, и миг спустя в пещере стояли на задних лапах пятеро исполинских медведей. Оглашая зал громовым ревом, они двинулись на пришельцев.

В этот миг часть отряда была еще в проходе, и один из медведей преградил ей путь. Другой зверь наступал на Ардагунду. Споткнувшись о кость, она упала. Факел выпал из руки, а секиру придавила к полу задняя лапа медведя. Мохнатая громада обрушилась бы на амазонку, но та выбросила вперед руки, и свет из них ударил в глаза чудовищу. Оно замотало головой, заревело еще громче, и тут на него бросился Еммечько. Обмотав буркой руку, молодой горец сунул ее прямо в пасть медведю, а другой рукой всадил ему в грудь меч. Воскресший зверь однако, оказался живучим. Его страшные лапы сдавили тело юноши, когти рвали кольчугу. Рада взмахнула секирой, но ее лезвие лишь скользнуло по мощному черепу. Тогда девочка, отбросила секиру и, вцепившись в шерсть зверя, с трудом достала

акинаком его сонную артерию. Медведь рухнул, похоронив под собой мать и сына.

-- Воин, тебя спасла женщина! Я! - задорно сказала Рада, когда Еммечько с трудом выбрался из-под мохнатой туши.

-- Нет, это я спас двух женщин: маму и тебя. Так бы ты и одолела медведя в одиночку своим кухонным ножиком, - с достоинством ответил горец. - Эх, какую бурку зверь испортил!

-- Рука не болит, сынок? - заботливо спросила Ардагунда, осторожно разжимая лезвием секиры челюсти пещерного страшилища.

На Шишка лез медведь, чуть ли не вдвое выше его. Дубина вылетела из рук лешего от одного удара могучей лапы. Тогда он, не долго думая, бросился зверю под ноги. Тот растянулся на полу, а юркий лешачок, ухватив его за заднюю лапу, заорал на всю пещеру:

-- Хаторо, быстрей! Я медведя поймал!

В другую заднюю лапу вцепился Серячок. Яростно барахтаясь, медведь почти достал Шишка передней лапой, когда гарпун сиирта, просвистев, вонзился чудищу в спину. Но добить зверя смог лишь напоенный драконьим ядом клинок Хаторо.

Рядом три волколака и песиголовец насели еще на одного медведя. Меч Гаура застрял в теле зверя, и тогда человек-пес впился крепкими зубами в горло врагу. Тот, однако, раздавил бы его своими мощными лапами, не повисни на этих лапах два оборотня. Третий разорвал косматому великану брюхо, и вскоре тот затих.

Самый большой зверь, в пасти у которого светился призрачным огнем колдовской клык, двинулся прямо на Вышко. Волхв-отрок воздел руки, с трудом сдерживая силой чар ревущую бурую громаду. Подоспевший Яснозор взмахнул Перуновым топором. Блеснула молния, и восставший из далеких веков зверь рухнул с рассеченным и обгорелым черепом.

С медведем, преградившим проход в зал, схватились Валамир и Пересвет. Амазонки сзади кричали:

-- Мужчины, отойдите, мы его стрелами!

Зверь лапой сбил шлем с гусляра. Тот упал, едва не потеряв сознания, но тут же всадил меч в брюхо медведю. Валамир вонзил клинок в горло, двинув заодно кулаком в широкий лоб. От страшной лапы спасла молодого гота секира Меланиппы. Выбравшись из-под мертвого уже зверя, Пересвет первым делом проверил, целы ли гусли. А жена уже напустилась на него:

-- Снова вперед всех лезешь! Нас на медведя и так много, а вот ты - один!

-- Да я хотел тебе на шубу..., - гусляр вдруг осекся.

Огромные туши оседали прахом, обнажая кости. Следом исчезали и они, рассеивались бурым туманом, пока на полу не остались лишь черепа да кости лап.

-- Будто привиделось..., - протянул удивленно Пересвет.

-- Привидения так ребра не тискают, - потер бока Гаур.

-- Ничего! Хорошо хоть все живы остались. Эх, кабы в пещерах деревья росли, встал бы я в полный рост, да накрутил по два медведя на каждую руку! - бодро произнес Шишок.

-- Возьмем хоть клыки на память, - сказал Валамир, но Хаторо остановил его:

-- Не трогай ничего. Здесь святое место! Не наше, а все равно святое. Ты что - дух медведя обидеть!

-- Медведь придет за своей костью. Да еще Великий Медведь. Чтобы ее взять, особый обряд нужен, - поддержал сииртя Вышко. - Приберем лучше тут, чтобы с дикими людьми зря не ссориться. Верно, не они это подстроили, а Бесомир.

Аккуратно сложив кости в ящики, росы двинулись дальше. Ход был низкий и тесный. Засады, вопреки ожиданиям, не встретили, зато снаружи все явственнее доносился шум боя. Но вот впереди забрезжил лунный свет, и глазам росов предстала странная картина.

В небольшой долине бастарны, все пешие, ожесточенно дрались со странными существами двух родов. Одни - сутулые, волосатые, лишенные одежды - бились дубинами и камнями. Другие - в полтора-два раза ниже обычных людей, с длиннейшими бородами, в темной одежде и красных шапках - рубились секирами.

Не раздумывая, росы устремились на бастарнов. Разбойники сражались отчаянно, но, прижатые к скалам, гибли один за другим. Молча, с решимостью обреченного бился Гвидо. Заметив Пересвета, он крикнул:

-- Эй, бард росов! Сложи песню о гибели последнего царя бастарнов, Гвидо Проклятого, Гвидо Убийцы Ардагаста!

-- Ты - царь ночных татей и убийц. Не слагают росы о таких песен! - ответил гусляр.

-- Сдавайся, варг! Мы тебя повесим, а голову потом отошлем твоим римским хозяевам! - крикнул Валамир.

-- И не убийца ты Ардагаста. Жив наш Солнце-Царь! - сказал вдруг Вышко.

Страшная мука исказила лицо Гвидо. Все напрасно, все: он не герой, не злодей, а презренный разбойник. Враги побрезгуют даже пить из его черепа. Осталось одно: месть, и так уже сгубившая его жизнь. С яростным криком: "Умри, раб!" ринулся он к Яснозору, не замечая ран, сметая все на своем пути. Горный

воевода ждал его, спокойный, как карпатская скала.

-- Я тебе не раб, а гуцул, - сказал он и твердой рукой отбил мечом выпад Гвидо. Следом сверкнула грозовая секира, раскололся золоченый шлем, и "ночной царь" упал мертвым. Кровь залила золотистые волосы, а на лице, изуродованном раной, застыли отчаяние и ярость.

Лишь трое бастарнов из всей шайки сдались и тут же были повешены. Но Бесомира ни среди них, ни среди павших не было.

-- Кто вы, друзья? - обратилась Ардагунда к седобородому предводителю карликов-секироносцев.

-- Мы - гномы, подземные хозяева, - степенно ответил тот. - Вздумаете в горах ковыряться - серебро там искать, олово или еще что, нас не минуете. Мы любим людей работящих, основательных, благочестивых. А не таких, как эти. Ишь, в чужом святилище свои чары наводить вздумали! Мы их коней и отогнали, а потом самих проучили. А это вот соседи наши, дикие люди.

Вожак волосатых - могучего сложения, с тронутой сединой шерстью - медленно проговорил:

-- Вы - великие охотники, если смогли победить наших богов. Мы не мешали вам: боги сами защитят себя, иначе какие они боги? Но вы еще и уважили наше святилище, и среди вас есть наш родич.

-- Это я, что ли? - почесал затылок Шишок. - А ведь и впрямь, когда в полный рост встаю, на вас похож бываю.

-- Да, - кивнул вожак. - Мы тоже умеем вырастать, как ты, и поднимать в лесу бурю и ветер... Так вот, теперь вы, росы, друзья нам, и вам в наших горах и пещерах нечего бояться.

-- И мы, подземный народ, вам не враги. А какие из вас горняки, мы еще посмотрим, - сказал предводитель гномов.

-- У нас на Днепре больших пещер нет, и под землей мы ничего не добываем. Но если придем когда-нибудь сюда, будем знать и другим скажем: гномы и дикие люди - не нечисть, а здешние хозяева, с ними по-хорошему надо. А за то, что помогли нам покончить с разбойниками - спасибо от всего народа росов, - сказала Ардагунда.

-- От нас, хорватов и гуцулов, особенно. Не страшен нам больше "ночной царь", - добавил Яснозор.

-- Чего там! Мы, росы, со всем добрым, что есть на свете, по-доброму, - тряхнул косматой бородой Шишок.

-- А коней можете себе взять. Нам они ни к чему, а дикие люди только лишних заберут на мясо, - сказал седобородый гном.

Усаживаясь в седло, Ардагунда спросила Вышко:

-- Про Ардагаста ты сказал нарочно, чтобы этого разозлить?

-- Нет. Я видел духовным зрением: жив Зореславич, вернулся к нам.

-- Слышали? Жив наш Солнце-Царь! - воскликнул Пересвет и ударил по струнам.

Метель все еще выла в заснеженном лесу, но не могла заглушить пения возвращавшихся росов:

Радуйся, Лада, Даждьбога родившая!

Радуйся, ой, радуйся, радуйся!

* * *

-- Зову тебя, Флинц, стоящий на кремне, в пещере под священной липой! Зову тебя, Флинц, властный умертвить и воскресить! Не ради смерти - ради жизни зову в эту святую и страшную ночь!

Так, превозмогая вой метели, взывал мертвый волхв, и вторили ему двое живых - Мгер и Вышата. Молча слушали этот зов германцы и росы, и среди них - Андак. Свершилась давняя мечта: он стоял над телом Ардагаста Убийцы Родичей. Но не было в душе князя ни торжества, ни прежней жажды власти - лишь тревога. Что из того, что он, Андак, зять Сауаспа-Черноконного, покорителя венедов, и отец его внуков? Какой из него царь, да еще Солнце-Царь? А царевичи еще так молоды... Только бы не было усобицы, не развалилось с трудом созданное царство! А призрак Саузард вот-вот явится, станет упрекать: слаб, труслив, не думаешь о детях...

Разливалась по снегу кровь принесенного в жертву темно-рыжего коня и тут же застывала под холодным ветром. Ни волхвы, поглощенные обрядом, ни воины не замечали прятавшегося в распадке за Бычьей скалой, под охраной двух песиголовцев, человека в бронзовой короне. Еще деревенским ведуном Бесомир превосходно умел скрывать свои лихие чары. Сейчас он старательно, неспешно разрушал волшебные печати, наложенные на вход в пещеру скифским волхвом и укрепленные Теобальдом. А из "окна" в скале уже доносился звон оружия, ржание коней, скрип колес. Дух кровавого царя венетов рвался на волю.

Вдруг из пламени костра восстала и шагнула вперед исполинская фигура в огненно-красном плаще. Лицо великана было бледным, без кровинки ликом мертвеца, обрамленным черными волосами. В руке пылал факел, а на плече восседал, будто кошка, гривастый лев.

-- Кто звал меня? Кто думает, что достоин жить дважды? -

голос великана звучал глухо и безжалостно.

-- Он не может звать никого, - указал Теобальд рукой на лежащего Ардагаста. - Его душа погружена в сон колдовским копьем. Это мы, воины и волхвы четырех племен - росов, маркоманнов, квадов и язигов, живые и мертвые, просим тебя: верни жизнь Ардагасту, царю росов.

-- Верни жизнь Ардагасту, царю росов! - хором повторили собравшиеся.

-- Зачем? Только не говорите мне, что он мало прожил, или добыл мало славы и богатства. Многие из тех, кто пошел за ним, погибли совсем юными и не успели добыть ничего. А его подвигов и так хватит на несколько жизней.

-- Он жил не ради славы и добычи. Он служил Солнцу и защищал всех людей, - возразил Вишвамитра.

-- Да, - горячо заговорил вдруг Арнакутай. - Я всю жизнь защищал свое племя, ходил в набеги, потом пил вино, наслаждался пленницами и слушал, как хвалят меня певцы. И только теперь, рядом с ним, понял: этого мало. Воин, царь..., человек может гораздо больше!

-- Он всех нас собрал ради святого дела. Я, великий конунг, не смог такого при жизни. Да и не захотел. Кто же заменит его? Не мне, мертвому, вести живых, - сказал Маробод.

Голос великана был все так же безжалостен:

-- Многие славные цари и воины служили Солнцу. И ни один из них не искоренил зла в мире. Одни из них теперь на Белом острове, другие спят в пещерах в ожидании мировой битвы. Этот сон и настиг уже вашего Солнце-Царя.

-- Так уснул наш Мгер Младший - потому что отчаялся уничтожить все зло мира. Но слышал ли кто слова отчаяния от Ардагаста? - обвел всех взглядом армянин.

-- Нет. Он лишь смеялся, когда я приводил мнения философов о порочности и неисправимости мира. И говорил, что на его век врагов хватит, пока он сам останется таким, каков есть, - ответил Хилиарх.

-- Он мертв, а враги его живы. Разве это справедливо? Разве Нерон больше его заслужил второй раз жить и царствовать? Они с Валентом - враги всему миру. Кто может обратить его в пекло - так это они. Или тебе нет до этого дела? Тогда не Чернобогом ли тебя зовут? И зачем ты пришел сюда? - смело взглянула Ларишка в безжизненные глаза великана. Сердце царицы сжалось в страхе перед собственной дерзостью. Вот сейчас бог... даже не покарает. Просто уйдет в иной мир. А она останется над трупом мужа. Но чего не умел ее Ардагаст - это унижаться перед богами, даже самыми могучими. Он смирялся лишь перед Правдой, чей

золотой огонь пылал сейчас в Чаше, которую держала царица. И рука ее не дрожала.

Улыбка вдруг тронула бескровные губы исполина.

-- Вы не видите всего вашего мира сверху, как мы. Есть четверо способных сделать его бесовским царством: два колдуна, царь и полководец. Двое на Западе, двое - на Востоке. Остановите их, если сможете. Для этого я верну к живым вашего царя. В моем факеле - Огненная Правда. В моем льве - Сила Солнца. Достойного они воскресят, недостойного испепелят.

Великан опустил факел. Пламя его, слившись с рванувшимся навстречу пламенем Колаксаевой Чаши, охватило лежащего Зореславича. Заглушая вой вьюги и крики нечисти, раскатился над долиной львиный рев. Потом бог снова поднял факел. Ардагаст медленно открыл глаза. Ларишка первая бросилась к мужу. С ее помощью он приподнялся на локте, потряс головой и сказал:

-- Чем это меня? Или я головой ударился, когда падал?

-- Ты чуть не упал туда, откуда и я не всякого вызволить могу, - раздалось сверху.

Мертвое лицо внезапно стало полным жизни: румяным, веселым, с тонкими золотыми усами. И таким же золотом засияли волосы великана. Приветственно подняв руку, Зореславич попытался встать на ноги, но бог уже исчез в пламени священного костра.

-- Это что еще такое? Обещали ведь не вмешиваться. Уйми своего младшенького, сестра, а не то я сама проучу и его, и всех его избранников-безобразников! - злобно прошипела железнозубая старуха.

-- Только попробуй, тетушка! Будешь биться не только с ними, но и со мной. А заодно и с Ветродуем, - положила руку на меч воительница.

-- Даждьбог тебе ничего не обещал. И потом, у него сегодня праздник. День рождения. Не сердись на него, сестра, - мягко и дружелюбно сказала женщина в белом.

-- Нет уж, без меня празднуйте! Наплодила ты, сестрица, младших богов, разбаловала их, а они - смертных. Развели нечестивцев да богоборцев! А говорят еще, будто мы трое - одна богиня в трех ликах. Да будь я одна хозяйкой в этом мире, разве потерпела бы такое окаянство безбожное?

Злобно ворча, старуха оседлала метлу, махнула рукой своей свите и умчалась вместе с ней, осыпав на прощание долину густым снегом. Только после этого напряженно следивший за ней Вышата обернулся к своему воскресшему воспитаннику, а обе волхвини-орлицы опустились наземь и снова приняли

человеческое обличье.

-- Жив Ардагаст! Воскресло Солнце среди тьмы! - бурно ликовали росы и германцы.

-- Да разве я могу умереть на Рождество? Осенью - другое дело! - смеялся Зореславич, обнимая за плечи счастливую Ларишку.

Колаксаева Чаша снова была в его руке, и Вышата сунул в ее пламя колдовское копье. Вороненая сталь и древко разом вспыхнули, будто соломенные, и развеялись черным дымом.

Русальцы уже не стояли между двумя дикими охотами, и оба конунга свысока, но без вражды глядели друг на друга. Мгер протянул рунный меч Марободу со словами:

-- Возьми дух своего меча, великий конунг. Я вижу, душа твоя уже очистилась для этого.

От сиявшего рунами клинка вдруг отделилось его точное подобие и, переливаясь в лунном свете, перелетело прямо в руку старого воителя, враз словно помолодевшего.

-- Где римляне? - деловито спросил он и, выслушав ответ Вангиона, сказал: - Нужно собрать всю конницу и разбить Хищный легион. Потом вернемся и ударим на легионы кесаря. Лишь бы до этого времени продержался Эбуродун! Я с дружиной тоже поскачу на север, а ты, Катуальда, помогай городу, не давай покоя Нерону с его полчищем.

Тень недовольства легла было на гордое лицо Катуальды. И тут кто-то крикнул:

-- Бычья скала открывается!

Заплывшие землей за пять веков камни рассыпались, открывая озаренный изнутри красным пламенем вход, - будто в само пекло. Из пещеры показалась колесница, запряженная парой вороных коней. На ней стоял, обвязав вожжи вокруг пояса, крепкий, хотя и изрядно располневший воин с окладистой черной бородой, в кожаном панцире с большими бронзовыми бляхами. Поверх бронзового шлема блестел серебряный венец. Потрясая мечом, мертвый царь что-то выкрикивал на языке, не понятном здесь даже волхвам. Почуяв волю, буйно ржали кони. А из глубины пещеры, перекрывая все звуки, несся громовой бычий рев.

Двенадцать русальцев стали в ряд, выставив вперед жезлы. Черные кони яростно бились о золотистую преграду, что едва держалась, колеблясь и давая разрывы, которые наскоро стягивали Лютица с Миланой.

-- Нам их долго не удержать. Злая сила идет прямо из пекла, - сказал Вышата.

-- Да. Там есть проход вглубь земли, в Хель. Закрыть бы его,

пока оттуда никто не лезет. В пещере сейчас только мертвецы и Бык. Но как войти? - наморщил лоб Теобальд.

-- А вы их выпустите, - вмешался Маробод. - Катуальда! Ты молод, силен, возьми на себя царя. А я погоню эту медную скотину... прямо на римлян! Это будет славная охота. Эх, залежались мы с тобой в курганах! Живые, все назад!

Никто не подверг сомнению его право приказывать. Живые отошли за замерзший поток. Два мертвых царя, Катуальда и Бустерон, устремились навстречу друг другу. Снег не издавал звуков под призрачными копытами и колесами, но боевые кличи и ржание коней огласили долину. Вслед за колесницей из пещеры выбежали пятеро дружинников-призраков с мечами и копьями, а за ними - Медный Бык.

Раскаленное докрасна медное чудовище изрыгало огонь из разинутой пасти. Снег таял и обращался в пар под его копытами. В страшном реве слышались голоса десятков людей, изжаренных живьем в медном чреве. Неодолимой, потусторонней мощью веяло от налитых металлических мышц и громадных рогов. А посредине лба черным пламенем горел знак этой силы, знак хозяйки преисподней - железный треугольник вершиной вниз.

Никто из живых не встал на пути чудовища. Но дикая охота Маробода быстро отрезала его от людей. Оказалось, что огонь и жар Быка вовсе не страшны мертвым, зато их стрелы, копья и клыки их собак опасны для медной твари. А уж рунный меч поверг ее в ужас. С отпором людей Медный Бык еще ни разу не сталкивался. Отчаянно ревя, он помчался к выходу из долины, а охотники - следом за ним. В пещеру тут же вошли русальцы вместе с Мгером, Теобальдом и волхвинями.

Тем временем мечи гота и венета со звоном скрестились. Бустерон точным движением выбил оружие из руки врага. Едва закрывшись щитом от следующего удара, конунг не смог удержаться в седле. С довольным хохотом чернобородый венет развернул колесницу и погнал спешенного противника. Внезапно тот развернулся, отцепил от пояса секиру и метнул ее. Лезвие рассекло ремень, связывавший дышло с ярмом. Кони помчались дальше, оставив позади колесницу и потянув за собой царя. Прежде, чем тот успел обрубить поводья, конунг настиг его и ударил острым умбоном щита в висок. Под торжествующие крики собравшихся Катуальда отсек Бустерону голову его собственным мечом и высоко поднял ее. В следующий миг и голова, и тело исчезли. Кровавый и распутный царь венетов умер второй раз, и уже навсегда. Лишь старинный меч остался в руке конунга.

Пятеро дружинников-венетов бросились к Катуальде, думая об одном: отомстить за своего царя и погибнуть. Они были

жестоки, но не трусливы, и не хотели выбирать между пеклом и жалкой долей неприкаянных призраков. Но не успели они добежать до своего врага, как на них обрушились всадники из его дружины. Все пятеро пали под мечами готов, и призрачные тела их развеялись без следа.

Из пещеры тем временем доносился гул, крики, вход в нее по-прежнему светился огнем. Катуальда махнул рукой своим воинам, и те, спешившись, двинулись к Бычьей скале.

Превозмогая слабость, вместе с ними шел Ардагаст с Огненной Чашей в руке. Что бы ни случилось в скале с его соратниками, его долг - встретить солнечным огнем нечисть, если та попробует вырваться из пещеры. Рядом шла Ларишка, готовая биться вместе с ним, а если нужно - подхватить Чашу из его рук.

Они уже подошли к скале, когда там все стихло. Угасло и пламя. Из пещеры вышли, сняв шлемы и вытирая пот, русальцы.

-- Ох, и жарко было! Словно весь Муспельхейм полез на нас из той подземной дыры! - сказал Сигвульф.

-- Ничего! Загнали всех огненных бесов назад, и дыру завалили! - бодро тряхнул волосами дрегович Всеслав.

Из "окна" вылетали и уносились в небо белые, полупрозрачные тени женщин и рабов, принесенных в жертву Бустероном.

-- Примите их, боги, в светлом Ирии! А нам осталось все в пещере - кости их, кузницу, жертвенник - засыпать землей и камнями. Да и вход снова заложить не помешает, - сказал Вышата.

-- А я уж послежу, чтобы никто не смел творить здесь злые чары, - заверил Вангион.

-- Хор-алдар! Скачи в Эбуродун, поднимай всех конников - наших, язигов, свевские дружины - и веди вверх по Сватаве. А герцог Эберих с пешими пусть защищает город, - приказал Ардагаст.

Два конунга и царь язигов лишь согласно кивнули. Кому было возглавить их соединенное войско, если не воскресшему избраннику бога Солнца?

Зореславич сел, устало привалившись к скале. Пока подойдет конница, можно будет немного отдохнуть - чтобы хватило сил сесть в седло.

Одноглазый старик на скале довольно кивнул головой. Теперь он знал, кому даровать победу, хотя и был в своих решениях непостоянен, как ветер. Он бросил несколько слов своей свите, и от нее тут же слетели в долину два всадника. Увидев их, свевы и готы разразились приветственными криками:

-- Ариовист! Арминий! Великие герои с нами!

-- С кем же мне быть, если свевы наконец надумали поквитаться с римлянами за меня? Не бойтесь, мальчики, Домициан - не Цезарь, только кесарь, а Нерон и подавно! - рассмеялся, тряся золотой бородой, Ариовист.

-- Я с Марободом при жизни не ладил, так что поскачу с тобой, Катуальда, к Эбуродуну. Эх, сколько мы могли бы тогда сделать втроем! - покачал кудрявой головой Арминий.

-- А что Отец Битв? - осторожно спросил Вангион.

-- Длиннобородый как всегда: с вами, пока вы будете достойны победы. А девочек своих послал к обоим вашим отрядам.

Над долиной реяли на крылатых конях прекрасные девы в кольчугах, и ветер развевал их чудные золотые волосы и гривы их коней.

* * *

Бесомир с двумя песиголовцами пробирался лесом. Колдун был доволен собой. Под носом у сильнейших волхвов распечатал Бычью скалу, оживил Медного Быка - и вовремя унес ноги. Хоть он и царь друидов, не его дело лезть туда, где готовы схватиться боги. Жаль только, что воскрес проклятый Ардагаст. Ничего, даст Чернобог - сгинет и он в той заварухе, что разгорелась у скалы. А Бесомир спокойно доберется до укромной долины за Медвежьей пещерой. Наверняка медведи и бастарны уже покончили с Ардагундой и ее девками, мальчишками и оборотнями.

-- Хозяин, впереди волки... оборотни, - принюхавшись, сообщил песиголовец.

-- Мало ли вервольфов бегает по лесу в эту ночь?

-- С ними один наш, песиголовец. И люди... всадники... не наши!

Все трое мигом скатились в глубокий овраг. Друид произнес заклятие, отводившее глаза и нос любому зверю. Они осторожно пошли оврагом. Вдруг впереди показались двое волков: оборотень и настоящий.

-- Ты что это, Бесомир? От волков в лесу решил спрятаться? Не выйдет. Постыдился бы таким заклятием мне, волчьему князю, нос отводить, - сказал седой матерый волколак.

-- Вот вы где себе хозяина нашли! Вас обоих не выгнать из стаи, а разорвать надо было! - раздалось сзади злобное рычание.

Рядом с Гауром стояли, оскалив зубы, двое оборотней.

Бесомир раскинул руки, и две стены черно-красного пламени перегородили овраг, защитив с двух сторон друида и его

охранников.

-- Я тебе дам - в лесу с огнем баловать! - рявкнул подоспевший Шишок.

-- Вот вы вместе с лесом и сгорите. Огонь-то чародейный. А я от него защититься сумею, - преспокойно ответил друид.

И тут над обрывом появились всадники. Загудели тетивы, и Бесомир едва успел выставить колдовскую защиту. Ударившись в незримую стену, стрелы бессильно упали. Яснозор погрозил Перуновой секирой.

-- Не пугай, Ясько. Эту стену и твой топорик не прорубит, - ухмыльнулся ведун и поднял руки над головой, соединив ладони чашкой. Из них вылетел огненный шар и понесся - не к гуцулу, а к Вышко. Юный волхв был для друида опаснее всех.

Сын Вышаты быстро выбросил руку с резным моржовым клыком, поймал на его острие шар, раскрутил и послал обратно. Не слушаясь чар друида, его творение пробило защиту и ударило в спину своему создателю, бросившемуся было наземь. Охваченный огнем, Бесомир дико вопил.

-- Это тебе за тех, кого в чучелах живьем сжигал, - безжалостно произнес сверху Яснозор.

Магические преграды исчезли, и Гаур с волками бросились на двоих песиголовцев, схватившихся с яростным лаем за мечи. Собачью голову одного снес клинок Гаура. Второго разорвали в клочья Серячок с оборотнями. От царя друидов осталось лишь выжженное дочерна место на дне оврага да раскаленная бронзовая корона. Сверкнула молнией секира Яснозора, и корона лужицей расплавленного металла ушла в землю.

* * *

Двадцать Первый Хищный легион шел берегом Сватавы. Позади осталась опустошенная, разграбленная страна, пепелища городков и сел. Под присмотром длинноусых галльских конников брели пленные германцы. Победно сиял позолотой легионный орел. День стоял морозный, но солнечный и тихий.

Легат Валерий Рубрий пребывал в отличном расположении духа. Выполнить свой долг, усмирить врагов Империи - что еще нужно римлянину и стоику для спокойствия души? Буйно радоваться крови и трупам - это для варвара. А его солдаты, набранные по большей части из рейнских германцев - уже римляне, спокойные, надежные, дисциплинированные. Всякие там маркоманны для них - враги, добыча и ничего более. И не так уж страшны колдовские леса Германии даже для коренных

италиков. Дешевые амулеты есть у всех, и разве новобранцы не усвоили, что на голос лесного демона нельзя отвечать "Да", а только "Эй!" Заблудившись же, нужно вывернуть плащ наизнанку. Что может бешеный Водан против спокойного величия Юпитера Капитолийского? Осталось взять Эбуродун, этот "город свиней", и Вангион с братцем, если уцелеют, приползут на коленях молить о мире.

Легион вышел на широкую болотистую низину. Летом она могла бы стать ловушкой для войска, но сейчас мороз надежно сковал топь. Внезапно резкий холодный ветер с юга понес в лицо снежную крупу. Сквозь вой его послышались крики, ржание коней, лай собак, звуки рогов. По рядам покатилось жуткие слова: "дикая охота". Рубрий скривился. Стая демонов среди бела дня? Скорее какой-то князек вместо римлян воюет с турами. Вот и рев слышен. Все ближе... сильнее. Ну вот, уже поминают Медного Быка. Послать бы галлов проучить этого "дикого охотника"...

Рев стал диким, оглушительным. Из чащи прямо на легионеров неслось со скоростью камня из балисты медное чудовище, словно отлитое из пламени. Копья, стрелы, свинцовые шары из пращей полетели в него. Тщетно! Медный зверь ворвался в ряды солдат, топча их копытами, поднимая на рога, опаляя жаром пасти - вулкана и собственного тела.

Оставляя за собой обожженные и изувеченные тела, бык словно огненным плугом пропахал всю колонну. Но лишь те, кто обладал духовным зрением, видели, как вслед за страшной дичью неслись охотники в рогатых шлемах, и во главе их два всадника: седой старик с рунным мечом и суровый златобородый воин. Охотники рубили и кололи направо и налево, и легионеры падали, сраженные незримым оружием. А сверху в их рядах сеяли смерть такие же незримые амазонки на крылатых конях.

Но даже этого было недостаточно, чтобы обратить в бегство испытанный легион. Срывая голоса и отчаянно бранясь, центурионы, трибуны и сам легат пытались восстановить порядок, и это им почти удалось, когда чудовище уже вырвалось на лед Сватавы. И тут с юга донесся топот копыт и громовой крик: "Мара!" Тучей взметая снег, гремя доспехами, на Хищный легион мчался несокрушимый сарматский клин. Ветер яростно развевал два красных знамени с золотыми тамгами росов и языгов. Перед длинными копьями не могли устоять ни щиты, ни панцири. Насадив на копье одного, а то и двух легионеров, степняки отбрасывали его и рубились длинными мечами.

Тем временем с флангов на легион обрушились еще два конных клина. Из чащи вылетела дружина Сидона, из-за реки - Вангиона. В считанные минуты три клина разрубили колонну на

четыре части. Битва превратилась в избиение окруженных. В плен не брали даже бросивших оружие.

-- Месть, свевы, месть! Всех римских варгов[52] в жертву Водану! - кричал, рассекая мечом шлемы и черепа, конунг квадов.

-- Никого не щадить! Мы не охотники за рабами! - вторил ему сарматский вождь с длинными пшеничными усами. В нем Рубрий узнал Хор-алдара, наводившего страх на римлян в Мезии[53]. Узнал он и златоволосого царя росов. Боги, в кого вырос безродный мальчишка, дравшийся на пантикапейском базаре за своего единственного коня!

Тем временем медная тварь, провалившаяся было под лед, сумела выбраться из закипевшей воды и снова устремилась на людей, топча и обжигая без разбора римлян и варваров. Ардагаст повернул коня навстречу ей, поднял руку с Колаксаевой Чашей. Золотой луч ударил прямо в огнедышащую пасть быка. Красное и золотое пламя ослепительно вспыхнули разом, рогатая голова треснула и оплавилась, и чудовище рухнуло в снег, обратившись в изуродованное медное чучело.

Двуручный меч смуглокожего великана-роса сбил с древка золоченого орла. Рубрий бился с мужеством обреченного, памятуя заветы стоиков: исполнять долг, не сожалея ни о каких дарах судьбы - славе, карьере, самой жизни. Наконец под ним убили коня, и шквал мечей и копий обрушился на легата. Сарматам, однако, не удалось сделать чашу из его черепа. Двое легионеров успели вытащить тело своего командира из гущи сражения и ускакать вместе с ним. Двадцать Первый Хищный легион перестал существовать.

* * *

Два легиона осаждали Город Вепря. Под прикрытием навесов-"черепах" римляне забросали в нескольких местах ров. Теперь, надежно защищенные теми же "черепахами", одни из них били тараном в ворота, другие прокапывались сквозь вал. Катапульты забрасывали город стрелами, балисты - камнями и горшками с угольями. Спасения от них не было даже в домах. Стрелы и уголья поджигали соломенные крыши, камни пробивали их насквозь. К валу подкатили осадную башню, и с нее в город полетели стрелы и свинцовые шары. На валявшихся повсюду трупах краснели замерзшей кровью издевательские надписи, отпечатанные тяжелыми шарами. Легионеры не щадили ни пола, ни возраста. С башни они ясно видели: и женщины, и дети, и старики если сами не сражаются, то подносят воинам

стрелы, камни, бревна.

Но все достижения римского и эллинского ума разбивались о ярость и упорство варваров. Подобный зверовидному демону в своем шлеме, увенчанном фигурой вепря, с кабаньей шкурой на плечах, метался по валу герцог Эберих. За ним следовала дюжина неистовых берсерков в медвежьих шкурах. Не страшась ни ран, ни смерти, прыгали они с вала, опрокидывали штурмовые лестницы, убивали легионеров и молниеносно взбирались обратно. Таран не мог пробить ворот, заваленных изнутри. Кирки ломались о мерзлый грунт, каменные плиты и бревна. Дубовые колоды и камни крушили "черепах" со всем, что в них было. Когда же легионеры по перекидному мостику из башни устремились на вал, герцог с берсерками не только изрубили их, но и ворвались следом в башню, опрокинули и подожгли ее.

Император наблюдал за штурмом с невысокого холма. Изнеженному Нерону было скучно и холодно, хотелось в теплый шатер с жаровней. Но две души "господина и бога" давно научились идти по жизни вместе. Сейчас все решал опытный воин Домициан. Он терпеливо выстаивал на холодном ветру, кутаясь в подбитый роскошным лисьим мехом плащ: пусть солдаты видят стойкость своего повелителя. К счастью, он не варварский конунг и не должен еще и лезть под мечи и стрелы впереди всех. Тревожили донесения разведки: куда-то подевались оба свевских царька с конными дружинами, вся орда язигов, шайка сарматов-росов. Передрались или разбрелись после гибели Ардагаста? Тогда их должен был добить Хищный легион, а от него до сих пор никаких вестей.

Приказать бы Валенту глянуть в магическое зеркало, но великий маг занят: весь день в поте лица отгоняет воинов-призраков. Нерон достаточно долго сам был неприкаянным духом и теперь ясно видел, кто разит незримо его солдат. Только бы сами они не догадывались, что на них налетает не просто ветер со снегом, и не из леса доносится шум невидимой охоты. Так нет, кое-кто уже кричит, что увидел Арминия. Ничего! Главное - покончить с этим "городом свиней", усмирить всю эту кучку северных царьков, а тогда, наконец, - на Восток! Только там он найдет достойные себя подвиги, превзойдет Александра, Помпея и Цезаря, только там станет поистине Господином и Богом...

До самого вечера город так и не был взят. С заходом солнца усталые и продрогшие солдаты вернулись в лагерь. Верхом блаженства было для них оказаться за надежным частоколом и рвом, в палатке у котелка с горячей похлебкой. Знавшие Германию ветераны, однако, предупреждали: тут-то и начнется самое страшное. Стемнело, и метель забушевала над лагерем с

удвоенной силой. Тучи, гонимые ветром, мчались то открывая, то помрачая луну. И в ее неровном, бледном свете носились вокруг ограды призрачные всадники в рогатых шлемах, дикие амазонки на крылатых скакунах, черные псы с горящими глазами и огнедышащими пастями. Грозные крики, ржание, вой неслись из тьмы.

Ходуном ходили стенки палаток. Замертво падали часовые. "Арминий! Маробод! Ариовист!" - в ужасе шептали легионеры, узнавая среди призраков тех, кого до сих пор знали по бюстам и фрескам в храмах. Казалось, лагерь провалился в Аид, и темный мир смерти окружил его со всех сторон. Внезапно из тьмы выскочили, дико ревя, два десятка воинов в медвежьих шкурах. В считанные мгновения они завладели северными воротами и распахнули их створки.

Валент ухмыльнулся, глядя, как бьются о созданную им незримую преграду призрачные всадники, тщетно пытаясь ворваться в лагерь. А целая центурия, ругаясь на чем свет стоит, уже бежала к воротам, чтобы изрубить дерзких варваров, отвлекающих сынов Ромула от горячей каши. И тут сквозь вой метели властно донеслись совсем другие звуки: топот копыт, грохот бубнов и грозный, беспощадный крик "Мара!" Поднимая на копья легионеров, в лагерь хлынула лавина закованных в железо всадников. Красные стяги с тамгами трепетали на холодном ветру.

Напрасно пытался некромант остановить сарматов силой перстней Марса и Сатурна. Что-то ослабляло его чары, и это была - Валент почувствовал сразу - скифская солнечная чаша. Неужели... Да, все они здесь: Вышата, армянин и сам царь росов, живой и невредимый!

-- Ардагаст жив! О, Геката! - в ужасе воскликнул маг, и его услышал император, высунувший нос из палатки. А железная лавина, сметая все на своем пути, уже вырвалась на лагерный форум. Следом за сарматами в северные ворота хлынули их германские союзники. А в южные ворота ломились герцог Эберих, его берсерки и другие защитники Эбуродуна.

Господин и Бог принял решение быстро. Нерон жаждал избежать гибели, а Домициан знал, как это сделать. Двадцать лет назад последний сумел спастись, когда Вителлий со своими германцами взял Рим. В том, что жизнь кесаря для Империи важнее двух легионов, обе его души не сомневались. Вскочив на коня, император, в сопровождении десятка преторианцев и центуриона Луция Хейдриха, бросился было к южным воротам. Но воины Эбериха уже ворвались в лагерь и набросились на палатку квестора, где хранилась казна и добыча. Тогда Домициан

свернул, пронесся мимо палаток маркитантов и через боковые ворота вылетел наружу.

-- Ты обманул меня, мерзкий оборотень! Сам придумал, будто царек росов мертв, или повторил сплетни ваших глупых ведьм, поглоти их всех Тартар с тобой вместе?

-- Клянусь Юпитером-Донаром, я сам видел Ардагаста мертвым!

-- Так, по-твоему, он воскрес?

-- А что? - огрызнулся Хейдрих. - Какой-то еврейский колдун, говорят, вылез из могилы после распятия.

-- Болван! Такое могли придумать только неучи-христиане!

А в лагере кипел бой. От разгрома легионы спасла лишь железная, вбитая каждодневной муштрой дисциплина, да хладнокровное мужество Теттия Юлиана, победителя даков. Сохраняя строй, Седьмой легион медленно отступал к западным воротам, Пятнадцатый - к восточным. Одни варвары беспорядочно грабили лагерь. Другие, валя палатки, заходили легионерам во фланг, вклинивались между когортами, но всякий раз натыкались на ощетинившуюся мечами и копьями стену щитов.

Андак с дружиной успел первым ворваться в императорский шатер. Не сумев добыть череп кесаря, князь искренне огорчился, но тут же вознаградил себя добычей, а затем чуть не подрался с людьми Эбериха, грабившими палатку квестора.

Сраженные сталью живых или незримым оружием мертвых, падали легионеры. Все теснее смыкался строй, хотя слух о бегстве Домициана уже разнесся по лагерю. Выбор был невелик: смерть в бою, смерть в петле на священном дереве или рабство среди варваров. Надеялись, что Господин и Бог приведет на помощь Хищный легион. Надеялись на Юпитера, на Митру, на всемогущего императорского мага. И маг решился на грубое, опасное, но сильное колдовство, секрет которого он купил за большие деньги у чернокожего ведуна. Тот пришел в Александрию с далекого юга, где могучие обезьянолюди бродят по склонам дышащей огнем Колесницы Богов[54].

Взяв в руку высушенную голову гориллы, Валент вонзил ей в темя кинжал из черного обсидиана, и прошептал заклятие. Земля под ногами у римлян и варваров загудела, заходила ходуном. Из появившихся внезапно трещин вырывался дым и языки пламени. В мозгу у волхвов зазвучал твердый, безжалостный голос некроманта:

-- Эй, венед, армянин! Мне нечего терять. Я разбудил силы Плутона. Если я их не остановлю, весь лагерь провалится в

Тартар!

-- Пугать вздумал! - возмутилась Лютица. - Не слушайте его! Мы с Миланой укрепим землю.

-- Не успеете. Я об этом колдовстве знаю, оно слишком сильное и быстрое, - возразил Мгер. - Нужно уходить из лагеря. Я скажу Ардагасту.

Ни конунги, ни Арнакутай не возразили, когда Зореславич велел всем оставить лагерь. Когда сама земля дрожит, кого слушать, как не волхвов и не избранника богов? Легионеры, удивленные отступлением варваров, молились кто Юпитеру, кто галльскому Юпитеру - Тараннису, кто Митре. А Валент немедленно принялся за поиски пропавшего императора, для Братства Тьмы более ценного, чем десять легионов.

Зов мага достиг мысленного слуха кесаря, когда тот пробирался лесом на юг. От погнавшихся, было, следом конных свевов удалось оторваться, но почти все преторианцы погибли. С Домицианом остался один Хейдрих, да и у того захромал конь. Ко всему еще между деревьями вдруг загорелась цепочка подвижных огоньков. Волки! Как теперь выбраться мимо них из ночной чащи на лед реки? Как доскакать до осажденного лагеря, проникнуть туда? И все это - как можно скорее, пока не назрел бунт. Император оглянулся на центуриона и с ужасом увидел под гребенчатым шлемом волчью голову.

-- Это не просто волки, - принюхавшись, сообщил Хейдрих. - Оборотни. Не наши, видно, невры[55]. С ними кинокефал и сатир.

-- Луций, придумай что-нибудь! Ты же сам оборотень. Лагерь выстоял, нам нужно вернуться туда.

-- Зачем было убегать?

-- Луций! Провинциалы вроде тебя не идут дальше центуриона, но ты станешь трибуном, клянусь Юпитером!

Белые клыки блеснули в ухмылке.

-- От волков в лесу уйдет наверняка только волк. Вот я и уйду... И ты, пожалуй, тоже. Я поменяю тебе шкуру. Простое заклинание, всего на час.

-- О, Луций! Храни тебя Марс, волчий бог!

Два волка мчались изо всех сил по заснеженной ледяной глади. За ними с воем неслась целая стая во главе с матерым седым вожаком. Позади бежали, изрыгая лай и ругань, могучий песиголовец и коренастый леший. Рыжеватый волк с вылезшей на голове шерстью знал: его четвертая смерть будет не из легких, и это удесятеряло его силы. Даже его спутник-вервольф все больше отставал. Но вот уже впереди валы Эбуродуна, вот и частокол лагеря. Вокруг полно германцев. К счастью, им сейчас не до волчьей охоты.

Волк-кесарь с разбега вскочил на высокий берег. Центурион прыгнул следом, и тут снег, уже осевший, не выдержал новой тяжести. Поднявшись, Хейдрих увидел перед собой ощеренную пасть Седого Волка. Остальные - совсем близко, а за спиной - обрыв. Спасти вервольфа могла лишь покорность. Он ведь всю жизнь подчинялся сильнейшему: вожаку, конунгу, императору... Умильно скуля, Луций лег на спину, подставив беззащитное брюхо. Седой Волк только рявкнул презрительно - и стая бросилась на неудачливого оборотня. "Мама-а-а!" - отчаянно крикнул он человеческим голосом, и крик этот - уже не звуком, а мыслью - достиг дна Мачехи, где вместе с другими ведьмами готовилась к ночному полету пророчица Ганна.

Легионеры у восточных ворот с удивлением прислушивались к суматохе, поднявшейся вдруг среди осаждавших. Лай, ругань, вой, крики: "Держи лысого волка!" Солдаты чуть не остолбенели, когда этот самый лысый волк оказался перед воротами и завопил человеческим голосом: "Откройте! Я ваш император!" Ему открыли - не потому что вспомнили капитолийскую волчицу. Волей легионеров завладела в этот миг воля чародея в черном с серебром плаще. Когда же перед их взорами и впрямь предстало надменное лицо Господина и Бога, осталось лишь вытянуться и вскинуть руки в приветствии.

На рассвете в стан осаждавших явился посланец кесаря. И это был не кто иной, как Флавий Ситалк. Он передал, что император желает вернуться с двумя легионами на юг и обещает не гневаться впредь на свевов и язигов, считать их снова друзьями и союзниками римского народа, выдать их вождям щедрую субсидию и освободить пленных. Перед этим фракиец тайком сообщил Ардагасту, что припасов в лагере мало, а многие солдаты ропщут и презирают беглеца и труса Домициана. Вожди откровенно смеялись, слушая предложения кесаря.

-- А под ярмом они пройти не хотят? Мы, армяне, знаем, как такое делать с римлянами, - сказал Мгер.

-- Пусть сначала выдадут своего Лысого Нерона. Пока он еще кем-нибудь не оборотился, - улыбнулся Зореславич.

-- На чары пусть не надеется. Второй раз землю трясти мы Валенту не дадим, - добавил Вышата.

-- Да что с ними говорить? Пойдем на приступ и перебьем их, как Хищный легион! - махнул кулаком Хор-алдар.

-- Зачет? Ведь мы победили: они уберутся из Бойохейма и дадут выкуп. К чему еще губить воинов? - пожал плечами Вангион.

-- Ты хочешь, чтобы гибли мы, армяне? Это к нам, на Восток он теперь пойдет! - возмущенно сверкнул глазами Мгер.

-- Я избран конунгом маркоманнов, а не армян. Моя страна и так опустошена, - невозмутимо ответил Вангион.

-- Да вы можете весь мир избавить от этого оборотня! Сидон, неужели упустишь такой подвиг? - горячился армянин.

Но конунг квадов, обычно лихой и отважный, лишь отвел взгляд.

-- Наши земли тоже опустошены. И воины устали.

-- Вы, пришельцы, уйдете, а нам жить с римлянами через реку. Убьем кесаря - новый пойдет мстить за него, - сказал Арнакутай.

-- Что я должен ответить моему императору? - холодно осведомился Ситалк.

-- Что мы согласны выпустить его войско за выкуп. Пусть заплатит всем четырем племенам, росам тоже, - ответил Вангион.

-- Только пусть не числит нас, росов, среди своих друзей и союзников, - с едкой иронией произнес Ардагаст.

Из полутьмы шатра вдруг выступили фигуры двух конунгов - белокурого и златобородого.

-- Здесь некому вручить солнечный меч, - с горечью и досадой сказал белокурый. - Твои свевы, Ариовист, еще не поняли, как велик мир и как он мал.

-- Я сам это понял только на небе, - пожал плечами Златобородый. - Но когда они поймут - погонят римлян до самого Океана.

-- Тогда и мои херуски не отстанут, - уверенно тряхнул буйными кудрями Арминий. - А сейчас едем в Валгаллу. Подраться сегодня уже не успеем, так хоть вепрятины поедим. Хугин прилетел, сказал: Длиннобородый будет чествовать Маробода с Катуальдой.

-- Слышите? Наши конунги заслужили Валгаллу. Победа, свевы! - преувеличенно бодро воскликнул Вангион.

Не отозвавшись ни словом, оба великих героя покинули шатер. Следом вышел наружу армянин. Догнав его, Сидон заговорил торопливо и виновато:

-- Прости, герцог Мгер! Будь со мной только бродячая дружина, я бы сейчас пошел с тобой на Восток. Но у меня - племя. И меч Бальдра по-прежнему тяжел для меня.

Князь-маг ничего не ответил. Глядя в небо, он видел, как пробивается сквозь поредевшие облака свет восходящего солнца, как туда, в сторону Асгарда, города Водана, поворачивают своих коней дикие охотники. Приветствуя их, Мгер поднял солнечный меч. Словно молния беззвучно ударила с неба в клинок, и руны вспыхнули золотым пламенем. Душа меча вернулась в него.

Над лесами, горами, замерзшими реками летела на восток

дикая охота. Четыре конунга скакали во главе ее и беседовали, словно старые друзья. Те, кто видел их в тот день в небе, верили: в тяжелый час великие герои еще вернутся к своим племенам.

А среди заснеженного леса плакала, прижавшись лбом к холодному стволу бука, главная пророчица свевов. Ее Хейдрих, отважный и непослушный Хейдрих, уже не вернется в этот мир иначе, как жутким волкоголовым призраком. Черная Перхта - не Флинц, она не возвращает жизни даже своим верным слугам. Женщина в белом, с прекрасным и мудрым лицом, Гладила волосы жрицы и тихо говорила:

-- Как же долго ты шла ко мне, девочка Ганна... А ведь я могла вызволить тебя даже со дна Мачехи.

-- Я думала, Перхта одна. И служила вам обеим.

-- Видишь, что из этого вышло? Твой сын умер негодяем, а младшая дочь стала ведьмой и распутницей.

-- Но старшую я уберегла от всей этой мерзости!

-- Главное - убереги саму себя, если уж ты поняла разницу между мной и сестрой. Мы с ней были всегда, еще до начала мира. И каждый смертный сам выбирает между нами.

* * *

Валерий Рубрий не погиб на берегу Сватавы. Несколько дней он отлеживался в шалаше из еловых веток, пока не затянулись раны. Затем вместе с двумя верными легионерами отправился на юг. В Карнунт они добрались, когда весть о гибели Хищного легиона и его легата давно уже разлетелась по Империи. Против ожидания, Домициан принял Рубрия милостиво и направил на Восток - легатом Двенадцатого Молниеносного.

Вскоре был заключен мир с даками. Децебал получил не только изрядную дань, но и искусных ремесленников - оружейников и строителей крепостей. Свое самолюбие Господин и Бог потешил тем, что увенчал короной даков их посла Диега (сам увенчанный потом изрядно посмеялся над этим вместе с Децебалом). Тем временем другие легионы победили хаттов, и Домициан справил, наконец, двойной триумф. Он почти уверил даже себя, что победил также и сарматов (ушли же эти росы к себе на Борисфен!), но за эту "победу" лишь пожертвовал золотой венок Юпитеру Капитолийскому. Потом вдруг взбунтовался наместник Германии Сатурнин. И только усмирив мятеж, Нерон-Домициан смог, наконец, выступить на Восток в поисках достойных себя подвигов. Для начала он решил покарать Армению и ее царя Арташеса-Тиридата, посмевшего отказать

Риму в дани.

Мезия - нынешняя северная Болгария.

Ликантропы - волколаки (греч.).

Хатты - германское племя в совр. Гессене. Языги - сарматское племя, кочевавшее между Дунаем и Тиссой. Свевы - группа германских племен (в т.ч. семноны в совр. Бранденбурге, маркоманны в Чехии, квады - в Моравии и юго-западной Словакии).

Арминий, вождь херусков, в 9 г. н.э. уничтожил три римских легиона в Тевтобургском лесу. Тиридат, царь армян в 62 г. при Рандее принудил римлян к позорной капитуляции.

Студеный - декабрь (слав.).

Зихи - племя, обитавшее на Черноморском побережье Кавказа.

Децемвир - член городского совета - курии.

Варг - преступник (букв. "волк") (герм.).

Колесница Богов - вулкан Камерун

ЧАСТЬ III. СКОВАННЫЙ ВЕЛИКАН

В крепости Гарни к северу от Арташата собралась на совет высшая знать земли Армянской. Из окон летнего царского дворца были хорошо видны высокие горы, черные обрывы базальтовых скал, зелень садов и виноградников внизу, в долине реки Азат-Гарни, Вольной Гарни, стройные колонны белокаменного храма Михра. Не только каменные стены и неприступные скальные обрывы хранили крепость, но и милость Солнца-Михра, справедливейшего из богов.

В позолоченном резном кресле восседал царь Арташес-Тиридат. Его черные, уже запорошенные сединой волосы, увенчивала золотая тиара с изображением Солнца между двух орлов. Зоркий, наблюдательный взгляд привычно скользил по лицам собравшихся. Гордые, величавые князья. Самоцветами и золотом блестят их гривны и браслеты со змеиными и львиными головами, золотыми бляшками усеяны кафтаны. Ордуни, Хоруни и многие другие возводят свой род к Хайку, что привел сюда армян с запада и поразил стрелой ассирийского бога Бела. Арцруни и Груни - к Санасару и Багдасару, убившим своего отца, жестокого царя Ассирии, и бежавшим в Сасунские горы. Вахуни - к самому Вахагну-громовержцу. Куда до них ему, парфянину из рода Аршакидов, брату царя Валарша и дяде нынешнего царя царей...

Однако же на всех парфянские кафтаны и широкие складчатые шаровары. Никто не явился на совет в греческом плаще, тем более, в римской тоге. С тех пор, как легионеры при Нероне разграбили и сожгли Арташат, выказывать любовь ко всему западному стало не принято. За сорок лет он, пришелец, сумел завоевать уважение не только князей, но и простого народа. И сам полюбил эту страну - бедную, каменистую, но такую щедрую к тем, кто не жалеет своего пота и крови. Полюбил ее народ - неунывающий, добрый и мирный, но отважный.

Предки Арташеса были степняками. Не потому ли он сделал своей царицей бесстрашную аланку Сатеник, поймав ее арканом в разгаре битвы? Вот она, рядом с ним - в сарматском кафтане и шароварах, с акинаком у пояса. Нарочно оделась, как для похода, чтобы самим видом своим пристыдить ищущих мира любой ценой. А ведь умеет "дикая степнячка" носить с изяществом и самые дорогие платья. Да, парфяне любят жизнь, не

стыдятся роскоши. Но никакие самоцветы, шелка и тонкие вина не разлучат парфянина с верным конем и тугим луком!

А вот и его сыновья, предмет гордости и огорчений царя. Старший, Артавазд, - сильный, горделивый, в золоченом панцире с Гераклом, поражающим гидру. Льстецы приравнивают его к Вахагну-драконоборцу. А он ни одного дракона не убил. Зато истребил без жалости род Мурацани, потомков царя-змея Аждахака. Стыдиться бы таких "подвигов", но разве не укрепил этим царевич его, Арташеса, державу? Еще один "Геракл" - Зарех. Вместо барсовой шкуры щеголяет теперь львиной: выследил-таки в Гегамских горах последнего, наверно, льва. На охоте отважен, зато на войне робок и бестолков. Угодил в плен к иверам, и пришлось отдать им несколько пограничных земель, чтобы вызволить его, сокровище этакое, из Казбекской крепости. А он еще и похвалялся, будто переспал с тамошней богиней Тамар.

Тем не менее, северной армией командует Зарех, восточной - Артавазд. А западную границу стережет Тиран. Вот кто лучший из братьев. Смел, но осмотрителен. В интриги не лезет: не о троне думает, об Армении. А за каждым царевичем - по несколько княжеских родов. Еще и невестки одна другой властолюбивее и напористее, каждая со сворой алчных родичей. Вечные доносы, обиды, свары... Самый младший, Мажан, и тот погряз во всем этом. А ведь умница, книгочей, в верховные жрецы готовится. И при этом водится с неучем Зарехом, помогает ему строить козни против братьев-воинов.

О, Арамазд-владыка, что они сделают с царством без него? Впрочем, царь силен мудрыми советниками. Вот Вруйр, мудрец и поэт. На вид тщедушен и небогат, не догадаешься, что управитель дворца. Рядом Сумбат Багратуни - красивый старик с жемчужной диадемой на снежно-белых волосах, главный военачальник и лучший полководец. Это он сделал Арташеса царем. Он и старый Аргаван Мурацани, с которым потом так жестоко расправился Артавазд.

-- Кого мы ждем, отец? - прервал размышления Арташеса старший царевич.

-- Все еще нет Мгера Арцруни.

-- Не много ли чести для этого сына крестьянки? - презрительно скривился Артавазд.

-- Он сделал для Армении больше, чем ты, сын царя, - возразил Вруйр. - Он - начальник наших лазутчиков, и если опаздывает, на то есть тайные причины.

-- Пусть так. Но пристало ли царю ждать какого-то оружейника, колдуна, лазутчика? - в укор взглянул на отца Артавазд. Но тот смотрел не на него, а на входившего в комнату

человека в запыленной темной одежде, с мечом в вычурных бронзовых ножнах.

-- Вай, Мгер! Ты что, совсем обеднел? Или спутал царский дворец с корчмой? Ты похож на нищего разбойника из горного племени! - ехидно заметил князь Гнуни.

-- У меня не было времени нарядиться по-княжески, - бросил в ответ Мгер и, поклонившись царю, сел почти рядом с ним. Окинув взглядом собравшихся, Арташес заговорил:

-- Мужи армянские! Вы знаете: война грозит нам. Сатурнин разбит и погиб, и теперь Домициан двинулся на нас с тремя легионами. Еще два стоят в готовности на границе, а Двенадцатый Молниеносный идет на восток через Колхиду и Иверию. Станем мы воевать или молить кесаря о мире?

-- Если это из-за дани, будем платить ее снова. Это ведь лучше, чем отдать на разорение наши села, города, святилища? Боги не любят дерзких, - сказал Мажан.

-- Нет, царевич. Данью теперь не откупишься. Лысый Нерон решил обратить Армению в провинцию. Царей здесь больше не будет... и царевичей тоже. А воины армянские пойдут вместе с ним на Восток - мостить своими костями дорогу в Индию для иудеев и сирийцев, - жестким, безжалостным тоном ответил Мгер.

-- Так чего мы ждем? Вторгнемся сразу в Малую Армению и Каппадокию! Тамошние армяне нас поддержат! - горячо воскликнул Тиран.

-- Не только армяне. Иудеи тоже поднимутся, если будут знать, что мы пойдем на Ершалаим! - воинственно блеснул глазами из-под седых бровей Сумбат.

-- Братство Солнца поднимет всюду рабов и бедняков. Пусть только знают: армяне несут свободу всем, у кого ее отнял Рим! - сказал Мгер.

-- Еще что! Подстрекать чужих рабов? Ты смутьян и разбойник, Мгер! Разве мало того, что наши рабы бегут к тебе? На моих виноградниках скоро некому будет работать! Ты же мой родственник! - возмущенно замахал руками князь Гнуни.

-- Мое вино не хуже твоего. Но в нем нет крови засеченных рабов. На моих землях работают только свободные крестьяне. А за беглых я всегда вам плачу, - с достоинством ответил Мгер.

-- Ну да, ты хочешь, чтобы рабов не было вовсе. Так учат только грязные киники на базарах. Аристотель же полагал, что сама природа, то есть Бог, предназначила одних к рабству, других к свободе, - гладко, как по писаному, произнес Мажан.

-- А ты, Сумбат, еврей, и потому готов пожертвовать Арменией ради вашей Палестины, - ехидно прищурился Артавазд.

-- Я армянин. Но я помню о своих предках и родичах, и

потому не хочу, чтобы с армянами стало то же, что с ними. Вам мало руин Ершалаима и Арталиата, чтобы понять: римская волчица ненасытна? - вскинул седую голову Сумбат.

Тяжело роняя слова, заговорил Арташес:

- Кто бы ни ждал нас по ту сторону границы, мы не перейдем ее первыми. Уже для того, чтобы зря не губить наших друзей. Мой племянник Пакор не хочет сейчас войны с Римом. А без парфян мы сможем разве что обороняться.

Князья взволнованно зашептались, заспорили. И вот уже Мажан с самым почтительным видом произнес:

-- Отец, смирись. Ради нашей несчастной страны! Ты ведь уже ездил на поклон к Нерону и получил венец из его рук.

-- После того, как разбил его легионы. Вот поэтому Лысый Нерон уже не поверит мне. Ему не нужен здесь никакой царь. Даже самый послушный, - покачал головой Арташес.

-- Если хочешь остаться мужчиной, сынок, читай не только философов, но и историков, - сказала Сатеник мягко, почти ласково. Царица многое прощала своему младшенькому. Но когда она обратилась к князьям, в ее глазах засверкали степные молнии.

-- Кто-то уже вспомнил о своем римском гражданстве и готов купить мир за головы своего царя и его сыновей? Так ползите прямо отсюда на брюхе к Домициану! А мои аланы разорят ваши усадьбы.

-- Если благородные потомки Хайка предадут Армению, я, потомок Авраама, соберу всех, готовых защищать ее. И карать изменников! - грозно произнес Сумбат.

-- Один подлый змеиный род я уже истребил, - зловеще проговорил Артавазд.

-- Мы, Аршакиды, не из тех, кого можно вязать и резать, как баранов! - грохнул кулаком по столу Зарех.

-- А если Парфия не поможет нам, есть еще великая степь. Слишком осторожные там долго не живут. Говори, Мгер, ты ведь только что оттуда! - сказала Сатеник.

-- На помощь нам уже идет войско аланов и роксоланов. И ведет его славный Ардагаст, царь росов. Так решили оба великих царя, Роксаг и Гоар, чтобы их сыновья не подчинялись друг другу, - ответил Мгер.

-- А пропустят ли их иверы через Врата Аланов? - с сомнением спросил Зарех.

-- Вы знаете, в Иверии два царя: Картам в Мцхете и Бартом в Армази. Бартом - римский холуй, но Картам готов пропустить степняков, если только в его стране не будет римлян. А Двенадцатый легион двинулся на восток, к Каспию. Он хоть и

Молниеносный, но не крылатый. Главное, чтобы он не поспел к Вратам Аланов раньше Ардагаста.

-- Не поспеет! Я с северной армией задам ему хорошую трепку. А заодно всем этим иверам с албанами. И мерзавцу Картаму, если попробует хитрить! - воинственно взмахнул рукой Зарех.

-- Мне не нужно, чтобы ты снова угодил в плен к Картаму, - покачал головой царь. - И даже тоя победа над ним не нужна. Чтобы одолеть кесаря, понадобится собрать все четыре наших армии. Мгер! Ты маг - сотвори любое чудо, лишь бы наши враги на севере оказались скованными, а друзья смогли прийти к нам. Тиран, ты будешь отступать с боями к Арташату. А вы, Артавазд и Дарех, поведете свои армии ему на помощь, как только северные и восточные границы окажутся в безопасности. Твоя армия, Сумбат - только для последнего удара. И да поможет нам Михр, как помогает он всем, сражающимся за правду и справедливость!

Царь, поднявшись, оборотился к заходящему солнцу и воздел руки, и вслед за ним все князья.

* * *

Царевич Мажан после совещания выскользнул в тенистый дворцовый сад и в глубине его встретил неприметного с виду воина в кольчуге и темном плаще. Лицо его, тонувшее в густой курчавой бороде, казалось прикрытым черной повязкой. Вполголоса Мажан поведал ему все, о чем говорилось на совете. Царевич знал, что имеет дело с римским лазутчиком, но вовсе не считал себя предателем. Он был искренне уверен в превосходстве эллинской мудрости, непревзойденном совершенстве римских законов и непобедимости легионов. Потому он чистосердечно жалел своих соплеменников, армян и аланов, за то, что эти неразумные варвары и полуварвары не спешили приобщиться до конца ко всей этой благодати.

Как же было ему не помешать их безумной попытке сопротивляться лучшей в мире Империи? Тем более, что в пламени войны могли погибнуть столь любимые им книги, статуи, храмы - все эллинское, то есть, прекраснейшее, что только было в Армении. Умный и утонченный царевич рос, словно цветок в сосуде с чужеземной почвой. Свет для него сиял лишь с Запада. Суровая мудрость Авесты не привлекала его, воинственные пляски армян, парфян и сарматов в честь Михра пугали и отталкивали. Он видел, как грубы и неотесанны родичи его матери, как стесняется она сама своей степной дикости. Все

это было для него темным варварским хаосом, озарить который способен лишь чистый свет эллинства... Будь царевич чуть наблюдательнее, он заметил бы, какой ненавидящий, полный змеиной злобы взгляд бросил его собеседник на белые ионические колонны и изящный фронтон храма Михра.

Верхом на стройном вороном коне хороших кровей чернобородый выехал из крепости и направился на север, вверх по долине Вольной Гарни, вглубь Гегамских гор. Солнце давно село, и ночь опустилась на горы, когда он достиг нагорья, которое пастухи звали Вишап-нер - "луга драконов". Полная луна озаряла раздольное пастбище, черные скалы, выступавшие из густой травы, отражалась в тихой глади широкого озера. Среди скал дремали стада и отары. Ни звука не доносилось из пастушьих шатров. Тишину зачарованного мира нарушал только шум воды - у каменной плотины, где из озера вытекала река. Это водохранилище, созданное еще урартами, поило водой сады и виноградники в долине Гарни. Но даже дубовые, обитые железом ворота шлюза могли не выдержать напора тех, кто таился в глубине озера.

У самой воды лежали длинные черные камни. Неведомый скульптор придал им вид змей с рыбьими головами и вырезал на их спинах изображения потоков воды, журавлей и бычьих шкур. Казалось, стая чудовищ выползла из темных вод и затаилась в ожидании добычи. Чернобородого уже ждали. Из каменного дома смотрителя плотины безмолвно вышли трое, одетые как пастухи, но хорошо вооруженные. С собой они вели большого черного быка и связанного молодого парня. Кто он был - раб, случайный путник, поселянин, чем-то не угодивший старейшине или князю? Парень был бледен, ступал с трудом, но молчал, как видно, понимая: здесь ему никто не придет на помощь.

Чернобородый высвободил из-под кольчуги цепь с серебряным медальоном. В лунном свете зловеще блеснуло изображение царя в венце, с двумя змеями, выраставшими из плеч. Ниже его на серебре выделялся темный халцедон с вырезанной на нем фигурой всадника. Чернобородый простер руки к каменным драконам и заговорил по-армянски:

-- О, вишапы, владыки глубин, могучие, безжалостные! Вы, чей род древнее самого мира! Вы, способные поглотить Солнце! Не погубите полей и стад в этом краю ни бурей, ни вихрем, ни засухой, ни бесплодием. Не разрушьте этой плотины, не высушите этого озера, не обратите Вольной Гарни в бешеный поток. Помните: гибнут народы и царства, но остаемся мы, ваши тайные почитатели, верные вашей древней мудрости!

Обнажив акинак с вытравленным на клинке змеем, он

одним умелым ударом заколол быка. Трое быстро и сноровисто содрали шкуру и покрыли ею черное изваяние. Связанный парень зашептал молитву. Жрец драконов презрительно произнес:

-- Раб, неуч, ты призываешь Михра в такую ночь? Этот обряд соединяет силы двух могучих зверобогов, врагов Солнца: Черного Быка и Змея Глубин. Я открыл тебе эту священную тайну, поскольку ты, тупая деревенщина, ее все равно не поймешь... и уже никому не выдашь!

Схватив парня за волосы, чернобородый повалил его на соседнее изваяние, и всадил акинак в горло. Алая кровь потоком хлынула на черный базальт. Простирая окровавленные руки к озеру, жрец-убийца воззвал теперь уже на древнем языке мидян:

-- Аждахи, предки и родичи мои! Ответьте: долго ли еще будет оставаться не отомщенным наш род? Когда постигнет лютая кара царя Арташеса, сына его Артавазда и колдунов из Братства Солнца? Когда сбросит оковы и выйдет из недр Демавенда трехглавый царь Аждахак, достойный владеть миром? Какое страшное, невиданное дело должен свершить для этого я, князь Аграм Мурацани?

Взволновалась, забурлила вода в озере, и из его темных глубин поднялась огромная рыбья голова на толстой змеиной шее. Красным огнем полыхнули глаза, открылась зубастая пасть, и оттуда раздался громкий шипящий голос:

-- Не одного Трехглавого Царя держат в оковах трусливые боги, что зовут себя светлыми. Освободи скованного на вершине Эльбруса, он освободит других, и тогда мир содрогнется! Зови на помощь чародея с семью перстнями. Но берегись златоволосого царя с солнечной чашей в руке. Орда его уже идет с севера.

Трое в черных бурках подняли тело парня и, раскачав, швырнули в озеро. Широкая, словно у громадного сома, пасть вишапа на лету схватила жертву и чудовище скрылось в воде. Низко поклонившись ему, четверо служителей вишапов пошли к дому смотрителя. Чернобородого ждали там шашлык с индийским перцем, лучшие армянские и иверские вина, но на его угрюмом лице не было веселья - лишь злая, жестокая радость хищника, почуявшего наконец добычу.

Еще недавно князь Аграм Мурацани был беззаботным молодым гулякой, грозой армянских и греческих красавиц, непревзойденным охотником и игроком в човган. Жестоким его не считали даже собственные рабы. Щедрые дары судьбы он воспринимал как должное, ибо гордился своим древним родом. Шесть веков назад они, потомки царя-дракона, столь отважно сражались на стороне последнего царя Мидии Астиага, что победители - персидский Солнце-Царь Кир и Тигран армянский -

лишь переселили их из Мидии в Армению, на изобильные земли к северу от Вольного Масиса.

Да, их род был вторым в Армении после царского. Глава рода, седовласый Аргаван, на пирах восседал рядом с царем на собственном троне, ел на золоте, пил из золотой чаши. Да ведь он, вместе с хитрым Сумбатом, и сделал Арташеса царем. Без их дружин не помогла бы пришельцу выстоять против легионов даже хваленая парфянская конница. Темные поселяне в страхе рассказывали о жутких ночных обрядах в честь вишапов на склонах Масиса и берегах Гарни... и сами же тайком приводили животных, а то и людей для этих обрядов. Тщетно жрецы Михра проклинали драконий род и увещевали трусливых мужиков. Сильнейшим князьям Армении закон не был писан, как не был он писан для буйных, могучих вишапов - хозяев Вольного Масиса и Вольной Гарни.

Так было, пока на пиру во дворце Мурацани князь-колдун Мгер не обвинил драконий род в заговоре для захвата царской власти. Наглый Артавазд вырвал Аргавану седую бороду. Оскорбленные потомки вишапов схватились за оружие и, если бы не лихие аланы Сатеник, Арташес не вышел бы из дворца живым. Это они, отчаянные степняки, не боявшиеся никаких древних чудовищ, зарились на богатства Мурацани. А потом на владения рода обрушилась рать Артавазда и аланские конники. Не было пощады никому, имевшему хоть каплю благородной драконьей крови, даже детям, прижитым с рабынями. Им царевич, возомнивший себя Вахагном-драконоборцем, разбивал головы палицей, а матерям их отсекал руки и ноги, приговаривая: "Змеиные подстилки, станьте сами, как змеи".

Одним из немногих уцелевших в той резне был Аграм. С тех пор он вел опасную жизнь бродячего воина и лазутчика. Угрюм и жесток сделался прежний баловень судьбы. Одиночество и жажда мести пробудили в нем дух и магические силы его предков-вишапов. Его боялись и ненавидели, но часто звали на помощь для самых темных и кровавых дел. Если что, во всем повинен Аграм Вишап - так его отныне звали, пугая его именем детей. Римляне, которым он служил, называли его Драконидом.

Что ж, он хотя бы не знал нищеты и мог тратиться по-княжески. Об этом заботились вездесущие иудейские купцы, не простившие Арташесу и отступнику Сумбату свержение Тиграна Пятого, достойного правнука Ирода Великого и верного слуги Рима. Посвященный в Братство Тьмы, Аграм хорошо знал колдуна с семью перстнями. Это его магический халцедон был вставлен в родовой амулет князя. Перед тем, как войти в дом, князь поднес амулет к виску, и сила Черного Всадника, архонта Сатурна,

подхватила злую мысль Драконида и понесла ее на запад, в лагерь кесаря, где в особом шатре бодрствовал над магическими папирусами и головами мумий некромант в черной с серебром хламиде.

* * *

Между грядой невысоких гор и морем простиралась полынная степь. У подножия гор аккуратными рядами стояли палатки, окруженные четырехугольным валом и рвом. В отдалении паслись стада джейранов. Осторожные животные не подходили близко к лагерю пришельцев. Где-то в степи ревел лев. Сами горы поднимались невероятным нагромождением скал и камней, обильно покрытых древними рисунками. Горные козлы, львы, всадники, пляшущие воины, ладьи со знаками Солнца на носу... Между скал белели кости жертв, принесенных пастухами. Это место было священным еще несколько тысяч лет назад, когда лучники с каменными стрелами пешком гонялись за козерогами и джейранами.

Среди этого каменного хаоса стоял, опираясь о скалу, Валерий Рубрий. Свежий ветер с Каспия приятно бодрил тело, а вид уходящей за горизонт морской глади наполнял душу гордой радостью покорителя мира. Свершилось! Великий поход на Восток начался, и в авангарде этого похода шел его, Рубрия, Двенадцатый Молниеносный легион. За какие-то полтора месяца он прошел от Евфрата и Понта до Каспия, куда не доходили даже легионы Помпея Великого. Царьки Колхиды, Иверии, Албании склонились перед позолоченным орлом и бюстом Господина и Бога. Только что легион разбил и покорил Албании приморских кочевников-каспиев. Придет время, и эти владыки будут рады поменять свои диадемы на виллы под Римом и Неаполем.

А сейчас надо собрать вокруг легиона обещанные ими вспомогательные войска и, как только армия кесаря перейдет границу, обрушить на обнаглевших армян с севера железный кулак. Сообщники Драконида помогут обратить в пепел Гарни и Арташат. А потом - все дальше на Восток, в Парфию, Бактрию, Индию! Индия... Двадцать лет назад он был там, посланный Нероном - тем, прежним. Увидеть снова эту страну многоруких богов, таинственных древних подземелий, искусных в любви смуглокожих красавиц - и можно будет умереть без сожалений, как пристало стоику и римскому всаднику.

Не ослабевшее с годами зрение заметило троих всадников, ехавших с запада. Кто же это? Валент в своей черной хламиде...

Всюду поспевающий на вороном коне Драконид... А третий - центурион Луций Юлий Максим. Вот кому Рубрий был особенно рад. Смелый, энергичный, не знающий сомнений. Твердой молодой рукой все берет от жизни, но не боится поменять столичные наслаждения на пыльные дороги, палатки и стрелы варваров. Если в Риме есть такая молодежь, - значит он, Рубрий, жил не зря. Это им, не испорченным праздностью, роскошью и книгами всяких там киников и братьев Солнца, донести римских орлов до серов, синов и Золотого Херсонеса. Им построить строгий, правильный и процветающий мир, где будет один закон и один повелитель - тот, кто в Вечном городе. А иудеи с сирийцами пусть считают барыши.

Центурион спешился, поднялся на гору и вскинул руку в приветствии - подтянутый, стройный, на чисто выбритом молодом лице ни следа усталости. Потом со словами "Приказ Господина и Бога" протянул легату бронзовый футляр. Рубрий развернул пергамент.

"Домициан - Гаю Валерию Рубрию, легату Двенадцатого легиона. Как доносят наши лазутчики, мятежный царь армян призвал себе на помощь орды аланов и роксоланов. Дабы спасти наших будущих подданных от нашествия этих кровожадных варваров, повелеваю тебе с легионом и вспомогательными войсками наших новых союзников занять проход, именуемый Вратами Аланов. Отразив же и по возможности истребив упомянутых скифов, двигаться на юг, к Арташату, гнезду мятежа, по пути подвергая примерному наказанию всех, не выразивших явно непокорности преступному царю и преданности Риму".

Прочитав приказ вслух, легат скептически усмехнулся:

-- Кавказские варвары не столь послушны, как полагает Господин и Бог. Это же не галлы и не испанцы. Одно дело вести эту свору в богатую Армению, другое - в горные теснины, где грабить некого, кроме таких же отчаянных варваров. Они все вечно грызутся между собой. У иверов и то два царя, не поймешь, кто из них главный. И если кто-то из этих царьков и вождей сговорится с сарматами...

-- Значит, мы вместо золотых венков от императора заслужили золотые оковки для чаш, которые сарматы сделают из наших черепов, - бодро и спокойно сказал Максим.

-- Ответ, достойный римлянина! - похлопал его по плечу Рубрий. - Сегодня же выступаем на запад - навстречу гибели или победе. А ты еще успеешь, по своей привычке, увековечить Господина и Бога... заодно с собой. Вот на этих священных скалах.

-- Придет время, и здесь поднимется храм божественного Домициана, - без тени усмешки произнес центурион.

-- Разумеется. Когда ты станешь прокуратором Албании, - столь же серьезно ответил легат.

-- Вас ждет в теснинах не гибель, а славная победа. Мы с Драконидом приведем к вам союзника... очень сильного союзника, - загадочно произнес Валент. - Отпусти только с нами достойного Юлия Максима. Сваны, к которым мы сначала поедем, будут польщены тем, что на переговоры к ним послан не какой-то лазутчик или маг, а римский центурион.

-- Сваны? Не так давно они грабили Питиунт и Себастополис. Лучше бы эти опасные и ненадежные варвары оставались в своих ущельях, - возразил Рубрий.

-- Они только освободят того, кто сильнее целого племени.

-- Ты что же, собрался в Тартар за одним из титанов?

-- Так глубоко забираться нам не придется. Наоборот, мы поднимемся очень высоко. Эти горы таят в себе много такого, что лишь мудрый сумеет найти и подчинить себе, - столь же загадочно проговорил маг.

-- Главное, не пропустите сарматов на юг. Хотя бы несколько дней. И тогда Врата Аланов станут для них смертельной ловушкой. И для их предводителя - Ардагаста, царя росов, который один опаснее целой орды, - сказал Аграм Драконид.

-- Ардагаст? Да, чтобы наверняка одолеть его и его росов, нужен титан. Или дракон не меньше Тифона, от которого бежал сам Юпитер. Да поможет вам Гермес Трижды Величайший, бог магов, воров, лазутчиков и прочих пролаз!

Легат шутил, но сердце его невольно охватил холод. Всякий раз, когда на его пути вставал этот непонятный златоволосый варвар, расстраивалось то, что могло принести Риму великое могущество. Что ему нужно такого, чего не может дать кесарь своему другу и союзнику? Или царек росов и впрямь избранник Аполлона? Но кто тогда он, легат Валерий Рубрий и его Рим? Не может же Вечный Город быть царством Тьмы!

* * *

В глубине Кавказских гор, к северу от Колхиды, затаилась Каджети - крепость бесов-каджей. Стена из громадных неотесанных глыб защищала входы в глубокие пещеры. Посредине вздымалась высокая башня. Даже боги, сыновья владыки неба Гмерти Мориге не могли взять этой твердыни. Это удалось некогда лишь неодолимому Амирани Солнцелобому. Да еще один отчаянный индиец вместе со своими друзьями, арабом и иранцем, вломился сюда, чтобы отбить свою невесту,

похищенную каджами. Но это было давно. А сейчас любая горная, лесная, подземная нечисть могла здесь ничего не опасаться.

В одной из пещер шло пиршество. Туши зубров и вепрей жарились целиком на громадных вертелах. Рекой лилось вино, наворованное отовсюду хозяевами и гостями. В особом котле варилась человечина. Гостеприимные хозяева, каджи, своими черными уродливыми образинами могли напугать эфиопа. А могли и вмиг сделаться столь же прекрасными, как их златоволосые женщины, одну из которых взял в жены сам Солнцелобый Амирани. Гости же подобрались еще почище хозяев. Рогатые и волосатые дэвы; их одноглазые сородичи с северной стороны хребта - вайюги; лешие-очокочи, покрытые шерстью, с торчащими из груди топорами. Низкими лбами, мощными надбровьями и тяжелыми челюстями все они напоминали обезьян.

Этих уродов и красавцев, загнанных людьми в глухие дебри, можно было бы пожалеть, не норови они все напасть на человека, убить, съесть, свести с ума, похитить женщину, подменить ребенка. За что? За непочтение к лесным и горным хозяевам, за недостаточно щедрые жертвы, а то и просто так - показать свой неукротимый вольный норов. Волю - свою, конечно, - они ценили не меньше, чем вишапы. В общем-то они были не так уж и злы. Человечиной баловались только грубые вояки-дэвы. Они же любили ходить в набеги на села - совсем, как люди. Зато их мягкосердечные женщины нередко спасали людей от своих прожорливых сыновей и мужей. А каджи звали к себе знахарок и повитух из сел и щедро с ними расплачивались. Женщины же их часто влюблялись в смелых пастухов и рыбаков и даже становились их женами. Поскольку же смирных поселян, предпочитавших откупаться жертвами от хозяев дебрей, всегда было больше, чем героев, готовых истреблять нечисть, то хозяева эти жили и дальше в свое удовольствие.

На огонек к хлебосольным каджам охотно заглядывала всякая залетная и захожая нечисть. Вот и здесь между козлоногим лысым сатиром и джинном, попыхивавшим огнем из пасти, пристроился демон из воинства Луны - бледный, толстопузый, с клыкастой свиной рожей. Звали его Мовшаэль. Именно он больше всех оживился, когда в пещеру вошла новая гостья: демоница-лилит, крылатая и совершенно нагая. Ее прекрасное тело не портили даже трехпалые птичьи ступни стройных ног. Черные, как ночь, волосы, уложенные в замысловатую прическу, оттеняли лицо, то любезное, то жестокое, и оттого еще более обворожительное.

-- Фамарь, изумруд мой бесценный! - рожа демона

расплылась в улыбке, рыло зашмыгало. - Рад тебе больше, чем самой Астарте! Помнишь, в Александрии, когда мы были еще людьми? Из-за тебя резались целые шайки, самые уважаемые воры и разбойники... А уж я за одну ночь с тобой отдал жемчужину Клеопатры...

-- Фальшивую, - усмехнулась демоница. - Нет, лучше не напоминай. В конце концов тебя распяли, а что со мной творили перед казнью эти грубияны-солдаты... Ох, только бы Астарта-владычица не вселила меня снова в человеческое тело! Ведь я теперь богиня. Тамар Всеисцеляющая - так меня зовут иверы. Мой храм - в крепости у Врат Аланов. Могу излечить хоть целое село, а могу и мор наслать. Ну и, конечно, урожай, приплод, детишки, любовные дела... Жертвы рекой текут. Я с моими жрицами ни в чем отказа не знаю. А главная жертва, - она плотоядно закатила глаза, - мужчины. Каждый проводит со мной одну ночь, а наутро - в пропасть. Рабы, пленники... Иные сами приходят: надеются меня покорить надолго и тем прославиться.

-- И что, кому-то удалось?

-- Ну куда этим пастухам и разбойникам до александрийцев? - рассмеялась Тамар. - Что бы здесь, на Кавказе, вообще понимали в любви, если бы не я и не мои девочки? Иной раз, правда, такие попадаются... Армянский царевич Зарех - настоящий Геракл! - Она облизнулась. - Ну а ты как?

-- В боги, как видишь, не выбился. Больно уж люблю вино: и материальное, и духовную сущность. Хорошо хоть повезло с хозяином. Клавдий Валент, лучший маг Братства Тьмы..., тьфу, Высшего Света! Не боится никого из семи архонтов. И никаких грехов не запрещает ни мне, ни ученикам: мол, этот плотский мир все равно пропащий. Исполняй только все его приказы, - тут он строгий. Поверишь ли, я уже приучился: стоит хозяину позвать, - мигом трезвею.

-- Со мной такого чуда сам Дионис не сотворит, - ухмыльнулся сатир.

-- А сейчас он такое затеял! Освободить Скованного Великана - того, что на Эльбрусе. Хозяин все рассчитал по звездам.

-- Освободить Скованного? Твой хозяин, что, Геракл? - удивился сатир.

-- Геракл - дубина и громила. За такими дубинами мы и отправимся в Сванетию. Пусть потом их певцы славят. Главное-то сделает магия Валента. И никого из богов он спрашивать не будет. А ты, Фамарь, готовься. К тебе в ущелье придет целая орда сарматов. Пока они будут разбивать лбы о стену, с тыла подойдет Скованный - хозяин его сумеет подчинить - и такую бойню

устроит!

-- Ну и вонь будет от трупов! Я что, богиня войны? - скривилась Тамар.

-- Да ты любого вояку без боя победишь! Попробуй-ка свои чары на главном вожде этой орды. Ардагаст, царь росов, избранник архонта Солнца. Говорят, своим двоим женам никогда не изменяет. И вдруг возьмет, да полетит с твоей скалы, а? Только гляди, с ним идут сильные маги: великий волхв Вышата и две ведьмы. Откуда только берутся такие в этой их дикой Скифии!

-- Моей крепости еще никто приступом не брал. И меня тоже, - хищно улыбнулась демоница.

Среди сидевших в пещере был один дэв - молчаливый, туповатый с виду и ничем не приметный. Пялился себе на Тамар, а еще больше на котел с человечиной. Никто не догадывался, что этот дэв - глаза и уши того, кто сумел на расстоянии усыпить его душу и подчинить себе тело. Все это проделал Иосиф бар Ноэми, сидевший в небольшим домике в предместье Себастополиса. Здесь, в Колхиде, жили бесстрашные потомки воинов Савмака, Солнце-Царя боспорских рабов. Посланцы Братства Солнца находили здесь надежный приют, и трогать их не решался даже начальник римского гарнизона.

Придя в себя, дэв принялся поглощать вино и распевать песни вместе со всей компанией. А Иосиф, оседлав коня, уже ехал к долине Ингури, в верховьях которой жили отважные и непокорные сваны.

* * *

В Местии, главном селении сванов, прямо под раскидистым платаном во дворе царского дома, шел пир. Здесь не шумели и не ссорились, как какие-нибудь сарматы или дэвы. Пили не спеша, в меру, произносили остроумные тосты. Веселую и умную беседу направлял тамада - сам верховный старейшина и жрец сванов, седобородый Мабла Палиани, всеми уважаемый за мудрость и праведность. Молодые почтительно прислуживали старшим. Время от времени кто-нибудь из стариков брал пандури и пел, восхваляя подвиги хозяина - царя Таргвы Палиани.

Сам царь сидел напротив тамады - сильный, красивый, с тонкими черными усами, в красной чохе с черными отворотами. На шее блестела старинная золотая гривна со львиными головами, на войлочной шапочке - золотые фигурки Белого Всадника, бога воинов. Чем-то он напоминал сармата. Не только

акинаком с кольцом на рукояти и темляком позолоченной кожи. Но и стройной фигурой всадника, и лихостью во взгляде, за которой чувствовалась готовность в любой миг броситься хоть в пляску, хоть в бой. Или вскочить на коня и понестись на любой край света, где только есть дела, достойные воина.

Царь был доволен. В песнях стариков не было ни слова лести или неправды. Он действительно водил сванов в набеги и на Колхиду, и на Иверию, и за хребет к сарматам, брал Диоскурию и Питиунт. Об этом говорили расписные чаши и серебряные кубки с эллинскими богами, сатирами, нимфами в руках пирующих. Было чем похвалиться перед уважаемыми гостями, посланцами самого кесаря: центурионом, главным маголом и армянским князем.

-- Не задевают ли дорогих гостей песни о моих победах над греками и римлянами? - любезно осведомился царь, усмехаясь в усы.

-- Мы знали, к кому едем. Император и не послал бы меня сюда, не будь он уверен, что Таргва, царь сванов - самый сильный и отважный среди горских вождей. А силу и отвагу доказывают в бою, - со спокойным достоинством ответил Максим и поднял чеканный кубок. - За Таргву, славнейшего из воителей Кавказа!

Все выпили. Довольны были не только сваны, но и центурион. В этой глуши ему подали его любимое критское. Он не знал, что амфору этого чудесного вина нарочно для него раздобыл Исаак, старейшина Лахмульда. Это селение недавно основали бежавшие из Палестины иудеи. Одни из них вернулись в Сванетии к привычному крестьянскому труду, другие же шныряли в поисках барышей по обе стороны Кавказа и все обо всем знали. Через Исаака Валент и устроил эту встречу.

-- Не хочет ли кесарь, чтобы я повел сванов к Вратам Аланов против сарматов? Или в Армению? Мы можем выставить двести тысяч воинов. Если сами того пожелаем, - сказал царь, поигрывая кубком с веселым Дионисом, разящим гигантов.

-- О, да, вы, сваны, отважны и вольны, как вишапы! - кивнул Аграм. - Вы свершили много славных дел, и можете свершить еще больше. Но все это могут и другие племена, и их ополчения уже идут к Вратам Аланов... Есть, однако, подвиг, доступный лишь тебе, царь Таргва Палиани, и твоей дружине. Освободить Скованного Амирани!

Все - седобородые старцы, юноши, зрелые, опытные воины - застыли, словно скованные чарами каджей. А речь князя уже подхватил маг:

-- Да, освободить Амирана Солнцелобого, сына Дали, владычицы зверей, и кузнеца-охотника Дареджана. Амирани,

победителя вишапов, каджей и дэвов. Амирани, соперника самого Гмерти.

Пораженный, медленно заговорил Таргва:

-- Но ведь никто не знает, где прикован Амирани. Одни говорят - на горе Сакорниа в Иверии, другие - на Казбеке, третьи - на Эльбрусе. Спорят, томится ли он на склоне горы или в глубокой пещере. Говорят еще, какие-то абасги нашли ту пещеру, но, чем глубже они спускались, тем дальше слышался голос Амирани.

-- Все это - басни невежд и хвастунов. Величайший герой прикован на величайшей горе Кавказа - у западной вершины Эльбруса. Это открыло мне магическое зеркало. Моя магия и твоя сила, царь, - только вместе они могут вернуть свободу Амирани, - некромант испытующе взглянул на Таргву, незаметно выставив вперед железный перстень с рубином.

-- Освободить скованного богами? Для этого нужно самому быть богом, - покачал седой головой Мабла Палиани.

Но красный свет камня Марса уже разжег огонь в сердце Таргвы.

-- Я не бог и не сын бога. Я - лучший воин сванов и за это избран царем. Клянусь волками - псами Белого Всадника, я освобожу Амирани, или погибну, или сам буду прикован рядом с ним! - и царь в знак клятвы выплеснул кубок вина на север, туда, где выше всех гор поднималась двуглавая, закованная в лед вершина.

-- Таргва Палиани! Слова твои безумны и достойны дерзкого юнца, а не царя. Да, Амирани свершил величайшие подвиги, но возгордился и стал творить насилие и беззаконие. За это его и покарали боги. Или ты решил сравняться с ним в плохом?

Царь почтительно, но твердо ответил старейшине:

-- Мабла-батоно! Я почитаю твою мудрость и праведность, но ты - мудрец, а не воин. Если мы, сваны, откажемся от такого подвига, его совершат другие. Наши гости пойдут к двалам, хевсурам или пшавам, и какому-то из этих племен достанется слава, а сванам - позор. Видят боги, не на то меня избрали царем!

Дружинники Таргвы и молодые воины одобрительно зашумели. Максим небрежно заявил:

-- Да, мой император не хотел бы обращаться ко всяким хевсурам, у которых даже царей нет. Но мир велик, и в Риме это хорошо знают...

Неожиданно встал бородатый, могучего сложения мужчина с натруженными руками и горячо заговорил:

-- Таргва Палиани! Я, Важа-кузнец, всегда ковал оружие и доспехи для тебя и твоей дружины. Никого из вас не предал и в

бою ни мой меч, ни моя кольчуга. Клянусь огнем своего горна: не желал я и не желаю вам зла или бесчестья. Но знайте: в день главного весеннего праздника мы, кузнецы, трижды бьем по наковальне - чтобы упрочились цепи Амирани. Этот обычай передаем мы друг другу вместе с тайнами ремесла. Ибо в день, когда вырвется на свободу Скованный, настанет конец света. Не губи мира, храбрейший из сванов!

-- Да, вам, кузнецам, больше всех и достанется, когда Скованный раскуется, - усмехнулся какой-то молодой дружинник.

-- Не шути над судьбой мира, бичо! - оборвал его Мабла. - Слишком велика и своевольна стала сила Амирани, а потому зла и опасна. Не его одного держат боги в оковах: трехглавого Аждахака, ведьму Рокапи, Александра, покорителя полумира...

-- Для богов много кто опасен: вишапы, исполины, герои... Все, кто силен, свободен и горд. Не опасны лишь рабы и трусы, - саркастически ухмыльнулся Аграм.

-- Мир погибнет! - тоном величайшего презрения произнес Валент. - А если он обречен? Разве мало в нем зла, подлости, распутства? Когда мера зла преисполнится, мир сгорит в огне. Так было и будет много раз. Об этом пишут мудрецы от Греции до Индии, но ты, почтенный Мабла, не читаешь книг.

-- И твои мудрецы предлагают покориться судьбе и ждать гибели, будто раб побоев? - спросил старейшина.

-- Да, покориться судьбе. Но не как раб, а как воин, исполняющий долг до конца! - отчеканил центурион.

Взгляды всех устремились к царю. Таргва поднялся, расправил плечи, окинул взором вековые дубы и платаны, осененные ими боевые башни над домами сванов, склоны гор, одетые густыми лесами, увенчанные сияющими в лучах солнца белыми шлемами ледников. Прислушался к шуму быстрой Ингури. Потом взял из рук молодого дружинника полный вина рог горного тура и громко, уверенно произнес:

-- Видит Гмерти Мориге: слишком хорош этот мир. Не так он испорчен, чтобы скоро погибнуть. Озаряет его добрая Мзе-кали, богиня Солнца. Ее свет - на челе Амирани, в золотых волосах его матери Дали. Разве может этот свет быть злым? За Солнцелобого Амирани! Да будет он снова свободен!

От вина и речей царя загорелись глаза у воинов. Даже старики оживились, вспоминая былые подвиги. Аграм поднял окованный серебром рог зубра:

-- Только свободные мужи могут вернуть свободу Солнцелобому. За вас, вольные сваны!

Воспламененные его словами, воины разом поднялись. Царь смело обратился к старейшине:

-- Мабла-батоно! Если ты с нами - вынеси из врат Белого Всадника знамя Льва. Под ним мы пойдем к Эльбрусу.

Седой жрец тяжело поднялся, опираясь на резной посох.

-- Вижу я, ваша дерзость сравнялась с дерзостью самого Амирани. Значит, не мне остановить вас, а богам. Идемте же в святилище, и да постигнет вас то, чего вы заслужите у богов!

Ни на кого не глядя, вышел он из ворот царской усадьбы. Следом гурьбой вывалили сваны. Кто-то затянул боевую песню, ее подхватили. В этом стройном и суровом хоре звучала грозная готовность схватиться с кем угодно и все преодолеть на пути к победе. Молчаливо приветствовали воинов высокие башни, поднимавшиеся над каждым домом и превращавшие селение в неприступную крепость - если только оставались в нем воины.

Женщины, дети, рабы молча взирали на своих повелителей и защитников - кто с тревогой, кто с восторгом. Трое пришельцев довольно переглядывались между собой и с Исааком из Лахмульда. Поистине, гои и варвары - всего лишь большие дети!

Воины вышли на площадь, посреди которой возвышалась каменная стена с нишей, сделанной наподобие двери. В глубине ее были вмурованы в стену серебряные фигуры конного бога с копьем и двух волков. Внезапно одинокий всадник вылетел навстречу сванам, спрыгнул с коня и встал, раскинув руки, перед самым святилищем. Пришелец был молод, скромно одет. Длинными темными волосами и пронзительным взглядом больших черных глаз он напоминал Валента.

-- Стойте, храбрейшие из сванов! Вы идете к вратам светлого бога, а ведет вас воля Самаэля!

Пение разом смолкло. Именем иудейского архангела тьмы здесь называли злого брата Гмерти, вместе с ним творившего мир. Подлинное же имя создателя зла произносили лишь худшие из колдунов в самых мерзких заклятиях. А молодой пришелец продолжал:

-- Вино или чары одурманили вас? Кому вы поверили? Посланцу Лысого Нерона и злейшему колдуну из Братства Тьмы! Что доброго они могут желать вам? И что здесь делает Аграм Вишап?

Чернобородый князь выступил вперед. Голос его был подобен шипению разозленной змеи.

-- Аграм Мурацани здесь, как всюду и всегда, готовит месть вашему Братству Солнца. Вы научили Артавазда истребить наш род, разбить головы детям, отсечь руки и ноги женщинам. Мы для вас, чистых и праведных, не люди, а гады. Что ж, я благодарен вам: вы заставили меня вспомнить кровь моих предков - вольных

вишапов!

-- Да, мы разоблачили перед Арташесом ваши козни. Но мы не учили зверствам его сына. Пока он изуверствовал и корчил из себя Вахагна, мы сражались с настоящими вишапами, вызванными Аргаваном. А уцелевшие Мурацани укрылись во дворце Арташеса, и ты среди них.

-- Ложь, все ложь! Ваша цель - всюду истреблять лучших, благороднейших, мудрейших. Рабы, неверные, подлые рабы! - раненым зверем вскричал Аграм.

-- Лучшие - это предатели и лазутчики вроде тебя? Или чернокнижники вроде вот этого? Не клевещите на род человеческий! - Отвернувшись от князя, пришелец обратился к предводителям сванов. - Таргва Палиани! Мабла-батоно! Разве не Братство Солнца помогло вам овладеть Диоскурией и Питиунтом? Вот его знак - монета отважного Савмака.

И он протянул царю монету с головой Гелиоса-Солнца. Сваны одобрительно закивали. А пришелец воскликнул, указав рукой на Валента:

-- Глядите, кто стоит рядом с ним!

Демон Мовшаэль, чувствуя, как пропадает его невидимость заодно с духовностью, готов был провалиться в преисподнюю - если бы не знал, что хозяин его и там достанет. Как хорошо было незримо кружить головы пирующим, еще и прикладываться к духовной сущности отличных кавказских вин! А теперь его телесным бокам могло достаться от смертных больше, чем духовным. Демона выручил хозяин, небрежно бросив:

-- Этот дух служит мне, а не я ему. Только рабы плоти подписывают всякие договоры о продаже души. Мовшаэль, слетай-ка в долину Ткварчели и принеси во двор кузнеца Важи хорошего каменного угля.

Обрадованный демон понесся прочь на нетопырьих крыльях, а Валент обратился к молодому магу:

-- Иосиф, сын мой! Тебе скоро тридцать. Не пора ли расстаться со всякими вздорными мечтателями и беглыми рабами? Я с радостью помог бы тебе...

-- Так, как Лии с Архелаем? Я теперь не только сын лиходея, но и брат шлюхи и мошенника!

-- Твои брат с сестрой почти лишены духовности. Я дал им то, что соответствует их низменной натуре. Но ты, с твоей редкой духовной силой! Ее следует развивать, а не тратить на помощь всяким "ближним" с вечно голодными брюхами и поротыми спинами.

-- Лучше быть с рабами и нищими, чем с богатыми мерзавцами, что содержат вашу колдовскую шайку! Сваны! Этот

негодяй болтает вам о подвигах, а сам хочет залить Кавказ кровью ради барышей тех, кто вас считает глупыми варварами и презренными гоями.

Черные брови царя грозно нахмурились. Но тут перед ним выскочил юркий Исаак из Лахмульдда и быстро заговорил:

-- О, царь, этот отступник и бродяга хуже гоя, клянусь руинами Соломонова храма! Иосиф бар Ноэми, незаконный и неблагодарный сын нашего гостя и какой-то рыбачки с Боспора... Он презирает обычаи иудеев, ест свинину с варварами, насмехается над священными книгами, ни во что не ставит раввинов и старейшин! Смутьяны из Братства Солнца - вот его племя!

Сурово взглянув на Иосифа, Мабла произнес:

-- Как мы можем верить тебе, поносящему своего отца и отступившемуся от своего племени? И как смеешь ты преграждать нам путь в наше святилище?

-- Клянусь Солнцем, вы не войдете туда для злого дела!

Иосиф взмахнул рукой, и стена огня встала между ним и сванами. Валент тут же выставил вперед руки со всеми семью перстнями. Дивное семицветное пламя вспыхнуло и двинулось на молодого мага, изгибаясь полумесяцем и постепенно смыкаясь кольцом. Жар раскаленного железа, ядовитые пары ртути и свинца, мертвенный холод Луны попеременно терзали Иосифа, прорываясь сквозь тонкую золотистую преграду. Его одежда и волосы тлели, кашель сотрясал легкие. Шаг за шагом он отступал от святилища, пока не оказался в реке. Только тут радужное пламя погасло. Вконец измученный, молодой чародей под насмешки и брань сванов побрел прочь из селения, ведя коня в поводу.

Мабла зашел в каменное строение позади святилища и вынес оттуда знамя желтого шелка в виде шкуры зверя, с отлитыми из серебра зубастыми челюстями. Протянув его царю, жрец торжественно произнес:

-- Таргва Палиани! Я вручаю тебе самое священное знамя сванов. В нем - сила Льва и Волка, Солнца и Луны. Волк, пес Белого Всадника, так же силен и лют, как лев. Веди же, вожак, воинов-волков! Если поход ваш будет праведен, этот стяг принесет тебе победу, если нет - гибель. Ты сам выбрал этот путь, храбрейший из сванов. Не кляни же богов, если они остановят тебя, как Амирани.

Твердой рукой принял царь знамя. Под внезапно налетевшим ветром шелковый зверь взметнулся, затрепетал, блестя серебряными клыками.

-- Не пришлось бы мне бить по наковальне на праздник,

чтобы скрепить и твои оковы, - пробормотал кузнец. Валент положил ему руку на плечо и вкрадчиво сказал:

-- Чтобы этого не случилось, Важа-батоно, сделай для меня один предмет из черной меди. Я мог бы поручить это Мовшаэлю, работавшему в адских кузницах, но разве сравнится глупый демон с тобой, лучшим кузнецом Сванетии?

* * *

Там, где быстрая Арагви впадает в широкую Куру, среди садов и виноградников раскинулась Мцхета - столица Иверии, богатая и славная. На ее базарах встречаются сармат с армянином, грек с парфянином, а вездесущие иудеи заняли в городе целый квартал. Две могучие крепости на двух высоких горах прикрывают город: на севере - Задени, на юге, за Курой - Армази. Вершину Задени венчает легкий круглый храм Митры-Задена, вершину Армази - тяжелый, массивный храм Ормазда-Армази. Обоих богов иверы переняли от арьев, обоим служат маги, знающие Авесту. Однако иверы, народ воинов, не только Непобедимого Митру, но и Мудрого Владыку Ормазда почитают как воителя. Бронзовый Армази в храме облачен в золотые доспехи с самоцветами, а в руке держит меч-молнию.

Оба бога, сын и отец, дружны на небе. Но нет мира между их почитателями на земле Иверии. Два царя правят ею: в Мцхете - великий царь Картам, в Армази - царь-военачальник Бартом. Каждый из них хотел бы царствовать один, но одолеть соперника не может, а разрывать Иверию надвое не хочет. Два царства в одном, зато не терзают, как Армению, цари-соперники, поставленные Римом и Парфией.

Не воюя между собой, цари соперничают в гостеприимстве. Пришел во Мцхету Молниеносный легион, а в Армази уже готова для его командиров царская баня. Баня отлично устроена: горячий воздух под полом согревает помещение и воду в бассейнах. На стене мозаика: беззаботный Дионис в обнимку с Ариадной. Гости только что смыли дорожную пыль в теплой бане, и теперь парятся в бане горячей. Мышцы их разминают опытные руки рабынь, чьи соблазнительные тела едва прикрыты тонкой тканью. Потом можно будет "размять" самих красавиц - прямо в бане, на пробу перед ночью. На столиках - виноград, инжир, гранаты, холодное вино в расписных чашах.

Валерию Рубрию не приходится стесняться своего стройного, сильного тела воина. Уже и волосы на груди поседели, но под кожей - крепкие мускулы, а не жир. Не то что у грузного,

упитанного Бартома, расположившегося рядом. Впрочем, и он еще не превратился, наподобие римских богачей, в мешок сала и дряблого мяса: постоянно охотится и ездит верхом. Пухлое, румяное лицо царя, обрамленное курчавой бородой - сама изысканность и любезность.

-- Здесь, конечно, не римские термы, но попадалось ли вам что-либо подобное отсюда до Каспия?

-- Да, мы словно оказались если не в Риме, то в Греции, - кивнул Рубрий.

-- О, если есть в Иверии эллинство, то здесь, к югу от Куры. Наше царство ведь основал Язон, полководец понтийского царя, вскоре после смерти Александра. С ним пришло много эллинов. Увы, даже с ними он был слишком жесток, и его сверг мой предок Фарнаваз, сын мцхетского старейшины... А наш Армази разве не подобен вашему Юпитеру Капитолийскому?

-- Скорее Марсу.

Легат не смог сдержать улыбки. Куда там бронзовому вояке в золотых доспехах до величественного мужа на троне, с телом из слоновой кости! А царь уже говорил тихим, невероятно искренним тоном раба-доносчика:

-- А если есть у нас варварство, так это за Курой. Чуть поднимешься в горы, а там всякие хевсуры, тушинцы, пшавы... Грязные пастухи и разбойники, те же скифы! Я их не то что в тронный зал, в эту баню не впущу. А Картам якшается не только с ними, но и с дикими вайнахами, и с сарматами из-за хребта. Орет вместе с ними степные песни. И на Михрган, по арийскому обычаю, отплясывает пьяный и с оружием перед своим варварским Михром.

-- Да, когда я вижу все эти пышные шаровары и скачки за мячом, мне начинает казаться, что я по ошибке завел легион в Парфию.

-- Увы, мы слишком долго соседствуем с этими арийскими варварами. Но зато и конница наша не уступает парфянской... А знаешь ли, где сейчас этот гордец Картам? Через стену от нас, в холодной бане. Плещется в бассейне, будто сармат в Алонте или Гипанисе. Еще и притащил с собой Каллиника коммагенского, опаснейшего врага Империи, лазутчика армян и Братства Солнца. Эта свора безумцев почитает равными все народы - эллинов и варваров, грубых горцев и образованных жителей равнин. Если пожелаешь, я прикажу схватить его прямо в бане.

-- Нет, не стоит ссориться с Картамом, то есть, с половиной вашего царства, перед походом. Достаточно того, что я знаю: Каллиник здесь. Он был достойным юношей, но после гибели брата связался со смутьянами. Если бы не это, Господин и Бог

вернул бы ему Коммагену, - сказал Рубрий. А сам подумал: "Погодите, отсюда еще будут отсылать в оковах в Рим не только лазутчиков, но и повинных в оскорблении величества. А сейчас главное - втянуть всех вас, варваров и полуварваров, в великий поход на Восток".

В это время рядом, в холодной бане, царь Картам - худощавый, крепкий, со строгим лицом и узкой черной бородой - говорил Каллинику:

-- Я чту Солнце-Михра так же, как и ты. Но мой царский долг - сохранить царство. И от римского ига, и от парфянского, и от усобицы. Мы, иверы, всегда дружили с Римом, чтобы защититься от армян и парфян.

-- Мы, коммагенцы, тоже так делали. Теперь нашего царства нет. А Лысый Нерон хочет вымостить нашими и вашими костями дорогу в Индию. Наш с тобой долг - не допустить этого.

-- Если я не поведу иверов к Вратам Аланов, этот проклятый легион обрушится вместе с войском Бартома на северную Иверию. Я позову на помощь горцев, но что они натворят на равнине? А сарматы и подавно... Нет, пускай легион заберется подальше в горы. А тогда... мы поможем ему не вернуться оттуда.

-- Знай же: в коммагенской вспомогательной когорте многие преданы мне и в нужный час восстанут.

-- Да спасет Солнце наши царства! - Картам протянул царевичу чашу легкого иверского вина.

"Когда же ты научишься думать обо всех, кому светит Солнце?" - подумал Каллиник.

* * *

Дружественная мысль Иосифа достигла сознания Мгера, когда тот стоял перед храмом Михра. Выслушав молодого мага, князь мысленно сказал ему: "Не горюй! Выстоять против силы семи светил легче, чем удержать горцев от набега. Лучше бы ты сказал мне все еще из Диоскурии, а не ехал к ним в одиночку. А теперь времени осталось совсем мало. Ничего! Жди меня. К Эльбрусу отправимся вместе".

Мгер поднялся по ступенькам храма. Добродушные львиные морды привычно улыбались с архитрава над стройными ионическими колоннами. В храме было прохладно, но светло. У дальней стены белела мраморная статуя Михра. Молодой бог, вскочив на спину могучему быку, поражал его акинаком в шею. Раскрашивать статуи давно уже было не принято, и бык был столь же бел, как и его противник, но посвященные знали: это - Черный

Бык, древний зверобог, владыка земли и преисподней. А убийца его - Огненный Лев, солнечный зверь. Да вот снизу в тело быка вцепились помощники Михра - лев, собака, скорпион и ворон. Слева и справа стоят с факелами еще два помощника - юноши Каут и Каутопат, утренняя и вечерняя заря.

Из бычьего хвоста вырастают колосья. Убей темного зверобога - и родит земля, и будешь сыт ты и твое племя. Не убьешь - пресмыкайся перед ним, как голодный раб. Островерхая шапка бога, озаренная золотыми лучами, напоминает не то фригийский колпак вольноотпущенника, не то сарматский башлык. Такая шапка служила знаменем Спартаку. Солнце - бог людей свободных и смелых. Тех, кто свободен духом даже в кандалах, в темнице, в рудниках, в корабельном трюме. Такой раб для хозяина опаснее вора и наемного убийцы: того можно купить, а воина Солнца - нет.

Рельефы на стенах изображали земную жизнь Михра. Вот он рождается из камня. Вот выбивает стрелой источник из скалы. Верхом на коне охотится за солнечными зверями - огнегривым львом, златошерстным вепрем и златорогим оленем. Тащит Черного Быка за ноги, взвалив себе на спину. Ужинает в последний раз со своими друзьями. И, наконец, возносится в небо на солнечной колеснице.

Пол покрыт мозаикой. Искусно выложены символы семи небесных врат, семи светил. Князь сделал условный знак, и жрецы немедля вышли наружу, зная: будет вершиться обряд, дозволенный лишь прошедшему все семь степеней посвящения. А таких сейчас в Гарни лишь двое: царь и Мгер Арцруни. Даже главный жрец достиг лишь шестой степени.

Привычно сосредоточившись, Мгер ступал по разноцветному мозаичному ковру. Семь врат на пути к небесному царству. Одни проходят их, чтобы очистить душу и обогатить ее силами светил для борьбы за правду. Другие - чтобы бежать из мерзкого, неправедного мира. Третьи - чтобы разжиться магическими силами ради власти над этим самым миром, презренным и проклятым. Что ж, в конце концов каждый расстанется навсегда с земным телом и попадет на Белый остров, в рай или преисподнюю. Смотря по тому, на что похожим делал он этот мир, в котором родился.

Вот и каменный алтарь с неугасающим огнем. Рядом - мраморная чаша-купель и небольшой столик с хлебом и вином. Мгер прочитал молитву, откусил половину хлебца, другую бросил в пламя алтаря. Отпил вина из серебряной чаши, остальное плеснул туда же. Михру этого достаточно, чтобы узнать своего верного воина. Потом князь налил в чашу воды, простер над ней

руки. В воде проступило обрамленное седыми волосами лицо мудреца из Тианы. Сквозь окружавший его полумрак едва проступала стена серого камня, освещенная глиняным светильником.

-- Да светит тебе Солнце, учитель Аполлоний! Не в темнице ли ты?

-- Да светит оно всем людям! Я пока еще там, куда не доберутся ищейки кесаря. В пещере возле Эфеса. Говорят, здесь можно заснуть и проснуться лет через сто-двести, когда уже не будет Лысого Нерона.

-- Если все мы так сделаем, то проснемся при Нероне Пятом, в Империи Ахримана, - усмехнулся Мгер. - Вай, какую только мерзость затеяли рабы Тьмы!

И маг рассказал Аполлонию услышанное от Иосифа. Лицо главы Братства помрачнело.

-- Это еще большая мерзость, чем вы думаете. Ведь Эльбрус - древний вулкан, а этот Скованный - его дух и хозяин. Вместе с ним освободятся страшные силы. Сам Тартар ринется на землю! А там этих скованных... - Аполлоний стиснул виски. - Безумцы! Мнят себя мудрейшими, а поступают, будто воры, поджигающие город, чтобы пограбить под шумок. Им мало того, чем они разжились из преисподней, когда пробудился Везувий. Теперь тремя городами может не обойтись. А если они раскуют еще и Трехглавого...

-- На вершине Эльбруса - обитель богов и гнездо Симурга. Они смогут защитить гору, - заметил Мгер.

-- Да, если будут там. А на гору придут, похоже, не только одураченный сваны. Не зря же этот демон Валента появился в Каджети. Боюсь, вы с Иосифом можете не справиться.

-- К Вратам Аланов ведет сарматское войско Ардагаст. Может быть, он еще успеет к Эльбрусу с дружиной и волхвами. Мы полетим к нему на грифоне. К тому же он хорошо умеет ладить с другими племенами.

-- Да, важно, чтобы между сванами и сарматами не появилась новая кровь. Ее на Кавказе и так слишком много. Лети, Мгер, и да поможет вам Солнце!

Лицо Аполлония исчезло. Князь вылил воду, наполнил чашу вином и, порезав себе руку, добавил туда собственной крови. Потом, выплеснув вино в огонь, воздел руки и заговорил:

-- Мгер Младший, избранник Михра! Услышь меня, Мгера Арцруни, твоего родича и воина Солнца!

Пламя взметнулось над алтарем, разрослось, скрывая статую бога. Вместо нее в огне показался берег обширного озера. Угрюмые, бесплодные скалы обрывались к воде. На одной из них

вздымались каменные башни Тушпы - древней столицы урартов. Недалеко от крепости в скале была высечена ниша, похожая на дверь. Внутри ее покрывали письмена-клинья. Большой старый ворон восседал в нише и недоверчиво пощелкивал клювом.

-- Отворитесь, врата Халди, владыки неба, построенные царем Ишпуини! Откройся, Скала Ворона! Услышь меня, Мгер!

Задняя стена ниши отодвинулась вовнутрь, открывая пещеру с высоким сводом, под которым медленно вращалось светящееся колесо. Привалившись спиной к стене пещеры, под колесом сидел воин могучего сложения, в островерхом ассирийском шлеме и бронзовом панцире. На коленях его лежал меч со знаками Молнии на клинке. Рядом стоял, опустив голову. громадный, но стройный, под стать хозяину, красный конь. Спал воин или был погребен в пещере многие века назад? Но вот глаза его медленно открылись, зашевелилась широкая борода, и раздался глуховатый голос:

-- Здравствуй, Мгер-оружейник, единственный из моих родичей, с кем я рад поговорить. Как только они не покончили с тобой, князем, не имеющим рабов. Ты все еще один такой?

-- Я - первый такой. А тронуть меня им не дает народ. Он меня уважает как раз за то, что я - оружейник и сын крестьянки.

-- Народ - это те, кто охотно терпит свое рабство, а еще охотнее - чужое. Кто пресмыкается перед всяким ублюдком, дорвавшимся до трона, плачется на судьбу и все ждет бога или хоть божьего избранника, который принесет им свободу. Да и того они легко предадут при первой неудаче или опозорят после смерти.

В голосе воина не было презрения - лишь горечь. Глаза его блеснули гневом, рука сжала меч, но не сдвинулась.

-- Я испепелил бы всех господ, всех трусливых и подлых рабов, но много ли тогда останется людей в этом мире?

-- Вот поэтому боги и заточили тебя сюда. Когда ты мстил за смерть отца, то обезлюдил целый город. Не пожалел и последней старухи.

-- Да, ведьмы, похвалявшейся тем, что она уцелела... Ты скажешь, я еще должен благодарить богов: не сковали, не прокляли, не запретили славить меня. Просто сделали так, что земля перестала носить моего коня. И мне осталась одна дорога - сюда. Меня даже выпускают дважды в году - весной и на Вардавар, поездить по свету. Ночью, не днем. Тогда я не так силен.

-- Не только поездить. Ты ведь сражался в ночь падения Ниневии.

-- Вай, что за ночь была! Ночь святой мести, ночь огня и

крови! - Глаза древнего Мгера загорелись, но лишь на миг. - А стоило ли трудов? Появились новые великие царства: Вавилон, Мидия, Персия, теперь вот Рим... Как пузыри на болоте. А вы все мечтаете о Царстве Солнца?

-- Мы приближаем его.

-- Конечно. Поменять одного царя на другого, создать какое-нибудь рабское царствишко - надолго ли? Или принять в своем имении беглых рабов... Измельчали люди! Даже ты, родич, нынешний Мгер.

-- Народ не готов умирать за Царство Солнца. Даже бежать ко мне решается не всякий. И магия здесь не поможет. Ею можно поработить волю человека, и то на время, но не убедить его. Но сражаться, чтобы не стать подданными Лысого Нерона, народ готов. Так что Сасунские храбрецы себя еще покажут!

-- Мало, как же этого мало! - почти простонал древний Мгер. - Боги правы: мне нет дела на этом свете. Когда же рабы возьмутся за мечи, чтобы истребить все зло в мире, чтобы не было ни рабов, ни царей, никаких пожирателей чужого? Но это будет. Будет! И тогда я выйду. И если только мировой пожар очистит землю от зла, - зажжет его мой меч.

Могучий воин поднялся, разминая затекшие члены, несколько раз взмахнул мечом - быстро, уверенно. Молнии на клинке ожили, и вот уже весь он запылал ослепительным пламенем. Встрепенулся и заржал громадный конь. Громом гремел, бился заточенным зверем о каменные стены его голос:

-- Я верю в это! Верю! А если бы не верил, - давно разбил бы голову об эти камни, испепелил себя этим мечом!

-- И я верю! Иначе не пытался бы изменить мир. Пусть я не Мгер Старший, Львораздиратель, и даже не Мгер Младший, пусть люди слабы и мелки. Я подниму их на то, к чему они уже готовы, не дам им стать еще мельче и подлее.

В голосах обоих Мгеров была глубокая печаль, но не отчаяние. Успокоившись, Мгер-герой спросил Мгера-князя:

-- А что твои сыновья? Похожи хоть на сасунцев?

-- Трусами их еще никто не называл. Но этого мало, ох, как мало... Из Вардана выйдет добрый князь. Держать рабов, переобременять крестьян он не станет. И только. Ашот - гуляка, но зла в его сердце нет. Только младшего, Вагана, я смог посвятить в Братство Солнца. А оружейное мастерство передаю зятю Паруйру. Вот шуму-то было, когда князь Арцруни отдал дочь за ремесленника!

-- А я вот остался бездетным, - вздохнул герой. - И бессмертным. Сбылось проклятие отца. Я с ним не ладил. Это потом придумали, будто мы схватились в бою, не узнав друг

друга. Впрочем, я не ладил и с самим Армаздом. Даже с Михром и его небесными воинами.

-- Слушай, родич, - заговорщически подмигнул князь. - Чтобы ты совсем не заскучал, я нашел тебе врага по силе. Скованный на Эльбрусе. Валент с Аграмом Вишапом затеяли его освободить.

-- Аграм Вишап! Видишь, зря ты тогда не извел весь этот гадючий род.

-- Не стоит сражаться с вишапами, если сам станешь таким, как они... Думаю, на Эльбрусе все решится в ночь Вардавара. Поверни туда своего коня, хорошо?

-- Непременно поверну, родич! Пусть знают разницу между Мгером Сасунским и всякими Скованными!

Облик заточенного в скале исчез, и пламя почти погасло. Обнажив рунный меч, князь-чародей вприпляску двинулся вокруг алтаря, напевая древнее заклятие арьев. Вскоре набожные жители Гарни увидели, как на крышу храма опускается с небес озаренный золотым сиянием грифон. Благоговейно опустив глаза, немногие из них успели увидеть, как на спину дивному зверю Михра взобрался человек в простой дорожной одежде, с мечом в бронзовых ножнах.

Грифон легко взмыл в голубое небо и понесся на северо-запад. В долине Ингури он опустился и полетел уже с двумя седоками дальше - над закованными в лед вершинами, бурными реками, лесами. Там, где буйный Алонт, выйдя из ущелий на степной простор, поворачивает на восток, крылатый зверь сел неподалеку от стана сарматской рати.

* * *

Над берегом Алонта по недавно убранному полю шла веселая толпа. Росы и роксоланы, равнинные и горные аланы, вайнахи из неприступных ущелий - все отплясывали и распевали песни. Гремели бубны, звенели гусли. Что собрало вместе воинов стольких племен, не раз встречавшихся и в бою, и на пиру? Только ли совместный поход за Кавказ?

Над толпой плыла, стоя во весь рост на подставленных руках мужчин, прекрасная, стройная женщина в белом платье. Ее распущенные золотые волосы сдерживал лишь роскошный венок из пшеничных колосьев. В воздетых руках она держала золотую чашу, полную вина, и пышную кисть винограда. В поклонении ей здесь были едины все. Для всех она была Матерью Мира, Ладой, Апи - всеобщей кормилицей. Ее славили за щедрый урожай, за

полные закрома и глиняные бочки с вином, пивом и медом, за сегодняшнее веселье, за то, что в поход идут не от голода и нужды.

Богиню изображала Ардагунда. На этом настояли сарматы, еще помнившие общину амазонок, жриц Артимпасы. Во славу ее воительницы дарили любовью воинов многих племен, предсказывали им удачу в походах, шли вместе с ними в бой. Двух десятков лет не прошло с тех пор, как они, побежденные Ардагастом, переселились с Кавказа на Днепр. И пусть их владычица была не самой Матерью Мира, а ее дочерью-воительницей. Ведь Артимпаса-Морана несла не только войну и смерть, но и любовь, а значит, - жизнь и изобилие. А началось все с того, что оседлые аланы прослышали: росы как раз в это время справляют праздник урожая, и есть с ними волхвы и волхвини, хорошо умеющие вымолить урожай. Решили отпраздновать вместе с гостями с Днепра. Тут же присоединились кочевники: им тоже трудно придется без хлеба, пива, вина, если не уродит земля у соседей.

Богиню-Ардагунду сопровождали с мечами наголо ее муж и брат. Перед ней плясали, звеня клинками, Еммечько с Радой. А впереди всех чего только не выделывал уже изрядно хлебнувший пива Шишок. Леший решился на долгий путь через степь, чтобы еще раз увидеть полюбившиеся ему кавказские леса. А возле деревянного, увенчанного оленьими рогами святилища Вышата с Лютицей и Миланой уже приносили в жертву баранов и быков. Горели костры, дымили печи в селении, и вместе с дымом разносился манящий запах шашлыков, жирной мясной похлебки и горячих пирогов. Словно домой, на Днепр-Славутич попали, а то ведь в походе обжинки и не праздновали!

Праздновавшие как-то не очень и удивились, когда в небе появился солнечный диво-зверь и опустился на поле прямо перед ними. Значит, благочестивы и праведны люди степей и гор, если на праздник к ним прилетают боги или хоть божьи звери. А уж двоих сошедших с неба магов встретили как самых дорогих гостей. Поднесли им по турьему рогу: князю - вина, молодому Иосифу - пива. Мгер, однако, отпил немного, почтив перед тем Михра возлиянием, и заговорил, обращаясь к Зореславичу:

- Ардагаст, царь росов! Прости, но не время тебе сейчас праздновать. Великого подвига ждут от тебя боги. Если немедля выступишь - успеешь.

И маг рассказал о замысле Валента. Баксаг, царь горных аланов сразу вспыхнул:

-- Что затеяли эти сваны! Я поведу свое войско и опустошу всю Сванетию!

-- Нет, - возразил Мгер. - Если огонь преисподней вырвется из недр Эльбруса, Сванетия и так станет пустыней. А заодно и твоя земля.

-- Если не весь мир, - тихо добавил Иосиф.

-- Здесь не нужно целое войско. Пусть лучше ваши рати идут к Вратам Аланов. Ты же, Ардагаст, возьми с собой лишь тех, кого вел тогда к Бычьей скале. Если сегодня же выступите, через три дня будете у Эльбруса - как раз накануне Вардавара.

Зореславич окинул взглядом верных соратников. Иные вздыхали с сожалением: не удалось погулять. Но у всех на лицах была веселая, лихая готовность снова увидеть невиданное, совершить невозможное. И не из пустого молодечества, а чтобы мир земной спасти. Никто, однако, не набивался в поход. Знали: Солнце-Царь лучше ведает, кого взять в избранную дружину. Лишь Ардафарн вопросительно взглянул на отца.

-- На этот раз, наследник, пойдешь со мной, - понимающе улыбнулся тот. - Видишь, не миновал тебя твой подвиг... А войско на юг вместо меня поведет..., - он замолчал, взглянул на предводителей рати. - Хор-алдар. Он опытный воин и знает, как биться с римлянами. А во Вратах нас ждет легион.

-- Главное же - всей казны кесаря не хватит, чтобы заставить бывшего раба с Лаврионских рудников отказаться от мести Риму, - разгладил пшеничные усы Хор-алдар.

Никто не решился возразить. Ни царевич роксоланов Сагдев, давний соратник Ардагаста, ни молодой царь горных аланов, ни еще более юный царевич аланов Аспар. Им легче было подчиниться превосходившему их опытом и славой росу с далекого Днепра, чем друг другу. Промолчали и предводители вайнахов. Их разрозненные тейпы не имели ни царей, ни князей, а вождей выбирали на один поход.

- Ты, Андак, со своей дружиной тоже пойдешь на юг, - сказал Ардагаст. Князь не возразил. Аланские теснины сулили ему не только славу, но и добычу, а снега Эльбруса, скорее всего, славную гибель. Призрак жены и так упрекал его: "Все трешься возле Ардагаста. Если не можешь отобрать у венедского ублюдка царство, то хоть не умножай его славу". Не возразил и царевич Доброслав, когда отец и его послал на юг. Понятно: поход опасный, не стоит царю рисковать обоими наследниками сразу.

Только теперь оба гостя опорожнили турьи рога. Шишок взглянул на далекие седоглавые вершины и небрежно произнес:

-- Чего там! Ходили уже к святым снежным горам на полуночный край света, а тут всего три дня пути. Дойдем, вернемся и вас, ратники, нагонем! А то и обгонем.

Серячок бодро взлаял. "Песик" лешего пережил уже многих

из своих детей и внуков, но был по-прежнему силен и неутомим. Говорили, что сам Ярила пожаловал ему за что-то то ли двойной волчий век, то ли и вовсе человечий. Да и впрямь, какой еще волк во всех днепровских лесах заслужил у светлых богов больше, чем он?

Толпа пришла к святилищу. Волхвы закончили обряд. Ардагунда сняла наряд богини, под которым оказалась ее обычная одежда воительницы. А Еммечько уже подавал матери кольчугу и оружие. Выпили лучшие из росов на дорожку, закусили. Потом оседлали коней и двинулись на юго-запад, туда, где выше всех белоснежных вершин вздымалась в голубое небо одна - двуглавая, будто рассеченная мечом. А с берега Алонта неслись им вслед песни и веселая музыка.

* * *

Отряд Ардагаста ехал вверх по долине Баксана. С обеих сторон зеленели по склонам густые леса. А среди них желтели сжатые нивы и стояли неказистые, но крепкие дома. Стены снизу из камней, сверху - из обмазанных глиной плетней. А то и, будто в нурских лесах, рубленые деревянные избы. Строить дома и сеять хлеб сарматы выучились здесь от горцев. Те храбро бились с пришельцами, вытесненными из степи более сильными ордами, покуда не сообразили, что лучше всего защитить от степняков могут степняки же. Вскоре два племени слились в одно, лихостью не уступавшее сарматам, а домовитостью и трудолюбием - жителям гор. Только делили еще свои рода на сарматские и коренные горские, дразнили друг друга: "Ты не черт и не сармат, откуда же ты взялся?"

Долина сужалась, превращаясь в ущелье, все более мелким, но бурным становился Баксан. Редели леса. Не было уже ни берез, ни осин, - одни пихты и сосны. И все выше вздымалась впереди седая двуглавая вершина.

Вел отряд Сарагас - опытный охотник из аула Терскол в самых истоках Баксана. Этого проводника росам дал сам царь горных аланов. Поджарый, немолодой уже, но быстрый и ловкий, охотник хорошо знал все ущелья, ледники и тропы Эльбруса. В поисках добычи и просто, чтобы испытать свою отвагу, поднимался до седловины между двумя вершинами. Росы, особенно молодые, жадно слушали его рассказы о тайнах великой горы.

-- "Эльбрус", Высокая гора - это по-сарматски. Горцы зовут ее Ошхамахо, Гора Счастья. Потому что на восточной вершине живет Бог Великий, Бог Богов, и другие светлые боги.

-- Так это ваш Олимп? И ты видел, хоть издали, дворцы богов? - с любопытством спросил Гермий, сын Хилиарха.

-- Туда не подберешься. Боги живут в долине, окруженной скалами, и стережет ее Симург. Вот его я не раз видел. Громадный, крыльями ветер поднимает. Туры, зубры для него, как мыши для совы. Схватиться с ним посмеет разве что дракон, вайюг или дэв. Одного дракона при мне разорвал и по леднику разбросал. И - разный. То он вроде орла, то - крылатый пес о двух лапах. А людей зря не обижает.

-- А Скованного видел? - спросил Еммечько.

-- Видел как-то. Страшный он: огромный, зарос весь, глаза горят. При нем два черных пса - крылатые, величиной с медведей.

Лижут его цепь огненными языками. Она бы распалась, если бы кузнецы не били лишний раз на весенний праздник... Заметил он меня и говорит: "Эй, охотник! Вон в снегу мой меч. Не дотянуться мне. Возьмись за рукоять, а я возьму тебя за ноги". Думаю: ага, рванешь, а от меня две половинки останутся. На барса, на медведя в одиночку ходил, а тут на бурку - и покатился по леднику. Нет, кого сами боги сковали, с тем лучше не водиться!

-- Но кто же он, Скованный? - спросил Гермий.

-- Никто толком не знает. Одни говорят - дэв, другие - дух горы, третьи - Насрен-Борода, старейшина Сынов Солнца. Или нет, Насрена освободил их Грозный вождь, которого потом боги громом поразили, а племя это оборотили в камни за буйство и непокорность... Бывает, гора дрожит, лавины катятся, дым из трещин идет. Это Скованный бесится. А то еще приложишь ухо к скале или ко льду и слышишь: стон, гул, рев. То рвутся на волю дэвы, заточенные в горе.

-- Титаны в Тартаре! - воскликнул сын Хилиарха. - Неужели преисподняя так близко?

-- Здесь, на Эльбрусе, все вместе: и рай, и земля, и преисподняя. А с виду гора как гора, только повыше других. И тихо на ней, спокойно...

-- Эта гора - подобие всего мира, - вмешался в разговор Мгер. - И разрушение мира может начаться с нее. Если не схватить за руку того, кто вздумает буйствовать в таком месте.

-- Вот Валента бы и сковать там вместе с его глупыми сванами и Аграмом Вишапом! - воскликнул Валамир.

-- Нет, такого, если сковать, то на самом дне преисподней. Чтобы никто сдуру не освободил, - возразил Мгер.

Слева показалась поляна. Из рыжеватых скал с шипением били источники.

-- Нарт-сано - Вино Сынов Солнца, - с почтением произнес Сарагас. - То был храбрый и могучий народ. Это они очистили наши горы от вайюгов. Кто пьет нарт-сано, приобщится к силе Сынов Солнца. Хоть сравняться с ними боги не дают никому.

Спешившись, росы стали пробовать чудесную воду. Кисловатая на вкус, она бодрила и приятно щекотала горло. Посмеиваясь, старшие амазонки вспоминали, как бились с Ардагастом и его друзьями из-за сокровищ вождя Сынов Солнца. Сокровища достались карликам-испам, зато амазонки обрели новую родину, а их царица - брата и мужа. К молодым росам подошел Вышата и с улыбкой сказал:

-- Глядите, ребята, не перепейте этого вина. А то станете больно сильными, как Святогор-великан, что мог за Мировой Дуб ухватиться и землю перевернуть.

-- Разве силы может быть слишком много? - с удивлением пожал могучими плечами Валамир.

-- Может. Если ума мало, - насмешливо отозвалась Рада.

-- Слишком могуч был Святогор. Потому и перестала его Мать Сыра Земля носить. А потом Перун заманил его в гроб. Не знали боги, куда употребит силу неумный и своевольный великан, - сказал Вышата.

-- Выходит, боги трусливы и завистливы? - с невинным видом полюбопытствовал Гермий.

-- Типун тебе на язык, Ерема! Обитель богов рядом. Все из-за тебя со святой горы полетим! - напустилась на него Рада.

-- Я что? Так философы говорят. В Ольвии на агоре.

-- Я тоже так думал. Когда был мошенником и судил обо всех по себе. Есть мера всему в мире, особенно силе. И кому, как не светлым богам, за этим следить? Иначе мир может погибнуть, - сказал Хилиарх.

-- Ну, а если боги здесь вовсе не живут? - не унимался любознательный Гермий-Ерема.

-- Как это не живут? "Эльбрус" - это же Хара Березаити, Высокая Хара. Так звали гору богов еще арьи, - с видом знатока сказал Вышко.

-- Так ведь есть еще один Эльбрус... или Альбурс, к югу от Каспия. И главная гора не меньше этой - вот отец рассказывал. А еще есть Олимп. И Золотая Гора на Урале. Не могут же боги жить всюду сразу? - возразил сын Хилиарха.

-- Самые высокие горы на свете - Гималаи. И самые святые. Так мой отец говорит. А он там вырос, - уверенно заявила Рада.

-- Бывает же у царя несколько дворцов. И даже несколько столиц. А главное жилище богов - на небе, в Ирии, на верхушке Мирового Дуба. Оттуда все видно, - ответил юный волхв.

-- Им-то видно. И спокойно. А нам, может быть, придется сражаться за пустую вершину, как нашим родителям на Золотой Горе, - вздохнул Гермий.

-- Вай, ребята, вы что, на шашлыки к богам собрались? Или на горячий лаваш? - вмешался в разговор Мгер. - Богам лучше знать, где жить. А светлые горы нужны нам, людям. И даже больше, чем богам. У злых ведунов тоже есть свои святые места. Вроде ваших Лысых гор. Зачем они туда летят?

-- Чтобы набраться злой силы, - ответил Вышко.

-- И стать еще хуже, чем были. А на святую гору поднимаются, чтобы душа стала выше, чище. Без таких гор земля станет болотом, а люди - жабами и змеями, - сказал князь-маг.

-- И верно, - кивнул Сарагас. - Я не чародей, не мудрец - простой охотник. На Эльбрус хожу за сернами и турами. Но когда

не гонишься за ними, а просто стоишь и видишь сверху наши долины, Сванетию, степь, море... весь мир... Тогда все злые и мелкие мысли - а у кого их нет? - убегают прочь. Хочется самому быть большим, сильным. Не таким, как вайюг. А добрым и мудрым, как светлые боги. И думать не только о своем доме, даже не о племени - обо всем мире.

-- А Валент с Аграмом Вишапом и центурионом идут сюда, чтобы выпустить в мир новое зло. Еще и саму святую гору осквернить, из обители богов сделать входом в преисподнюю, - сказал Мгер.

-- Да их нельзя близко подпускать к ней! А если проберутся туда - не дать уйти живыми. Росы! Поклянемся Хорсом-Солнцем истребить всю их шайку! - горячо воскликнул Ардафарн.

-- Погоди клясться, - остановил его отец. - С ними идут обманутые сваны.

-- Мы и их перебьем до последнего! Пусть их родичи думают, кому доверять.

-- Их родичи станут кровными врагами всем сарматам. И долгие годы по обе стороны хребта будет литься кровь - на радость римлянам. Разве для этого мы, росы, сюда пришли? - сказал Ардагаст.

Царевич отвел взгляд. Плохо он, видно, усвоил уроки отца, который всю жизнь воевал, однако всегда старался избегнуть ненужных войн и смертей. А тот, даже не упрекнув сына, продолжал:

-- Но ты прав, сынок: этим лиходеям не место не только на святой горе, но и в земном мире. Пора их остановить, пока не сделали такого, чего и боги не исправят. - Взяв из рук Вышаты Огненную Чашу, Ардагаст наполнил ее нарт-сано и, оборотившись к сиявшим белизной южным вершинам, произнес: - Клянемся Хорсом-Солнцем: не выпустить живыми с Эльбруса Валента и Аграма, беса и змея в человеческих обличьях!

Плеснув шипящей водой на юг, он пригубил чашу и пустил ее по кругу. Из нее отпили все, и среди них - Иосиф бар Ноэми.

-- Не много ли ты взял на себя? Ноша отцеубийцы тяжка, - тихо сказал ему Мгер.

-- Я и не рвусь к ней. Но если что - не старайтесь избавить меня от нее. Разве легче мне от того, что всякое злодеяние Валента ложится и на меня? Я ведь знаю: многие в Братстве не доверяют мне.

-- Они не умнее тех князей, что попрекают меня матерью-крестьянкой.

-- Если бы только это! Элеазару с Андромахой уже по три года, а я вижусь с ними и их матерью лишь тайком. У них

большие способности к магии, сам учитель Аполлоний сказал. Вот Ширин и боится, чтобы Валент не узнал о наших детях и не сделал с ними то, что ему не удалось со мной.

-- Мало ему было создать Братство Тьмы, так нужно еще и род свой превратить в бесовский! Видно, и впрямь нет такому места среди людей.

Долина стала такой глубокой, что даже Эльбрус скрылся из вида. Лишь у самого аула Терскол снова встал белой громадой, закрывая собой весь просвет ущелья. Жители аула радушно встретили росов, звали погостить. Ардагаст уже думал отдохнуть здесь с отрядом до утра. Тем более, что сваны, как заверяли в ауле, ни в долине, ни в горах в последние дни не появлялись. Вдруг Мгер воскликнул, указывая плетью на двуглавую вершину:

-- Вай, не успели, видно! Над Эльбрусом кто-то бьется с Симургом!

Даже обычному зрению было заметно, как металось над вершиной что-то ослепительно сияющее, будто маленькое солнце, и как налетали на это солнце какие-то черные твари.

* * *

Дружина Таргвы шла пешком по перемычке, соединявшей Эльбрус с главным хребтом. Коней оставили внизу, в безлюдной лесистой долине реки Ненскры. Можно было добраться гораздо быстрее, пройдя обычным путем из Местии в долину Баксана, а затем вверх по нему. Но Валент настоял: идти в обход, чтобы не попадаться на глаза аланам. Лучшие воины сванов бодро шагали по горным лугам и каменистым осыпям, и желтое знамя в виде льва трепетало на ветру, словно само Солнце - небесный лев - летело над своими воинами. Разве не идут они освобождать из ледяного плена солнечного героя Амирани?

Под знаменем, гордо подняв голову в островерхом сарматском шлеме, шагал царь сванов. Поверх красной чохи на нем был добротный чешуйчатый панцирь, а поверх него - черная бурка, скрепленная золотыми с бирюзой застежками в виде тигра, борющегося с рогатым волком. И шлем, и панцирь, и застежки Таргва снял с побежденного им сарматского князя. Как никогда, был царь уверен в своей силе и отваге, в верности дружины и помощи Белого Всадника, которому он принес перед походом щедрую жертву.

Пугливые серны и круторогие туры разбегались, завидев вооруженных людей. Даже барс предпочел скрыться среди скал. Вдруг из-за большого камня легкой походкой вышла молодая

женщина в зеленом платье. Роскошные золотые волосы дождем падали на ее плечи и грудь.

-- Таргва Палиани! Куда ты идешь? На этой охоте тебе не будет удачи.

Зеленые глаза женщины встретились с черными глазами царя, и тот, сразу оробев, остановился. Остановились и воины. "Дали! Хозяйка зверей!" - прокатилось вполголоса.

Дали, своенравные лесные и горные красавицы, могли послать охотнику богатую добычу. А могли - неудачу, а то и гибель. И была среди них главная Дали - мать Амирани, самая прекрасная и могущественная. Но отличить ее от остальных мало кто умел даже из самых старых и опытных охотников. Дружинники почтительно молчали, но голос их вождя зазвучал гордо и непреклонно:

-- Не на охоту вышел я. И не у тебя, женщина, просить мне позволения и помощи в моем деле. Я молился Белому Всаднику, богу мужчин.

-- Ты стал нелюбезен и заносчив, Таргва. Не таким ты был, когда клялся мне в любви и добывал по девять туров в день. С моей помощью. Впрочем, тогда ты не был царем.

-- Царем сделала меня не ты. И никто из богов. Сваны сами выбирают себе царей, и не за знатность. А за твою любовь и за туров я расплатился сполна. Тем, что полдня провисел на утесе над пропастью. Под конец я держался одной ногой и одной рукой. Скала крошилась под пальцами. Ветер грозил сдуть меня, словно листок. Люди видели все снизу и не могли помочь: я разбился бы о выступы прежде, чем долетел до растянутой бурки. Тщетно молил я тебя. Тогда я воззвал к Белому Всаднику, и вдруг обрел снова силу и ловкость, и спустился по самым неприметным выступам. Я стал ходить в походы и набеги - подальше от твоей любви и мести. Да, я уже не лучший охотник племени. Я --царь Таргва!

-- Ты знаешь, за что угодил на утес. На кого ты променял меня? Что, твоя Нино прекраснее нас, богинь? Тогда ей место на небе, а не в твоем доме.

Зеленые глаза метали молнии, но молнии эти гасли в спокойной глубине черных глаз.

-- С тобой, дали, не сравнится красотой не только Нино - ни одна из женщин, каких я знал. Но она мне не любовница, а жена. Я иду к ней после охоты или похода в свой дом, а не тайком в лесную пещеру. Мне не нужно отшучиваться от соседей, когда тем любопытно, почему мне везет на охоте. Она не сбросит меня с утеса, не осиротит наших детей, даже из-за моей неверности. И если я, царь, не держу наложниц, то для того, чтобы не огорчать

ее.

-- Да, у вас в доме парфянские ковры. И ты не жалеешь о нашей пещере с ковром из еловых лап? - голос богини дрогнул. - Там сейчас устроилась самка барса с выводком.

-- Я уже не тот молодой беззаботный охотник.

-- И я теперь знаю, что такое свой дом и дети. Они далеко отсюда, на севере... А ты по-прежнему охотник. Не за дичью, за славой. За подвигами, за уважением кесаря. Не охоться на Эльбрусе, Таргва! Не славу здесь найдешь, а проклятие. Нет тут никакого Амирани, а есть страшный враг богов и людей. Огонь и пепел обрушатся с неба на твою Сванетию!

Таргва тряхнул головой, словно отгоняя наваждение.

-- Ты непостоянна и коварна, дали. Я помню, как ты заманила меня тогда на утес.

-- Но ведь ты жив! Проучить я хотела тебя, не убить...

Аграм Вишап шагнул вперед, произнес с угрозой:

-- Не становись между мужчиной и его подвигом, женщина! - он обернулся к воинам. - Не верьте ей! Это не главная Дали: разве та помешала бы нам освободить ее сына?

Валент выбросил вперед руку с перстнями.

-- Прочь с дороги, жалкая лесная демоница! Изгоняю тебя силой змееногой Астарты, демоницы Венеры!

Зеленое пламя вспыхнуло перед самым лицом богини. Она легко вскочила на высокий камень. Пламя бросилось следом и вдруг, повинуясь движениям руки дали, завертелось вокруг нее, потом затрепетало наподобие плаща за плечами.

-- Меня моей же силой? - звонко рассмеялась красавица.

-- Сейчас ты испробуешь силу Набама, демона Сатурна, силу тьмы!

Черный туман заклубился вокруг камня, поднимаясь все выше. Дали брезгливо отдернула босую ногу и вдруг все так же легко прыгнула с камня, перелетела над туманом и опустилась наземь уже серной с золотистой шерстью. Черный туман устремился следом, но наткнулся на отлетевший прочь зеленый огненный плащ и заклубился, тщетно пытаясь погасить дивный огонь.

Юлий Максим, опытный охотник, схватил лук, наложил стрелу на тетиву. Но тут его запястье перехватила рука Таргвы.

-- Не ссорь нас с нашими богинями, римлянин! А ты, колдун, не вздумай послать за ней своего свинорожего демона!

Валент пожал плечами. Незримый Мовшаэль с сожалением вздохнул. Как бы он потешился, догнав беглянку и заставив принять человеческий облик! А мог бы и сам оборотиться таким могучим козлом...

Золотистая серна уносилась вдаль, к сияющей белой глади ледника. Царь глядел ей вслед, борясь с желанием забыть обо всем и помчаться за ней, за невиданной добычей, мечтой всякого охотника... Потом махнул рукой и двинулся вперед. Желтый лев с серебряными челюстями реял над ним. Следом шла верная дружина. И ни на шаг не отставали трое пришельцев, что заманили сюда их всех.

Вскоре они достигли подножия ледника. Тут Валент вышел вперед и властно сказал:

-- Дальше поведу вас я. Или кто-то знает путь к Скованному?

И лучшие воины сванов безмолвно подчинились чужому колдуну.

То снег, то лед скрипели под плетеными подошвами с деревянными шипами. Гордо и величаво ступал впереди чародей, закутанный в черную с серебром хламиду поверх теплого кафтана на медвежьем меху. Черные скалы выглядывали из-подо льда, словно зубчатые хребты затаившихся вишапов. Где-то под снегом прятались коварные трещины, но духовный взор мага легко находил их. Из снежных воронок, из расселин в скалах вырывались клубы пара и дыма. Пахло серой.

Вдруг на белую ледяную скалу впереди опустилась большая птица с лицом женщины. Роскошные золотые волосы, поднятые ветром, сияли нимбом вокруг ее головы. Голосом дали, звонким и чуть насмешливым, птица сказала:

-- Таргва Палиани! Не ты один здесь охотишься. Сюда идет с дружиной Ардагаст, царь росов. Не побеждали его ни люди, ни бесы, ни темные боги, а со светлыми богами он не борется. И соблазнить его не могу даже я. В руке его - солнечная чаша. Не хотела бы я, чтобы вы схватились. - Голос ее теперь был полон тревоги. - Поверни назад, Таргва, не иди за черным колдуном на черное дело! И прости меня за тот утес!

-- Поздно вышел рос на охоту! Я глядел в зеркало: его дружина еще в долине Баксана. Видишь, царь: там мы столкнулись бы с ним, а так обогнали его. Дичь теперь наша! - самодовольно улыбнулся Валент.

-- Не так уж он храбр и силен, если боится светлых богов. Этот путь - для тех, кто идет до конца и не знает преград! - хищно осклабился Аграм Вишап.

-- Отступите перед ним. А он придет следом собирать с вас дань для царя роксоланов. Будете целовать его сарматские сапоги! - Небрежно произнес центурион.

-- "Твои-то калиги чем лучше?" - подумал Таргва. Но промолчал. Цепи гордости и любви к славе сковали его язык и волю. Горевший злым огнем рубин в железном перстне мага лишь

укрепил эти цепи. Не оглядываясь, не удостаивая больше никого хоть словом, некромант двинулся дальше. И воины, будто связанные незримой веревкой, поднимались за ним все выше, не оборачиваясь на печальный крик златоволосой птицы. Надежнее кнута подгонял их безжалостно-спокойный голос римлянина:

-- Кто боится не устоять перед этой сиреной, может взять у меня воска - заткнуть уши.

Достигнув седловины, они повернули к западной вершине. У ее южного подножия Валент внезапно остановился и указал рукой на высокую скалу - одну из тех, что составляли стену давно разрушившегося и погребенного подо льдом кратера. Середину скалы скрывал белый ледяной язык. И лишь заметив на его белизне черные кольца железной цепи, люди поняли: то не лед, а тело человека, заросшее седыми волосами. Человек был громаден, - самый высокий дэв показался бы рядом с ним пятилетним ребенком. Белые густые космы островерхой шапкой поднимались надо лбом от самых бровей, ледопадом стекали на плечи, сливаясь с длинной, почти до колен бородой. Такие же густые волосы покрывали могучие руки. Длинные ногти изгибались орлиными когтями. Волосатые ноги ниже колен вмерзли в лед.

И все это колоссальное, пугающее своей мощью тело несколько раз опутывала столь же могучая, совсем не заржавевшая цепь. Человек-гора, человек-ледник. Неподвижный, с закрытыми глазами - был он жив или замерз несчетные века назад? Недалеко от его руки из снега торчала рукоять огромного меча, сделанного целиком из дерева. Лишь вдоль обоих лезвий были вставлены острые, как бритва, куски обсидиана. На ледниках порой находили оттаявшие трупы людей, одетых в шкуры, со странным каменным оружием, но им было далеко до этого исполина.

Из двух пещер, черневших справа и слева от великана, выбрались две жуткие твари: черные псы величиной с медведя, с широкими нетопырьими крыльями. Их глаза пылали огнем, пламя вырывалось из пастей, огненные языки дрожали между белых клыков. Уверенные в своей силе, они лишь глухо ворчали.

Валент воздел руки.

-- Мы приветствуем тебя, Скованный богами, глупыми и завистливыми!

Темные морщинистые веки медленно поднялись. Красным огнем вспыхнули два глаза. Гулкий, скрипучий голос медленно проговорил:

-- Растет ли еще тростник, и родятся ли ягнята?

-- Конечно же, растет, и родятся, - ответил Таргва.

Великан рванулся, взревел, загремел цепью. Затряслась земля, так что воины едва устояли на ногах. Обломки камня и льда вперемежку покатились вниз. Желтый дым вырвался из трещин в скалах.

-- Значит, далек еще конец этого проклятого мира! Только его гибель вернет мне волю!

-- Конца света еще нет. Но есть мужи, не боящиеся ни его, ни богов. Они освободят тебя! - сказал Валент.

-- Облик твой страшен. Ты ли Солнцелобый Амирани? - с сомнением спросил Таргва.

Великан помолчал, потом заговорил, медленно перекатывая слова:

- Вы, люди, называли меня многими именами... Даже богом - Богом Птиц Пернатых. А сковавшего меня - Богом Великим. Я - хозяин, дух этой горы, я - сам Эльбрус. Я старше людей, старше многих богов. Было время, - внизу бродили громадные, забытые вами звери. Тогда огонь вырывался из этих вершин, вниз сползал не лед, а раскаленная лава. Не было мне ни владыки, ни соперника. Меча моего страшились дэвы, драконы, каджи. Хозяин Казбека рассек мне голову, но бежал от меня, хотя был моложе и сильнее. Хозяина Пяти Гор я разрубил на пять частей - за то, что с ним изменяла мне хозяйка Машука. Вы еще не знаете всех моих подвигов... Потом пришли боги. Поставили себе дворец на восточной вершине, не спросясь меня. Закрыли там выход лаве. Сами стали посылать оттуда грозы, снегопады, лавины. Теперь люди молились им, не мне. И я поднял меч на богов, вывел на бой огненных дэвов. Ночь обратилась в день от непрестанно сверкавших молний, днем ярче солнца пылал надо льдами подземный огонь. Тучи пепла засыпали долины. Наконец богам удалось разрушить кратер и завалить жерло. Я обессилел и выронил меч. Тогда меня и приковали этой цепью из нержавеющего небесного железа. Огненных дэвов загнали в недра горы. Только мои собаки остались со мной.

Крылатые чудовища разом взлаяли. Великан, тяжело и шумно вздохнув, проговорил:

-- Тут был еще один скованный великан. Тот, что принес людям огонь. Он хитрый, помирился в конце концов с богами. Еще здесь приковали человека, старейшину Сынов Солнца. Этого свои отбили. Уже много веков я один.

-- Что они сделали с тобой, Солнцелобый Амирани! - с пылом юноши воскликнул Таргва и, обернувшись к восточной вершине, погрозил кулаком. - Боги! Вы несправедливы! Что злого он сделал?

-- Я не хотел иметь над собой господ. Никаких. Даже

светлых и добрых. Да, в этом мире... в их мире мне нет места. Значит, я разрушу его. Когда придет час. Даже если сам погибну.

В его голосе не было ни ярости, ни отчаяния - лишь страшное спокойствие дремлющего вулкана. Он протянул когтистую руку к мечу, но бессильно опустил ее.

-- Люди порой приходят сюда. Их оружие становится все крепче. Медь, бронза, теперь сталь... Но разрубить эту цепь может разве что огненный клинок Громовника или меч-молния Мгера. Или мой верный меч. Высвободите его, дайте его мне! Проклятые кузнецы, им я первым отплачу!

Гора снова задрожала, желтый сернистый дым повалил из трещин. "Что за силу мы будим, самоуверенные смертные? Под Этной в Сицилии, говорят, тоже томится побежденный богами Тифон, страшнейшее из чудовищ", - подумал Максим. Валент невозмутимо произнес:

-- Твой меч не только вмерз в лед, но и скован в нем чарами. Как и твои ноги. Но ты зря ругаешь кузнецов. Один из них сделал из черной меди подобие Черного Солнца. Мы поставим его на западной вершине, и его сила разрушит цепь, растопит заклятый лед. Уже этой ночью ты будешь свободен.

-- Свободен! И тогда..., - исполин не договорил, лишь сверкнул огненными глазами в сторону восточной вершины.

Поклонившись великану, воины снова двинулись вверх. Заметив тревожное раздумье на лице Максима, чародей негромко сказал ему:

-- Выше голову, центурион! Моя магия скует этого тупого гиганта лучше всяких цепей.

Вскоре они оказались на пологом снежном плато. Оно лежало несколько выше восточной вершины, и отсюда было заметно сияние внутри ее кратера. Вдруг оттуда, из-за каменной стены, закованной снаружи в лед, взмыла в небо громадная птица. Впрочем, птицей она казалась лишь издали. Озаренное серебряным блеском, на сванов летело невиданное существо. Голова и грудь пса; две мощные собачьи лапы; крылья орла; а сзади, на отлете - толстый пушистый хвост. Яростный лай раскатился над ледяными вершинами.

Воины выставили копья, наложили стрелы на тетивы. По правде сказать, никто из них не решился бы в одиночку схватиться с таким чудовищем. Но вместе, да еще с непобедимым царем Таргвой и могущественным римским магом... Маг не обманул их надежд. Взмахом руки он описал полукруг над головами сванов. В его золотом перстне ярко сиял гелиотроп, а с запястья на цепочке свисал золотой амулет-пантакль[56]. В один миг наконечники стрел и копий запылали ослепительным

золотым огнем. Но вокруг этого огня собиралась, перемешиваясь со светом, черная тень.

Стая черно-золотых лучей разом вонзилась в тело небесного пса. Серебристая шерсть задымилась, на ней заалела кровь. Птице-зверь оглушительно взвизгнул от боли, взлетел повыше. Довольная улыбка тронула губы Валента. Разве птице Луны и Земли устоять против силы Солнца, да еще Черного Солнца? Вот он, крест с загнутыми концами, инкрустирован черной медью на золотом диске пантакля. Многомудрые иудейские, сирийские, халдейские маги пренебрегали этим знаком северных варваров, к стати, весьма сильных в солнечной магии. Глупое чванство! Волшебную силу и знание ее стоит черпать отовсюду. А чужое своему не помеха. Вот она, добрая старая звезда Соломона, на обороте амулета: вверх ногами, внутри --козлиная морда Самаэля, в пяти лучах - рога, уши и борода.

Тем временем серебряное тело Симурга приобрело цвет и сияние расправленного золота. Песья голова стала остроухой, с мощным орлиным клювом, головой грифона. Хвост покрылся золотой чешуей, стал раздвоенным, рыбьим. С грозным ревом и клекотом небесный зверь устремился на пришельцев. Валент невозмутимо выставил вперед оловянный с топазом перстень Юпитера. С пантакля по-прежнему ухмылялся козломордый Самаэль. Снова полетели стрелы и копья, но уже не бесшумными лучами, а грохочущими молниями. Оглушительный крик боли разнесся в голубом небе над белыми вершинами.

Охваченный яростью раненого льва, диво-зверь разметал бы дерзких людишек. Но навстречу ему уже взмыли два черных крылатых пса. Аграм Вишап выхватил меч, раскинул руки и в следующий миг взлетел черным рыбоголовым драконом. За ним поспешил на нетопырьих крыльях, дико завывая и размахивая мечом, Мовшаэль. Черный меч, скованный в кузнице Вельзевула, свинорожий демон украл. В когтистой же лапе князя-дракона был родовой клинок потомков царя-змея.

Подбадривая друг друга лаем, шипением, бранью, четверо набросились на Симурга. Даже вместе они уступали ему силой. Дракон был не больше псов, те - всего-то с медведей, демон - не намного превосходил человека и к тому же трусил, норовя не так биться, как шуметь, нападать же только сзади. Но боль от ожогов терзала могучего птице-зверя, а сила его вытекала вместе с кровью из многочисленных ран. Словно гиены на израненного льва, бросались четверо на него, настойчиво отгоняя к восточной вершине, пока вконец обессиленный Симург не скрылся за ее каменно-ледяной оградой. Не рискнув последовать за ним, они

покружили с торжествующими воплями, и полетели назад под приветственные крики сванов.

Повинуясь Валенту, сваны доставали из заплечных мешков таинственные массивные предметы из черной меди. Это их отливал и выковывал на пару с Мовшаэлем Важа-кузнец. Теперь демон, используя вместо наковальни обломок скалы, а вместо молота собственный кулак, пылавший огнем, скреплял эти детали. И вот уже на льду лежало огромное черное кольцо с длинным заостренным стержнем внизу. В кольцо был вставлен крест с загнутыми против солнца концами. Общими усилиями, с помощью веревок кольцо подняли. Мовшаэль, сопя от натуги, надавил на нижний край, и стержень, вдруг необычайно раскалившись, прожег лед, вошел в скалу и засел в ней.

Простирая руки к своему творению, Валент начал читать заклинание. И колдовской знак вдруг стал раскаляться, наливаться неведомой силой. Вокруг черного металла разлилось красное сияние. Оно заполняло все промежутки внутри кольца, окружало само кольцо. Вскоре сооружение стало казаться огромным красным диском, на котором был прочерчен зловещий черный знак. Внизу, в долинах, тысячи людей - горные аланы, сваны, абасги, колхи, степные сарматы - замерли, с изумлением и тревогой глядя на знакомую вершину. Над Эльбрусом взошло Черное Солнце!

В безмолвном смятении, почти в ужасе глядели Таргва и его дружина на дело своих рук. Но души троих, что привели их сюда, переполняло торжество. Отсюда было видно все: закованные в лед вершины, глубокие долины, леса - от синей глади моря до зеленого моря Великой Степи. Никакой географ не мог бы составить столь совершенную карту - разве что бог мудрости, взирающий с неба. И трое казались себе даже не богами - титанами, соперниками богов. Разреженный горный воздух пьянил сильнее вина, будил самые дерзкие мысли.

Центурион Юлий Максим был как никогда полон веры в свои силы, в величие и непобедимость Империи. Вскоре весь этот край станет римскими провинциями. Иверия, Алания, Роксолания... И это лишь начало великого деяния, доступного одним только римлянам - покорения мира! А он, Максим, если не погибнет во славу Рима и божественного Нерона-Домициана, то непременно станет легатом, наместником провинции, консулом - как будет угодно благой и мудрой Судьбе, то есть, Богу, чьи дары надлежит принимать с мужественным спокойствием и верой в совершенство мира, который станет еще совершеннее под властью лучшего из императоров - воскресшего Нерона.

Аграм уже принял человеческий облик, но глядел на

раскинувшийся внизу мир глазами вишапа - вольного, могучего и безжалостного. Теперь он отплатит всем губителям рода Мурацани! Ни в каком ущелье не укроются все эти воины Солнца... Мы для вас, спасителей человечества, гады? Так будем мстить всему роду человеческому! Не спасения и свободы он заслужил, а огня, меча и оков.

Превыше всего и вся вознесся духом Клавдий Валент. Что мудрому эта земля внизу и небо вверху? Презренная материя, способная порождать лишь грязь и мерзость. Что ему погрязшие в ней людишки? Иудейские, сирийские, вавилонские денежные мешки; тупые римские вояки; самодовольный и тщеславный Нерон в очередном теле. А под ними - муравейник рабов, еще более тупых и трусливых. Философы болтают о совершенстве мира, благе человечества! Все совершенное и благое - там, над небом, в сфере чистого духа. А здесь - лишь в душах немногих избранных, достойных Высшего Света. Прочее и прочие - только средство для их возвышения.

Но откуда эта неясная тревога в сердце великого мага? Какие-то всадники выезжают из долины Баксана. Муравьи, мыши! Валент напряг духовное зрение и ясно увидел: к подножию ледника движется маленькое солнце - Огненная Чаша Колаксая.

-- Внизу росы! Спустимся к Скованному. Его цепь распадется только ночью, - сказал чародей.

-- Пусть посмеют тронуть нашего Амирани! Ни один степняк не уйдет живым с Эльбруса! - воинственно зашумели сваны.

Вскоре на вершине, у черно-красного знака остались только двое крылатых псов.

* * *

За ледниками и каменной стеной восточной вершины скрывалась чудесная долина. Тут было тепло, почти как на колхидском берегу. Все, чем богаты кавказские леса, росло здесь: тис и самшит рядом с пихтами и дубами. Среди деревьев бродили олени и зубры. Лакомился виноградом медведь. Из небольшого зеленого озера к единственному проходу в стене устремлялся поток, чтобы ледопадом застыть на восточном склоне. У озера стоял большой, просто сложенный каменный дом с высокой башней, похожий на дома горцев. Мягкий белый свет озарял его, наполняя сиянием всю долину.

На лужайке возле дома лежал, раскинув крылья, Симург. Снова приняв облик небесной собаки, он тихо поскуливал. Прекрасная златоволосая женщина средних лет водила руками

над его многочисленными ранами, и те понемногу затягивались.

-- Что они с тобой сделали, песик! Рвали зубами, рубили... Отец, прогони ты их с горы! Громом, молниями... Ты же можешь! Это я разве что дождь или снег пошлю, - обратилась женщина к величавому старику, одетому во все белое. Грива седых волос падала на его белую, как облако, бурку, белоснежная борода укрывала грудь.

-- Могу, мать. Но не стану. Не все, что можешь, стоит делать. Особенно, когда можешь много.

"Отец", "мать" - так они звали друг друга, хотя старик был женщине не только мужем, но и сыном. От него она родила могучего небесного кузнеца, а от того - младших богов, беспокойных и отважных воителей. У всего этого рода едва хватало сил, чтобы защитить мир от подземного владыки, брата-близнеца старика. Северные горцы звали старика Тха Великим, южные - Гмерти Мориге, сарматы - Богом Богов, а венеды - Родом-Белбогом.

-- Почему же не стоит, сынок? - спросил его сидевший под дубом старичок с бородкой и сиявшими по бокам островерхой шапки серебряными рогами. - Ты же у нас самый могучий, справедливый, всевидящий... Так смертные говорят.

-- А еще говорят: самовластный, несправедливый, завистливый... И спорят: всемогущий я или всеблагой? А эти скованные, значит, узники мои, страдальцы безвинные. Смертные-то не помнят, что те страдальцы на воле творили. И не знают, что они могут натворить... Ну, смету я этих наглецов молниями. И будут их люди звать героями, а меня - мучителем. Нет, пусть сваны сами поймут, что неправы.

-- Так явись им, убеди! - сказала женщина.

-- Я - бог, да еще наивысший. Меня или чтят и во всем верят мне, или ненавидят и ни в чем не верят. Убедить смертных может только смертный. Да он уже спешит сюда. Избранник наш, Ардагаст, царь росов.

-- Он ли убедит, а вот если Скованный и впрямь с цепи сорвется... Вместо этой долины будут здесь ворота в пекло. Мы-то улетим, а на эти горы, на леса, на селения как хлынет огонь да нечисть всякая! Всему погибель настанет - лесам, зверям, людям, - вздохнул старичок.

-- А вот до этого я не допущу. Вырвется Скованный - выйду на битву. А ты, мать, крепи гору, чтобы не прорвалось снизу пекло, - решительно произнес владыка неба.

-- Ты, Ладушка, лучше песика полечи. А недрами земными займусь я. Я-то не воин, зато чарами много чего могу... И зачем было этих скованных на земле оставлять смертным на соблазн?

Отправили бы всех в преисподнюю, - сказал старичок.

-- Такие все пекло взбунтуют. И пойдет братец Чернобог снова на небо приступом, - возразил старик. - Ну, оставайтесь тут, а я пойду на башню. Сюда уже нечисть и идет, и летит со всего Кавказа. Да еще младшие боги нам на помощь скачут. Не наделали бы чего сгоряча.

* * *

Отряд Ардагаста шел в гору по леднику. Кони остались внизу, на обширной поляне. Сапоги почти не скользили: все подвязали к ним плетеные кожаные подошвы с деревянными шипами. И все же приходилось помогать себе мечами, секирами, копьями. Шли лучшие из росов: русальцы, амазонки. Волх и его нуры уже успели соколами слетать к вершине и теперь волками взбирались по снегу. Молодежь шла за Ардафарном. Зореславич с удовлетворением поглядывал на сына: умеет собирать и вести людей - значит, сможет быть царем. То ли дело Доброслав, тихий, застенчивый, держащийся не матери, так брата. Правда, рассудить людей умеет так, что и старики остаются довольны им, молодым. А ведь еще недавно кто бы у венедов стал слушать юнца, даже сына старейшины? Не было тогда ни царей, ни царевичей.

Обе волхвини, Ардагунда и многие из амазонок закутали лица платками по самые глаза после того, как Сарагас предупредил:

-- Эй, красавицы! Здесь, на ледниках, воздух холодный, зато солнце жаркое. Вы храбрые, как самки горного барса - станете пятнистыми, как они: лица совсем обгорят.

Ларишка, смуглая кожа которой еще больше загорела под степным солнцем, лица не прикрывала. Еще и посмеивалась над золовкой:

-- Ардагунда, ты что, на разбой собралась, соседских коней красть? Тогда спрячь заодно и волосы, а то больно приметные.

Многим подъем давался трудно. Разреженный воздух одних пьянил не хуже вина, другие, наоборот, утомлялись, делались вялыми, невнимательными к опасностям. От бескрайней сверкающей белизны вокруг болели глаза. Еще и мучила досада: опоздали! Горит-чернеет проклятый знак выше всех гор Кавказа. И все же, как могли, подбадривали друг друга. Мгер рассказывал:

-- Сегодня хороший день. Вардавар, день Аманора и Ванатура. Веселые боги, щедрые, вроде Ярилы или Диониса. Армяне сегодня обливают друг друга, рассыпают розы, выпускают

голубей. Разве в такой день может случиться что плохое с хорошими людьми?

Шагавший впереди Сарагас беззлобно поругивал соседей:

-- На Кавказе самые отчаянные люди и самые большие попрошайки - сваны. Осенью, когда перевалы уже закрыты, берет сван мешок сухих груш и пробирается к нам. Хорошо, если голова и кости целы останутся. За груши много не наторгует, зато не один день будет наедаться бараниной и написаться медом и пивом: гость ведь! А иудей из Лахмульда тебе не то что груши - все на свете продаст, все у тебя купит, и так обманет, что заметишь, когда он уже за хребтом.

Вишвамитра, поглядывая кругом, важно говорил:

-- Да, это настоящие горы. Но Гималаи все равно раза в два выше.

Одним из последних в цепочке шел Шишок. Лешему приходилось труднее всех. Тут ведь не то что дерева - кустика, травинки нет. Хуже, чем в тундре или полуночных льдах. Там он хоть ехал верхом и не в гору. Однако лешак крепился: назвался груздем - полезай в кузов. Верный Серячок шел рядом, не давая усталому хозяину сбиться и упасть в трещину. Только сииртя Хаторо из рода Моржа веселила душу ледяная пустыня.

Но и усталость, и досада, и тревога отступали при взгляде на раскинувшуюся вокруг страну. Вершины, будто великаны в белоснежных шлемах и панцирях. Глубокие пропасти, лесистые ущелья, быстрые реки... Где жить великанам, как не тут? Вот уходят в степь Гипанис и Алонт, вот синеет море Ахшайна. И все это - горы, степь, море - кажется своим, таким же родным, как днепровские кручи и сосновые боры. Ведь всюду там живут люди, добрые и приветливые. Всюду хоть кто-нибудь понимает родную для росов сарматскую речь. Приди только к этим людям с добром, а не с грабежом и обманом. А войну и добычу и так найдешь - лиходеев всюду хватает.

Очарованный красотой и величием гор, шел, забыв об усталости, Пересвет. Вознестись над миром, к самой обители богов, словно птица или волхв - есть ли большее счастье для певца? И сама собой слагалась песня о том, как поднимались на священную гору не боги, не великаны - росы с Днепра. Поднимались, чтобы Гора Счастья не стала вратами пекла и престолом Чернобога.

Тем временем сваны, посмеиваясь над карабкавшимися внизу росами, сидели вокруг Скованного и расспрашивали его о славных делах минувших веков. Исполин говорил медленно, часто умолкал. Рассказы его напоминали уже слышанное сванами в песнях об Амирани. (Их пересказал великану пронырливый

Мовшаэль, побывавший здесь раньше доверчивых горцев). Или же он описывал подвиги, свои и других хозяев гор, скорее похожие на бесчинства дэвов. Его из вежливости не прерывали. Вдруг чернокнижник сказал:

-- Славные воины и ты, о Скованный! Сейчас вы потешитесь: увидите, как эти степные бродяги покатятся с Эльбруса. Посмотрим, хватит ли у них смелости подняться снова?

Он простер руки вперед и вниз и зашептал заклятие. Волна холодного воздуха с нарастающей скоростью понеслась навстречу росам, взметая тучей снежную пыль. Ревущим зверем обрушился ветер на днепровских пришельцев. Обломки льда и мелкие камешки больно ударяли в лицо. Забивало дыхание, едва можно было услышать друг друга.

-- Быстро к тем скалам! Пересидим непогоду. Скорее, вот-вот лавина! - прокричал Сарагас.

Все поспешили под защиту каменного закутка. Только Шишок вдруг рявкнул:

-- Еще чего! Мы тут до ночи отсиживайся, а они сверху зубы скалить будут? А вот вам, песьи дети! - и засвистел, захохотал во все лешачье горло.

Валя в снег не успевших отойти к скалам, поднялся вдруг новый ветер, еще сильнее первого, и понесся навстречу ему. Оба ветра столкнулись, образовав чудовищный белый смерч. Он завертелся на месте, вырывая воронку, потом двинулся обратно к западной вершине - сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Еще немного - и сванам пришлось бы бросаться врассыпную, чтобы не быть унесенными, словно пыль. С большим трудом Валенту удалось направить смерч в пропасть на западном склоне.

Поединок с магом тяжело дался лешаку. С ног бы свалился, не поддерживай его Хаторо. Зато теперь Шишок стоял, подбоченившись, и довольно ухмылялся:

-- Что, чернокнижник, слаба твоя наука против лешачьего свиста?

Маги, волхвы и волхвини с улыбками переглядывались. Щадя самолюбие лешего, они не стали говорить, что вшестером помогали ему.

И снова отряд шел вверх по белой реке, застывшей в ложбине древнего ущелья, по которому некогда стекали огненные потоки. Не хлынут ли они снова? Вот уже и Хорс-Солнце клонится к закату. И все ярче горит сотворенное недобрыми руками Черное Солнце.

У подножия восточной вершины росы остановились передохнуть среди скал. Вдруг Ардафарн, поговорив с друзьями,

подошел к царю и сказал:

-- Отец! Позволь мне с ребятами пойти в обход этой вершины на западную и сбросить оттуда этого Чернобожьего паука. Наша дружина здесь у Валента как на ладони. Но он знает и ждет вас, старших, а что нас с вами нет, верно, и не заметит. К тому же Вышко хорошо умеет отводить глаза.

Помолчав, Ардагаст положил руки на плечи сыну и сказал:

-- Нелегкое дело вы берете на себя. Но я бы сам в твои годы от такого не отказался, и твоя мама тоже. Я дал бы вам чашу, но подчинится ли она тебе, хоть ты и мой сын? А главное - за ней-то Валент больше всего духовным взором следит. Так что сами придумайте, как свалить этот проклятый знак. Идите, и пусть поможет вам Даждьбог! Сарагас, проведи их, а мы и сами дойдем.

Молодые росы мигом собрались вокруг царевича. С тревогой глядели на них родители, но никто и не подумал не пускать или отговаривать детей, да еще при всех. Только Вишвамитра сурово произнес:

-- Вы сами вызвались на подвиг, так не опозорьте имени росов. Мы создали росское царство, вы в нем выросли. По вам о нем и будут судить. Идите и помните: даже с Черным Солнцем сражаться можно лишь во имя Солнца, Даждьбога-Кришны. А Черному Солнцу место под миром, а не над ним.

-- Знак на вершине стерегут два крылатых пса. Сумейте справиться с ними прежде, чем они поднимут лай на весь Эльбрус, - сказала Лютица.

-- Собакам нюх отводить и пасти замыкать? Этому нашего Вышко учить не надо! - рассмеялась Милана и, вздохнув, добавила. - Глядите, дети, здесь вам не сад дяди Ардабура, хворостиной не отделаетесь.

-- Солнце-Царь, разреши мне идти с ними! Меня Валент тоже не знает. Кто такой Хаторо из рода Моржа? А я во льдах вырос, - сказал сииртя.

Ардагаст согласно кивнул.

Валент пристально следил за приближением росов, и все же не заметил, как от большого отряда отделился маленький и скрылся за восточной вершиной. Юные росы шли, обходя трещины, пробираясь между причудливых ледяных скал. Сердца замирали в восторге: на земле они или на небе? Обитель богов - вот она, слева, за этой белой стеной. Вскоре показался проход в стене с вытекавшим из него ледопадом.

-- Заглянуть бы туда хоть одним глазком, - вздохнул Гермий.

-- Сказано тебе, Ерема: нас туда не звали. И за какие это заслуги нас должны в рай пустить? Вон, на Белом острове только отец с Вышатой и побывали, - возразил ему Ардафарн.

Идти было все труднее. Холодный ветер крепчал, в нем явственно слышался то вой, то недобрый хохот. Кто может прятаться среди нагромождений камня и льда? Волки, люди, бесы? Сарагас вдруг побледнел, отер пот со лба.

-- Беда! Горные каджи, бесы-колдуны. Могут с пути сбить, ума лишить, бурю наслать, ночь в день обратить, а день в ночь.

-- А месяц с неба украсть и выдоить его вместо коровы? У нас про ведьм такое болтают, - усмехнулась Рада.

-- Зря смеешься, девочка. Я это все не от баб слышал - от тех, кто сам с каджами встретился и живым вернулся. Слышал и от мертвых. Бывает, являются их духи в горах и говорят: не ходи, там каджи, погибнешь, как я.

Внезапно шедший позади Гермий дико захохотал, потом в голос зарыдал. Побежал куда-то в сторону, споткнулся и заскользил вниз головой прямо в расселину. Еммечько сорвал с пояса аркан, один конец сунул Валамиру и, держась за другой, заскользил следом за Гермием. Тот корчился в припадке над самым краем обрыва, и только выступ скалы удерживал сына Хилиарха от падения. Недолго думая, Еммечько оглушил его, подхватил под мышки, закрепил аркан у себя на поясе и крикнул: "Тащите наверх!"

Не без труда приведя Гермия в чувство, Вышко зашептал над ним заговор. Вскоре юноша опомнился и растерянно проговорил:

-- Бесы, а такие красивые. Женщины особенно... Там, внизу, ручей, а вокруг трава, цветы...

-- Пропасть там и камни на дне! Ну, Ерема: собрался в рай, а чуть не попал к чертям в гости! Ха-ха-ха! - захохотал во все горло Валамир.

Хохот этот был уж слишком громким даже для его могучей глотки. Ардафарн с тревогой окинул взглядом лица друзей, замечая у кого нелепую улыбку, у кого обильно текущие слезы. Он быстро шагнул к Валамиру, встряхнул его за края плаща.

-- А ну, кончай! Не хватало еще тебя из пропасти тащить. Ребята, пошлем-ка эту нечисть, как на Днепре заведено!

И понеслись над ледниками такие слова, что у Рады покраснело не только лицо под повязкой, но и уши, а Сарагас лишь головой покачивал. Парни ругались по-венедски и по-сарматски, посылали каджей во все негожие места к Яге, всех чертей матери, кляли Чернобога и всю родню его. Вскоре незримые пакостники притихли, и маленький отряд двинулся дальше. Они уже вышли к седловине, когда стало внезапно темнеть. Вскоре кругом воцарился полный мрак. Лишь впереди и вверху горел знак Черного Солнца, потом и он померк. Ни звука

не доносилось из тьмы, и от этого было еще страшнее.

-- Попались..., - обреченно вздохнул Гермий. - И факелы не из чего сделать - кругом лед да камни. А может, это мы ослепли? Вышко, скажи, ты же волхв!

-- Не слепоту они наслали... Тьму. Верно, даже не на всю гору. А колдуют целой сворой - одолеть трудно. Еще и собаки эти рядом. Нужно чаровать, чтобы хоть не залаяли, - ответил Вышко.

-- Рада, ты ведь умеешь руками светить, как мама, - сказал Еммечько.

-- У меня только дома выходит, а в лесу уже нет, - виновато вздохнула девочка. - Мама говорит, у нее тоже плохо получалось, пока совсем не выросла.

-- А ты попробуй, Радушка. Ведь у тебя даже в погребе выходило. Разве тут темнее? Давай, а я помогу, - юный волхв обнял ее за плечи.

-- А кто из темноты полезет, - на наши мечи напорется, - сказал, обнажая оружие, Еммечько.

Рада решительно вытянула руки вперед. Она чувствовала, как вливается в ее тело добрая, теплая сила от руки Вышко, растекается с плеч до самых ладоней. И вот уже загорелись мягким белым светом кисти рук, сначала слабо, неровно, потом все увереннее и ярче. Вскоре этот свет уже рассеивал мрак локтя на три впереди.

-- Спасибо, Вышко. Убери-ка руку. Ну вот, я и сама могу. И что бы вы, парни, без меня делали? - торжествующе улыбнулась девочка.

Связавшись арканами, молодые росы двинулись вперед. Сарагас, ведя их, вроде бы узнавал дорогу. Но почему-то на пути возникали завалы, другие незнакомые преграды. Чтобы их обойти, приходилось спускаться все ниже. К тому же все усиливался ветер, больно хлеща ледяной пылью лица, обжигая холодом. Наконец охотник, скомкав в руке шапку и пряча глаза, с трудом проговорил:

-- Эх, ребята, видно, не поможет вам здесь старый Сарагас. Я ведь не герой, как вы, я охотник. Ну кто станет подниматься на Эльбрус в темноте, в непогоду?

-- Неужели нашим отцам тоже сейчас так приходится? - сказал Валамир.

-- Вряд ли. На шестерых сильных волхвов нечисть, поди, так не набросится, - ответил Вышко.

-- Они там, может, со сванами бьются, с Валентом, а мы тут в трех соснах... в трех сугробах, будто пьяные, заблудились! - горячо воскликнул Еммечько.

-- Будем лезть наверх. Все время наверх, до самой вершины.

Твоей секирой, Рада, будем ступени во льду рубить. А твоим гарпуном, Хаторо, за скалы цепляться и подтягиваться потом по веревке. Пошли, ребята! Позор нам будет, если опоздаем, - сказал Ардафарн.

-- Успеем. С тобой успеем. На Дунае труднее бывало. Куда этим каджам трусливым до римлян! - бодро отозвался Валамир.

-- Успеете. Если пойдете за мной, - раздался вдруг звонкий, чуть насмешливый женский голос.

Прямо перед молодыми росами, выше по склону стояла, непринужденно опираясь руками о две ледяные скалы, женщина дивной красоты, златоволосая, в легком зеленом платье. Ни холода, ни ветра она, видно, совсем не замечала.

-- Ага. Куда заведешь - в пропасть или к каджам, родичам своим, в пещеру? Ребята, хватай ее! - крикнул Гермий.

-- Погонитесь за мной, - тогда уж точно заведу! - рассмеялась она. - Ардафарн, заступись хоть ты за меня! Ой, до чего ты похож на своего отца - в тот день, когда я его увидела впервые! На перевале Чамар в Гиндукуше.

-- Пери Зарина... то есть, вила Злата! - удивленно воскликнул царевич. - Откуда ты здесь? Разве ты уже не царица аргиппеев на Урале? Что с твоим мужем, царем Санагом, и детьми?

-- Мой муж здоров и царство наше благополучно. А дети уже не маленькие. И почему бы царице иногда не вспомнить, что у нее есть крылья, и не полететь в знакомые места? Тем более, что у меня тут, на Кавказе, взрослый сын. Пасет овец на нагорье Лаго-Наки.

-- Шертоко, сын пастуха Шортана? Он славный воин и лучший наездник среди зихов. Жаль, что у нас, у царской семьи, с ним кровная вражда. Его отец ведь убил моего дядю, Тлифа-пирата. А дружинники отца потом убили Шортана, - сказал Еммечько.

-- Дядя твой, редкий негодяй, всем сумел досадить. Убил его не Шортан, а мезиль, лесной человек. Хорошо, что ты удался в другого своего дядю... Да и все вы - молодые, сильные, красивые! Люблю таких! - Она призывно улыбнулась, махнула рукой. - Идите же за мной, дети росов! Свети, Рада!

И они двинулись за прекрасной проводницей в гору, через лабиринт ледяных башен. А земля дрожала под ногами, падали и разбивались вдребезги куски льда, холодный ветер доносил запах серы. И вот уже во тьме проступил пылающий знак Черного Солнца. Внезапно вила крикнула:

-- Берегитесь! Псы летят!

Рада вскинула руки. В их мягком белом свете на росов

устремились сверху два черных чудовища на нетопырьих крыльях, с разинутыми клыкастыми пастями и горящими глазами. Словно жуткие призраки, они нападали, не издавая ни звука. Еммечько прикрыл собой сестру, но не успел размахнуться мечом и был повален наземь. Девочка обеими руками всадила в загривок крылатой твари секиру, но вытащить ее не смогла. Подоспевший Ардафарн крикнул:

-- Ты лучше свети, а я его добью!

Рада простерла руки туда, где барахтались, сползая вниз по склону, Валамир и второй пес. Блеснул напоенный драконьим ядом клинок Хаторо, и тварь неподвижно застыла. Тем временем меч Ардафарна и акинак Сарагаса покончили с первой собакой. Еммечько и Валамир не без труда выбрались из-под лохматых туш.

-- Что же ты, волхв! Говорил: нюх отведу, пасти замкну..., - напустился на Вышко сын Сигвульфа.

-- Да у меня под конец сил хватило только голос у них отнять и дыхание огненное. Все каджи треклятые! А то бы эти дворняги летучие Раде сапожки лизали.

А Злата уже снова звала их за собой - все выше, к горящему красно-черному знаку. Росы с детства привыкли видеть "завивистый крест" на сорочках, полотенцах, оберегах. То был добрый солнечный знак, унаследованный еще от арьев, и вышивали его красными нитками. Но изобразить его черным, при том на красном, соединив два цвета смерти, еще и развернуть концы против хода солнца... Такое мог только самый нечестивый ведун, предавшийся Смерти и Тьме, готовый кости родной матери выкопать для злой волшбы. Не должно быть такой мерзости на святой горе! И потому самый вид зловещего знака придавал сил молодым росам.

Становилось все светлее, и вот уже отряд взобрался на плато западной вершины. Колдовская тьма, окутавшая северный склон и часть западного, осталась внизу.

-- Видите? Вы на западный склон забрели, а там, над истоком Гипаниса, - обрыв в сотни локтей. Вот куда вас каджи заводили, - сказала Злата.

-- Дошли, ребята! Дошли..., - с волнением в голосе проговорил Ардафарн.

-- Спасибо тебе, тетя Злата! - воскликнула Рада и бросилась, всхлипывая, на шею виле.

-- Словно на небо попали. Видите: весь мир под нами, большой и добрый, - очарованно произнес Вышко.

-- А вот и она - обитель богов. Доволен, Ерема? - Еммечько указал рукой на озаренную сиянием восточную вершину. Была

даже заметна верхушка каменной башни.

Величие раскинувшихся внизу гор, степей, моря захватывало дух. Но солнце, красное Солнце уже скрылось на западе, и лишь алый костер зари догорал над ледниками. Сумерки опускались на мир. И только Черное Солнце торжествующе пламенело над ним, купаясь в облаках сернистого дыма. А снизу, с южного склона, доносились возбужденные голоса и видны были разноцветные вспышки.

-- Там, видно, бьются, и не мечами - чарами. А ну, хватит глазеть! За дело! Свалим эту нечисть! - приказал Ардафарн.

Сказать, однако, было легче, чем сделать. Рукотворное злое светило источало такой жар, что трудно было даже подступиться, несмотря на холодный ветер. Доспехи сразу раскалялись. К тому же, как заметил Вышко, от знака исходили еще какие-то злые чары. Выдерживать их сколько-нибудь долго и не погибнуть, можно было только с очень сильным амулетом. А ведь все казалось просто: черную медь, тем более разогретую, легко разрубить сталью. И тут Хаторо вытащил из-за спины гарпун и сказал:

-- Зацепим гарпуном. Тянуть будем все, рубить - по очереди. Пока не сломаем проклятую медь.

Ардафарн кивнул. Просвистел гарпун, зацепился за нижнюю перекладину креста. Воины разом натянули линь и принялись по одному подбегать к знаку и рубить мечами раскаленный металл. Рубили без доспехов, нанося один-два удара, еще и посмеивались: "Хороша баня!" Выплавленная с заклятиями и чародейскими примесями, медь поддавалась плохо. Но постепенно гнулась, покуда, наконец, не треснула. Стержень остался в скале, а огромное кольцо с крестом вместо того, чтобы просто упасть, вдруг словно обрело собственную волю. Взлетело в воздух, задергалось, норовя избавиться от гарпуна, но железо уже сплавилось с медью. Потом кольцо стало рваться в высь, так что воины вшестером едва удерживали его.

-- Вышко! Давай его лучше чарами, пока это чертово колесо нас не унесло! - крикнул Ардафарн.

Сын Вышаты, отпустив линь, поднял руки. Златоволосой женщиной-птицей взлетела вила. В два голоса напевали они песни, с которыми на Ярилу и Купалу скатывалось с горы огненное колесо - знак уходящего в нижний мир Солнца. Остальные подтягивали сильными молодыми голосами. В них слышалась твердая вера: Солнце, даже подземное - доброе, вернется оно к людям с добром, светом, теплом. Ни ночь, ни зима, ни смерть, ни зло не вечны.

Колесом, колесом

Солнышко под гору шло.
Заиграет Солнышко
На Купалу!

Черное Солнце металось, словно необъезженный буйный конь на аркане. Но, покоряясь силе добрых чар, постепенно опускалось и, наконец, покатилось колесом вниз по леднику, оставляя за собой след - чистый журчащий ручей. Только теперь росы отпустили линь.

-- Хаторо из рода Моржа Солнце загарпунил... Жаль, никто в земле сииртя не узнает. А узнает - не поверит. Разве что Абарис, великий солнечный шаман, - покачал головой низенький гиперборей.

* * *

Отряд Ардагаста вышел к подножию западной вершины, когда юные росы еще бродили во тьме по северному склону. Глазам дружинников предстал опутанный цепью человек-гора, а у его ног - настороженные, с оружием наготове воины в бурках и войлочных шапочках. Их предводитель - красивый, стройный, в черной бурке и красной чохе - гордо произнес:

-- Я - Таргва Палиани, царь сванов, избранный своим племенем. Я - враг всем недругам Солнцелобого Амирани. Кто ты, пришелец?

В руке царя блестел меч, а за спиной его торжествующе ухмылялись чернокнижник, князь-вишап и центурион. Зореславич поднял руку в степном приветствии и спокойно, с достоинством проговорил:

-- Я - Ардагаст, царь росов и венедов, избранный двумя племенами. Я враг всем, кто свою душу продает темным богам, а свое племя - Лысому Нерону, их рабу. Если ты не таков, царь Таргва, что ты делаешь на этой горе? И зачем здесь эти трое?

-- Я пришел сюда освободить Солнцелобого Амирани. Слышал ли ты о нем в своих степях?

-- Мы, росы, зовем его Даждьбогом, а еще Колаксаем, Солнце-Царем. Он рожден в пещере Ладой-Апи, Хозяйкой Зверей и Матерью Мира, от кузнеца Сварога. Он - младший из трех братьев, защитник людей и победитель чудовищ.

-- Верно, сармат. Но ты, видно, не знаешь: несправедливые боги приковали Амирани к этой вершине. Вот он!

Зореславич покачал головой:

-- Даждьбог был прикован к Мировому Дубу в преисподней Чернобогом-Самаэлем. А освободил его Перун-громовник. Вот где

теперь Амирани! - Ардагаст указал рукой на красный диск солнца, уже скрывавшийся за западными вершинами. - А это - какой-то буйный великан. И если он скован богами, то здесь ему и место!

-- По-твоему, боги всегда правы? Ты, говорят, их избранник. То есть, раб и верный пес.

С тем же спокойным достоинством Зореславич ответил:

-- Рабом и псом я не был и не стану никому. Есть сила, что превыше богов - Огненная Правда. Лишь те боги добры, светлы и достойны поклонения, что следуют ей. Я не зря зовусь Ардагастом - Гостем Огненной Правды. Она - в трех дарах из небесного золота, обретенных Даждьбогом: плуге с ярмом, секире и чаше. Ни бог, ни царь, ни великий воин не может овладеть ими, если он неправеден. Слышал ли ты о них?

-- Я слышал о плуге, что упал с неба и достался нашему предку - может быть, и самому Амирани, - ответил Таргва и опустил меч. Его все больше привлекал к себе этот рос, совсем не похожий на дерзких и хищных сарматских находников.

Юлий Максим с интересом прислушивался к философствующим варварам. Ему знакомы были споры о Судьбе, что превыше богов, об огненной основе мира. Но больше всего он желал, чтобы эти царьки не поладили и скрестили мечи. Желал ради того, чтобы его просвещенные соотечественники и дальше могли спорить о Судьбе и мировом огне, не опасаясь сгинуть в огне варварского нашествия.

-- Небесный плуг и секиру я видел в пещере у порогов Днепра. А чаша - вот. Если ты уверен, что сам праведен, а дело твое - святое и правое, попробуй взять ее. Я был избран богами после того, как она далась мне, - сказал Ардагаст.

Златоогненным цветком распустилась в его руке Колаксаева Чаша. Как зачарованные, глядели на нее сваны, и сам Таргва вложил меч в ножны, и был готов уже шагнуть навстречу росу и протянуть руку, чтобы испытать себя небесным огнем. Но тут вперед выступил Аграм Вишап. Глаза его горели бешеной ненавистью, изо рта, утонувшего в черной бороде, вырывались полные ярости слова:

-- Кого ты слушаешь, царь Таргва? Это же раб, подручный царь Роксага роксоланского. А хозяин их обоих - вот! - он указал на Мгера. - Самозванный князь Арцруни и все его Братство Солнца. Братство подлых разбойников, убийцы женщин и детей, губители лучшего из родов Армении! Эту золотую плошку они сковали из обломков, украденных у мертвецов. Слушай их, царь сванов, и ты станешь одним из их рабов, и назовешься росом, как все эти бродяги, которых Ардагаст привел сюда со всего света.

Каждый из них готов бросить свое племя к ногам Братства Солнца!

-- Не суди обо всех по себе и своему Братству Тьмы, Аграм Вишап. И не лги. Чаша Колаксая сама возродилась в руках Ардагаста, - мы этого не смогли бы. Мы не призывали истреблять ваш род. Наоборот, укрыли бежавших в царском дворце, и ты это знаешь, - спокойно возразил Мгер.

Аграм не лгал. За долгие годы он уверил себя, что причина всех его несчастий - Братство Солнца.

-- Вы спасали нас, князей Мурацани? Вы, учащие, что все должны быть равны и свободны и что князь ничем не лучше раба? Кто из вас не желал нам смерти? Ты, ублюдок князя и распутной мужички?!

Тень гнева легла на лицо Мгера.

-- Я презираю твою брань и твою ложь, Аграм Вишап. Но оскорблять мою мать, вырастившую меня честным человеком, ты не посмеешь. Ты, лазутчик римлян, пришел сюда, чтобы столкнуть в битве народы гор и степи. Но сначала ты будешь биться сам, со мной одним. Защищайся!

Рунный меч молнией выскочил из бронзовых ножен. Навстречу ему змеей выскользнул другой меч - вороненой стали. По клинку его вился зубастый рыбоголовый змей. Такой же змей, отчеканенный из серебра, вытянулся вдоль черных ножен меча. Следом блеснули два акинака. И вот уже четыре клинка замелькали молниями, высекая искры.

Немолодой уже Мгер опытной рукой уверенно отражал бешеные наскоки Аграма. Ни молодость, ни ярость, ни боевое мастерство не помогали князю - вишапу. Но по мере того, как слепая, нечеловеческая злоба охватывала Аграма, его тело менялось. Он не превращался в змея умышленно, как только что в бою с Симургом. Змеиная натура его предков-драконов сама собой рвалась наружу, подчиняя себе тело и дух князя. Его руки покрылись чешуей, ногти стали когтями. Потом чешуей оборотились одежда и доспехи. Лицо превратилось в зубастую рыбью морду. Сзади вытянулся хвост, а над плечами взметнулись перепончатые крылья.

На клинке Мгера золотым огнем вспыхнули руны. На черном мече Аграма ожил, запылал серебром вишап. Чудовищу не удавалось сломить защиту князя-мага. Но по мере того, как росло драконье тело Аграма, все длиннее и шире становился родовой меч потомков Аждахака. И вот уже уставшая рука Мгера, не выдержав очередного мощного удара, выпустила оружие. Черный клинок-вишап рассек ему висок, и князь упал с залитым кровью лицом.

С торжествующим шипением Аграм обрушил на упавшего последний удар. И тут вдруг черный клинок вонзился в снег, столкнувшись с кхандой Вишвамитры. Рыбья морда оскалилась в ехидной ухмылке:

-- Кто это посмел вмешаться в поединок? Ты, благороднейший воин Солнца?

-- Твой поединок не был честным, Аграм Вишап! - гневно загремел голос кшатрия. - Мгер - маг, и умеет оборачиваться, но он сражался в своем облике, а ты - в драконьем, и неравным оружием.

-- Я бился в своем облике. Ведь я - Вишап, потомок Аждахака!

-- А я - человек, потомок Ману, сына Солнца, и я одолею тебя, не теряя людского обличья! Я беру у тебя лишь этот, последний удар. Если победишь меня - он снова твой.

-- Я убью вас обоих. Ненавижу вас всех, ваше Солнце! Черное Солнце со мной! - прошипело чудовище.

-- А со мной - Солнце-Кришна! Он - все доброе в этом мире, - ответил кшатрий.

-- "Кришна" значит "черный", не так ли, индиец? Тебя плохо учили ваши брахманы. Черное Солнце над тобой, поклонись ему! - глумливый тон Валента сменился повелительным. Некромант был уверен в своем превосходстве над тупым рубакой-варваром. Но тот ответил гордо и рассудительно:

-- Сейчас Кали-юга, Черный Век, и потому Господь Кришна черен. Но он снова станет белым, когда вернется Крита-юга, Золотой Век. А для этого он придет в облике Калкина, Красного Всадника, и огнем очистит мир от таких негодяев, как вы.

Ардагунда сжала плечо брата:

-- Останови их! Вишвамитра слишком благороден. Сожги эту тварь огнем чаши!

-- Твой муж обидится на меня. А сваны сочтут нас бесчестными трусами.

-- Да, пусть они сразятся! Посмотрим, на что способны вы, росы! - сказал Таргва, словно отвечал им обоим.

-- Харе Кришна! - прогремел голос кшатрия.

Князь-дракон был величиной с медведя, вставшего на задние лапы, но рядом с великаном-индийцем он не казался таким уж громадным. И меч его ненамного превосходил двуручную кханду, которую кшатрий уверенно держал одной рукой. Если Мгер лишь не отступал перед бешеным напором Аграма, то новый противник неуклонно теснил его с площадки на склон ледника, кончавшийся колоссальным обрывом. В черных глазах индийца Вишап увидел свою смерть. В отчаянии он взмыл

в воздух и ринулся на противника сверху. Удар меча Вишвамитра отбил, но поскользнулся на льду. В следующий миг на него обрушилась чешуйчатая туша, сбила с ног, прижала к земле. Отбросив длинные мечи, ставшие бесполезными в такой схватке, соперники пытались достать друг друга акинаками.

Клинок Аграма сломался о чешую индийского панциря. Но у человека-дракона оставались еще мощные когти и острые зубы. Эти зубы то щелкали перед самым лицом Вишвамитры, то подбирались к горлу. Когти рвали его плотный шерстяной плащ, срывали пластины панциря, впиваясь в тело. Индиец сумел нанести врагу несколько ран, но чешуя была слишком прочна, а сама тварь - очень живуча. Противники неудержимо скользили по льду, пока, наконец, не свалились вместе с обрыва.

Отчаянно взмахивая крыльями, Вишап задерживал свое падение, но тяжелое тело индийца тянуло дракона вниз. Он пытался избавиться от врага, но тот вцепился в него мертвой хваткой, при этом по-прежнему не давая добраться зубами до горла и полосуя драконье тело акинаком. В глазах кшатрия не было ни страха, ни растерянности - лишь непреклонная решимость покончить с утратившим человеческий облик врагом, даже ценой своей жизни. Смерть не страшна кришнаиту, заслужившему себе лучшее рождение. У Аграма мелькнула отчаянная мысль: сложить крылья и разбиться вместе с ненавистным воином Солнца. Но... Холодная чешуйчатая тварь хотела жить. А человек-отщепенец из погибшего рода, давно предавший свою страну и не любивший никакой другой - ради чего он мог пожертвовать собой? Он погибнет, и некому будет мстить Мгеру, Артавазду, Арташесу, всей Армении, всему роду людскому!

Они не замечали, как летел к ним с занесенным адским мечом свинорожий демон. Но его увидели, несмотря на воздвигнутую Валентом защиту, Лютица с Миланой. Двумя орлицами взлетели они и набросились на Мовшаэля. Толстобрюхий бес неуклюже отмахивался мечом.

-- Валент! Убери своего демона. Пусть не лезет в бой! - громко сказал Вышата.

-- При чем здесь я? Мир полон демонов, - философски заметил некромант.

-- Какой демон? Пузатый и рожа, как у кабана? Убери его, или будешь иметь дело со мной! - грозно произнес Таргва.

Валент пожал плечами, взглянул на царя сванов, словно на задиристого мальчишку и послал мысленный приказ. Мовшаэль с облегчением улетел прочь и спрятался среди скал.

Барахтаясь в воздухе, противники неудержимо

приближались ко дну пропасти, где торчала острая, похожая на огромный клык, скала. В самый последний миг вишап оказался снизу. Каменный клык пронзил насквозь его тело и больно ударил в грудь Вишвамитру. Панцирь индийской стали выдержал удар, но кшатрий потерял сознание. А дракон, издыхая, все еще рвал когтями его залитые кровью руки и плечи.

Юлий Максим прятал довольную улыбку, уверенный в гибели Вишвамитры. Сейчас днепровские варвары бросятся мстить кавказским за одного из лучших своих воинов. Первыми ринутся в бой амазонки - ведь погиб их священный царь. Но росы с достойной римлян выдержкой стояли на месте. И с ненавистью глядели не на сванов - на Максима с Валентом. С каменным лицом застыла Ардагунда. Жив ли муж? А дети, посланные на опасное дело? Не знать было страшнее, чем стоять над родными телами.

-- И с такими друзьями ты собрался спасать Солнцелобого Амирани? - с укором взглянул в глаза Таргве Ардагаст.

Тем временем орлица-Лютица поднялась из пропасти, обернулась женщиной и сказала:

-- Не печальтесь, девоньки! Жив ваш царь, только сильно изранен. Милана им занялась. А тот гад напоролся на скалу, как упырь на кол.

-- Лошадка! Остаешься за меня! - бросила Меланиппе Ардагунда. - А вы поможете мне спуститься, - сделала она знак двум амазонкам и отправилась туда, где обрыв был пониже.

Спустившись с головокружительной высоты на связанных арканах, царица амазонок поспешила к мужу. Тот уже пришел в себя, хотя потерял много крови. Всхлипывая, Ардагунда припала к его могучей груди.

-- Зачем ты так? Из-за какой-то гадины? Да разве он достоин честного боя?

-- Я хотел, чтобы все увидели: можно победить этих ползучих тварей без того, чтобы уподобиться им. И тут Кришна меня не оставил.

Когда женщины окончили перевязывать раны кшатрия и заговаривать ему кровь, Ардагунда оглянулась вокруг, и сердце ее снова наполнилось тревогой. Прямо под громадным обрывом опять начинался ледник, сползавший к подножию горы, где из него вытекал Гипанис. Гора дрожала все чаще, и с отвесных черных скал срывались глыбы льда и снега, разбиваясь внизу сотнями мелких осколков, игравших алмазами в лучах солнца. Не так ли появился весь нижний ледник?

-- Милана! Нужно перебраться подальше от обрыва. Если наверху начнется бой, да еще с чарами, нас тут завалит.

И две женщины потащили огромного мужчину вниз, к истокам Гипаниса. Это на его берегу стояла запустевшая крепость амазонок, где семнадцать лет назад Вишвамитра доказал свое право стать их священным царем. Тогда он ехал во тьме по узкому мосту, и лишь руки Ардагунды освещали ему путь...

Тем временем наверху Мгер, уже пришедший в себя, покачивал перевязанной головой:

-- Вай, сваны, до чего же вы просты! Какие негодяи вас сюда привели - видите сами. А что они вам готовят - спросите иудеев из Лахмульда, если не верите мне. Узнаете, каково жить под римлянами и их мытарями.

-- Мы пришли освободить Амирани.., - сказал Таргва, но в голосе его уже не было твердости.

-- Глядите, кого вы собрались освобождать! - громко сказал Иосиф бар Ноэми, выступая вперед.

Молодой маг простер руки к великану, все это время стоявшему безмолвно, словно статуя. Внезапно густые седые волосы исполина сделались прозрачными, как стекло. Люди ясно увидели остроконечную голову, изуродованную посредине глубоким шрамом, низкий лоб, мощные надбровные дуги, тяжелую челюсть. Только теперь сваны заметили: длинные кривые ногти исполина - на самом деле звериные когти.

-- Дэв! Огромный дэв, и ничего больше! - воскликнул кто-то из сванов. - Вай, Таргва Палиани, где был твой разум?

-- Там же, где и ваш! - огрызнулся царь.

-- А теперь глядите, кто идет ему на помощь! - воскликнул Иосиф.

Словно обретя зоркость орлов, люди увидели, как с юга, по безлюдным дебрям долины Ненскры, шли к Эльбрусу волосатые и рогатые дэвы с дубинами в руках. А с севера, по долине Малки, спешили их могучие одноглазые сородичи - вайюги. Издалека, с Гегамских гор и вольного Масиса летели, сбиваясь в стаю, вишапы.

-- Не верьте ему, он морочит вас! - вскричал Валент.

-- Это ты нас морочил, подлец и римский холуй! - гневно воскликнул Таргва.

Скрестив руки на груди, некромант высокомерно взглянул на сванов и росов.

-- Если морочил, то для вашего же блага. А оно, как и у всех варваров, в том, чтобы поубивать и пограбить. Хотя бы и вместе с дэвами. А вы, росы, опоздали. Ваше Солнце уже скрылось. Видите: там, в долинах, уже стемнело. А здесь светит только Черное Солнце, сотворенное мною! Настала ночь Вардавара. Скоро распадется цепь Скованного, а вы станете его воинами... или

первыми жертвами. Судьбу мира, если ему дано погибнуть, ваш выбор уже не изменит.

-- Да! - загрохотал голос исполина. - Пришел наш час! Освободятся скованные богами - на Казбеке, на Демавенде, повсюду. Мы изгоним богов с земли и с неба. Мы, древние, могучие, вольные, будем снова владеть миром.

-- Ты опоздал, Бог Птиц Пернатых, - усмехнулся Иосиф. - Что теперь ваша тупая сила против магии людей? Я таких, как ты, еще мальчишкой умел зачаровывать. Этот вот колдун заставит тебя и твоих косматых вояк делать все, что ему нужно. Сначала пойдете на Алон бить сарматов. Потом - дальше на Восток, куда велит Лысый Нерон.

-- А если снова пойдете туда, - Ардагаст указал на восточную вершину, - будете биться с нами. И попробуете на себе Огненную Чашу. Боги для нас не так плохи, чтобы менять их на вас, знающих только свою силу.

-- Были и тогда среди вас наглецы, что лезли на нас. С дубинами и каменными топорами. Но становиться между нами и богами..., - великан угрюмо замолчал.

Валент заговорил, роняя слова холодно и безжалостно:

-- Когда я зачинал тебя, Иосиф, то думал лишь о своем удовольствии. Когда я дал тебе с твоим даром вырасти среди голодранцев, это была уже ошибка. С моими внуками я ее не повторю. Я знаю, где они.

-- Тебе нет места среди людей, Левий бен Гиркан. И наследников у тебя не будет, - побелевшими губами произнес Иосиф.

Лицо великого иерофанта дрогнуло. Старым иудейским именем его смели называть, и то наедине, лишь богатейшие из сынов Израиля.

-- Воины! Хватайте обоих - колдуна и центуриона! - раздался голос Таргвы.

Сваны шагнули вперед, но вдруг наткнулись на незримую преграду. Некромант вскинул вперед руки. Во всех семи его перстнях недобрым огнем горели самоцветы.

-- Жалкие рабы материи! Сейчас вы узнаете на себе силу семи светил.

Семицветное пламя встало стеной, ограждая черного мага, римлянина и великана, и двинулось на воинов, словно степной пожар.

-- Воины - назад, волхвы - вперед! - приказал Ардагаст. Ему подчинились все - росы и сваны. Вышата, Мгер, Иосиф, Лютица и Волх стали полукругом, преграждая путь колдовскому пламени. Посередине стоял Зореславич с Колаксаевой Чашей. Ее золотой

огонь ударил в семицветную стену, разлился вдоль нее. Две огненные стены, - радужная и золотистая, сошлись в смертельном бою. Таял снег, кипела и поднималась паром вода. Все сильнее дрожала земля под ногами, клубами валил из трещин ядовитый дым, все громче ревели огненные дэвы в недрах горы.

Золотистая преграда колебалась, рвалась под натиском злого огня. И тогда волхвы оборотились зверями: Волх - седым волком, Мгер - львом, зверем Михра, Вышата с Лютицей - парой Великих Львов. Четыре могучих хищника сидели на задних лапах, воздев передние, и заклятия вырывались из их пастей, усиленные древней звериной мощью. Лишь Иосиф продолжал волхвовать в человеческом обличье.

Валент с Максимом презрительно захохотали. Варвары, полузвери, невежественные лесные колдуны! И они еще думают одолеть тысячелетнюю мудрость каменных храмов и папирусных свитков, одолеть Империю? Их удел - гибнуть, как звери, от рук охотников.

Семь разноцветных языков взметнулось над радужной стеной, и семь могучих демонов выступили из пламени. Ардагаст в детстве видел, как Валент со своим учителем Захарией вызывали демонов из войск светил с помощью сложного обряда, ублаготворяли их жертвами, усмиряли чарами, запугивали. С тех пор ученик Захарии так развил свою магическую силу с помощью Перстней Зла, что демоны являлись по первому же его зову.

Воинство Луны представлял Мовшаэль, бледный, плешивый и клыкастый. Демонический воин Марса, с красноватой кожей, оленьими рогами и когтями грифа, ревел бешеным быком и потрясал мечом-молнией. Холодно-прекрасен был воин Меркурия с серебристым полупрозрачным телом. Полыхал царственным гневом надменный демон Юпитера, чье тело было словно из стали, а рука сжимала меч с горящими письменами. Демоница Венеры, нагая и бесстыдно-красивая, поигрывала волшебным жезлом, сводящим с ума. Наиболее жутко выглядел воин Сатурна: темнокожий, со вторым лицом на затылке и еще двумя - на коленях, вооруженный косой. Сильнее же и опаснее всех был демон Солнца. Его огромное могучее тело цвета золота с кровью испускало невыносимый жар.

А позади этого, казалось, неодолимого отряда стоял человек в черной с серебром хламиде. Ветер развевал его длинные волосы, образуя черный ореол вокруг лица. Семью огнями пылали перстни на простертых вперед руках. Гордый и властный, он казался темным богом - повелителем всех светил, всех мировых сил. "Не Самаэль ли это?" - думали сваны, хватаясь за амулеты. А при виде солнечного демона сомнение

закрадывалось в души воинов: с кем же здесь Солнце? "Кто хозяин в Риме - кесарь или этот всемогущий колдун?" - в смятении думал Максим. Его, воина, унижало бессилие его меча среди этой схватки магов и демонов.

Пышущий жаром кроваво-золотой великан надвигался на Ардагаста. Надменная, самоуверенная улыбка играла на губах демона, венец сиял на пышных золотых волосах. Пламя Чаши лишь на время сдерживало его поступь. Раскалялись доспехи, дымились подшлемник и одежда, пот заливал лицо. Хлюпала и кипела под ногами вода. Шаг за шагом Зореславич отступал.

-- Это я - Солнце-Царь! А ты - враг Солнца, царек, возомнивший о себе! - надменно вещали уста демона. Но твердым оставался дух царя росов. Воспитанник Вышаты помнил: перед ним - не воин Даждьбога, а один из сонмища духов Черного Солнца, способного слать лишь засуху, мор, смерть, возбуждать в душах высокомерие и тщеславие.

-- Все, преграда не выдержит! - крикнул Иосиф.

-- Не таких чертей били! А эти в духе не прорвутся, только в теле! - проревел лев-Вышата.

-- Русальцы, волхвы и оборотни - к бою, остальные - назад! - приказал Ардагаст.

Лев-Мгер поднял передней лапой рунный меч. Теперь он был подобен тому льву, на котором скачет в бой Михр. Волколаки собрались вокруг своего седого вожака. Обнажили мечи и акинаки русальцы. Сейчас у них не было жезлов, имевших силу лишь на Святки, Ярилу и Купалу. Но оставалось непревзойденное воинское искусство, из-за которого многие почитали их бессмертными и неуязвимыми. Их и послал вперед, сберегая простых воинов, Ардагаст. Известно ведь: с сильным бойцом легче справиться троим, чем тридцати, только мешающим друг другу.

Треснула и распалась золотистая преграда, и демоны ринулись на людей. Но уже не огненными духами, уязвимыми лишь для чар, а телесными существами. Их могучие тела с трудом, но можно было поразить сталью и даже зубами.

Амазонки, отступив, пускали в демонов стрелы, не так раня, как отвлекая врагов. Били из луков и сваны, с трудом сдерживая желание броситься в ближний бой. Но приказ златоволосого царя с далекого Днепра стал вдруг для них свят, как воля самого Белого Всадника.

Огромные, на голову-две выше людей, демоны при этом были весьма подвижны. Оружие так и мелькало у них в руках. Каждый мог бы сотню воинов скосить, как траву, но от нескольких отборных бойцов лишь с трудом оборонялся.

Оленерогий демон Марса тщетно пытался достать мечом-молнией проворных волколаков. Мовшаэль пыхтел, отбиваясь от рунного меча Мгера. Этот меч, когда-то снесший на глазах лунного демона голову его собрату из воинства Марса, вселял в Мовшаэля ужас. Могучий демон Юпитера бился со львами - Вышатой и Лютицей, и даже его казавшаяся стальной кожа не выдерживала ударов могучих лап с острыми когтями, сами же оборотни с кошачьей ловкостью уходили из-под ударов адского меча.

Сигвульф рубился с серебристым демоном Меркурия. Временами готу казалось, что перед ним - высокий одноглазый старик. Среда - день Одина-Меркурия... Морочил его демон или сам Один явился сразить воина, отвергшего Валгаллу? Но даже Отцу Битв не мог уступить в таком бою германец, ставший росом. Рядом с готом бился Хилиарх, которому демон казался остробородым хитрецом в дорожной шляпе и с обвитым змеями жезлом. Змеи извивались, коварными ядовитыми стрелами рвались к эллину, но всякий раз натыкались на его быстрый клинок.

Сагсар с сыном Нежданом умело отражали взмахи страшной косы демона Сатурна. А Всеслав-дрегович с кушаном Хоршедом наседали на демоницу Венеры. Бесстыжая ведьма дразнила, отводила глаза, напускала мороки, являясь то красавицей, то чудищем, то матерью родной. Могла бы заставить друг друга зарубить, если бы Иосиф не разрушал упорно ее чары.

Тяжелее всего приходилось Ардагасту с Ларишкой. Тело солнечного демона еще сильнее полыхало жаром, слепило глаза блеском. Мечи, касаясь его огненной плоти, мгновенно раскалялись, обжигали руки. И даже пламя Колаксаевой Чаши лишь замедляло его мерную, уверенную поступь. Но царь с царицей, превозмогая боль и усталость, снова и снова рубили и кололи врага, и пылающее золотое тело его все чаще окрашивалось кровью из ран.

Захваченные боем, росы не замечали, что свет Черного Солнца стал вдруг неровным, колеблющимся. Валент чувствовал: на вершине что-то неладно. Но все его силы уходили на то, чтобы гнать в бой демонов, отнюдь не жаждавших умереть за своего повелителя. Да чего еще было ожидать от всей этой мрази человеческой - убийц, воров, распутниц, еще при жизни своими пороками уподобившихся бесам?

Споткнувшись о выступивший из-под талого снега камень, Ардагаст упал. С торжествующей самоуверенной улыбкой демон придавил ногой его меч и протянул руку к Огненной Чаше, стараясь взять ее снизу. От руки Зореславича, сжимавшей Чашу,

остались бы одни обгорелые кости, если бы Ларишка, отчаянно вскрикнув, не снесла одним взмахом махайры все пальцы на руке у демона.

И в этот миг, словно на Купалу, покатилось с горы пылающее колесо. "Держи-и-тесь!" - раздались сверху молодые голоса. Дружным радостным криком отозвались снизу росы и сваны. Низвергнутое Черное Солнце неслось, пропахивая борозду во льду и камнях, прямо на золотого демона. Растерявшись, он утратил равновесие, упал и тут же был разрезан пополам. Направляя колесо, летела над ним птицедева, и золотые волосы ее реяли по ветру. Послушное ей и молодому волхву, зловещее творение Валента развернулось и покатилось вверх, на своего творца. С большим трудом сумел некромант отклонить его. Колесо завертелось, подскочило и свалилось в пропасть. На миг озарив ее до самого подножия горы, оно погасло, лишенное связи с питавшим его пекельным огнем.

На вершину Эльбруса опустилась ночная тьма. По небу рассыпались звезды, и серебряные рога месяца выглянули из-за туч. Демоны, обычно распоясывавшиеся с приходом ночи, теперь вдруг растеряли свою силу и дерзость. Даже Перстни Зла не удержали от бегства Мовшаэля и демоницу Венеры. Он ринулся в небо, она - в преисподнюю. Челюсти Седого Волка сомкнулись на запястье демона Марса, меч-молния выпал из его руки, и оленерогий бес был растерзан волколаками. Вышата с Лютицей повалили в снег и разорвали демона Юпитера. Меч Сигвульфа разрубил до пояса серебристое тело демона Меркурия. Неждан Сарматич подрубил колени демону Сатура, а Сагсар отсек упавшему бесу его двуликую голову.

Даже отчаяние не могло заставить Клавдия Валента пожертвовать своей бесценной жизнью в смертельном бою. Искренне презирая мир, он отнюдь не торопился его покинуть - возможно потому, что сам в нем отнюдь не страдал, не изведал ни бедности, ни рабства, ни темницы. Намереваясь бежать, маг позвал назад удиравшего Мовшаэля.

Но тут великан, до сих пор безмолвно взиравший своими огненными глазами на бой, словно пробудился. Схватки человечишек лишь развлекали хозяина горы. До их борьбы ему дела не было. Эти недомерки хотят его использовать? Пусть, лишь бы распалась проклятая цепь, а тогда уж он всем покажет... Он с радостью ощущал, как льется, ослабляя его оковы, сила Черного Солнца. И когда этот поток иссяк, а победа склонилась на сторону росов, Скованный решил не ждать, пока оковы снова кто-то укрепит. Изо всех сил рванулся он, сотрясая гору. Густые клубы сернистого дыма повалили из расщелин. Заточенные дэвы

взревели так, что их услышали люди у Пяти Гор и в теснинах Алонта. Огромная лавина сорвалась, обнажая черные клыки скал, с западной вершины и ринулась вниз, угрожая похоронить под собой всех людей. Исполину же она была все равно, что снег, свалившийся с крыши.

Великан зло захохотал, ожидая, что людишки разбегутся, покатятся вниз, тщетно пытаясь спастись. Валент отбежал в сторону, уходя с пути лавины. Максим ринулся вперед с обнаженным мечом, камнем из балисты пронесся сквозь ряды сванов и исчез во тьме. Но росы и сваны остались на месте, послушные приказу Ардагаста: "Не бежать! Волхвы - вперед!" И волхвы, - кто в человеческом обличье, кто в зверином, - встали на пути громадной, переливавшейся в лунном свете белой стены. Ударившись в незримую преграду, стена повернула влево, к обрыву, и, не дойдя до него, наткнулась на другую преграду, воздвигнутую владельцем семи перстней.

Огромная масса снега, льда и камней заколебалась в тисках двух магических сил, затем подалась к краю пропасти и с грохотом обрушилась туда, сметя фигурку в черной с серебром хламиде. Вернувшийся Мовшаэль ринулся было вниз, но подхватить хозяина не успел. Вернее, побоялся сунуться под лавину. Тело некроманта упало на дно пропасти, а душа - еще глубже, вместо Высшего Света узрев адскую бездну. А лавина поползла дальше вниз, погребая под собой и труп чернокнижника, и бессильное уже колесо из черной меди, и скалу с насаженным на нее уродливым телом человека-змея. Она завалила бы и раненого кшатрия с двумя женщинами, но у Миланы хватило волшебной силы остановить белый вал, растерявший прежний напор, в двух шагах от них.

Хлюпая носом, улетал на восток толстобрюхий демон Мовшаэль. Его не радовало даже то, что порабощавший его перстень - серебряный, с сапфиром - остался под лавиной вместе с телом хозяина. Долететь бы до храма Тамар, утопить там печаль в сладком иверском вине... Кляня всех магов, пробирался вниз Юлий Максим. Его не преследовали: спускаться с Эльбруса среди ночи одному - почти верная гибель. А над обрывом стоял молодой черноволосый маг. Его губы чуть слышно шептали:

-- Скажи, отец, зачем тебе делать столько зла?

Много лет назад в Пантикапее мальчик Иоселе задал этот вопрос магу, тайком приходившему в их дом. Маг ответил: "Чтобы понимать добро и зло лучше, чем эта чернь, тебе, сынок, нужно еще узнать многое, чего она не знает, и знать не должна". Мальчик стал взрослым и научился многому. Кроме одного: презирать людей, среди которых родился и вырос.

Мгер положил руку на плечо Иосифа и тихо сказал:

-- Мы не освободили тебя от этого груза, Иоселе, да ты и сам не хотел. Но мы хотя бы разделили его с тобой.

Юные росы радостно обнимались с родителями. Словно братья, обнимались с пришельцами сваны, кое-как объясняясь с ними по-сарматски. Злата, обхватив за плечи Таргву с Ардагастом, говорила обоим:

-- Живы, мальчики, родные! А я больше всего боялась, чтобы вы друг друга не убили.

-- А ведь я мог победить тебя, рос. И меня, дурака, хвалили бы за это певцы, - сказал царь сванов.

-- И я мог сразить тебя. Только меня такая победа не обрадовала бы, - ответил Зореславич.

-- Вратами Гмерти Мориле клянусь, огнем твоей чаши клянусь: никогда сваны не поднимут оружия против росов. И никому, назовись он хоть самим Амирани, не дадут поставить на Эльбрусе этот проклятый знак! - взволнованно произнес Таргва.

Вверху, на башне над восточной вершиной, старик в белой бурке с довольной улыбкой сказал женщине:

-- Видишь, мать, я не ошибся в смертных. Кажется, они поняли: этот мир не такой прочный, чтобы каждый мог творить в нем, что вздумается. Приходится кой-кого и сковывать.

-- А кто его, мир, таким создал, как не вы с братцем? - ехидно заметил луннорогий старичок.

А огненноглазый великан молчал, набираясь сил для нового рывка. И тут все увидели летящего с юга могучего всадника на красном коне, в старинных доспехах, с мечом-молнией в руке.

- Здравствуй, Мгер! Ты уже свободен? Погоди, сейчас я разорву проклятую цепь, возьму свой меч, и мы с тобой перевернем вверх дном этот мир!

-- И не вздумай! А разорвешь, так я с тобой первый биться буду, хоть сюда и скачут двое из младших богов! - отрезал всадник.

-- Ты, Мгер, единственный, с кем я не хотел бы сразиться, - вздохнул великан и умолк, словно окаменел.

Древний Мгер опустился на гору, почтительно приветствуемый воинами. А по небу уже летели еще два всадника. Один - на белом коне, с копьем, в белой бурке, с молодым веселым лицом. Другой - суровый, бородатый, на темном, как туча, коне, в черной бурке. В руке его сияло грозовым огнем необычное оружие: многохвостая железная плеть. Увидев их, воины разразились приветственными криками на нескольких языках.

-- Ярила! Аорсбараг! Белый Всадник!

-- Перун! Ортагн! Иахсар, гроза дэвов!

Два бога опустились вслед за древним героем. Таргва поклонился и сказал:

-- Слава тебе, Белый Всадник! Что же ты не удержал нас от этого похода? Ведь мы приносили тебе жертву перед ним.

-- Жертву? Что-то не помню, - пожал плечами младший всадник.

-- Скажи лучше, загулял, - усмехнулся бородач.

-- Да нет. Разве не знаете: жертва, принесенная ради злого дела, уходит к темному богу? Особенно, если ее направит к нему злой колдун. Он ведь с вами был? - спросил Белый Всадник.

-- Был. Теперь он там, в пропасти, - опустив голову ответил Таргва.

-- Вот и хорошо. А то я уже думал вас вот этим поучить, чтобы не путали Солнце с черной медяшкой, - помахал своей огненной плетью Громовник. - Мы с братом поскачем на северный склон - бить вайюгов. Наш младший брат сюда не прилетит: здесь и так два его избранника. - Он указал на Ардагаста и древнего Мгера. - Вот и идите с ними на дэвов. А вишапов проучит Симург.

Оба всадника взмыли в ночное небо и полетели за седловину. А люди двинулись вниз. Впереди, оставляя глубокие следы в снегу, ехал Мгер-герой. Только снега и камни святой горы и могли вынести тяжесть его коня. А в небе летел, блестя серебристой шерстью, огромный крылатый пес. Два знамени развевалось над отрядом: красное с золотой тамгой и желтое знамя - лев с серебряными челюстями. Россыпью самоцветов играли в лунном свете льды Эльбруса, и легко было на душе у воинов, знавших твердо: их дело свято. Звенели гусли Пересвета, и радовала слух дружинников сама собой слагавшаяся песня. А Меланиппа заботливо следила: не покатился бы муж-певец с ледника вместе с гуслями.

Отряд достиг подножия ледника, когда скопище дэвов и каджей уже шло по перемычке между горой и хребтом. Росы успели вскочить на своих коней, а сванам, чьи кони остались в долине Ненскры, пришлось биться пешими. И закипел на перемычке яростный бой. Стрелы амазонок разили косматых великанов издали, копья и мечи сванов и росов - вблизи. На упавших дэвов тут же набрасывались серые бойцы Волха. Ослепительно блестя, сеяли смерть грозовой меч древнего Мгера и рунный клинок Мгера-князя. нещадно жгло врагов пламя Колаксаевой Чаши. Перед силой волхвов не устояло темное чародейство каджей. А в небе Симург бился со стаей вишапов, и изуродованные драконьи тела падали прямо в гущу сражавшихся.

На земле же низенький, но сильный Шишок усердно орудовал дубиной, жалея лишь о том, что поблизости не было ни одного дерева, чтобы встать рядом с ним в полный лешачий рост.

Еще до рассвета дэвы обратились в бегство. Тут-то и показал, наконец, себя леший, в таком же великанском обличье гоняя их по лесу увесистой сосной. Тщетно рвал на вершине цепь их громадный сородич. В эту ночь предупрежденные князем Мгером и жрецами Солнца кузнецы били по наковальням, чтобы скрепить ее. К утру бой стих. Ускакал в свою пещеру древний Мгер. Улетел на вершину Симург. Неся с собой тела павших, победители спустились в Терскол. Здесь, на пиру, Ардагаст с Таргвой решили: идти с войском к Вратам Аланов, в тыл римлянам. Царь сванов, малость хвастая, обещал выставить двести тысяч войска, но Зореславич предложил быстроты ради собирать только конные дружины.

Они шли из долины в долину, через высокие перевалы, а слава победителей дэвов летела перед ними. И поднималось племя за племенем, спеша послать лучших своих бойцов под красный стяг Солнце-Царя, под желтое львиное знамя. Но раньше всех на восток, в теснину Алонта принесла эту славу орлица-Лютица.

* * *

На дне глубокого ущелья бешеным драконом ревет, перекатывая валуны, Алонт, такой широкий и спокойный на равнине, где пасутся стада аланов, чьим именем названа эта теснина. Над ущельем в вышине белеют снега Казбека. Говорят, там тоже томится скованный исполин, а перед ним застыл окаменевший вишап, которому боги не дали сожрать беззащитного гиганта. Ущелье перегораживает стена из массивных дубовых бревен, окованных железом. Ни огнем, ни тараном не взять ее, да и не умеют степняки делать стенобитные машины. А над правым берегом, на неприступной скале стоит каменная крепость Кумания - обитель Тамар Всеисцеляющей, чей храм ни один воин не посмеет осквернить, из страха лишиться храбрости и мужской силы.

Когда сарматы подошли сюда с севера (в тот самый день, когда сваны и росы взбирались на Эльбрус), над заостренными бревнами стены они увидели гребенчатые шлемы римлян и островерхие, восточные - их иверских и албанских союзников. Степняки двинулись на приступ. Пока одни с коней засыпали стрелами защитников, другие лезли на стену с помощью арканов

и наскоро сколоченных лестниц. И тут из крепости в орду полетели тяжелые камни, сосуды с горящей нефтью и большие, пробивавшие насквозь воина в панцире или коня, стрелы. Там, в Кумании, римляне поставили несколько катапульт и балист. Устлав трупами дно ущелья, сарматы отступили.

Проходил день за днем, но степняки не возобновляли штурма. Только перестреливались с защитниками из луков да вызывали их на поединок. На вызовы охотно откликались иверы, албаны и горцы, хотя побеждали чаще сарматы. Римляне же отвечали, что в одиночку будут сражаться лишь с тем, кто сумеет разгромить весь легион. Рубрий недоумевал: чего ждут варвары? Куда делся их предводитель, царек росов, оставив вместо себя какого-то беглого раба? Обещанный некромантом "сильный союзник" не появлялся, зато среди союзников-кавказцев бродили слухи о сражении богов с демонами на Эльбрусе, об участии в нем Ардагаста и возвращении его с могучим войском.

Тем временем в храме Тамар ночи напролет царило веселье. Горным потоком лилось вино, звуки музыки сливались со сладострастными выкриками. Бойкие, красивые и искусные в любви жрицы услаждали римских командиров, иверских и албанских князей, немногим уступая храмовым блудницам Астарты и Кибелы из южных городов. Никто, однако, не заходил ночью в само святилище, где всегда были наготове накрытый стол и роскошное ложе. Легат предупредил: если кто-то из его людей станет "избранником" и жертвой Всеисцеляющей, жрицы быстро убедятся, что Рома, богиня Вечного Города, сильнее их владычицы.

А по другую сторону стены было неспокойно. О том, что произошло на Эльбрусе, Хор-алдар узнал от орлицы-Лютицы. Предводители войска решили ждать, пока Ардагаст с горцами не выйдет в тыл римлянам. Однако степные и горные удальцы томились от бездействия. Да не обморочила ли князя залетная ведьма-птица? Стали затевать поединки не только с противниками, но и между собой. Особенно тут отличались вайнахи. Не знавшие над собой в своих глухих ущельях ни царей, ни князей, они шли в поход за выборными вождями, молодыми и отчаянными, как и их дружинники. Эти молодцы рады были оказаться подальше от строгих родовых старейшин и старались не уступать степнякам ни в чем - в том числе и в дерзости и драчливости.

Вайнахи быстро сошлись с Андаком и его приятелями. Ловкий, красивый, наглый, доходивший до края света в набегах - всякому хотелось походить на него. Князь со своими старыми и новыми друзьями бесчинствовали в стане и соседних селениях

так, что Хор-алдар уже думал проучить кого-нибудь из них плетьми. И тут к нему заявился сам Андак с вайнахскими вождями и взялся пройти горными дорогами через земли хевсуров в тыл врагу. Главный вождь был только рад удалить безобразников из стана. Однако предупредил:

-- Хевсурские селения не жечь и не грабить. Пусть воины-хевсуры знают: мы враги не их племени, а римлянам... И еще: пусть с тобой пойдет царевич Доброслав с двумя десятками царских дружинников.

Андак кивнул с невозмутимым видом:

-- Все сделаю, Хор-алдар. И царевичу поход будет на пользу. Мы ему поможем стать настоящим мужчиной. Правда, кунаки?

Чернобородые горцы осклабились. По правде сказать, князь был вовсе не рад такому спутнику. Мало того, что Борислав, младший сын Андака от венедки, души не чаял в этом мягкотелом царевиче. Так теперь Доброслава поставили чуть ли не в надзиратели - ему, более знатному, чем сам Ардагаст! А случись что с царским сынком - все решат, что он, Андак, подло отомстил за тестя, Сауаспа Черноконного.

Отряд двинулся вверх по Джерахскому ущелью, потом перевалил в долину реки Ассы и пошел по ней вверх, мимо редких аланских и вайнахских аулов. Князь не обижал своего троюродного племянника. Зато старшие Андаковичи и вайнахи всячески поддевали Доброслава. Чтобы доказать им свою отвагу, юноше приходилось взбираться на крутые скалы, в одиночку идти на горного барса или стаю волков. Было страшно и трудно, но царевич не подавал виду. По нему, Ардагастовичу, горцы судили: так ли храбр его прославленный отец? Мало ли что споют степные певцы о щедром царе... И что это вообще за венеды, с которыми так охотно нынче роднятся росы? Говорят, трусливое лесное племя...

А по утрам болела голова: его, не любившего хмельного, усердно старались напоить. Но вот песни его нравились всем. И рассказы о далеких невиданных землях, где не бывал даже Андак, об их богах и могущественных чародеях. Все то, что Доброслав с детства жадно перенимал у волхвов. И с каждым днем все одобрительнее смотрели на царевича росов вольные, ни во что не ставившие царский род сыны ущелий.

Тем временем в стане сарматов творились дела темные и недобрые. По утрам вдруг Алонт стал приносить изуродованные трупы самых знатных князей. Сильные, красивые, отважные мужчины, лучшие в войске... На телах их не было ран от оружия, а на лицах застыла у кого ярость, у кого странная блаженная улыбка. Некоторые видели, как ночами бродил по стану призрак:

черноволосая женщина дивной красоты, в платье тончайшей красной ткани. Одни из увидевших ее цепенели, не в силах даже подать голос. Другие поднимались и молча шли за ней. Наутро их находили в Алонте.

Одни из родичей погибших с гордостью говорили, что те стали избранниками богини любви и смерти - не самой ли Артимпасы? Другие, наоборот, твердили, что Тамар Всеисцеляющая прогневалась на сарматов и вот-вот нашлет на орду мор. Третьи, вспоминая старые кровные счета, обвиняли не богиню, а своих соратников. Пошли перебранки, посыпались оскорбления, зазвенела сталь. Когда же в реке нашли труп царевича аланов Аспара, рать оказалась на грани усобицы. Больше всего подозревали Сагдева. Своему отцу, "любимцу Артимпасы", он не уступал красотой и удалью, почему же за царевичем роксоланов не явилась богиня? И куда подевался его дружок Ардагаст, уже сгубивший царство аорсов? Не нападет ли он среди ночи не на римлян, а на аланов - прямо на царскую ставку?

С большим трудом Хор-алдар настоял на том, чтобы вместо народного собрания созвать тайный совет вождей. Воины напряженно прислушивались к доносившимся из шатра росского князя крикам и ругани. Наконец вожди вышли и объявили каждый своим воинам: князей губит богиня демоница, и одолеть ее можно только чарами. Какими - о том никто знать не должен. Воинам же надо быть готовыми к новому приступу в любое время дня или ночи.

Вражда в стане на время притихла, сменившись напряженным ожиданием. День прошел как обычно: поединки у стены, скачки, вечером - песни у костра. Но темнело, и даже к тем, кто вернулся, одолев какого-нибудь иверского князя в богатых доспехах, в души закрадывался страх и стыд. Враг, которого нельзя поразить самой лучшей сталью, от которого не защитит самый прочный панцирь. И кто - женщина? Не степнячка-воительница в кольчуге и с луком, а безоружная, почти голая ведьма...

Многие не могли заснуть этой ночью, теплой и безветренной. Тишину нарушал только неумолчный шум Алонта. Луна и звезды лишь изредка выглядывали из-за туч. Не спавшие видели, как вошла с юга в стан черноволосая женщина в красном. Беззвучно ступала она среди шатров. Сквозь тонкую ткань просвечивало стройное, здоровое тело, а сквозь него светило пламя костров. Смуглое горбоносое лицо было прекрасно и безжалостно. Смертью веяло от него, но оно манило, сулило неведомые наслаждения. Взгляд больших черных глаз, в глубине

которых поблескивали две белых звезды, лишал воли, отнимал речь. Она проходила, а воины, большие, сильные мужчины, оставались неподвижными, со взглядами, прикованными к ней. Ее любили и ненавидели сразу, а она шла, с царственным видом принимая ненависть и любовь, и лишь губы шептали ей вслед: "Тамар... Артимпаса...".

Только один воин стоял у костра, гордо выпрямившись, со сложенными на груди руками. Светловолосый, гладко выбритый, он напоминал римлянина, хотя одет был в короткий сарматский плащ и темную иверскую чоху, из-под которой выглядывала кольчуга.

-- Я сама зову, кого пожелаю, и только лучших из мужчин. И никто не смеет противиться моему зову. Кто ты, что сам вызвал меня?

-- Я Каллиник, царевич Коммагены, воин и маг.

-- Знаешь ли ты, кого позвал? Я многолика и многоименна. Для вас я Артимпаса и Морана, для иверов - Тамар. Любовь и смерть, исцеление и мор, война и мир в моей власти. Меня радуют стоны влюбленных и крики умирающих. За ночь любви со мной платят не золотом, а жизнью.

-- Не все. Иные выходили от тебя живыми.

-- Да, боги или демоны. Или те, кто умеет сравняться с ними.

-- Я не бог и не демон. Я человек и хочу испытать тебя и себя.

-- Иди же за мной, царевич без царства.

Не говоря больше ни слова, шли они через стан, а следом за ними бесшумно кралась серой тенью молодая светловолосая женщина, одетая по-сарматски, с горитом и секирой у пояса. Чуть позже из стана, так же крадучись, вышли три десятка воинов и направились, таясь в тени скал, туда же - на юг, где над скалой чернели башни крепости.

От стана, разбитого у селения Ларс, где ущелье расширялось, до крепости был целый час ходьбы. Наконец богиня и царевич остановились у подножия отвесной скалы. Из окна башни свисала веревочная лестница. Вслед за женщиной-призраком, легко поднимавшейся по веревочным ступеням, Каллиник взобрался наверх и оказался в святилище, занимавшем нижний этаж башни. Всего два окна было здесь, и второе выходило на бесновавшийся внизу Алонт. Стены были увешаны коврами с вытканными на них обнаженными женщинами среди цветов и змей. Огонь на покрытом резьбой каменном жертвеннике освещал снизу статую богини. Нагая и крылатая, она прижимала к своим пышным грудям две чаши: одну из золота,

усыпанную самоцветами, другую - из человеческого черепа. У стены стояло широкое, роскошно убранное ложе под балдахином, а рядом - обильно накрытый стол. Дымящийся шашлык соседствовал с золотистым инжиром, темно-красными гранатами и крупными гроздьями винограда. В чашах из цветного финикийского стекла таинственно переливалось вино.

Богиня легонько взмахнула рукой, и веревочная лестница исчезла за окном. Прислушавшись, Тамар недовольно скривилась и сказала:

- Я думала, эта ревнивая дурочка, что увязалась за нами, полезет следом и разобьется. Видно, решила подстеречь тебя внизу. Не дождется! Мужчины отсюда выходят вон туда,... а изредка туда, - со смехом указала она сначала на окно над Алонтом, потом на резные двери красного тиса. Из-за дверей доносились звуки флейты и тимпана, женский визг и мужской хохот.

Она снова чуть взмахнула рукой. Лестница летучей змеей впорхнула в окно и свернулась в дальнем углу. Богиня с царственной небрежностью уселась на ложе, будто на трон, слегка откинулась назад, опираясь на руки. Ее тело под полупрозрачной тканью на глазах превращалось из призрачного видения в живую, манящую плоть. Это тело властно звало к себе, кружило голову сильнее самого крепкого вина, дурманило больше ядовитого восточного зелья.

-- Правда, у меня здесь хорошо? Угощайся, воин. Тебе понадобится много сил. Вон в той чаше - возбуждающее, но ты ведь обойдешься без него? Ты очень веришь в свою силу. А еще в добро, в Солнце, в ваше Братство, в свою Коммагену... Вы, мужчины, во многое верите. Но все забываете, когда встретите Женщину. Я жду тебя! Я - твоя Артимпаса, твоя Мать-Коммагена. Со мной ты познаешь такое, что смерть перестанет тебя страшить - о, совсем не так, как в бою! И ты сам шагнешь туда, куда я укажу...

Она глядела на Каллиника, полная уверенности в своей безграничной власти. Две колдовские белые звезды таились теперь на самом дне ее черных глаз-колодцев. В таких колодцах порой обитают богини, а порой - чудовища. Это знал царевич-маг. Непринужденно усмехнувшись, он сказал:

-- Ты сильна, Тамар. И жилище твое роскошно. Но оно не сравнится с лесной поляной над рекой Стырью в земле венедов. Там, в святую ночь, полюбил я молодую лесовичку, что стала амазонкой. До меня она знала всего одного мужчину, а после меня - ни одного. За ее любовь не нужно платить смертью. Но мы готовы отдать жизнь друг за друга. Она не пошлет меня на

злодеяние, и не заставит забыть о нашем святом деле. Так кто же из вас могущественнее?

-- Твой царь Ардагаст так же нагл и нечестив как ты, царевич без царства? Тогда он не выйдет живым отсюда,. если посмеет войти. Хоть он и избранник богов.

-- Ардагаст войдет в твой вертеп, только очистив его солнечным пламенем.

Две белые звезды вспыхнули злым огнем. Богиня встала. Красное одеяние ее исчезло. За плечами выросли крылья, ступни ног обратились в когтистые птичьи лапы. Черные волосы взметнулись ореолом вокруг лица, яростного, но по-прежнему прекрасного. С пальцев руки сорвались зеленые молнии, но у самой груди коммагенца бессильно погасли. В следующий миг короткое боевое заклятие отбросило хозяйку храма к стене.

Царевич принялся быстро взмахивать рукой крест-накрест. Косые солнечные кресты огнем вспыхивали в воздухе и приковывали к ковру руки, ноги, крылья Тамар. Демоница рвалась, извивалась, выкрикивала брань:

-- Мерзавец! Любовник Сета и змея Апопа! Навоз бегемота!

-- Ты не всегда была богиней, Тамар! Так ругаются в александрийских корчмах. Старухи там еще помнят Фамарь-Стервятницу.

-- Много знаешь, маг! Мовшаэль, кончай его!

Преграждая царевичу путь к лежавшей в углу лестнице, выступила из воздуха дородная фигура клыкастого демона с адским мечом в руке.

-- Так вот кто вышибала в этом притоне! Знаю, не все бросались в Алонт добровольно! - в руке Каллиника блеснул посеребренный клинок.

-- На меня, демона из воинства Луны - с лунным металлом? Да я тебя на шашлык изрублю и на алтаре поджарю! - взревел Мовшаэль и бросился на коммагенца.

Опрокидывая и ломая все, демон и человек метались по храму. Черный и серебряный клинки скрещивались, порождая яркие вспышки. Сдерживая натиск сильного, но неповоротливого беса, царевич ухитрился вынуть из-под плаща аркан, захлестнуть петлей точеную ножку перевернутого ложа и бросить другой конец в окно. Теперь все силы Каллиника шли на то, чтобы не подпустить противника к аркану. Демоница подбадривала своего защитника, ругаясь пуще прежнего. За дверями уже не веселились, а громко спорили: войти ли к богине без зова?

Мовшаэль уже оттеснил Каллиника к окну. Клинки мелькали над туго натянувшимся арканом. И тут на подоконник с легкостью рыси взобралась Виряна. Острая секира амазонки

врубилась в бычью шею демона. Обливаясь кровью, бес рухнул. Следом упала в комнату сама воительница, едва державшаяся другой рукой за край окна. Упала и... провалилась сквозь бледную тушу беса. Нелегко убить простым оружием того, чье тело может становиться то плотью, то духом. Мгновенно обретя духовность, Мовшаэль только этим спасся от смерти. Нанеси ему удар тяжелая мужская рука, обезглавленный демон погиб бы окончательно.

-- Кто верует в меня - на помощь! - истошно завопила Тамар.

В святилище ворвались, потрясая оружием, четверо римлян, двое пышноусых иверов и чернобородый албанский князь. Кавказцы были в одних шароварах, римляне - в туниках, а один и вовсе голый, зато в шлеме и с мечом, будто герой, изваянный скульптором. Сзади почитателей богини подбадривали криками жрицы.

Загудела тетива, и нагой воитель первым упал со стрелой в груди. Следующая стрела настигла албана. Это, однако, не остановило прочих, разом бросившихся на коммагенца. Длинной спатой и акинаком он отбивался от их коротких мечей. А в окне уже появился с мечом в руке Сагдев, Олень-Черт. Рассмеялся, глянув на прикованную к стене богиню, крикнул: "Артимпаса с нами!", и бросился в самую гущу боя. В храм вбежали поднятые кем-то по тревоге легионеры. А навстречу им из окна прыгали сарматы, один за другим взбиравшиеся по аркану и сброшенной Виряной лестнице.

Незримый и бестелесный Мовшаэль стонал на полу. Когда же сарматы вытеснили римлян из храма во двор крепости, демон встал и принялся адским мечом рубить оковы Тамар. Огненные путы плохо поддавались черной стали из кузниц Вельзевула, и все же, когда сарматы вернулись, богине-пленнице почти удалось освободиться. Крылья ее трепетали, вздымая ветер, глаза пылали двумя раскаленными углями, с воздетых рук срывались зеленые молнии.

-- Святотатцы! Ублюдки осла и змеи! Всех вас лишу мужской силы!

-- Разве ты ее нам давала? Видел я Артимпасу у Золотой Горы. На тебя, куролапую, она не похожа! - рассмеялся в лицо демонице Сагдев.

Каллиник выступил вперед, готовый снова усмирить хозяйку храма. И тут прямо из стены в святилище шагнула молодая женщина с бледным лицом и распущенными черными волосами, в красном плаще, с мечом у пояса и плетью на руке.

-- Слава тебе, Морана-Артимпаса! - разом выдохнули, воздев руки, воины.

Воительница, намотав на руку длинные волосы Тамар, стала охаживать ее плетью, приговаривая:

-- Посмела выдавать себя за меня, мерзавка? Уж лучше бы за мою тетушку!

-- О-ой! Я же помогала людям! Исцеляла...

-- Только за большие жертвы. И от того, что сама и насылала. Совсем, как тетушка! Ступай в пекло, на самое дно! И ты, свинорожий пьянчуга, туда же! Да меч отнеси туда, где украл - я проверю!

Демоническая парочка мигом провалилась сквозь пол. Богиня одобрительно улыбнулась воинам.

-- Я рада за вас, сарматы. Вы одолели не эту жалкую бесовку, а то, что она будила в ваших душах: страх, раздор, недоверие. Идите же утром смело на римлян! А это блудилище разрушьте!

"Свято место не бывает пусто", - вспомнилась Каллинику венедская поговорка.

* * *

Росы и вайнахи ехали долиной Ассы. Впереди показались боевые башни селения Амга. Выпивший с утра Андак принялся наставлять Доброслава: что следует делать настоящему мужчине с пленными хевсурскими красавицами.

-- Хор-алдар велел хевсуров не обижать, - возразил царевич.

-- Так это, если они за оружие не возьмутся. Гляди!

Перед входом в селение ущелье перегораживала засека из срубленных деревьев и колючих кустов. На ней стояли хмурые молчаливые горцы в кольчугах и шлемах, с мечами, акинаками и круглыми щитами в руках. Ветер колыхал седые бороды испытанных бойцов.

- Видишь? Здесь одни старики и безусые юнцы. Лучшие воины все у Врат Аланов. Этих мы побьем без труда, селение сожжем, погуляем хорошенько...

-- Нет, дядя Андак. За них будет мстить все племя. Договорись со старейшинами о мире. Так сделал бы мой отец.

-- А я поступлю так, как сделал бы мой тесть, Сауасп Черноконный. Кто мне помешает, а?

-- Тогда я, дядя, буду защищать селение вместе с хевсурами, - тихо, но твердо сказал Доброслав.

Робкий, мирный, почтительный к старшим Доброслав! Такого Андак не ожидал. Еще и царские дружинники глядели на князя с явным неодобрением. Один из них сказал:

-- Делай, князь, как велел Хор-алдар, как у Солнце-Царя заведено.

-- Над нами, сынами гор, нет ни князей, ни царей! - крикнул

кто-то из вайнахов.

-- А Солнце над вами есть? Или мы уже в преисподнюю заехали? - возвысил голос царевич.

С засеки раздался зычный голос:

-- Вайнахи, волчье племя, кого вы привели в горы? А вы, степные волки, знайте: здесь с вами будет воевать каждое дерево, каждая скала, пока вся ваша волчья стая не сгинет!

Могучий старик с седой бородой во всю грудь стоял, положив руки на рукояти меча и акинака и гордо, но спокойно смотрел на пришельцев. Хевсуры тоже не имели ни царей, ни князей. Старейшина здесь был и главным жрецом, и воеводой. В молодые годы старейшина Амги побывал в сарматской дружине и знал: долго воевать в горах степняки не любят.

Воины трех племен стояли, сжимая оружие, и все зависело от того, кто и на кого поднимет его первым. И тут вдруг с небес слетела большая орлица. Опустилась между росами и хевсурами и обернулась Лютицей. Волхвиня бросила наземь платок и обратилась к росам по-венедски:

-- Что еще, мужики, между вами бросить? Гребень, чтобы лес вырос? Или полотенце, чтобы река поперек ущелья потекла?

-- Будет еще всякая птица становиться между воинами... Кыш! - рявкнул хмельной Андак.

-- Птицы тебе мало? Я могу и львицей встать. Лютицей! - в голосе волхвини слышалась затаенная ярость грозой хищницы.

-- Платок женщины может остановить мужчин, даже начавших бой. Таков наш обычай, - сказал один из вайнахов.

Лютица громко заговорила по-сарматски:

-- Воины гор и степи! Вам что, не с кем сражаться? Ваш враг - римляне. Это их колдун хотел освободить и привести с Эльбруса Скованного, а с ним - целую орду дэвов, вайюгов и вишапов. Тех, кому враги - мы все, люди! Но Ардагаст, царь росов, разбил эту свору. Теперь он идет к верховьям Алонта, и ни одно племя не отказалось идти за ним. В руке его - чаша Солнца, а в ней - Огненная Правда. С ним вы или с теми, кто ссорит вас, чтобы потом всех сделать рабами?

Среди хевсуров не один старейшина понимал по-сарматски. На засеке зашумели, заспорили. Наконец глава селения произнес рассудительно и миролюбиво:

-- Эй, соседи! Зачем вы пришли? За нашими баранами? Пойдем лучше вместе на римлян. У них полно золотых и серебряных монет. А не хватит на нас всех - заставим расщедриться Картама с Бартомом. Я-то их знаю!

-- А как остальные хевсуры? - спросил Андак.

-- Мое слово среди них не последнее! Идите же в селение.

Если вы нам не враги, значит - гости!

Вайнахи переглянулись и дружно закивали головами. С хевсурами они испокон веков то воевали, то пировали, то похищали скот и женщин друг у друга - все, как водится между соседями. И если рядом есть общий враг и богатая добыча, зачем же ссориться? Облегченно вздохнул и Андак. Князь был не так воинственен, как его покойная супруга, и всегда рад вместо битвы попасть на пир. Вскоре гости и хозяева уже дружно растаскивали засеку.

* * *

Валерий Рубрий проснулся еще до рассвета. Снаружи было тихо. Даже в крепости не шумели: видно, почитатели богини за ночь утомились. Тихо... и тревожно. Там, на севере, стояла не просто сарматская орда, нанятая армянами. Легат словно чувствовал, как беззвучно, но грозно бьется в стену из окованных железом бревен могучий, загадочный океан по имени Великая Скифия. Не выдержит стена, дрогнут щиты легионеров - и хлынет потоп, сметая великие империи. Этих скифов не смогли покорить ни Дарий, ни Александр. Вздор! Варвары не могут быть непобедимы. Еще пара дней, и они перегрызутся, и сами уйдут назад в степи. Ардагаст наверняка погиб на Эльбрусе, и теперь про него слагают мифы: мол, еще вернется и всех победит. А если и впрямь вернется? Индийцы и персы верят в приход с севера красного всадника, солнечного владыки страны справедливости...

Тревожные размышления прервал голос часового-преторианца:

-- Легат, к тебе центурион Юлий Максим со срочным донесением.

Рубрий едва узнал центуриона, заросшего и оборванного, со свежими шрамами на лице.

-- Наконец-то! Что с Валентом? С росами? - спросил легат.

-- Некромант не выстоял против скифских колдунов и своего же ублюдка. Теперь лежит на дне пропасти под лавиной. А царек росов идет, поднимая племя за племенем. Сваны, рачинцы, двалы, мохевцы... Он уже в Трусовском ущелье, в верховьях Алонта, и не сегодня - завтра выйдет к нам в тыл.

-- Нужно будет послать на него этих бездельников-иверов и горных варваров... Что это?

Снаружи раздался грохот, треск, крики. Рубрий выскочил из палатки. Из крепости прямо в лагерь летели тяжелые камни, стрелы, горшки с пылающей нефтью. Палатки рушились,

вспыхивали, как стога сена. Над башней развевалось красное знамя с тамгой. А из-за стены доносился, нарастая морским шквалом, стук копыт и грозный клич: "Мара!" Центурионы срывали глотки, наводя порядок. Легионеры поспешили к стене, но камни и стрелы настигали их и тут. А сарматы уже набрасывали арканы на бревна, приставляли лестницы. В довершение всего взбунтовалась и ударила в тыл коммагенская когорта. Кавказские же союзники и не думали идти на помощь.

Оставив легион на трибуна Гая Лициния, Рубрий поскакал в лагерь иверов. Оба царя стояли у шатра Картама и преспокойно следили за боем.

-- Что творится, почтенный Рубрий? Неужели богиня отступилась от вас? - с искренним удивлением спросил Бартом.

-- При чем тут ваша богиня? Измена! Какой-то негодяй впустил сарматов в крепость и нацелил машины на нас. Не коммагенский ли пройдоха, что шнырял по вашему лагерю? За неделю выучились бояться сарматов?

-- Против вас не только сарматы, но и горцы. Хевсуры не хотят ради Рима отдавать свои дома на разорение вайнахам. А западные горцы, от сванов до мохевцев, уже в Трусовском ущелье, и ведет их Ардагаст. Скоро мы окажемся здесь в мышеловке, - сказал Картам.

Только теперь Рубрий заметил недоброжелательно глядевших на него хевсурских старейшин. Рядом с ними стояли вайнахи в лохматых шапках и двое сарматов: нагловатый красавец средних лет и светловолосый юноша. У обоих на плащах была вышита тамга росов.

-- Друзья и союзники римского народа! Страна предателей! - с горечью и презрением бросил Рубрий.

-- Не оскорбляй землю, в которую, может быть, скоро ляжешь! Мы уважаем римский народ и кесаря, но не настолько, чтобы погубить здесь наше войско и дать степнякам и горцам разорить нашу страну, - с достоинством ответил Картам.

Бартом поспешно заговорил, прижимая руку к груди и любезно улыбаясь:

-- И... мы ведь люди благочестивые. Разве можно овладеть крепостью Тамар без ее воли? А подвиги Ардагаста таковы, что говорят: Амирани снова явился на землю с солнечной чашей в руке! Не лучше ли нам всем не гневить богов и выбраться из этой теснины? Мы с Картамом могли бы договориться с сарматами. Пусть твой легион уходит первым, а наши войска - следом. Потом вы сможете мирно пройти через Иверию, и степняки тоже.

-- Мой легион не получал от кесаря приказа отступать. Никуда, - отчеканил Рубрий. Резко повернувшись, он сел на коня

и бросил царям:

-- Вы еще вспомните о нас, когда северные варвары заполонят вашу страну.

Когда легат вернулся в свой лагерь, стена уже пала. Но на пути сарматов встала другая стена - из крепких четырехугольных щитов. Отбиваясь копьями и мечами, валя уцелевшие палатки, легионеры медленно отступали. Проклятых коммагенцев удалось оттеснить к скале, но они успели захватить квесторскую палатку и всю казну легиона. Солдаты остановили бы врага, если бы не камни и стрелы, летевшие из крепости.

Взяв с собой лучшую центурию, Рубрий сам повел ее отбивать крепость. Перейдя Алонт по навесному мосту, солдаты выстроились "черепахой". Прикрытые щитами со всех сторон, они двинулись узкой тропой к воротам твердыни. В мозгу легата отчаянно билась мысль: это - начало конца великого похода на Восток. А значит - начало конца Рима. И ему, стоику и римскому всаднику, спокойно принимавшему все победы и поражения, захотелось вдруг погибнуть в этом бою, если не будет суждено его выиграть.

"Черепаха" не дошла еще до ворот, когда в нее полетели тяжелые камни, убивая и калеча солдат. Толкая друг друга, легионеры падали в пропасть. Туда же свалилось и принесенное ими бревно-таран. Легат с двумя солдатами, оторвавшись от остальных, оказался у самых ворот. Подняв меч, он крикнул:

-- Каллиник, гнусный предатель! Выходи на поединок, если стал скифом!

-- Лучше стать скифом, чем рабом Тьмы. А Матери-Коммагены я не предавал. И с тобой буду драться, когда уничтожу твой легион, - отозвался со стены царевич.

Легат громко выругался, но брань застряла в его горле. Сброшенный сверху аркан охватил шею, потащил, ломая позвонки. Несколько мгновений спустя обезглавленное тело Рубрия полетело в Алонт. Его коротко стриженую голову с торжествующим видом поднимал одной рукой, будто чашу, Сагдев. Да, вскоре окованному золотом черепу верного соратника Нерона предстояло стать пиршественной чашей царевича роксоланов. Хвастливый Андак, впрочем, пил из черепа префекта преторианцев Корнелия Фуска.

После еще одной неудачной атаки Юлий Максим велел отступать. Тем временем сарматы открыли ворота в стене и атаковали римлян в конном строю. Со стены лучники засыпали легионеров стрелами. От разгрома легион спасала лишь теснота ущелья. Ударь ему иверы в тыл - и этот бой стал бы для Двенадцатого Молниеносного последним. Но оба царя Иверии

предпочли явиться с белым флагом для переговоров. Трибун Лициний, отнюдь не рвавшийся в герои, узнав о гибели легата, быстро согласился на условия, предложенные ранее Рубрию. Согласился, пусть неохотно, и Хор-алдар. Потеряв казну, не похоронив даже убитых, легион покинул Врата Аланов. Валерию Рубрию не пришлось лежать в иверской земле: тело его вместе с телами его солдат досталось волкам и орлам.

Войско Ардагаста вышло к устью Трусовского ущелья, когда легион уже прошел на юг, к Крестовому перевалу, а по дороге двигались иверы. За ними шли хевсуры, пшавы и прочие, рассчитывавшие хорошенько погулять во Мцхете за счет царей, как и ехавшие следом сарматы. Рассудив, что он-то ни о чем с римлянами не договаривался, Зореславич обходной дорогой вышел к селению Пасанаури, южнее перевала, и там изрядно потрепал легион. Потом прошел в долину Куры и снова напал на отступавших римлян. Не давая легиону уйти в Армению, на помощь кесарю, росы и горцы гнали его на запад. Заодно били дружины верных Риму колхских царьков и грабили их владения, в чем пришельцам охотно помогали многие простые колхи. Лишь когда вконец обескровленный легион ушел к Трапезунту, Ардагаст повернул свое войско на юг.

Там, в Басенской долине много дней шли бои. Закованные в сталь армянские конники раз за разом обрушивались клиньями на безукоризненный железный строй легионов. Под мечами и копьями легионеров устилали долину своими телами пешие крестьяне-ополченцы. Но ряды пришельцев редели, а армян становилось все больше. Подошли с войсками Артавазд и Зарех. Царевичи двинулись на помощь брату, как только узнали, что Двенадцатый Молниеносный отступает, а иверы не станут вторгаться в Армению. Об этом договорились с царями Мгер и Каллиник, и тут же сообщили в Гарни через жрецов храма Михра, владевших искусством мысленного разговора.

С юга подошел Сумбат с отборной конницей и бесстрашными сасунскими горцами. Они рвались в битву, узнав о подвигах обоих Мгеров на Эльбрусе. Но Домициан снова и снова бросал легионы в бой. Перемолоть, смести с дороги этих презренных армян - и вперед, до самой Индии! И тут в лагерь прискакал Юлий Максим. С горечью и досадой узнал кесарь о судьбе Рубрия и его легиона, об идущих с севера ратях Ардагаста и Хор-алдара. Но в ужас и отчаяние повергла Господина и Бога весть о поражении и гибели Валента от рук скифских магов. Потеряв своего лучшего чародея, воскресший Нерон чувствовал себя бессильным и беззащитным, как в тот день, когда, брошенный всеми, бежал из Рима. Но тогда враги были знакомы и

привычны. Теперь же над ним нависла, дыша горячим степным ветром, Скифия - громадная, таинственная, могучая. Боги, что еще вырвется из-за Понта и Кавказа, какие непобедимые орды, неодолимые чары?

Дрожа от страха, скрежеща зубами от унижения, император велел отступать. Армяне и подоспевшие сарматы преследовали римлян почти до Кесарии Каппадокийской. Великий восточный поход кончился, едва начавшись. Иудеи с сирийцами сокрушались об упущенной выгоде, кляли упрямых армян и злословили насчет беспутного чернокнижника, побежденного скифскими колдунами и не оправдавшего денег, вложенных в его затеи почтенными людьми.

Арташат (у совр. Еревана) - столица Армении во II в. до н.э. - II в. н.э.

Иверы - восточные грузины.

Албаны - древнее население нынешнего Азербайджана.

Човган - конная игра с мячом.

Вольный Масис - г. Арарат.

Серы и сины - китайцы. Золотой Херсонес - п-ов Малакка.

Питиунт - Пицунда. Себастополис (Диоскурия) - Сухуми.

Пандури - струнный инструмент (бандура).

Чоха - верхняя одежда (черкеска).

Абасги - абхазы.

Михрган - праздник Митры (в день осеннего равноденствия).

Гипанис - Кубань, Алонт - Терек.

Вардавар - летний праздник армян (позднее слился с Преображением).

Калиги - солдатские сапоги (рим.).

Племена горной Грузии: рачинцы - обитатели верхней Риони, двалы - совр. Юго-Осетии, мохевцы - верхнего Терека

notes

Примечания

1

Осроена - небольшое царство на северо-западе Месопотамии с центром в Эдессе.

2

Артабан IV - царь Парфии (80-82).

3

Антиох I Эпифан - царь Коммагены (I в. до н.э.).

4

Коммагена - небольшое царство на границе Сирии и Малой Азии, с 73 г. - римская провинция.

5

Кардак - непристойный танец.

6

Иерофант - посвящающий в мистерии.

7

Тит - римский император (79-81) из династии Флавиев.

8

Пакор II - царь Парфии (78-115).

9

Ахемениды - царский род Персидской державы (VI - IV вв. до н.э.). Селевкиды - правящая династия Сирийского царства (301 - 63 гг. до н.э.).

10

Тохары - кочевой народ, осевший к началу н.э. в Средней Азии, Афганистане и Восточном Туркестане.

11

Белтан - кельтский религиозный праздник (1 мая, соответствует Вальпургиевой ночи).

12

Эстии (айсты) - древние балты, предки литовцев, латышей и пруссов. Не путать с современными эстонцами.

13

Скандия (Скандза) - Скандинавия.

14

Акинак - короткий скифо-сарматский меч.

15

В I тыс. н.э. Вислинский залив (Фриш-гаф) простирался на запад далее, чем ныне, и главное русло Вислы также впадало в него.

16

Травень - май

17

Аргиппеи - приуральское племя (предки башкир). Манжары (название условно) - общие предки манси и мадьяр.

18

Тамга - родовой знак.

19

Заложные - нечистые, вредоносные мертвецы.

20

Понева - одежда типа сарафана

21

Эрзя - восточные мордвины.

Ра - Волга.

23

Сикарии - иудейские партизаны-террористы.

24

Ликийцы - народ на юге Малой Азии.

25

Пеласги - догреческое население Эллады.

26

Коршунова (Сенпя) гора - ныне гора Косцюшко

27

Виадуа - р. Одер

28

Словенами (славянами) в начале н.э. себя называли преимущественно западные праславяне (венеды), населявшие Польшу, Волынь и Галичину.

29

Веспассиан - римский император (69 - 79), основатель династии Флавиев.

30

Вителлий - его соперник, император (69 г.); современниками сравнивался с Нероном

31

Эбуродун - совр. Брно. Карродун - Краков. Калисия - Калиш. Аскаукалис – Быдгощ

32

Бургунды в начале н.э. жили на р. Варте, руги - в польском Поморье и юго-западной Норвегии

33

Могуты, храбры - богатыри, герои. Термин "богатырь" (монг. "багатур") - поздний.

34

Судины (ятвяги) - балтское племя, обитавшее на востоке Пруссии и западе Белоруссии.

35

Финны - имеются в виду финноязычные лесные племена (предки эстонцев, ливов и др.).

36

Эдил - должностное лицо, ведавшее рынками.

37

Бирема - корабль с двумя рядами весел.

38

Герулы и даны в начале н.э. жили на датских островах, англы - в Шлезвиге.

39

Горит - футляр для лука и стрел.

40

Саки - ираноязычные кочевые племена Казахстана и Средней Азии (I тыс. до н.э.).

41

Ашкеназ - европейский еврей (евр.)

42

Нидинг - презренный (герм.)

"Мара!" - "смерть!" (сарм.).

Венедское море - Балтийское море.

45

Перевод А.П. Семенова-Тяньшаньского

Ликантропы - волколаки (греч.).

Хатты - германское племя в совр. Гессене. Языги - сарматское племя, кочевавшее между Дунаем и Тиссой. Свевы - группа германских племен (в т.ч. семноны в совр. Бранденбурге, маркоманны в Чехии, квады - в Моравии и юго-западной Словакии).

48

Арминий, вождь херусков, в 9 г. н.э. уничтожил три римских легиона в Тевтобургском лесу. Тиридат, царь армян в 62 г. при Рандее принудил римлян к позорной капитуляции.

49

Студеный - декабрь (слав.).

50

Зихи - племя, обитавшее на Черноморском побережье Кавказа.

51

Децемвир - член городского совета - курии.

Варг - преступник (букв. "волк") (герм.).

53

Мезия - нынешняя северная Болгария

Колесница Богов - вулкан Камерун

55

Невры (нуры) - праславянское племя, обитавшее в начале н.э. на верхнем Днепре, в юго-восточной Белоруссии

56

Пантакль - амулет с магическими чертежами и надписями.